

ЛАФКАДИО ХИРН

Мальчик, который рисовал кошек

и другие истории
о вещах странных
и примечательных

PREMIUM

Азбука Premium

Лафкадио Хирн

**«Мальчик, который рисовал
кошек» и другие истории о вещах
странных и примечательных**

«Азбука-Аттикус»

1898, 1897, 1901

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хирн Л.

«Мальчик, который рисовал кошек» и другие истории о вещах
странных и примечательных / Л. Хирн — «Азбука-Аттикус»,
1898, 1897, 1901 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-15389-9

Во всей англоязычной литературе трудно найти писателя более загадочного и странного, чем Лафкадио Хирн. Вернее, так: сам он столь же загадочен и странен, как те странные и загадочные истории, которые он сочинял. Есть писатели-домоседы. Сидят за письменным столом, скрипят пером или стучат по клавишам. Лафкадио Хирн из других. Он все время что-то менял. Родину, гражданство, имя, язык – писатель-перекати-поле. Он был греком, ирландцем, американцем, жил на острове Маврикий – и все это для того, чтобы окончательно утвердиться в Японии и из Патрика Лафкадио Хирна превратиться в Якумо Коидзуми. Вот такие метаморфозы. Истории, им написанные, полны призраков и странных событий. Япония, им описанная, – нереальная, фантастическая страна, в которой уживаются короли-демоны и самые обыкновенные люди. Потому что, как сам он сказал однажды, «искусство не существует без фантазии. По-настоящему художественное обязательно фантастично».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-15389-9

© Хирн Л., 1898, 1897, 1901

© Азбука-Аттикус, 1898, 1897, 1901

Содержание

Лафкадио Хирн: сочинитель «странных» историй	8
Кайдан. Истории и сведения о вещах странных и примечательных	14
Волшебная история о слепом музыканте	15
Осидори	21
История О-Тэи	23
Сакура кормилицы	25
Искусство дипломатии	26
О зеркале и колоколе	28
История о гоблине, поедавшем людей	31
Мудзина	34
Рокуро-куби	36
Тайна мертвой женщины	41
Юки-онна	43
История Аояги	46
Сакура шестнадцатого дня	52
Сон Акиносукэ	53
Рики-Бака	57
Подсолнух	59
Хорай	61
Карма и другие истории	63
Мальчик, который рисовал кошек	64
Гоблин-паук	66
История о женщине, которая потеряла клетку из рисовой муки	67
Тин-тин Кобакама	70
Сокрытое во мгле	74
Примирение	75
Девушка с бумажного экрана	78
Наездник мертвеца	81
Любовь поэта	83
Благодарность	87
В призрачной Японии	90
Фрагмент	91
Фурисодэ	93
История о предсказании	95
Пионовый фонарь	98
Предположение	109
Руки злой кармы	111
История Тэнгу	113
Кокоро. Оттенки и отголоски потаенной жизни Японии	115
Монахиня из храма Амиды	116
Хару	121
Сила кармы	124
Кимико	128
Уличная певица	134
В холерное время	137
У станции железной дороги	140

Романтическая история Млечного Пути и другие истории	142
Дева зеркала	143
История о самурае по имени Ито	146
Истории о китайских призраках	153
Предисловие	154
Душа Великого колокола	155
История Мин Ю	158
Легенда о Чжи Нюй	166
Возвращение Янь Цзинь-цзина	170
Котто. Японские истории о странных вещах и всякой всячине	173
Легенда о Юрэй-даки	174
Чашка чая	176
Здравый смысл	178
Живой призрак	180
Сирё	182
История О-Камэ	184
История о мухе	187
История о фазане	189
История Тюгоро	191
Дело привычки	194
Японская смесь	196
Исполненное обещание	197
Нарушенное обещание	200
Пред Высшим судом	204
История о старике Кодзи	206
История об Умэцу Тюбэе	211
История о монахе-художнике	214
Мимолетные видения неведомой Японии	218
Кицунэ	218
В японском саду	234
Живой бог	256
Фудзи-но-Яма	265

Лафкадио Хирн
«Мальчик, который рисовал
кошек» и другие истории о вещах
странных и примечательных
Сборник

© А. Танасейчук, вступительная статья, состав, перевод, 2018

© В. Чурсин, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Лафкадио Хирн: сочинитель «странных» историй

Почти невозможно представить себе писателя, которого почитают собственным национальным достоянием сразу четыре народа – ирландцы, американцы, греки и... японцы. Тем не менее такой автор существует, зовут его Лафкадио Патрик Хирн (1850–1904), впрочем японцы предпочитают называть его Якумо Коидзуми, и это вполне оправданно. Что интересно: ни одна из упомянутых наций совершенно не стремится (как это бывает!) доказать свое право единолично «владеть» писателем. В этом есть справедливость: разные этничности вполне органично сосуществовали в душе художника при его жизни. Не конфликтуют они и *post mortem*. За свою недолгую жизнь Хирн поочередно побывал сначала греком, потом – ирландцем, гражданином Британской империи, затем американцем и, наконец, почти полноценным японцем и скончался, кстати, подданным микадо. С завидной регулярностью он менял и имена. С рождения лет до двадцати пяти его звали Патриком. Потом он надолго превратился в Лафкадио Хирна, а с середины 1890-х – и уже до конца дней – его звали Якумо Коидзуми.

Он немало путешествовал по миру. Можно даже сказать: вся его жизнь – это путь. И двигался он всегда в одном направлении – на запад. Только для того, чтобы в конце концов оказаться на самом что ни на есть Дальнем Востоке – в Японии.

Но поразительно и странно не это, а то, что судьба заставляла его постоянно менять этничность. Грек по матери, он формировался и рос в Ирландии, вполне органично впитывая ее культуру (см. рассказ «Подсолнух»). Потом оказался в США, на Среднем Западе, и был вынужден адаптироваться к местному культурному коду. Затем обосновался в Новом Орлеане. А этот город по своему духу и атмосфере разительно отличался от того, к чему он уже привык в американской глубинке. Но он искренне полюбил и узнал его. Прошло несколько лет, и вот Хирн уже вне пределов США – на французских Карибах, на Мартинике. А там не только другой язык – там люди живут совсем по-другому. У них иной опыт – исторический и культурный, иные ценности, другая религия... Цвет кожи, наконец! Но и в эту жизнь он вписался. А потом очутился в Японии и... превратился в японца. Выучил язык, отказался от европейской одежды и пищи, поселился в японском доме, женился на японке и стал... Якумо Коидзуми. О произошедшей метаморфозе точно написал австриец Гуго фон Гофмансталь, хорошо знавший писателя: «Лафкадио Хирн, так глубоко и сильно любивший Японию, быть может, единственный европеец, знавший эту страну в совершенстве и привязанный к ней всем сердцем. Он любил ее не любовью эстета и не любовью ученого, а любовью сильнейшей, всеобъемлющей, редкой – любовью, которая живет внутренней жизнью любимой страны». Конечно, история литературы знает примеры вполне успешной смены этничности: Владимир Набоков, Эльза Триоле, Анри Труайя. Но Лафкадио Хирн, конечно, иной случай – и совершенно уникальный. Русские превращались в американцев, французов, а тут столько всего! Впрочем, быть может, он от рождения был космополитом и потому без труда менял языки и национальности?

Хирн прожил недолгую жизнь и едва ли был счастлив. Неудачи преследовали его почти постоянно. Во многом они стали следствием личных обстоятельств. Он был не уверен в себе, мнителен, скрытен, более готов к поражениям, чем к победам. Дитя мезальянса (как в социальном, так и в национальном смысле), он родился на острове Левкас (Лафкадия – в греческой транскрипции). От греческого названия острова происходит и его необычное имя – Лафкадио. Впрочем, до двадцати пяти лет его чаще называли Патриком, именем, которое дал ему отец. Последнего звали Чарльз Хирн, он был военным врачом – офицером британской армии и оказался на архипелаге волею обстоятельств. Чем он покориł красавицу-гречанку по имени Роза – неизвестно, но она родила ему трех сыновей и уехала с ним на его родину, в Ирландию. В Дублине жили родители и многочисленная родня мужа. Здесь Чарльз Хирн оставил молодую жену и детей на попечение родственников и отправился в Россию, на Крымскую войну. Потом-

ственный дворянин и талантливый хирург, он тем не менее был человеком невысокой морали и нравственности и не способен на настоящие, глубокие чувства. Когда он вернулся из России, то любил уже другую женщину. Роза страдала в Ирландии – и от климата, и от одиночества, по-английски она почти не понимала и разговаривать не умела. Муж был всегда далеко – то на одной войне, то на другой, и к тому же совсем не любил ее. Она отпросилась погостить на родину, чтобы не возвращаться обратно. Там она вскоре заболела, впала в глубокую депрессию, а потом оказалась в сумасшедшем доме, где через несколько лет умерла.

Будущий писатель навсегда расстался с матерью в возрасте шести лет и поэтому почти не помнил ее. Родителей заменила тетя отца – женщина очень мягкая и добрая, искренне любившая и жалевшая Патрика. Ребенку с экзотической «южной» внешностью и выговором жить среди англосаксов и кельтов было нелегко. Домашний мальчик, он не имел друзей, физически не был крепок и часто просто не мог постоять за себя. К тому же в результате несчастного случая ослеп на один глаз и очень страдал от своего «уродства». Его отправили в хорошую школу, но окончить ее ему не довелось – денег у тети было совсем мало. Без образования и специальности, без протекции надежд реализовать себя на Британских островах у него не было. В девятнадцать он перебрался в Америку к дальним ирландским родственникам и поселился в Цинциннати, штат Огайо. Учился на печатника, но стал журналистом. Писать начал почти случайно, отчаянно нуждаясь в дополнительном заработке. Начинал как репортер криминальной хроники и рецензент книжных новинок. Его первая газета была небольшой, и получал он совсем немного, но с самого начала своей карьеры выделялся: писал не как репортер, совсем не так, как другие, – рассказывал красиво, порой несколько вычурно о вещах прозаических, обыденных, даже грубых и жестоких.

Здесь, в Огайо, Патрик Хирн окончательно превратился в Лафкадио Хирна. Здесь же, в Цинциннати, к нему пришло отчетливое понимание того, что его призвание – литература. С 1872 по 1875 год он активно сотрудничает в «Cincinnati Daily Enquirer» – крупнейшем периодическом издании штата. В газете он снискал репутацию энергичного репортера, но рамки газеты ограничивали, ежедневная рутина газетной работы сковывала творческую индивидуальность. В 1874 году вдвоем с товарищем-художником они организуют собственное издание под названием «Ye Gliglampz» – иллюстрированный еженедельный журнал искусств, литературы и сатиры, вся литературная составляющая которого принадлежала Хирну, а многочисленные иллюстрации – его партнеру. Появление нового издания не прошло незамеченным: его с удовольствием покупали и читали. Но успех оказался недолгим: было выпущено всего лишь девять номеров, до того как предприятие обанкротилось. Возможно, Хирну удалось бы преодолеть и этот кризис, но на исходе 1875 года его уволили из «Enquirer», и он остался без работы. Поводом к увольнению стала его... женитьба. Он женился на женщине старше себя, с ребенком. Но причина заключалась не в этом, а в том, что в жены он взял негритянку, в прошлом рабыню, а этого местное общество не могло вынести. Хотя Огайо и был штатом не рабовладельческим, подобный мезальянс в глазах местного сообщества был недопустим. Травля со стороны обывателей, отсутствие работы, депрессия привели к тому, что брак распался и Хирн уехал из Цинциннати.

Осенью 1877 года начинается новый период в жизни и творчестве Хирна: он отправляется на Юг, в Луизиану, в «экзотический» Новый Орлеан. Здесь он вновь активно работает для газет и сотрудничает сначала в «Daily City Item», а затем в «Times Democrat». Хирн положительно очарован местной креольской экзотикой: он изучает язык – местный диалект французского, увлечен историей и топографией Нового Орлеана, исследует городские достопримечательности и интенсивно впитывает местную культуру: путешествует по креольским поселкам в дельте Миссисипи, собирает все, что касается креольских обычаев, ритуалов и верований, коллекционирует кулинарные рецепты, размышляет о влиянии климата на местные нравы и неумоимо пишет, пишет... С этим материалом он выходит на национальную литературную

арену: его очерки о креольской экзотике начинают публиковать ведущие американские литературные журналы того времени – «Harper's Weekly» и «Scribner's Magazine».

В Новом Орлеане Хирн сформировался как художник, начал писать рассказы, опубликовал первую повесть «Chita: A Memory of Last Island» – о трагедии острова, смытого штормовыми волнами в море вместе с обитателями. Подружился со многими местными литераторами. Здесь открылась еще одна грань его дарования – переводческая. Он хорошо знал французский и любил французскую литературу. Первая известность в масштабах США пришла к Хирну именно как к переводчику: он переводил прозу Т. Готье, Г. Флобера, Ж. де Нерваля, Э. Золя и, главное, Ги де Мопассана, в рассказы которого был влюблен. Хирн одним из первых познакомил американцев с художественным миром великого француза. Здесь, в краю креолов и французской речи, обращение к романской словесности было естественно и вполне объяснимо.

Хирн всегда много читал – и в детстве, и в зрелые годы. Французская литература для него значила немало, но все-таки образцом художника стал Эдгар Аллан По. Увлечение жанром «страшного рассказа» состоялось, безусловно, благодаря творческому опыту предшественника. Рассказы о привидениях тогда в Америке писали многие. Но у Хирна была своя цель – не развлечь читателя, пощекотав ему нервы, а заставить ощутить, что жизнь не сводится исключительно к погоне за деньгами, но полна таинственного, загадочного и прекрасного.

К фантастике и фантастическому Хирн тянулся, видимо, с самых юных лет. Но возможность сочинять фантастику получил только в Новом Орлеане, на рубеже 1870–1880-х годов. Именно тогда на страницах местных газет появляются его первые фантастические истории: «Ночь Всех Святых», «Дьявольский карбункул», «Незнакомец», «Призрачный поцелуй», «Мертвая любовь», «История цыганки» и другие. Рассказы эти, конечно, еще ученические. Писатель только ищет свою форму, стилистику, жанр. Но эти, главным образом «страшные», истории уже предвещают появление его японских легенд и сказок.

Когда Хирна спрашивали, почему он сочиняет такие странные тексты (а современникам они казались именно такими), он неизменно отвечал: «Искусство не существует без фантазии. По-настоящему художественное обязательно фантастично».

Постепенно как писатель – автор «экзотических» очерков и «страшных» рассказов – Хирн завоевывает национальную известность. В 1887 году редакция «Harper's Weekly» предлагает ему в качестве корреспондента журнала отправиться в длительную командировку на острова французской Вест-Индии. Предложение уважаемого издания пришло вовремя: в осенние месяцы 1887 года Хирн переживал очередную глубокую депрессию и даже пытался покончить жизнь самоубийством.

Два с лишним года Л. Хирн прожил на острове Мартиника, знакомясь с местной жизнью, изучая обряды вуду, сочиняя очерки и корреспонденции для «Harper's», занимаясь переводами с французского и составляя книгу путевых заметок «Два года во французской Вест-Индии», которая вышла в 1890 году и вызвала большой читательский интерес. Тогда же, во второй половине 1880-х, у писателя просыпается интерес к Востоку, точнее – к Китаю (и этим интересом Хирн был обязан прежде всего работам французских синологов, которые усердно штудировал): он начинает изучать буддизм и философию дзен, увлекается средневековой китайской литературой, публикует в «Harper's» несколько собственных переработок старинных китайских историй о привидениях. В 1887 году на основе этих публикаций Хирн издает небольшую книжку под названием «Несколько китайских историй о привидениях».

Вероятно, проснувшимся интересом к Востоку, востребованностью публикаций можно объяснить новое предложение редакции: отправиться корреспондентом в Японию.

В те годы – на рубеже двух столетий – в Америке и Европе интерес к Японии был очень велик. Недавно совершенно закрытая для иностранцев страна, казалось бы навечно скованная паутиной древних ритуалов и условностей, с началом эпохи Мэйдзи, не отказываясь от привычных традиций, вдруг начала стремительно развиваться решительно во всех областях:

гуманитарной, промышленной, военной, проводить политику аннексий и захватов и энергично распространять свое влияние на все страны юго-восточного региона. Специфический интерес читателей и должен был удовлетворить корреспондент.

Однако, оказавшись там, Хирн начал писать совсем о другом: не о растущей военной мощи и индустриализации Японии, а о ее культуре, традициях и верованиях, самураях и крестьянах, описывал жилища и отношения между японцами, рассказывал об игрушках, театре кабуки, пище и костюмах, сочинял истории о привидениях и гоблинах. Стоит ли удивляться, что автор очень скоро перестал быть иностранным корреспондентом – контракт с ним был расторгнут. Но, судя по всему, это не очень его огорчило: он привык довольствоваться малым, и японский стиль жизни давал ему такую возможность. Позднее, в очерке «Дух японской цивилизации», он с явным внутренним одобрением специально остановится на этом – характерном для японцев – бытовом минимализме и обнаружит в нем не только одну из особенностей японской житейской философии, но попытается интерпретировать его в качестве основы внутренней стабильности и устойчивости традиционной культуры, ее прочности по сравнению с культурой западной.

В Японию Хирн переехал весной 1890 года и до конца дней безвыездно – лишь время от времени меняя японские адреса – жил в Стране восходящего солнца. Хирн был космополитом, любой дом был для него чужим – так повелось с младенчества. Может быть, поэтому переезд из «неформальной» Америки в предельно ритуализированную Японию дался ему так легко.

После того как перестал быть корреспондентом американского журнала, он без труда нашел себе работу: не только Запад пристально вглядывался в Японию, но и Япония всматривалась в Запад – во многих японских школах и университетах начали изучать и преподавать английский язык, а квалифицированные учителя были в дефиците.

В школе Хирн проработал недолго. Вскоре его пригласили в университет читать курс западной литературы. Трудоустройству помогло знакомство, а затем и дружба писателя с выдающимся исследователем Японии сэром Бэзилем Чемберленом (1850–1935), который отрекомендовал своего соотечественника. В 1890-е годы они были очень близки и постоянно общались. Впрочем, в самом начале 1900-х их пути разошлись: Хирн поссорился с ученым. И причиной тому стала Япония. Чемберлен изучал, коллекционировал и вывозил артефакты. А писатель любил Японию, холодный интерес исследователя был ему совершенно чужд.

Л. Хирн преподавал в разных университетах и преуспел в этом. Вершиной его карьеры стал пост профессора английской литературы в Токийском императорском университете.

Похоже, Лафкадио Хирн с самого начала знал, что приехал в Японию не в гости, а навсегда. Будучи преподавателем, он одновременно и сам был студентом, изучая язык, впитывая обычаи и культуру, дух Японии. Он вжился в эту действительность. Получил японское подданство, был принят в старинную самурайскую семью, женился, взял японское имя – теперь его стали звать Якумо Коидзуми. Здесь началась подлинная литературная жизнь Хирна. Он писал не для денег, а для удовольствия. Впитав японский мистицизм, он избрал для себя традиционный японский жанр – волшебную сказку о привидениях и злых духах. Такие истории сочиняли в Средние века, сочиняли их и современники Коидзуми. Он писал по-английски. Его аудитория была совсем невелика – читатели единственной в Японии англоязычной газеты, большей частью такие же экспатрианты, не вписавшиеся в западную жизнь, как и он сам.

Без сожаления в свое время отвергнув Хирна, Запад вновь открыл его в 1890-е годы. Он сам как личность, а еще в большей степени его необычная проза были очень популярны на Западе на рубеже XIX–XX веков. В Европе первыми его узнали французы. В этом факте была логика – в свое время молодой Хирн с энтузиазмом открывал французскую литературу американцам и другим англоговорящим читателям. Затем с его прозой познакомились Италия, Германия, Австрия. О нем с восторгом писали английские эстеты и немецкие символисты. Большой известностью и популярностью пользовался Хирн в России в начале XX века:

переводили и издавали его книги, интересовались жизнью писателя. В преддверии катастрофической для России войны с Японией европеец, живущий в стане противника, досконально знающий традиции и обычаи народа таинственной страны, вызывал особый интерес. То, что интерес этот не угас и после войны, свидетельствовало о том, что Хирн оказался настоящим художником, не зависящим от конъюнктуры момента. Увы, последняя книга «американского японца» вышла в России в 1918 году в Петрограде. Что было потом, хорошо известно. Привидениям и духам этого странного писателя не могло быть места в советской действительности. Его забыли в России, но не забыли в других странах – в первую очередь в Америке и Японии, где книги Хирна пользуются устойчивым интересом, по его произведениям ставят спектакли, снимают фильмы.

Но в последние годы Лафкадио Хирн начал возвращаться и в Россию. В 1997 году московское издательство «Муравей» без серьезных изменений воспроизвело изданную в 1918 году в Петрограде книгу писателя «Душа Японии» (*Кокоро*). В 2000 году Санкт-Петербургское издательство «Северо-Запад» выпустило сборник «Мир по-японски», в котором нашлось место двум эссе Хирна. Два года спустя появилась книжка «Японские квайданы», в которой оказалось несколько рассказов писателя о призраках. Автор настоящих строк тоже поучаствовал в возвращении писателя: опубликовал подборку его фантастических историй и статью о нем в журнале «Восточная коллекция» (2009), напечатал две книжки «Причудливый мир Лафкадио Хирна» (2009) и «Волшебные истории о таинственном и ужасном» (2014), а также ряд статей и материалов к творческой биографии этого незаурядного литератора. В 2015 году московское издательство «Престиж бук», специализирующееся на малотиражных изданиях для коллекционеров, выпустило том «японских» историй писателя в переводах А. Танасейчука. В следующем году в двуязычной «Библиотеке япониста» ИД «Востоковед» издал сборник «Гений японской цивилизации», составленный уже из этнографических очерков Л. Хирна. Наконец, совсем недавно «Центрполиграф» (Москва) представил книгу «Призраки и чудеса в старинных японских сказаниях», почти в полном объеме воспроизводящую самый известный «фантастический» сборник писателя «Kwaidan: Stories and Studies of Strange Things» (1904). Словом, Лафкадио Хирн возвращается. Возвращается всерьез и надолго. И настоящая книга тому подтверждение.

Лафкадио Хирн умер внезапно, скончавшись от сердечного приступа. Случилось это накануне Русско-японской войны, но, конечно, никак с этим событием не было связано.

С тех пор минуло уже более ста лет. Многое из того, о чем писал Хирн, не сбылось, в частности его прогнозы относительно неизбежной гибели западной цивилизации и торжества цивилизации восточной. Но и сейчас Хирн продолжает оставаться не только одним из наиболее оригинальных авторов «страшного» рассказа, но и писателем, у которого свое собственное место в истории мировой литературы, который сумел создать свой собственный уникальный художественный мир.

И в завершение – несколько слов от переводчика.

Международная известность Хирна связана в первую очередь с японской тематикой и конкретно – с жанром «страшного рассказа» или «рассказа с привидениями», усилия переводчика были направлены именно в эту сторону. В процессе изысканий (а поиск произведений автора, жившего на рубеже XIX–XX столетий, – непростая задача!) и работы над текстами выяснилось несколько интересных особенностей. Прежде всего Л. Хирн не был сочинителем «японских страшилок» в средневековом духе. Точнее, он им, конечно, был, но видел в них не самоценное явление, способное развлечь (и напугать!) англоязычного читателя, а один из эффективных инструментов знакомства людей Запада с особенностями японской цивилизации и культуры, удачный способ для демонстрации своеобразия ментальности восточного чело-

века, необычных пространств его внутреннего мира. Все они носят ярко выраженный этнокультурный характер, в том числе знакомят с реалиями жизни современной писателю Японии.

Очевидны фольклорные и литературные истоки историй Хирна о странном и загадочном. Публикуя очередную «сказку» или целую их подборку, он нередко указывал на то, при каких обстоятельствах познакомился с сюжетом, в какой местности она бытует в изустной традиции или из какого источника – древней японской (или китайской) книги – он ее извлек. Весьма симптоматична и такая – типичная для Хирна – особенность: публикуя свои истории, он часто называл себя повествователем, рассказчиком, а то и пересказчиком и указывал, что не сочинил, а только пересказал сюжет. Конечно, писатель лукавил. Он совершенно напрасно понижал планку – едва ли кому-то придет в голову сомневаться в художественных достоинствах его «странных историй». Совершенно очевидно, что его фантастические повествования живут и продолжают привлекать все новые поколения читателей.

Необходимо отметить и еще одну особенность. Японские «страшилки» Хирна растворены среди его книг о Японии, изданных в 1890–1900-е годы. В отдельных сборниках фантастические истории выделены в специальный раздел (например, в упоминавшейся книге «Кайдан» или в сборнике «Котто»), в других – перемежаются текстами иных жанров (в «Кокоро» и др.). Поэтому переводчику пришлось разыскивать и в буквальном смысле выуживать фантастические тексты из прижизненных книг писателя. К тому же в то время сборников, целиком составленных из фантастических историй на японскую тему, не было. Видимо, автор не считал их самостоятельными текстами. Исключения составляют издания токийского печатника Т. Хасэгавы, который выпускал серию «Японские сказки» («Japanese Fairy Tales Series»). Но это были совсем небольшие книжки: каждый выпуск состоял из одной сказки. И они были рассчитаны главным образом на японскую аудиторию. Прежде всего – на тех продвинутых японцев, которые изучали английский язык. Зато были очень красивы – имели крупный шрифт, были богато иллюстрированы цветными рисунками. При желании любой без труда их отыщет в Интернете – достаточно ввести имя издателя и название серии. Всего Хасэгава издал около четырех десятков таких книжек. Первая серия выходила в 1880-е годы. Вторая позднее – на рубеже двух столетий. Сказки Л. Хирна печатались во второй серии, и их было только четыре.

Совсем иной характер приобрела ситуация после смерти писателя и окончания Первой мировой войны. В конце 1910-х – 1920-е годы благодаря множеству публикаций художественных и иных текстов, разнообразных материалов, появлению биографий Лафкадио Хирн приобрел большую известность, стал популярен. Особенно по нраву читателям пришлись его «страшные» истории. Издатели начали собирать такие тексты. Но поскольку заниматься этой кропотливой работой им было недосуг (да и с коммерческой точки зрения неразумно), стали появляться сборники, автором которых значился писатель, но часть текстов (иной раз основная) принадлежала не ему, а другим. Это внесло изрядную путаницу, привело к тому, что Хирну стали приписывать чужие произведения. Естественно, это затрудняло работу переводчика. В связи с этим можно допустить, что какие-то фантастические истории ускользнули из поля зрения, но основной корпус таких текстов теперь, безусловно, становится достоянием русскоязычного читателя.

А. Танасейчук

**Кайдан. Истории и сведения о
вещах странных и примечательных**

Из сборника «Kwaidan. Stories and Studies of Strange Things», 1904

Волшебная история о слепом музыканте

Более семисот лет тому назад в Дан-но-ура, что находится на берегу пролива Симонсеки, произошла битва. Она стала последней в долгом противостоянии Хэйкэ из клана Тайра и Гэндзи из клана Минамото. В этом сражении Хэйкэ потерпели окончательное поражение. Следствием этого стало полное уничтожение рода – погибли даже женщины и дети, был убит и младенец-император – в истории он известен под именем Антоку Тэнно. На долгие семьсот лет призраки населили берега пролива и даже глубины моря. Может быть, вы где-нибудь читали о странных крабах, которых иногда находят здесь, – их называют крабами Хэйкэ. У них на панцире очертания человеческих лиц, и говорят, что в крабах, должно быть, воплотились души погибших воинов Хэйкэ. Много странного можно услышать и увидеть на берегах пролива. В темные ночи на его пляжах загораются тысячи призрачных огней и плывут над волнами. Эти тусклые огни рыбаки называют *они-би* – или костры дьявола. И всегда, как только задувает ветер с моря, он доносит пронзительные крики – словно погибшие воины вновь сзывают своих товарищей на битву.

В давние годы духи мертвых Хэйкэ были куда воинственнее, чем сейчас. Случалось, призраки даже поднимались из водных глубин и забирались на корабли, плывущие в ночи, а затем топили их. Они всегда следили, чтобы никто из команды не спасся вплавь, а если такой находился, обязательно пытались убить и его. Чтобы успокоить души мертвецов, в Акамагасэки, прямо на берегу пролива, построили буддийский храм. Рядом с ним, почти на пляже, было разбито кладбище. Здесь же установили поминальные столбы юному императору и его вассалам, а их имена начертали на могильных камнях. Буддийские монахи регулярно проводят здесь службы – души мертвых должны пребывать в покое. После того как храм был построен, а кладбище покрылось могильными плитами, мертвые Хэйкэ стали тревожить живых куда меньше, чем прежде. Но, увы, не прекратили этого совершенно – странные вещи продолжали случаться, и это доказывало, что полного упокоения им так и не удалось обрести.

Несколько сот лет тому назад в Акамагасэки жил слепой человек по имени Хоити. В округе он был известен своими замечательными талантами певца и исполнителя на народном японском инструменте *бива*¹. С младых ногтей он учился этому нелегкому искусству и со временем даже превзошел своих учителей. Славой несравненного мастера *бива-хоси*² он был обязан в первую очередь своим сказаниям о Хэйкэ и Гэндзи. Говорили, что, когда он пел песню о сражении при Дан-но-ура, не могли удержаться от слез даже *кидзин* – гоблины, существа, как известно не склонные к проявлению чувств.

В начале своей карьеры Хоити был очень беден, но вскоре у него появился покровитель и друг, который стал ему помогать. Священник местного храма Амидадзи очень любил поэзию и музыку. Он часто приглашал Хоити в храм, чтобы тот мог выступать со своими сказаниями. Позднее, очарованный талантом молодого поэта, он предложил ему перебраться в храм окончательно, чтобы обрести в нем дом. Поэт с благодарностью принял предложение. Хоити дали комнату в храме и обеспечили пищей. Взамен музыкант должен был по определенным дням улаживать слух священника своими песнопениями и время от времени выступать в храме.

Однажды ночью, в летнюю пору, священника вызвали к умирающему совершить последний обряд. В дом прихожанина он отправился вместе со служкой, а Хоити остался в помещении храма один. Ночь была жаркой и душной, и в поисках вожаемой прохлады слепой певец расположился на веранде перед входом в свою комнату. Веранда выходила в маленький сад,

¹ *Бива* (яп. 箏) – старинный японский четырехструнный музыкальный инструмент сродни домре.

² *Бива-хоси* (яп. 箏法師) – странствующий исполнитель на биве.

разбитый во дворе храма. На веранде было немного прохладнее, и Хоити решил дожидаться здесь возвращения настоятеля. Чтобы скоротать время и скрасить одиночество, он по привычке взял инструмент и принялся негромко наигрывать. Между тем минула полночь, а священник не возвращался. Пора было вернуться в комнату и лечь спать, но внутри еще было слишком жарко. Поэтому Хоити остался снаружи. Наконец он услышал шаги – они приближались, кто-то шел от задней калитки. Человек пересек сад, подошел к веранде, поднялся и остановился напротив. Но это был не священник. Глубокий голос назвал слепого по имени, но прозвучало это не так, как обычно, а резко, отрывисто, почти грубо – так обычно разговаривают самурай с людьми ниже себя по званию.

– Хоити!

– Здравствуйте, господин! – почтительно ответил слепой. Жесткая интонация в голосе говорившего испугала его. – Я слеп и не вижу, с кем разговариваю.

– Тебе нечего бояться, – отвечал неизвестный. Теперь голос его звучал мягче. – Я живу в гостинице рядом с храмом. Меня послали к тебе со следующим известием. Мой господин, вассалом которого я в настоящее время являюсь, человек очень высокого ранга, сейчас остановился со своими многочисленными придворными в Акамагасэки. Он пожелал осмотреть место сражения в Дан-но-ура и сегодня посетил его. Там он услышал о твоих талантах и теперь желает, чтобы ты продемонстрировал свое искусство. Бери инструмент и немедленно отправляйся со мной – мой господин и его свита не привыкли ждать.

В те времена замешкаться, исполняя приказ самурая, было совсем не безопасно. Поэтому Хоити только лишь надел сандалии, взял биву и отправился вместе с самураем. Незнакомец вел его, легко, но твердо держа под локоть и поминутно потирая плечо. Рука, которая вела Хоити, если только его не подводили ощущения, была одета в железную перчатку. Звон и лязг, раздававшиеся при каждом шаге воина, ясно указывали, что тот был при полном вооружении и в доспехах. Хоити заключил, что это, вероятно, один из воинов стражи. Тревога, поначалу охватившая музыканта, утихла. Напротив, заключил он, ему улыбнулась настоящая удача – не случайно тот, кто сопровождал его, упомянул о «господине очень высокого ранга». Он подумал, что это, должно быть, один из очень немногих в Японии *даймё* – владетельных князей высшего уровня. Сопровождавший музыканта самурай остановился. Хоити понял, что они стоят у каких-то больших ворот. Но куда же они пришли? Он точно знал, что никаких больших ворот в городской стене с этой стороны не было. В Амидадзи только одни ворота – главные городские, но, чтобы попасть туда, нужно идти в совершенно другую сторону.

– *Кэймон!*³ – раздался громкий выкрик самурая, и ворота с громким скрипом и скрежежом отворились.

Они прошли через сад (Хоити догадался, что это был сад) и снова остановились перед входом в какие-то помещения.

– Мы у дверей! Я привел Хоити! – выкрикнул самурай, и певец услышал звуки торопливых шагов, передвигаемых ширм и экранов, затянутых бумагой, и двери открылись, женские голоса выплеснулись навстречу. По интонациям их Хоити понял, что женщины исполняют обязанности прислуги в этом благородном доме, но их голоса не могли помочь ему понять, куда он все-таки попал, а времени подумать об этом у него совсем не было. Его взяли под руки и помогли преодолеть несколько ведущих вверх каменных ступеней, затем сняли с него сандалии. Женская рука повела его по полированной поверхности деревянного пола – босыми ногами он ощущал его. Они шли бесконечными переходами куда-то вглубь обширного помещения, но поворачивали так часто, что Хоити совсем перестал ориентироваться, пока наконец не очутился в большом зале. Музыкант догадался об этом: он слышал шелестящие звуки множества шелковых одежд, и они были подобны шелесту листьев в лесу. Он слышал звучание

³ *Кэймон* – традиционная японская словесная форма обращения самурая к стражнику с приказом открыть ворота.

голосов и их оттенки. Он понял, что помещение, где он находится, велико и просторно – так гулко раздавались голоса.

Хоити сказали, чтобы он не стеснялся, и постелили ковер – при игре на биве исполнитель встает на колени, без этого, как известно, обойтись невозможно. Он расположился на ковре и принялся настраивать свой инструмент. Через некоторое время к нему обратилась женщина (он понял, что это была *родзё*, или главная среди слуг) и сказала, что он может начинать и должен исполнить свое знаменитое «Сказание о Хэйкэ».

Вся поэма была очень велика, и, чтобы исполнить ее целиком, требовалась не одна и даже не две ночи. Поэтому певец так отважился задать вопрос:

– Поэма не скоро сказывается, и, чтобы исполнить ее целиком, необходимо очень много времени. Какую из частей поэмы хотели бы услышать уважаемые господа?

Женский голос ответил:

– Исполни историю о битве при Дан-но-ура. Нет ничего горше того, что там было.

Хоити возвысил голос и запел под аккомпанемент своего инструмента. Он пел о битве на горьких морских волнах, отбивая ритм и заставляя свой инструмент звучать на разные лады и голоса. То он подражал шуму рассекающих воду весел и стремительному порыву судов, то слышались в его музыке свист летящих стрел и крики умирающих воинов, то вдруг раздавался скрежет стали о доспехи самураев и грохот раздираемых в столкновении корабельных бортов. И слева, и справа от музыканта то и дело раздавались приглушенные восхищенные возгласы: «Как изумительно он играет! В наших краях я никогда не слыхивал ничего подобного! Во всей империи, верно, не сыскать певца, равного Хоити!»

Он слышал эти слова, они добавляли ему храбрости, и он играл и пел все лучше и лучше – так, как никогда не пел и не играл прежде. А когда он наконец дошел до самого трагического эпизода – безжалостного убийства беспомощных и незащищенных женщин и детей, а потом и до сцены смерти младенца-императора, – разноголосый хор горюющих голосов слился в один протяжный вой отчаяния и скорби. Был он таким искренним и полным трагического чувства, что слепой даже испугался того, какую боль и страдание он причинил людям. Возгласы и стелания продолжались и тогда, когда он уже закончил петь. Но постепенно и они стали стихать. Тогда он вновь услышал голос той же женщины. Она сказала:

– Хотя мы знали заранее, что вы очень хороший музыкант и певец, но даже не могли предположить, что ваше мастерство велико настолько, насколько вы продемонстрировали его сегодня. Наш властелин остался очень доволен вами и собирается наградить вас. Но он желает, чтобы вы пели для него в течение следующих шести ночей подряд, – после этого наш господин, скорее всего, отправится в путь. Следовательно, завтра ночью, в тот же час, вы вновь должны быть здесь. Человек, который привел вас сюда сегодня, придет за вами и завтра... Есть еще одно обстоятельство, о котором я должна вам сообщить. Наш господин путешествует инкогнито, поэтому никто не должен знать о том, что он находится здесь, в Акамагасэки, и вы никому ни под каким предлогом не должны говорить о том, куда вы ходите по ночам. Таков его приказ. А теперь вы можете вернуться домой.

После того как Хоити поблагодарил женщину, она взяла его за руку и отвела к тому месту, где он расстался с самураем. Воин ждал его и отвел к храму, где и простился с музыкантом.

Хоити вернулся почти на рассвете, но его отсутствия никто не заметил – настоятель вернулся поздно и решил, что его подопечный уже спит. Хоити ничего никому не сказал о своем приключении и, хотя он устал, смог найти время днем, чтобы выспаться.

На следующую ночь, в тот же поздний час, за ним вновь прибыл самурай и отвел туда, где музыкант выступал накануне. Новое представление прошло с тем же успехом, что и предыдущее, но его отсутствие было замечено в храме. Утром, вскоре после возвращения, настоятель призвал его к себе и принялся расспрашивать.

– Мы очень беспокоились о вас, друг мой. Выходить одному на улицу в такой поздний час очень опасно, – сказал священник, и голос его был мягок и участлив. – Почему вы ушли, ничего никому не сказав? Я приказал бы слуге сопровождать вас. Где вы были?

Хотя священник говорил доброжелательно, Хоити ответил уклончиво:

– Простите меня, мой дорогой друг. Я должен был отлучиться по частному делу. Увы, у меня не нашлось иного времени для этого.

Настоятель был скорее удивлен, нежели обижен и раздосадован уклончивостью Хоити. Он чувствовал – что-то здесь не так. Он боялся, что слепого музыканта околдовали, и был склонен винить в этом злых духов. Более он не задавал вопросов, но приказал слугам наблюдать за передвижениями Хоити и проследить за ним в том случае, если он оставит храм после наступления темноты.

На следующую ночь Хоити вновь покинул храм. Слуги заметили, как он выходит, зажгли фонари и бросились вдогонку. Ночь была очень темной и дождливой, и слуги потеряли музыканта. Очевидно, что он шел очень быстро, и это было странно, учитывая, что Хоити слеп, а дорога была мокрой и скользкой. Тем не менее он исчез, и слуги принялись заходить в каждый дом вдоль дороги, в который мог зайти слепой музыкант. Но поиски ничего не дали – никто не видел Хоити. Обратно в храм слуги возвращались вдоль берега моря. И вот на пути они услышали звуки бивы – кто-то играл на инструменте, и играл так красиво, виртуозно и самозабвенно, что люди были поражены. Звуки музыки доносились с кладбища. Как всегда по ночам, там сияли зловещие призрачные огни, и обычно все боялись туда ходить. Но слуг было много, и они решились приблизиться. Они освещали фонарями путь и в конце концов обнаружили Хоити. Он сидел у могилы императора Антоку Тэнно и, полностью погрузившись в игру, пел о сражении при Дан-но-ура, аккомпанируя на своем инструменте. Перед ним, и позади него, и сбоку, и слева, и справа, и повсюду вокруг горели огни они-би – призрачные огни мертвых, и было их так много! Никто из слуг никогда – ни прежде, ни потом – не видел их столько. Поразительно было и то, что они обычно исчезали при приближении живого человека, но на этот раз они горели и не гасли.

Слуги схватили и принялись трясти Хоити. Но он, казалось, не замечал их и продолжал играть. Они кричали ему прямо в уши:

– Хоити-сан! Хоити-сан! Перестаньте! Пойдемте домой! Пойдемте с нами!

Наконец он ответил:

– Нельзя мне мешать! Я играю в присутствии августейших особ... Прервать исполнение сейчас было бы слишком невежливо...

Музыкант говорил странные вещи. Странные настолько, что слуги не могли сдерживать смех. Так, смеясь, они взяли Хоити под руки, подхватили за ноги и отнесли обратно домой. В храме по приказу настоятеля его прежде всего переодели – музыкант насквозь промок. После этого священник потребовал объяснений странного поведения своего друга.

Хоити долго не решался начать говорить. Но затем, видя искреннее расположение и беспокойство своего покровителя, решился и рассказал обо всем без утайки, начиная с первого визита самурая.

Выслушав рассказ, священник сказал:

– Несчастный мой друг! Вы находитесь в очень большой опасности! Как жаль, что вы не рассказали мне обо всем, что с вами случилось, сразу! Ваши поразительные музыкальные и поэтические таланты вовлекли вас в сложную и весьма необычную ситуацию. Прежде всего вы должны знать, что не было ни дворца, ни приема августейшей особы, – все ночи вы проводили на кладбище, среди могильных камней и плит, перед обелиском императора Антоку Тэнно. Мои люди там вас и обнаружили – вы играли и пели под проливным дождем. Все, что вам почудилось, было лишь видением. Все, кроме того, что вас действительно призвали мертвые. Но помните: однажды подчинившись им, вы оказались в их власти. После того, что произошло,

они не оставят вас в живых. Даже если вы вновь пойдете с ними на кладбище, обратно вам не вернуться – мертвые разорвут вас в клочья. Но, к слову сказать, они все равно погубили бы вас рано или поздно – смерти вам было не избежать. А сегодня ночью я опять не смогу быть рядом с вами – меня вновь призывают дела духовные. Поэтому прежде, чем уйду, необходимо будет защитить ваше тело, начертав на нем святые письмена и заклинания.

Перед закатом солнца священник и служка раздели Хоити донага и при помощи туши и кисточек для письма расписали все его тело. Они нанесли священные заклинания против духов умерших всюду, где только смогли: на груди, лице и шее, на спине, на руках и ногах – даже подошвы ног они украсили письменами. Когда дело было сделано, настоятель дал Хоити последние наставления:

– Сегодня вечером, после захода солнца, как только я уйду, оставайтесь на веранде и ждите. За вами придут и станут окликать по имени. Не отвечайте и не двигайтесь, что бы ни случилось. Сидите не шелохнувшись – словно вы погрузились в глубокие раздумья. Если вы пошевелитесь, вас уничтожат. Не пугайтесь и не пытайтесь звать на помощь – никто и ничто не может вас спасти. Но если вы все сделаете в точности так, как я сказал, опасность минует и больше вам нечего будет бояться. Духи мертвых уйдут.

Вскоре, по наступлении темноты, священник и его помощник ушли, а Хоити, согласно наставлениям, остался на веранде. Он положил свой инструмент рядом, а сам погрузился в ожидание. Насколько мог, он расслабился и сидел неподвижно, стараясь не производить никакого шума, – он даже дышал неглубоко.

Много часов прошло, и уже давно минула полночь, когда он услышал тяжелые шаги. Вот открылись ворота, некто прошел через сад и поднялся на веранду, где сидел музыкант.

– Хоити! – грубо и отчетливо прозвучал в ночи голос.

Но слепой не ответил. Он сидел очень тихо, не шевелясь, и даже затаил дыхание.

– Хоити! – раздался мрачный голос во второй раз.

– Хоити!!! – подобно раскату грома прогремел в тишине страшный голос.

Хоити словно окаменел.

Тогда голос озадаченно произнес:

– Не отвечает... Нет, так не должно быть... Где же он? Надо найти...

Тяжелые шаги, от которых веранда пошла ходуном, звучали все ближе и ближе к несчастному певцу. Вот они стихли: некто стоял совсем рядом. Долго тянулись минуты. Хоити казалось, что у него так сильно бьется сердце, что от каждого удара содрогается все тело. Повисла мертвая тишина.

Наконец тот же грубый голос произнес совсем-совсем близко:

– Странно. Вот бива – его инструмент... Но самого музыканта не вижу! Вижу только два его уха! Понятно, почему он не отвечал, – у него нет рта! Вообще ничего нет, кроме ушей! Возьму их – отнесу моему господину... Господин увидит, что хотя бы часть его приказания выполнена, и не будет сильно гневаться на своего слугу...

В тот же момент Хоити почувствовал, как железные пальцы сомкнулись на ушах, потянули и вырвали их... Боль была чудовищной, но Хоити не закричал, не издал ни малейшего звука и стога. Лишь на мгновение потерял сознание от боли. А когда очнулся, тяжелые шаги уже удалялись – сначала по настилу веранды, затем неизвестный спустился в сад, прошел по саду, потом со скрипом отворились ворота, и... звук шагов стих – словно растворился в ночи. Слепой чувствовал, как из ран и слева, и справа, по щекам, а затем вниз по шее, густыми теплыми волнами стекает кровь, но не решался даже пошевелить рукой...

Перед самым восходом солнца, когда еще не рассвело – тьма лишь только поредела, – вернулся настоятель. Не медля ни минуты, он поспешил к веранде, поднялся на нее и едва не упал, ступив во что-то липкое и скользкое. Осветив фонарем то место, где поскользнулся, он вскрикнул от ужаса – веранда была залита уже загустевшей кровью. Через мгновение он

заметил Хоити и направил свет фонаря на своего друга. Тот сидел совершенно неподвижно, будто пребывал в глубокой задумчивости, лишь кровь потихоньку сочилась из его ран.

– О! Бедный мой Хоити! – вскричал священник. – Что такое? Вы ранены?

Звук знакомого голоса дал наконец бедному музыканту возможность ощутить себя в безопасности. Он разразился рыданиями и, захлебываясь слезами, рассказал о том, что произошло ночью.

– Бедный, бедный Хоити! – горестно вздохнул священник, выслушав рассказ своего друга о ночных событиях. – Это я виноват! Я допустил эту ужасную ошибку! Повсюду на вашем теле были нанесены священные надписи, которые мешают мертвецам разглядеть живого. Везде – кроме ушей. Я доверился слуге и не проверил его работу! Это очень, очень неправильно и непростительно! Но что сделано, то сделано: теперь горю ничем не поможешь! Единственное, что мы можем сделать сейчас, – побыстрее обработать раны... Не унывайте, мой друг! Выше голову! Опасность теперь позади. Эти страшные духи больше не будут беспокоить вас – они ушли навсегда!

Правильно подобранное лечение под наблюдением хорошего доктора сделало свое дело: Хоити быстро оправился от ран. История о его необычном приключении распространилась широко и далеко, и вскоре его имя сделалось знаменитым. Много людей благородного происхождения стали приезжать в храм, чтобы послушать его игру и пение. Ему дарили дорогие подарки, давали деньги, и скоро он стал богатым. Но если прежде все его звали просто Хоити, то теперь за ним прочно закрепилось прозвище Хоити безухий.

Осидори

4

Жил да был птицелов и охотник по имени Сондзё. Он обитал в провинции Муцу, в местечке под названием Тамура-но-Го. Однажды он пошел на охоту, но ничего не добыл. Но когда он возвращался домой, в местечке под названием Аканума он заприметил пару мандариновых уток, которых в Японии называют осидори. Они плавали в протоке, через которую ему нужно было переправиться. Убить осидори считается плохим поступком. Но Сондзё был так голоден, что выстрелил по уткам. Его стрела угодила в селезень. Вторая утка в панике рванулась к дальнему берегу и исчезла из виду, скрывшись в зарослях камыша. Сондзё подобрал мертвую птицу, отнес ее домой и там съел ее.

Ночью Сондзё приснился ужасный сон. Ему снилось, что в его комнату вошла очень красивая женщина, приблизилась к изголовью его кровати и зарыдала. Так горько она плакала, что Сондзё чувствовал, что сердце его буквально разрывается на части. А женщина зывала к нему:

– Почему? О, почему вы убили его? В чем он так виноват, что заслужил смерти? В Акануме мы были так счастливы вместе – а вы убили его!.. Чем он так обидел вас? Вы не можете себе вообразить, что вы наделали!.. О! Знаете ли вы, насколько жестоко, насколько чудовищно то, что вы учинили?.. Меня вы тоже должны убить – я не смогу жить без моего мужа!.. И пришла я только для того, чтобы сказать вам об этом...

Произнеся эти слова, она вновь зарыдала, и так горько, что звук ее голоса проник в самую душу Сондзё – пронизал его до мозга костей. А потом сквозь стенания он расслышал стихи:

Хи курурэба

Сасоэси моно о.
Аканума но
Макомо но курэ но
Хитори-нэ дзо уки!

На закате я позвала его быть со мной.
Теперь мне проводить ночи в одиночестве в камышах
Аканумы.
Ах! Скорбь моя невыразима!

Стихи прозвучали, и она воскликнула:

– Ах! Вы не знаете – вы не можете знать, что вы сотворили! Но завтра, когда вы придете в Акануму, вы увидите, вы увидите...

Произнеся эти слова, она вновь жалобно заплакала и ушла прочь.

Когда на следующее утро Сондзё пробудился ото сна, видение это оставалось в его памяти настолько живым и ярким, что он встревожился. Он вспомнил слова: «Но завтра, когда вы придете в Акануму, вы увидите, вы увидите...» И он решил отправиться в Акануму не мешкая – так ему хотелось узнать, что такое был его сон – просто видение или нечто большее.

⁴ *Осидори* – мандариновая утка. С древнейших времен эти птицы в Японии и Китае почитаются как символ супружеской верности.

Он отправился в Акануму, и там, когда пришел на берег реки, он увидел утку-осидори, которая в одиночестве грациозно скользила по поверхности воды. В то же мгновение и птица заметила Сондзё. Но вместо того чтобы спастись бегством и скрыться, она поплыла прямо к нему. И пока она плыла, взгляд ее был устремлен на Сондзё. А затем она подняла клюв, с силой ударила им себя в грудь и умерла на глазах охотника...

Сондзё обрил голову и стал монахом.

История О-Тэи

Много лет назад в городе Ниигата, в провинции Этидзэн, жил один человек, которого звали Нагао Тёсэй. Нагао был сыном врача и сам обучался этой профессии. Когда он был еще совсем маленьким, его обручили с девочкой по имени О-Тэи, дочерью одного из друзей отца. Обе семьи условились, что свадебная церемония состоится, как только Нагао закончит свою учебу.

О-Тэи с детства отличалась очень слабым здоровьем. Едва ей исполнилось пятнадцать лет, она заболела, и болезнь ее оказалась смертельной. Великое беспокойство поселилось в душе девушки, когда она узнала, что должна умереть, и О-Тэи послала за Нагао, чтобы попрощаться с ним. Когда он пришел и, преклонив колени, встал у изголовья ее постели, она сказала ему:

– Нагао-сама⁵, мой нареченный, мы были предназначены друг другу с детства. И должны были стать мужем и женой еще до конца этого года. Но сейчас я умираю... Боги знают, что так будет лучше для нас обоих: даже если бы я прожила на несколько лет дольше, это лишь умножило бы мои страдания и скорбь моих близких. И вам я не смогла бы стать хорошей женой: моя болезненность, слабость моего тела, воспрепятствовала бы этому. Поэтому даже само желание жить для того, чтобы быть с вами, – слишком эгоистично. Я просто уступаю смерти. И прошу вас не предаваться скорби... Более того, хочу вам сказать – мы встретимся снова...

– Конечно, мы обязательно встретимся вновь, – отвечал Нагао искренне. – На небесах нас не коснется боль разлуки.

– Нет-нет, – отвечала она мягко. – Я говорю не о небесах, не о загробной жизни. Я верю, что судьба распорядилась так, что мы встретимся снова в *этом* мире, хотя я умру и завтра состоится погребальная церемония.

Нагао смотрел на нее в изумлении и в ответ на свое удивление увидел нежную улыбку в ее глазах. Она продолжала свою речь все тем же едва слышным мягким голосом:

– Да, я подразумеваю *этот* мир – в вашей теперешней жизни, Нагао-сама... Разумеется, если вы сами этого пожелаете. Лишь одно еще необходимо, чтобы встреча наша состоялась: я должна вновь появиться на свет, родиться девочкой и достичь возраста женщины. Так что вам придется подождать... Пятнадцать-шестнадцать лет – долгий срок... Но, мой нареченный супруг, ведь вам еще только девятнадцать...

Движимый состраданием облегчить ее переход в мир иной, он отвечал нежно:

– Ждать тебя, моя нареченная, не обязанность, а радость для меня. Мы обещаны друг другу на семь жизней вперед.

– Но в твоём голосе я слышу сомнение, – произнесла она, вглядываясь в его лицо.

– Моя дорогая, – отвечал он, – моя неуверенность происходит оттого, что я не ведаю, как я узнаю вас: в ином обличье, под другим именем – если вы только не подадите какой-нибудь знак, не известите меня...

– Мне неизвестно это, – отвечала она. – Только боги и Великий Будда знают, как и где мы встретимся вновь. Но я знаю – я точно-точно знаю: если вы сохраните в себе желание встретить меня, я смогу вернуться к вам назад... Запомните мои слова...

Она замолчала, веки ее сомкнулись. Она умерла.

Нагао был искренне привязан к О-Тэи, и скорбь его была глубока. Он изготовил поминальный знак любимой и начертал на нем *дзокумё* – иероглиф О-Тэи, поместил в домашний

⁵ Сама – суффикс, выражающий почтительность. Его прибавляют к личным именам.

алтарь и каждый день возносил перед ним молитвы. Он много размышлял о странных вещах, о которых говорила О-Тэи перед смертью, и в надежде умиротворить ее душу на специальном свитке написал тушью торжественное обещание жениться на ней, если она вернется к нему в ином человеческом обличье. Этот свиток он вложил в специальный футляр и запечатал его личной печатью, а затем поместил и его в домашний алтарь – туда же, где хранился поминальный знак О-Тэи.

Тем не менее, поскольку Нагао был единственным сыном в семье, он должен был жениться. Несмотря на внутреннее сопротивление, он постепенно поддавался на уговоры семьи и наконец согласился взять в жены девушку, которую выбрал для него отец. После женитьбы он по-прежнему продолжал молиться у своего домашнего алтаря, где был скрыт поминальный знак О-Тэи, и всегда вспоминал ее с благоговением. Но черты ее образа постепенно тускнели в его памяти – как ночное видение, детали которого утрачиваются при пробуждении. И годы шли.

За эти годы многие несчастья обрушились на него. Умерли его родители. Умерла жена, и единственный его ребенок тоже умер. И так он оказался совсем один. Он возненавидел свой дом и отправился в длительное путешествие в надежде забыть о своих горестях.

Однажды, путешествуя, он очутился в Икао – маленькой горной деревушке, которая и поныне славится своими горячими источниками и поразительной красоты видами окрестностей. В деревенской гостинице, в которой он остановился, за ним ухаживала девушка-служанка. Едва увидев ее лицо, он почувствовал, как забилося его сердце – никогда прежде оно так сильно не билось. Загадочным образом она внешне так напомнила О-Тэи, что он даже ущипнул себя, чтобы удостовериться, что это не сон. Она вошла, приблизилась, развела огонь и сервировала стол, приготовила комнату для гостя и расстелила постель – каждый ее жест, каждое движение будили в нем память о девушке, которую он так любил в молодости. Нагао заговорил с ней, и она ответила ему мягким, чистым голосом, тембр и интонации которого наполнили его горькой печалью об ушедших днях.

Пораженный этим, обращаясь к ней, он спросил:

– Старшая сестра⁶, вы так похожи на одну особу, которую я знал много лет назад... Когда вы вошли в комнату, я до глубины души был поражен этим обстоятельством. Не считите мой вопрос за оскорбление, но прошу вас, ответьте мне – откуда вы родом и как вас зовут?

Ответ прозвучал немедленно. И голос, без сомнения, был голосом умершей девушки – в этом он не мог ошибиться.

– Меня зовут О-Тэи, а вы Нагао Тёсэй из Этиго – мой нареченный супруг. Семнадцать лет назад я умерла в Ниигате. А потом вы начертали слова священной клятвы на свитке бумаги, что непременно женитесь на мне, если я когда-нибудь вернусь в этот мир в женском обличье. И вы скрепили этот свиток собственной печатью и поместили его в домашний алтарь подле поминального знака с начертанным на нем моим именем. И поэтому я вернулась...

Едва она произнесла эти слова, как тут же лишилась чувств и упала без памяти.

Нагао женился на ней, и союз этот был счастлив. Но никогда после она не могла припомнить, что ответила ему на его вопрос, заданный в Икао. Не помнила она ничего, что касалось и ее прежней жизни: память о прошлом рождении, загадочным образом осветившая ее сознание в момент встречи в Икао, мгновенно исчезла и более никогда не возвращалась.

⁶ *Старшая сестра* – традиционная японская разговорная форма при обращении к молодой незамужней женщине.

Сакура кормилицы

Триста лет назад в деревне под названием Асамимура, что располагалась в префектуре Онсэнгори в провинции Иё, жил один добрый человек. Звали его Токубэй. Этот Токубэй считался самым богатым человеком в округе, да к тому же исполнял обязанности *мураоса* – то есть старосты своей деревни. Он был успешен во всех своих начинаниях, но ему уже сравнялось сорок лет, а он все еще не познал радости отцовства.

И он, и его жена очень печалились, что в семье нет детей, и неустанно молились, чтобы у них появился ребенок, вознося бесчисленные молитвы святому Фудо Мё О, которого особенно почитали в округе и чей знаменитый храм – Сайходзи, как известно, находился в Асамимуре.

Наконец молитвы были услышаны: жена Токубэя родила дочь. Девочка была очень милой и пригожей, ее называли О-Цуи. Поскольку материнского молока малышке не хватало, для нее наняли кормилицу по имени О-Содэ.

О-Цуи выросла и превратилась в очень красивую девушку. Но когда ей сравнялось пятнадцать лет, она внезапно тяжело заболела. Доктора, посоветовавшись, пришли к выводу, что шансов на выздоровление у нее нет: О-Цуи умирает. В это время О-Содэ, которая хотя и была всего лишь кормилицей, но любила О-Цуи глубокой материнской любовью, отправилась в храм Сайходзи и горячо молилась там о выздоровлении девочки. Каждый день – двадцать один день кряду – она шла в храм и самозабвенно молилась. На двадцать первый день О-Цуи внезапно и совершенно выздоровела.

И тогда все сразу же переменялось в доме Токубэя: он собрал всех своих друзей и устроил большой праздник по поводу чудесного события. Однако ночью, в самый разгар праздника, кормилица девушки внезапно заболела. На следующее утро доктор, которого пригласили лечить ее, объявил, что она умирает.

Вся семья в великой скорби собралась вокруг постели О-Содэ, чтобы проститься с ней. И тогда она сказала, обращаясь ко всем:

– Настало время рассказать вам о том, чего вы не знаете. Я молила святого в храме о том, чтобы он даровал мне возможность умереть вместо О-Цуи. Моя молитва была услышана, и эта великая милость была мне оказана. Поэтому вы не должны предаваться скорби по поводу моей кончины... Но у меня есть одна просьба... Я дала обещание святому посадить вишневое дерево в саду храма Сайходзи – это будет и память о свершившемся чуде, и моя благодарность святому... Увы, я не могу посадить дерево сама, поэтому я прошу вас исполнить за меня обет... Прощайте, дорогие друзья, и помните, что я была счастлива умереть во спасение О-Цуи.

После похорон О-Содэ молодое вишневое дерево – самое лучшее, какое только могли отыскать, – было посажено в саду храма Сайходзи родителями О-Цуи.

Деревце хорошо прижилось, росло и развивалось, и на шестнадцатый день второго месяца следующего года – в годовщину смерти О-Содэ – чудесным образом зацвело. И оно продолжало цвести двести лет и еще пятьдесят четыре. И цветение его начиналось всегда в одно и то же время – на шестнадцатый день второго месяца в году. А цветы дерева – белорозовые, крупные, налитые – напоминали соски женской груди, наполненной молоком. И люди называли это дерево *убадзакура* – сакура кормилицы.

Искусство дипломатии

Было определено, что казнь состоится в саду *ясики*⁷. Поскольку решение было принято, человека привели в сад и заставили преклонить колени. Он встал на колени, где ему было указано – на широкой, покрытой мелкой галькой площадке, лицом к дорожке из плоских камней. Японцы называют их *тоби-иси*. Прежде они широко использовались в традиционных японских ландшафтных садах (да и сейчас кое-где их можно встретить): тоби-иси выкладывались якобы в беспорядке, но на них было удобно ступать, гуляя по саду. Руки приговоренного были заведены за спину и крепко стянуты. Слуги принесли в ведрах воды и сумки, которые обычно служат для переноски риса, но теперь они были наполнены галькой. Сумки плотным кольцом уложили вокруг обреченного на смерть так, чтобы он не мог пошевелиться. Вскоре пришел и сам хозяин поместья, желая убедиться, что все его указания выполняются надлежащим образом. Он не сделал никаких замечаний: вероятно, увиденное удовлетворило его. Внезапно приговоренный закричал:

– Досточтимый господин! Преступление, за которое я осужден, совершено неумышленно! Я сделал ужасную ошибку... Во всем виновата моя великая глупость, и только!.. Я – дурак, дурак от рождения!.. Но причиной тому моя карма – я вечно во всем ошибаюсь!.. Но казнить человека только потому, что у него не хватает мозгов, неправильно и несправедливо! И за это вам обязательно придется заплатить. Я вижу, что моя казнь неизбежна, но столь же неизбежно мое отмщение – ваша жестокость обязательно вызовет месть... Ведь зло, как известно, всегда порождает зло...

Негодование, гнев, досада... Если осужденный в момент казни испытывает одну из этих эмоций, то его призрак обязательно вернется, чтобы отомстить убийце и его сообщникам. Самурай знал об этом. Он ответил очень мягко, почти нежно:

– Вы можете пугать нас сколько угодно, мы не станем мешать вам – пугайте, – но только после смерти. Однако, должен вам заметить, трудно поверить, что вы знаете, о чем говорите. Может быть, вы попытаетесь подать нам некий знак – естественно, после того, как вам отрубят голову, – знак того, что вы действительно сильно негодуете?

– Конечно, я это сделаю, – ответил человек.

– Замечательно, – произнес самурай, вытягивая свой длинный меч из ножен. – Теперь я собираюсь отсечь вам голову. Прямо перед вами, как видите, лежит камень – небольшая каменная плита из тех, по которым мы ступаем, гуляя по саду. После того как я отрублю вашу голову, попытайтесь сдвинуть камень в сторону. Вы уже будете мертвы, следовательно, ваш разгневанный призрак сможет помочь сделать это. Если вам это удастся, многих из нас вы сможете по-настоящему напугать. Ну, вы попытаетесь сдвинуть камень?

– Я сделаю это! – в гнев вскричал приговоренный. – Я сдвину камень! Я сдвину ка...

Это было последнее, что он успел сказать. Лезвие меча вспыхнуло, описав полукруг, раздался глухой, с едва различимым хрустом звук: тело с руками, связанными за спиной, безвольно склонилось на тугие мешки, две мощные густые кровавые струи хлынули из шеи, а отрубленная голова покатилась по гальке. Она тяжело катилась в сторону каменной плиты, а потом, упершись в нее, вдруг вцепилась зубами в ее край и дернула в сторону. Камень сдвинулся...

Никто не проронил ни слова, но слуги в ужасе смотрели на своего хозяина. Тот, казалось, выглядел совершенно беззаботным. Он только протянул окровавленный меч ближайшему от себя слуге. Слуга принялся поливать лезвие водой из деревянного черпака, затем вытер клинок листами мягкой бумаги... Данным ритуалом церемониальная часть инцидента была исчерпана.

⁷ *Ясики* – городская усадьба самурая высокого ранга; букв. «усадьба в доспехах», «укрепленная усадьба».

На протяжении многих месяцев после события слуги и домочадцы пребывали в постоянном страхе и ожидании появления мстительного привидения. Никто из них даже и не сомневался, что обещанная месть случится. Постоянный ужас, в котором они пребывали, заставлял их видеть и слышать то, чего на самом деле не было. Они пугались дыхания ветра в бамбуковых зарослях, колеблющихся теней в саду. Наконец, переговорив между собой, они решили подать прошение хозяину, чтобы тот заказал в буддийском храме торжественную службу *сэгаки* за упокой казненного, чтобы душа его отказалась от мести.

– В этом нет необходимости, – сказал самурай, когда старший из слуг высказал общее пожелание. – Я понимаю, что данное умирающим обещание отомстить после смерти может стать причиной вашего страха. Но у вас нет необходимости бояться чего-либо.

Старый слуга посмотрел на хозяина в благоговейном ужасе, но все-таки нашел в себе силы спросить его о причине такой уверенности.

– О, причина довольно проста, – ответил самурай. – Как известно, только самое последнее намерение умирающего действительно несет в себе опасность. И когда я бросил ему вызов, потребовав явить мне знак, я отвратил его от желания отомстить. Он умер, охваченный одним желанием – сдвинуть камень, и ничего больше. Все остальное он неизбежно должен был забыть... Так что у вас вовсе нет необходимости и дальше беспокоиться по этому поводу.

И действительно, никого больше мертвец не беспокоил. И вообще ничего не случилось.

О зеркале и колоколе

Восемьсот лет назад монахи Мугэнъямы в провинции Тотоми решили отлить большой колокол для своего храма. Они попросили женщин из их прихода помочь им и принести старые бронзовые зеркала, которые пойдут на изготовление колокола.

Даже сейчас во дворах некоторых японских храмов можно увидеть груды старых бронзовых зеркал, собираемых для этой цели. Больше всего этих предметов я увидел во дворе храма секты Дзёдо в Хаката, что в провинции Киуси: там бронзовые зеркала собирали, чтобы отлить бронзовую статую богини Амида⁸ высотой в тридцать три фута.

В то время в Мугэнъяме жила молодая женщина, жена одного крестьянина. Она тоже принесла свое бронзовое зеркало для колокола. Но потом стала сильно жалеть об этом. Она припомнила, что мама говорила ей об этом зеркале. Еще она вспомнила, что оно принадлежало не только ее матери, но и матери ее матери, а у той была еще бабушка, которая тоже владела этим зеркалом. А еще она думала о том, сколько счастливых улыбок отразило это зеркало. Конечно, если бы она могла предложить монахам соответствующую сумму денег вместо зеркала, она могла бы попросить у них свою реликвию обратно, но у нее не было этих денег. Всякий раз, когда она входила в храм, она видела свое зеркало – оно лежало за оградой во внутреннем дворе в гуще среди сотен других зеркал. Она узнала его по *сё-тику-бай* – символу счастья на обратной его стороне – тройному изображению: сосны, бамбука и пальмы, которые еще в детстве очаровали ее, когда мама впервые показала ей зеркало. Она выжидала случая, чтобы украсть зеркало, спрятать его и владеть им вечно. Но случая все не представлялось, и она стала чувствовать себя совершенно несчастной – ей казалось, что по глупости она отдала часть своей жизни. Она много размышляла над старым изречением, гласившим, что зеркало – это душа женщины (это изречение, имеющее мистический смысл и соответствующее древнему китайскому представлению о душе, начертано на обратной стороне многих бронзовых зеркал). Рассказать же о своих страданиях она не отважилась никому.

Когда все зеркала, пожертвованные на храмовый колокол, были отправлены в литейную мастерскую, мастера обнаружили, что одно зеркало не плавится. Несколько раз они пытались расплавить его, но зеркало не поддавалось. Стало понятно, что женщина, которая пожертвовала его храму, сожалела о своем даре. Он не был искренним, и потому ее эгоистичная душа, заключенная в зеркале, сохраняла его холодным и твердым даже в огне горна.

Конечно, каждый узнал об этом, а вскоре всем стало известно и имя той, кому принадлежало зеркало, не желавшее плавиться. И поскольку ее тайное преступление стало достоянием публики, женщина испытывала глубокий стыд и озлобилась. Она не смогла снести позора и утопилась, оставив прощальное письмо следующего содержания: «Когда я умру, расплавить зеркало и отлить колокол не составит труда. Но тому, кто, звоня в колокол, сумеет расколоть его, мой призрак подарит большое богатство».

Как известно, последнее желание или обещание того, кто умирает в гневе или в гнев совершает самоубийство, обладает сверхъестественной силой. После смерти женщины, когда зеркало расплавилось, а колокол успешно отлили, люди вспомнили слова предсмертного послания. Они преисполнились веры, что дух ее дарует богатство тому, кто сумеет расколоть колокол, и как только его установили во дворе храма, люди стали во множестве приходить и звонить в него. Из всех сил они раскачивали язык колокола, но колокол был сработан на совесть и доблестно противостоял попыткам расколоть его. Люди не отступали. День за днем, в любой час они продолжали неистово звонить в колокол, нимало не считаясь с увещеваниями мона-

⁸ Амида – одна из инкарнаций Будды.

хов. Этот звон превратился в подлинное бедствие, и монахи не могли выносить его. Они сняли колокол и сбросили в болото. Болото было глубоким и поглотило колокол. Осталась только легенда, и в этой легенде колокол называется *Мугэн-но-канэ*, или колокол Мугэна.

До настоящего времени в Японии бытуют весьма необычные древние верования в магическую силу некоего умственного напряжения, заключенного в глаголе *надзораэру*. Само слово не поддается адекватному переводу; оно используется как в связи со многими действиями практической магии, так и для исполнения множества религиозных ритуалов. Обычное значение глагола *надзораэру*, зафиксированное в словарях, – «имитировать», «уподоблять», «делать похожим», но в эзотерическом смысле имеет значение «заменять в воображении один объект или действие другим для достижения магического или сверхъестественного результата».

Например, вы не в состоянии самостоятельно возвести храм в честь Будды, но вы легко можете положить камень перед изображением Будды с тем же самым глубоким набожным чувством, с каким вы могли выстроить храм в его честь, если были бы достаточно богаты. Ценность пожертвования камня становится равной или почти равной строительству храма... Вы физически не в состоянии прочесть все шесть тысяч семьсот семьдесят один том священных буддистских текстов, но вы можете рукой вращать священные барабаны, на которых вырезаны эти тексты, – и если вы заставляете их вращаться с искренним и глубоким чувством, с коим вы бы читали все шесть тысяч семьсот семьдесят один том, – сей акт обладает адекватной ценностью. Примерно таким образом можно объяснить религиозный смысл глагола *надзораэру*.

Магический смысл его значения не всегда возможно объяснить, не привлекая большого количества примеров в качестве иллюстрации, но для нашей цели ограничимся несколькими. Например, вы изготовили маленькую человеческую фигурку из соломы и прибили ее гвоздем длиной не менее пяти дюймов⁹ к дереву в храмовой роще в час Быка¹⁰. И если человек, символическим воплощением которого является эта фигурка, умрет в страшных мучениях, это и будет один из воплощенных смыслов глагола *надзораэру*. Или, предположим, ночью в ваш дом проник грабитель и вынес ценности. Если вы сможете обнаружить его следы в вашем саду и затем разжечь по большому костру на каждом из них, ступни ног грабителя воспламенятся и он не будет иметь покоя, пока не предаст себя в руки того, кого он ограбил. Вот вам другой – магический – смысл значения этого глагола. Третий смысл иллюстрируют легенды о Мугэн-но-канэ.

После того как колокол оказался в болоте, шансов расколоть его, понятное дело, больше не осталось. Но остались те, кто надеялся при помощи только что упомянутого мистического инструментария расколоть его и таким образом упокоить душу владелицы зеркала, которой он принес так много горя. Одной из них была женщина по имени Умэгэ. Ее имя увековечено в одной японской легенде благодаря отношениям, что связывали ее с Кадзиварой Кагасуэ – знаменитым воителем из клана Хэйкэ. Однажды, когда пара путешествовала, Кадзиваре срочно потребовались деньги. Умэгэ, вспомнив о колоколе Мугэна, взяла бронзовую чашу и, мысленно вообразив, что перед ней легендарный колокол, принялась наносить удар за ударом (при этом она громко молила о ниспослании трехсот золотых монет). Один из гостей того постоялого двора, где остановилась пара, поинтересовался о причине ужасного грохота и крика, а когда ему пересказали печальную историю, дал Умэгэ триста золотых рё¹¹. Позднее сочинили песню об Умэгэ и ее бронзовой вазе. Под нее танцуют девушки и поют эту песню до сих пор:

⁹ Примерно 13 см.

¹⁰ Между часом и тремя часами ночи.

¹¹ Рё – денежная единица в средневековой Японии.

Умэгаэ-но тёдзубати
Татайтэ О-канэ га дэру нараба
Мина-сан миукэ о
Сорэ таномимас.

Эти строки можно перевести так:

Если бы, разбив умывальный таз Умэгэ,
Я смогла раздобыть денег,
То могла бы поторговаться
За свободу всех своих подруг.

После того, что случилось, известность *Мугэн-но-канэ* стала настолько велика, что многие люди двинулись по стопам Умэгэ в надежде повторить ее успех. Среди этих людей был, например, один пьяница, живший неподалеку от Мугэньямы, на берегу Оигавы. Промотав свое имущество в беспутстве, он накопил глины в своем саду и изготовил из нее колокол Мугэн-но-канэ, а затем, громко прося о ниспослании ему богатства, ударил по нему и расколол его.

Тогда, гласит легенда, земля разверзлась, и из нее возникла фигура простоволосой женщины, одетой в белые одежды. В руках она держала закрытый кувшин. Женщина сказала: «Я пришла дать ответ на твою пламенную молитву – как ты этого заслуживаешь. Возьми этот кувшин». Сказав это, она вложила сосуд мужчине в руки и исчезла.

Обрадованный, тот вбежал в дом и сообщил жене неожиданную весть. Он поставил кувшин – тот был очень тяжелым – на пол. Они открыли его. По самое горлышко он был наполнен...

Но – нет!.. Я не смею вам сказать, чем он был наполнен.

История о гоблине, поедавшем людей

Однажды Мусо Кокуси – буддийский монах из секты дзен, странствуя в одиночестве по провинции Мино, заблудился в горах. Вокруг не было никого, кто бы мог указать ему путь. Долгое время он скитался, тщетно надеясь встретить кого-нибудь, и начал уже отчаиваться найти пристанище на ночь, когда вдруг в лучах заходящего солнца заметил на вершине холма одну из тех уединенных хижин, которые называются *андзицу* и которые строились для монахов-отшельников. Похоже, она находилась в полуразрушенном состоянии, но он с энтузиазмом поспешил туда и обнаружил, что хижина обитаема и в ней живет пожилой монах. Он обратился к нему, прося оказать милость и позволить остаться на ночь. Старик резко отказал, но указал Мусо путь в деревню в расположенной по соседству долине – там он сможет найти и кров, и пищу.

Мусо добрался до поселения, в котором было не больше десятка строений. Здесь его встретили любезно и пригласили остановиться в доме у деревенского старосты. Когда Мусо вошел к тому в дом, то увидел, что в главном помещении собралось человек сорок или пятьдесят, но его отвели в маленькую отдельную комнату, куда тотчас принесли еду и расстелили постель. Утомленный, он лег спать рано, но незадолго до полуночи его разбудил громкий плач в помещении по соседству. Почти сразу после его пробуждения ширмы комнаты мягко раздвинулись, и юноша, неся зажженный фонарь, вошел к нему. Он вежливо поздоровался с ним и сказал:

– Досточтимый господин, моя печальная обязанность – сообщить вам, что я с сегодняшнего дня являюсь главой этого дома. Еще вчера я был только старшим сыном. Вы так устали, добираясь к нам, и мы подумали, что не должны беспокоить вас, поэтому не сказали, что всего за несколько часов до вашего прихода умер мой отец. Люди, которых вы видели в соседней комнате, – жители нашей деревни. Все они собрались, чтобы выказать последние знаки уважения усопшему. А теперь они уходят в соседнюю деревню – она примерно в трех милях отсюда. Когда кто-нибудь из жителей деревни умирает, никто из нас не может остаться в деревне на ночь – такова наша традиция. Мы совершаем все необходимые обряды, молимся, а затем уходим, оставляя труп в одиночестве. Странные вещи всегда происходят в доме, где было оставлено мертвое тело, поэтому мы считаем: для вас будет лучше, если вы уйдете с нами. Мы найдем для вас хорошее жилище в другой деревне. Однако, поскольку вы монах, вам, возможно, несвойствен страх перед демонами и злыми духами, и, если вы не боитесь остаться наедине с мертвым телом, можете пользоваться этим бедным домом. Но я должен сказать вам, что никто, кроме священнослужителя, не отважился бы остаться здесь на ночь.

Мусо ответил ему:

– Я глубоко признателен вам за добрые намерения и щедрое гостеприимство. Но мне жаль, что вы не сказали мне о смерти вашего отца, когда я пришел. Конечно, я устал, но не настолько, чтобы не выполнить обязанности, возлагаемые на меня саном священника. Если бы вы мне сообщили, я мог бы совершить службу и перед вашим уходом. Но поскольку все вышло так, а не иначе, то совершение обрядов состоится после того, как вы уйдете и я останусь с телом до утра. Я не знаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что оставаться здесь ночью опасно. Я не боюсь ни призраков, ни демонов, поэтому, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

Молодого человека, похоже, обрадовали эти уверения, и он подобающими к случаю словами выразил свою признательность. Затем другие члены семьи и люди, собравшиеся в соседней комнате, тоже зашли поблагодарить его. После этого хозяин дома сказал:

– Теперь, святой отец, мы должны попрощаться и оставить вас в одиночестве. По законам нашей деревни никто из нас не может оставаться здесь после полуночи. Мы просим вас, святой отец, позаботиться о себе самостоятельно, поскольку мы не можем этого сделать. И если вам

случится увидеть или услышать нечто странное в наше отсутствие, пожалуйста, сообщите нам об этом, когда мы вернемся утром.

Затем все оставили дом, кроме монаха, который отправился в комнату, где лежало тело покойного. Подле мертвого тела были расставлены обычные жертвы и горела традиционная буддийская лампа – *томио*. Монах совершил заупокойную службу и исполнил обряд погребения, после чего вошел в состояние медитации. В медитации он провел несколько безмолвных часов, и ни один посторонний звук не нарушил покой деревни. Но когда ночь вступила в самую глухую свою пору, в дом вошел Призрак – огромный, но лишенный формы. В то же мгновение Мусо ощутил, что не может ни заговорить, ни пошевелить рукой. Он видел, как Призрак, будто руками, поднимает тело и пожирает его – пожирает быстрее, чем кошка поедает мышь, – начиная с головы, съедает все: волосы, кости и даже саван. Затем чудовище, покончив с телом, оборачивается к жертвоприношениям и поедает их. После этого Призрак исчез так же загадочно, как и появился.

Когда на следующее утро деревенские жители вернулись, монах встретил их на пороге дома старосты. Все по очереди поздоровались с ним, но, войдя внутрь и осмотрев дом, нимало не удивились исчезновению тела и жертвоприношений. Лишь хозяин дома сказал Мусо:

– Святой отец, вы, верно, видели нечто неприятное ночью: мы все очень беспокоились о вас. Но теперь рады видеть вас живым и невредимым. Мы бы остались с вами, но это было невозможно. Обычай нашей деревни, как я говорил вам вчера вечером, обязывает нас покидать ее, если кто-нибудь из жителей умирает, и оставлять тело в одиночестве. Если мы когда-нибудь его нарушим, нас будут ожидать большие несчастья. Мы уходим, а когда возвращаемся, видим, что мертвое тело и все жертвоприношения исчезают. Может быть, вам ведома причина этого?

Тогда Мусо рассказал о лишенном формы ужасном Призраке, который вошел в комнату, пожрал сначала мертвое тело, а затем и жертвоприношения. Никто, казалось, не был поражен его рассказом, а хозяин дома заметил:

– То, о чем вы рассказали нам, святой отец, согласуется с тем, что говорится с древних времен.

Тогда Мусо спросил:

– А разве священник, который живет на холме, не справляет погребальные службы для ваших умерших?

– Какой священник? – спросил молодой человек.

– Тот самый, который вчера вечером направил меня в деревню, – отвечал Мусо. – Я просился переночевать в его хижине, но он отказался принять меня и показал, как добраться до вас.

Слушатели удивленно переглянулись, повисла пауза, а затем хозяин дома сказал:

– Святой отец, на холме нет никакой хижины, и там не живет священник. Уже много поколений в окрестностях нет священника.

Мусо ничего не сказал по этому поводу, а добрые люди подумали, что от встречи с гоблином у монаха помутился разум. Попрощавшись с хозяевами и получив все необходимые сведения о том, как ему идти дальше, Мусо решил вновь посетить ту хижину на холме, чтобы убедиться, не обманулся ли он на самом деле.

Он без труда обнаружил хижину на прежнем месте, и на этот раз ее престарелый обитатель пригласил путника к себе. Едва он вошел внутрь, отшельник пал перед ним ниц и воскликнул:

– О! Мне так стыдно! Мне очень стыдно! Мне ужасно стыдно!

– Вы не должны стыдиться, что отказали мне в ночлеге, – отвечал Мусо. – Вы направили меня в деревню, где меня очень хорошо встретили, и я благодарен вам за эту услугу.

– Я не могу дать убежище человеку, – отвечал отшельник, – и стыжусь я не потому, что вам отказал, а потому, что вы видели меня в моем истинном обличье. Это я на ваших гла-

зах поедал труп и жертвоприношения минувшей ночью. Знайте, господин, что я *дзикининки* – демон, поедающий человеческую плоть. Сжальтесь надо мной и разрешите поведать о тайном грехе, из-за которого я был ввергнут в это состояние. Много-много лет назад я исполнял обязанности священника в этом пустынном краю. На много миль в округе не было другого священника, кроме меня. В те времена тела умерших со всей округи приносили сюда – часто издалека, – чтобы я мог исполнить погребальную службу. Но я совершал обряды и службы только корысти ради. Я думал лишь о еде и одеждах, которые моя священная служба давала возможность заполучить. И когда я пережил новое рождение, то по причине своего неблагочестивого эгоизма я преобразился в *дзикининки*. С этих пор я должен был питаться трупами людей, которые умирали в округе: каждого я обязан был пожирать так, как вы могли видеть прошлой ночью. И вот теперь, досточтимый господин, я прошу вас совершить моление сэгаки, чтобы я поскорее смог освободиться от этого ужасного существования.

Едва только отшельник произнес последние слова, он исчез, и хижина его также исчезла вместе с ним. А Мусо обнаружил, что стоит на коленях в высокой траве и нет ни одной живой души вокруг. Взгляд его уперся в древнюю, поросшую мхом могилу, надгробный камень которой имеет форму *горин-но-иси* – то есть пяти лежащих друг на друге частей различной формы, символизирующих пять мистических элементов: эфир, воздух, огонь, воду и землю. Скорее всего, это и была могила священника.

Мудзина

Дорогу Акасака, в Токио, с двух сторон сжимает откос под названием *Кии-но-куни-но-дзака*, что означает «откос провинции Кии». Я не знаю, почему он называется откосом провинции Кии. С одной стороны он упирается в древний ров – очень широкий и глубокий, от которого вверх тянутся густые тенистые заросли; наверху их сменяют сады. С другой стороны дорогу теснит длинная высокая стена императорского дворца. До тех пор пока не пришла эра уличных фонарей, место это с наступлением темноты всегда было пустынно. Припозднившиеся пешеходы предпочитали сделать крюк в несколько миль, лишь бы не идти по этой дороге после заката.

Все потому, что здесь можно было встретить *мудзину* – барсука-оборотня, который, как известно, может принять человеческое обличье.

Последним человеком, который видел мудзину, был старый торговец из квартала Кайобаси. Он умер около тридцати лет назад. Вот что он рассказывал об этом случае.

Однажды вечером, было уже довольно поздно, он возвращался, поспешая, по дороге мимо Кии-но-куни-но-дзака и заметил женщину, которая сидела наодине в одиночестве и горько плакала. Он испугался, что она собирается утопиться, и остановился, чтобы предложить ей посильную помощь или просто утешить. Женщина, как он заметил, была высокая и стройная. Она была одета в красивые одежды, а волосы были уложены, как у молодой девушки из хорошей семьи.

– *О-дзётю!*¹² – воскликнул он, обращаясь к ней так, как и подобает обращаться к девушке из хорошей семьи. – *О-дзётю*, не плачьте так горько!.. Скажите мне, что вас так расстроило, и если есть средство помочь вам, я буду счастлив сделать это.

Он говорил совершенно искренне, поскольку был очень добрым человеком. Но она продолжала горько плакать, пряча от него лицо за длинным рукавом.

– *О-дзётю!* – произнес он снова, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче. – Пожалуйста, послушайте меня!.. Не подобает молодой девушке находиться ночью в таком месте! Умоляю вас – не плачьте! Только скажите, как я могу помочь вам?..

Она медленно поднялась, но развернулась к нему спиной и продолжала стонать и плакать, уткнувшись в рукав. Он мягко положил руку ей на плечо и взмолился:

– *О-дзётю! О-дзётю! О-дзётю!*.. Дайте мне хотя бы мгновение и выслушайте меня!.. *О-дзётю! О-дзётю!*

Тогда девушка повернулась к нему, опустила рукав и провела по лицу рукой – и он увидел, что у нее нет ни глаз, ни носа, ни рта. Он закричал и бросился прочь.

Он бежал и бежал по дороге вдоль Кии-но-куни-но-дзака, вокруг него была тьма, и никого кругом. А он все бежал и бежал, не отваживаясь оглянуться назад. Наконец вдалеке он увидел свет фонаря – тот был подобен отблеску жука-светлячка, вспыхнувшего в ночи, – и бросился к нему. Оказалось, это был всего лишь фонарь бродячего торговца горячей лапшой, который установил свою палатку на обочине дороги. Но любой свет и общество человека было как раз то, в чем старик сейчас нуждался. Поэтому он бросился торговцу в ноги и закричал:

– Ах!.. А-а!.. А-а!..

– *Корэ!* *Корэ!*¹³ – грубо прикрикнул на него торговец. – Прекрати! Что с тобой случилось? На тебя напали, ранили?

– Нет... никто меня не ранил, – задыхаясь, отвечал тот, – только... Ах!.. А-а!..

– Только напугали? – неприязненно произнес торговец. – Грабители?

¹² *О-дзётю* – «досточтимая девица». Традиционное японское обращение к молодой незнакомой женщине.

¹³ *Корэ!* – восклицание, показывающее, что ваш собеседник раздражен.

– Нет, не грабители, не грабители, – выдохнул испуганный старик. – Я видел... я видел женщину... подле рва... и она показала мне... Ах! Не могу сказать, что она показала!..

– Хэ!¹⁴ Она показала!.. Поди, нечто похожее на ЭТО?.. – произнес торговец лапшой и провел рукой по лицу. Оно стало похоже на яйцо – ни глаз, ни носа, ни рта.

И в тот же момент свет для несчастного померк.

¹⁴ Хэ! – Хорошо!

Рокуро-куби

Около пятисот лет тому назад жил самурай по имени Исогай Хэйдадзаэмон Такэцура. Он был вассалом владельца Кикудзи из Кюсю. Этот Исогай от многочисленных своих воинственных предков унаследовал врожденный талант к военному делу и поразительную физическую силу. Уже мальчиком он превзошел своих учителей в искусстве владения мечом и копьем, в стрельбе из лука и проявил себя смелым и искусственным солдатом. Впоследствии, в эпоху войн Эйкё (первая половина пятнадцатого века), он отличился и был удостоен множества почестей. Но дом Кикудзи пришел в упадок, и Исогай лишился хозяина. Конечно, он легко мог наняться на службу к другому даймё, но, поскольку он никогда не искал выгоды для себя лично и сердце его навсегда осталось верным прежнему сюзерену, он предпочел порвать с мирской жизнью. Поэтому он обрел волосы, принял буддийское имя Кайрё и стал странствующим монахом.

Но под одеждами монаха Кайрё продолжало биться сердце самурая. Если прежде он смеялся над опасностью, то и теперь ему неведом был страх: в любую погоду, в любое время года он шел проповедовать туда, куда едва ли нашел бы смелость отправиться другой священник. Тот век был веком насилия и анархии; на больших дорогах одинокий путник никогда не мог ощущать себя в безопасности, даже монах.

В первом длительном путешествии, которое предпринял Кайрё, ему довелось побывать в провинции Каи. Однажды вечером он шел по горной дороге, и в пути его застала ночь. Он находился в пустынной местности, где, насколько ему было известно, не было ни одной деревни на мили вокруг. Поэтому монах решил провести ночь под открытым небом. На обочине он отыскал место, поросшее густой травой, улегся и приготовился ко сну. Его никогда не смущали неудобства: когда не было ничего подходящего, даже голую скалу он считал хорошим ложем, а корень сосны – отличной подушкой. Его тело было выковано из стали; утренняя роса, дождь, мороз и снег – ничто его не беспокоило.

Однако, едва он прилег, на дороге появился человек. Он нес топор и огромную вязанку хвороста. Увидев лежащего на земле Кайрё, дровосек остановился. Несколько мгновений он в удивлении молча смотрел на монаха, а потом сказал:

– Что же вы за человек, досточтимый господин, если у вас хватает мужества укладываться в таком месте?.. Здесь обитают привидения – много привидений. Вы не боитесь Волосатых Тварей?

– Друг мой, – весело отвечал Кайрё, – я всего лишь странствующий монах. Люди называют таких, как я, *«унсуй-но-рёкаку»* – «гость небес и воды». И конечно, не меньше других я боюсь лис-оборотней, барсуков-оборотней, гоблинов или иных подобных созданий. Что касается уединенных мест, то они мне нравятся: они удобны для медитаций. Я приучился спать на свежем воздухе, а страх за свою жизнь мне неведом.

– Вы, должно быть, очень смелый человек, господин монах, – отвечал крестьянин, – потому что улеглись здесь. У этого места плохая слава, очень плохая. Не зря говорят: «кунси ва аяуки ни тикаёрадзу то яра мосимасугэна» («без нужды даже смельчак не станет подвергать себя опасности»). Поэтому я должен предостеречь вас: спать здесь очень опасно. Хотя мое жилище – всего лишь неказистая хижина, тем не менее я умоляю вас пойти со мной. Мне нечего предложить вам из еды, но, по крайней мере, у вас будет крыша над головой и вы можете выспаться, ничем не рискуя.

Голос его звучал искренне, и Кайрё, которому понравилось любезное обхождение дровосека, принял его скромное предложение. Тот повел его по узкой тропинке, что тянулась в лес, в сторону от дороги. Тропинка петляла и временами терялась среди корней деревьев, шла по краю пропасти, огибала выступы скал, но наконец привела на вершину холма, где был дом дровосека. Стояла полная луна, и Кайрё увидел небольшой, освещенный изнутри дом под соло-

менной крышей. Спутник подвел монаха к террасе в задней части дома: туда по бамбуковым трубам была подведена вода из ближнего ручья, и там они омыли ноги. За террасой был виден огород, кедровая роща и заросли бамбука. За деревьями можно было разглядеть небольшой водопад: в лунном свете он был похож на ниспадающие белые одежды.

Когда в сопровождении хозяина Кайрё вошел в дом, он увидел четверых человек – мужчин и женщин, они грели руки над очагом, расположенным в центре главной комнате. Завидев священника, они склонились в низком поклоне и сердечно его приветствовали. Кайрё удивился: откуда бедные люди, живущие к тому же в таком уединенном месте, владеют столь утонченными приемами приветствий. «Это хорошие люди, – подумал он про себя, – должно быть, их кто-нибудь обучал правилам этикета». Затем, обернувшись к хозяину – *арудзи*¹⁵, так его звали остальные, Кайрё сказал:

– По любезности вашей речи и по столь вежливому приему, что вы мне оказали, я могу заключить, что вы не всегда были дровосеком. Вероятно, прежде вы занимали иное, более высокое положение?

Улыбнувшись, дровосек отвечал:

– Вы не ошиблись, господин. Вы видите, как я живу сейчас, но так было не всегда. Моя история – это история поломанной жизни, и в этом только моя вина. Прежде я служил одному даймё и занимал при его дворе не последнее место. Но я слишком увлекался вином и женщинами, и страсти мои заставляли меня поступать опрометчиво. Мой эгоизм привел наш дом к краху и стоил жизни многим людям. Возмездие преследовало меня, и я долго скитался по свету. Теперь я часто молюсь в надежде обрести возможность искупить то зло, что я содеял, и воссоздать погибший дом. Но, боюсь, никогда не найду способа для этого. Тем не менее я прилагаю усилия преодолеть карму моих ошибок искренним раскаянием и тем, что пытаюсь помочь тем, кто нуждается в моей помощи.

Слова *арудзи* свидетельствовали о добрых намерениях, и они понравились Кайрё. Он сказал:

– Друг мой, мне доводилось наблюдать, как человек, склонный в юности к легкомыслию, в зрелые годы становился искренним приверженцем достойного образа жизни. В священных сутрах написано, что даже самые закоренелые в своих дурных наклонностях люди могут преодолеть их и стать самыми упорными праведниками. Я не сомневаюсь, что у вас доброе сердце, и я надеюсь, что судьба будет к вам благосклонна. Сегодня я буду читать сутры во имя вашего спасения и молиться, чтобы вы обрели силу для одоления кармы прошлых ошибок.

С этими заверениями Кайрё пожелал *арудзи* спокойной ночи. Ему показали очень маленькую боковую комнату, где для него была уже приготовлена постель. Затем все, за исключением монаха, отправились спать. А он при свете бумажного фонаря стал читать священные сутры. До глубокой ночи он продолжать читать и молиться. Затем открыл окошко в своей комнате, чтобы бросить взгляд на пейзаж за окном. Ночь была чудесной: ни облака в небе, ни ветерка; под светом полной луны четко вырисовывалась листва на деревьях в саду, и на листьях блестели капли росы. Стрекот цикад и шум отдаленного водопада музыкой наполняли ночь. Услышав шум воды, Кайрё почувствовал жажду. Он вспомнил о бамбуковом акведуке у задней части дома и решил пойти туда, чтобы напиться, не беспокоя никого. Осторожно раздвинул ширмы, отделявшие его комнату от главной, и... увидел пять неподвижно лежащих тел – все они были обезглавлены!

На мгновение он застыл в оцепенении и подумал, что здесь произошло преступление. Но через минуту заметил, что крови нигде нет, а на шеях у тел нет следов того, что головы отрезаны. Тогда он подумал: «Или это иллюзия, наведенная гоблинами, или я нахожусь в доме, где живут *рокуро-куби*». Он припомнил, что читал о них в одной старинной книге; *рокуро-*

¹⁵ *Арудзи* – владелец дома.

куби очень опасны, но их можно победить: если безголовое тело перенести в другое место, то голова не сможет вновь соединиться с ним. Книга также гласит: когда голова возвращается и видит, что тела нет, она трижды ударяется оземь, отскакивая, как мяч, задыхается и умирает.

«Если это рокуро-куби, – подумал Кайрё, – это не предвещает ничего хорошего. Поэтому поступлю я в соответствии с инструкциями из книги».

Он подхватил тело арудзи за ноги, подтащил к окну и вытолкнул наружу. Затем подошел к задней двери, но она оказалась закрытой. Кайрё сообразил, что головы покинули дом через дымоход, который оставался открытым. Он аккуратно отворил дверь, прошел в сад, а затем углубился в рошу, которая начиналась за ним. Здесь он услышал голоса и отправился на их звук, крадучись от тени к тени, пока не нашел для себя надежного убежища. Укрывшись за стволом дерева, он увидел головы – все пять сразу, – они порхали как бабочки, поедая червей и насекомых, которых находили на земле и на деревьях, и при этом разговаривали. Голова, которая принадлежала арудзи, перестала есть и произнесла:

– Ах этот странствующий монах, что пришел сегодня, – какое у него упитанное тело! Когда мы съедим его, наши животы насытятся. Я совершил глупость, затеяв с ним разговор: он принялся читать сутры по моей душе! Находиться рядом с ним, когда он их читает, для нас мучительно, и мы не можем прикоснуться к нему, пока он не умолкнет. Но теперь уже почти утро, может быть, он уже заснул?.. Пусть кто-нибудь из вас отправится в дом и посмотрит, что он делает.

Другая голова – это была голова молодой женщины – тотчас, как мотылек, полетела к дому. Через несколько минут она вернулась и хрипло закричала – в голосе ее была великая тревога:

– Этого монаха нет в доме – он исчез! Но это не самое плохое. Он унес тело нашего арудзи. Я не знаю, куда он дел его.

Услышав это известие, голова арудзи – она отчетливо была видна в лунном свете – искажилась в страшной гримасе: глаза вылезли из орбит, волосы встали дыбом, зубы заскрежетали. Затем из ее уст вырвался ужасный крик, рыдая от гнева, голова воскликнула:

– Мое тело забрали! Значит, воссоединиться с ним невозможно! Я должен умереть! И все это из-за проклятого монаха! Но прежде чем умру, я доберусь до него! Я разорву его! Я сожру его! А!.. ВОТ ОН!.. Он там, за деревом, спрятался за тем деревом!.. ВИЖУ ЕГО!.. Жирный трус!..

В тот же самый момент голова арудзи вместе с четырьмя другими головами подлетела к Кайрё. Но монах уже вооружился – он выдернул из земли молодое дерево, превратив его в дубинку. Этим оружием он принялся наносить удары по головам, едва они приблизились. Четыре головы улетели. Но голова арудзи, несмотря на сыпавшиеся на нее удары, в остервенении продолжала нападать на монаха и наконец вцепилась зубами в левый рукав его одежды. Кайрё схватил голову за волосы и несколько раз ударил по ней. Голова не ослабила хватку, но, испустив протяжный стон, прекратила борьбу. Она была мертва. Но ее зубы крепко держали рукав, и, даже собрав все свои силы, Кайрё не смог разжать челюсти.

Так, с головой, которая болталась на его рукаве, он вернулся в дом и там нашел четырех других рокуро-куби – они сидели на корточках, прижавшись друг к другу, – их головы, побитые и кровоточащие, уже воссоединились с телами. Увидев, что он входит в дом, они закричали:

– Монах! Монах! – И, выскочив из дома, убежали в лес.

Небо на востоке заалело, начиналось утро, а Кайрё знал, что силы злых духов ограничены лишь часами ночи. Он посмотрел на голову, которая вцепилась зубами в рукав его одежды: ее лицо было залито кровью, измазано пеной и глиной. Он громко рассмеялся и подумал про себя: «Каков сувенир! Голова гоблина!» Затем, собрав свои немудрящие пожитки, спустился с горы и продолжил путешествие.

Так он и странствовал, пока не прибыл в город Сува в провинции Синано. Он шел по главной улице города, а голова гоблина была прицеплена к его рукаву. Идущая навстречу женщина, увидев эту картину, упала в обморок, а ее дети с криками ужаса разбежались. Вскоре вокруг него собралась большая толпа, поднялся шум, и так продолжалось до тех пор, пока *торитэ* (так назывались полицейские в те времена) не схватили его и не отвели в тюрьму. Они заподозрили, что эта голова – голова человека, которого Кайрё убил, а она вцепилась убийце в рукав. Что касается подозреваемого, он только улыбался, когда его допрашивали. Он провел ночь в тюрьме, а наутро предстал перед судом. Судьи приказали ему объяснить, как произошло, что он, монах, был обнаружен с головой, вцепившейся в рукав, и почему он так демонстративно выказывает свое преступление людям.

В ответ на эти вопросы Кайрё долго и громко смеялся, а затем сказал:

– Господа, не я прицепил эту голову к собственному рукаву – она сама вцепилась в рукав против моей воли. И я не совершал никакого преступления, поскольку это не человеческая голова, а голова гоблина. И я не проливал кровь понапрасну, но только для того, чтобы защитить себя.

И он в деталях поведал о своем приключении. Очередной приступ смеха настиг его, когда он рассказывал о схватке с пятью головами.

Но судьи не смеялись. Они обвинили его в том, что он является закоренелым преступником, а его история есть глумление над их рассудком. Поэтому они не стали его больше допрашивать, а приговорили к немедленной смерти. Но это решение не было единогласным – его не поддержал один старик. Этот пожилой чиновник не сделал ни одного замечания в процессе, но, услышав мнение коллег, поднялся и сказал:

– Давайте сначала внимательно осмотрим голову, поскольку это, как я понимаю, не было сделано. Если монах говорит правду, сама голова должна это засвидетельствовать. Принесите сюда голову!

С Кайрё сняли одежду и вместе с головой, вцепившейся в рукав, перенесли к судьям. Старик несколько раз повернул ее, внимательно осмотрел и обнаружил на задней части, в ее основании, несколько странных красных отметин. Он обратил внимание коллег на это, а также и на то, что голова явно не была отделена от туловища при помощи оружия: края «раны» были ровными и гладкими – такие бывают, когда осенний лист отделяется от стебля. Затем старый судья произнес:

– Я убежден, что монах сказал нам правду. Это голова рокуро-куби. В книге «Нан-хо-и-буцу-си» написано, что вот эти красные отметины всегда можно обнаружить в основании шеи настоящего рокуро-куби. Вот эти отметины. Вы сами видите, что они не нарисованы. Более того, хорошо известно, что такие существа издревле обитают в провинции Каи. Но вы, господин, – воскликнул старик, обращаясь к Кайрё, – вы, должно быть, какой-то необычный монах! Вы проявили поразительную храбрость. Ею обладают не многие священнослужители. В вас дух скорее не священника, а воителя. Возможно, вы прежде были самураем?

– Ваше предположение верно, господин, – отвечал Кайрё. – Перед тем как стать монахом, я довольно долго был воином и тогда не страшился ни человека, ни дьявола. В миру мое имя было Исогай Хэйдадзаэмон Такэцура из Кюсю. Среди вас, возможно, есть те, кто еще помнит его.

При упоминании этого имени в зале суда прошелестел шепот восхищения, поскольку среди собравшихся было немало тех, кто знал это имя. Немедленно Кайрё очутился не среди судей, а среди друзей, каждый из которых стремился выказать ему братское участие и восхищение. С большими почестями его проводили к резиденции местного даймё, который приветил и одарил его перед отбытием. Когда Кайрё покидал город, он был счастлив настолько, насколько может быть счастлив монах в этом брэнном мире. Что касается головы, он взял ее с собой в качестве своеобразного сувенира.

Теперь осталось только поведать, что произошло с головой.

Через день или два Кайрё повстречал разбойника, который остановил его в пустынном месте. Он потребовал, чтобы тот разделся. Кайрё снял одежду и протянул ее грабителю. Тот сразу заметил, что висело на рукаве, и хотя не был трусом, выпустил одежду из рук, отшатнулся и закричал:

– Вы! Что вы за священник? Вы еще хуже меня! Да, мне случалось убивать людей, но я никогда не разгуливал с головой, притороченной к рукаву... Ну и ну, господин монах... Я полагаю, мы стоим друг друга, и я хочу сказать, что восхищаюсь вами! Эта голова могла бы принести мне пользу: я бы мог пугать ею людей. Может быть, вы продадите ее мне? Вы можете взять мою одежду вместо вашей, а еще я доплачу вам пять рё за эту голову.

Кайрё ответил:

– Если вы настаиваете, я позволю взять вам эту голову и одежду, но я должен сказать, что это не человеческая голова. Это голова гоблина. Таким образом, если вы купите ее и у вас вследствие этого случится неприятность, попомните, что я не обманул вас.

– Какой вы замечательный монах! – воскликнул разбойник. – Вы убиваете людей, да еще и шутите по этому поводу. Но я говорю совершенно искренне. Вот вам моя одежда. Вот вам мои деньги. А теперь давайте мне голову... Только почему вы так шутите?

– Берите, – сказал Кайрё. – Я не шутил. Единственное, что можно принять за шутку – если по этому поводу вообще можно шутить, – это ваша глупость. Вы оказались настолько неразумны, что дали мне такую высокую цену за голову гоблина.

И Кайрё, громко смеясь, отправился своей дорогой.

Таким образом, разбойник заполучил голову и одежду монаха. Некоторое время, притворяясь священником, он орудовал на большой дороге. Но, очутившись однажды в окрестностях города Сува, он узнал подлинную историю головы и очень испугался, что дух рокуро-куби может стать для него источником несчастий. Поэтому он решил вернуть голову туда, откуда она появилась, и похоронить рядом с ее телом. Он отыскал путь к одинокому жилищу в горах провинции Каи, но там никого не было, и он не смог разыскать тело. Поэтому в роще позади дома он похоронил только голову, а на могиле воздвиг могильную плиту. А еще он заказал специальную поминальную службу по духу рокуро-куби.

Японские сказители утверждают, что надгробие рокуро-куби и сейчас находится на том же месте и каждый желающий может его увидеть.

Тайна мертвой женщины

Много лет тому назад в одной провинции жил богатый купец. Его звали Инамура Гэн-сукэ. У него была дочь по имени О-Соно. Она слыла очень умной и красивой девушкой. Отец печалился, что такой умнице и красавице суждено воспитываться в провинции и ее знания будут ограничены тем, что ей смогут дать местные учителя. Он посчитал это несправедливым и отправил девочку учиться в Киото¹⁶, препоручив опеке преданных слуг. Отец хотел, чтобы дочь знала и умела все, что знают и умеют столичные дамы.

После того как девушка получила образование и воспитание, она вышла замуж. Ее супруг тоже был купцом и к тому же давним другом семьи. В положенное после свадьбы время у них родился мальчик – их единственный ребенок. Почти четыре года они прожили вместе и были счастливы. Но однажды О-Соно заболела и вскоре умерла.

После похорон маленький сын О-Соно проснулся посреди ночи и, плача, выбежал из своей комнаты. Когда его спросили, что случилось, он ответил, что его мама вернулась. Она смеялась, но не разговаривала с ним, поэтому он испугался и убежал. Тогда члены семьи поднялись наверх и вошли в комнату, в которой прежде жила умершая. В комнате под самым потолком висела небольшая зажженная лампа. Хотя лампа давала мало света, фигура умершей женщины была вполне различима. Она стояла у комода со множеством выдвижных ящиков, который находился за ширмой, где хозяйка одевалась и меняла платье, когда была жива, – там висели ее одежды и лежали украшения. Голова и плечи женщины были видны отчетливо, но очертания фигуры ниже едва угадывались сквозь ширму. К тому же абрис тела колебался – подобно тому, как зыбко и непостоянно наше отражение на поверхности беспокойных вод.

Увидевшие это испугались и не мешкая выбежали вон. Некоторое время спустя, немного успокоившись, они собрались внизу и держали совет. Свекровь умершей женщины сказала:

– Каждая женщина любит украшения. О-Соно не была исключением. Может быть, она просто вернулась, чтобы вновь полюбоваться на них? Среди мертвецов такое случается нередко – многие из них так поступают. Не случайно существует обычай жертвовать вещи умершего в приходской храм. Если мы пожертвуем кольца и ожерелья О-Соно храму, душа ее, возможно, успокоится.

Все сошлись во мнении, что это должно быть сделано как можно скорее. На следующее утро все ящики комода, шкафы и шкапулки были освобождены от драгоценностей и одежды умершей. Их собрали и перенесли в храм, где и оставили. Но на следующую ночь женщина вернулась в ту же комнату, где была накануне. Повторилось это и в ночь после, и на следующую, – в общем, так повторялось каждую ночь. И вскоре в доме прочно поселился страх.

Свекровь О-Соно отправилась в местный приходской храм и рассказала обо всем настоятелю. Она надеялась получить от него совет и помощь в этом трудном деле. Монахи местного храма принадлежали к числу последователей дзен. Настоятель храма был не только человеком преклонных лет, но и ученым. Его звали Дайгэн Осё. Он сказал:

– Должно быть, есть нечто такое, что влечет ее к этому месту: что-то или в самом комод, или где-то поблизости.

– Но мы опорожнили все ящики, – отвечала пожилая женщина. – В комод ничего нет.

– Хорошо, – сказал Дайгэн Осё. – Вечером я приду к вам домой и останусь в той комнате, понаблюдаю. Там посмотрим, что можно сделать. Но вы должны обещать, что, пока я нахожусь внутри, никто – ни единый человек – не войдет внутрь. Даже если я сам буду умолять об этом.

Настоятель сдержал обещание и пришел в дом после того, как солнце село. Комната была приготовлена. Он остался внутри в полном одиночестве. Лишь было слышно, как священник

¹⁶ *Киото* – столица средневековой Японии.

читает молитвы. Ничто не происходило до тех пор, пока не наступил час Крысы, то есть пока не сравнялась полночь¹⁷.

Полночь пришла, и вместе с ней возникла фигура О-Соно. Она появилась внезапно, словно материализовавшись из воздуха, и вновь оказалась подле комода. Во взгляде ее читалось некое тайное, но страстное желание. С этим выражением ее глаза блуждали по поверхности комода, по ручкам его многочисленных ящиков и ящичков.

Священник произнес священную формулу, которая предписывается правилами в подобном случае, и сказал, обращаясь к привидению мертвой женщины:

– Я пришел сюда для того, чтобы помочь тебе. Быть может, в одном из ящиков этого комода есть нечто такое, что заставляет тебя приходить сюда снова и снова? Если ты позволишь, я попытаюсь помочь тебе отыскать то, что ты ищешь.

Призрачная фигура качнулась и, казалось, подала знак, едва заметно наклонив голову. Священник встал и подошел к комоду. Открыл верхний ящик. Он был пуст. Монах открыл следующий, но и тот оказался пустым, открыл третий, четвертый, пятый... Поиски не принесли результатов. Священник стал вытаскивать их из гнезд полностью и осматривать каждый со всех сторон, тщательно ощупывая пространство внутри гнезда, но тщетно – он не находил ничего.

Он посмотрел на призрак мертвой женщины. Выражение лица не менялось – монах видел все тот же требовательный и нетерпеливый взгляд. «Что же ей все-таки нужно?» – подумал он.

«А может быть, то, что она ищет, спрятано под бумагой?» – Эта мысль внезапно пришла ему в голову. – Каждый ящик изнутри оклеен бумагой. Надо искать!»

Он разорвал бумагу, которой была оклеена внутренняя поверхность первого ящика. Ничего! Ту же процедуру проделал со вторым – безрезультатно. Ничего не нашел он и в других ящиках. Но когда добрался до последнего – самого маленького и незаметного – и надорвал бумагу, то обнаружил спрятанное там письмо.

– Не это ли предмет, о котором ты так беспокоишься? – спросил он.

Призрак женщины приблизился вплотную. Взгляд горящих глаз впился в письмо, которое монах держал в руках.

– Хочешь, чтобы я сжег его? – спросил он. – Тебе *это* нужно?

Фигура заколебалась и склонилась в поклоне.

– Письмо я сожгу в храме завтра утром, на самой заре, – пообещал он. – Я прочту его, но, кроме меня, никто и никогда не узнает того, что там написано.

В ответ на его слова раздался женский смех, и призрачная фигура исчезла – растворилась в воздухе.

С первыми лучами рассвета священник покинул комнату и спустился вниз. Вся семья собралась и в великом волнении ожидала его появления.

– Более ни о чем не беспокойтесь, – сказал он, обращаясь ко всем членам семьи. – Она никогда не появится здесь снова.

Так и случилось. Никто и никогда больше не видел призрака мертвой женщины.

Письмо было сожжено. Это было любовное послание. Оно было адресовано юной О-Соно, когда та еще училась в Киото. Только священник знал о содержании письма, и он унес эту тайну с собой в могилу.

¹⁷ Час Крысы – период времени между полуночью и двумя часами ночи; первый час наступившего дня (японский час равен двум астрономическим часам).

Юки-онна

В одной из деревень провинции Масаси жили два лесоруба – Мосаку и Минокиси. В те годы, о которых идет речь, Мосаку был уже немолод, а Минокиси, его ученику, едва сравнялось восемнадцать лет. Каждый день на рассвете они вместе отправлялись в лес, расположенный в пяти милях от их деревни. Лес был по другую сторону широкой реки. Чтобы путники могли беспрепятственно пересекать ее, на реке устроили паромную переправу. Несколько раз в том месте возводили мост, но весеннее половодье – очень бурное в этой местности – разрушало его. Никакой мост не мог выдержать напора разбушевавшейся стихии.

Однажды Мосаку и Минокиси возвращались домой из леса. Был вечер, и было очень холодно, да вдобавок начиналась снежная буря. Они подошли к переправе и обнаружили, что паромщика нет на месте, а его лодка находится на другом берегу реки. Они поняли, что тот ушел домой. Пересекать реку вплавь в такую погоду было безумием, поэтому лесорубы решили укрыться в хижине паромщика и чувствовали себя счастливыми, что у них есть хотя бы такое убежище.

В хижине не было ни жаровни, ни места, где можно развести огонь. Хижина была очень мала: вдвоем они смогли разместиться лишь с трудом – в единственной комнате не было даже окна, а входная дверь вела прямо на улицу. Мосаку и Минокиси заперли дверь и легли отдохнуть, укрывшись собственными плащами. Поначалу они почти не ощущали холода, к тому же надеялись, что снежная буря скоро утихнет.

Старик уснул быстро, а юноша долго не засыпал, слушая вой ветра и удары снежных зарядов в дверь и стены хижины. Ревела река, стены домика сотрясались и ходили ходуном под порывами ветра. Минокиси чудилось, что их хижина – утлый челнок, несущийся по воле волн в открытом море. Становилось все холоднее и холоднее, юношу сотрясала дрожь. Но в конце концов он тоже уснул.

Его разбудил ледяной ветер, ударивший в лицо. Дверь в хижину с силой распахнулась, и на фоне снежной завесы он увидел силуэт женщины, входившей в комнату. Женщина была вся в белом. Она склонилась к Мосаку и подула на него – ее дыхание было подобно белой струящейся дымке. Затем она повернулась к Минокиси и наклонилась к нему. Он захотел закричать, но обнаружил, что не может выдать из себя ни звука. Женщина в белом склонилась ниже, затем еще ниже – так, что ее лицо почти касалось его лица. Она была очень красива, но ее глаза испугали его. Некоторое время она молча смотрела на Минокиси, затем рассмеялась и прошептала:

– Мне следовало поступить с тобой так же, как и с тем, другим. Но чувствую к тебе жалость – и не совладать с ней. Ты так молод... И ты так мил, Минокиси... Сейчас я не причиню тебе зла. Но если ты расскажешь когда-нибудь и кому-нибудь – даже собственной матери – о том, что ты видел этой ночью, я узнаю об этом, и тогда я убью тебя... Помни о том, что я тебе сказала!

Умолкнув, она выпрямилась и вышла из хижины.

Когда к Минокиси вернулась способность двигаться, он вскочил и выглянул наружу. Женщины нигде не было видно – только снег взвивался яростными вихрями.

Минокиси закрыл дверь и для верности запер ее деревянными засовами. Он подумал, что это ветер распахнул дверь. А то, что ему привиделось, – лишь сон, видение, и он, должно быть, просто ошибся, приняв снежный сполох за женский силуэт в дверном проеме. Но он совсем не был в этом уверен. Он окликнул Мосаку, но старик не отозвался, и это еще сильнее испугало юношу. Он протянул руку и в темноте коснулся лица старика: оно было холодно как лед! Мосаку был мертв и уже окоченел...

К рассвету пурга утихла, и когда утром паромщик вернулся к себе в хижину, он обнаружил Минокиси. Тот лежал без чувств подле окоченевшего тела Мосаку.

Юноша долго болел – он сильно простудился той холодной ночью. Он был очень напуган смертью старика, но о женщине в белом никому ничего не сказал. Окрепнув, он снова вернулся к своему прежнему занятию: каждое утро уходил в лес, а на закате возвращался обратно с вязанками хвороста, которые его мать продавала.

Однажды вечером – была зима, прошел примерно год после прискорбного события – Минокиси, как обычно, возвращался домой из леса и нагнал девушку, которая шла той же дорогой, что и он. Очень стройная и хрупкая, она была необычайно красива и на приветствие юноши отвечала голосом таким звонким и мелодичным, что он ласкал слух, подобно песне жаворонка. Они пошли рядом и разговорились. Девушка рассказала, что ее зовут О-Юки¹⁸ и она недавно потеряла родителей, а теперь идет в Эдо¹⁹, где живут ее дальние родственники. С их помощью она надеется получить место служанки. Очень скоро Минокиси был совершенно очарован этой необычной девушкой. И чем больше он смотрел на нее, тем сильнее она ему нравилась. Он спросил, не просватана ли она, и она отвечала ему, смеясь, что она свободна. Затем в свою очередь и она задала вопрос Минокиси, не женат ли он, или, может быть, помолвлен с кем-то. Он отвечал, что живет вдвоем с матерью, она давно вдова, и поскольку он еще молод, то вопрос о невестке пока не поднимался. После взаимных признаний они замолчали и довольно долго шли рядом, не разговаривая. Но как гласит пословица: «Ки га арэба, мэ мо кути ходо ни моно о иу» («Где замешаны чувства, глаза красноречивее слов»).

К тому времени, когда они добрались до деревни, обоим уже было ясно, что симпатия их взаимна. Затем Минокиси предложил О-Юки передохнуть в их доме. Она смутилась, но, помедлив, согласилась и пошла с ним. Мать юноши встретила девушку радушно и разогрела для нее еду. Поведение и манеры О-Юки покорили мать Минокиси, и сама девушка так понравилась, что женщина предложила ей повременить с путешествием в Эдо и пожить у них. Понятное дело, что О-Юки так никогда и не добралась до Эдо. Она осталась в их доме в качестве названной приемной дочери и вышла замуж за Минокиси.

Она оказалась очень хорошей невесткой. Примерно пять лет спустя, когда матери Минокиси пришлось умирать, ее последними словами были слова признательности и благодарности жене сына. У О-Юки и Минокиси родилось десять детей – мальчиков и девочек. Все детишки были очень пригожие и милые, и у каждого из них была очень чистая белая кожа.

Между собой местные говорили, что О-Юки совершенно необыкновенная женщина – не такая, как они. Здешние крестьянки быстро стареют, а О-Юки, родив десятерых детей, оставалась все такой же юной и свежей, как тогда, когда впервые появилась в деревне.

Однажды вечером, уложив детей спать, О-Юки устроилась с шитьем под бумажным фонарем – так, чтобы его света было достаточно для работы. Минокиси, наблюдая за своей женой, сказал:

– Ваше лицо, склоненное над рукоделием и освещенное светом фонаря, заставляет меня вспомнить об одном странном событии, приключившемся со мной очень давно, – я был совсем молод, мне только сравнялось восемнадцать. Тогда я видел женщину – такую же красивую и такую же белокожую, как вы. В самом деле, она так на вас похожа...

Не поднимая глаз от рукоделия, О-Юки попросила:

– Расскажите мне о ней. Где вы ее видели?

И тогда Минокиси рассказал своей жене о том, что произошло в ту страшную ночь в хижине паромщика: как Белая женщина склонилась над ним, что она ему прошептала и как смеялась; рассказал и о безмолвной смерти старого Мосаку. И добавил:

¹⁸ О-Юки – это имя переводится как «снег» и прежде было довольно распространенным в Японии.

¹⁹ Эдо – средневековое название Токио.

– Это был единственный раз, когда – во сне или наяву – я видел кого-то, кто красотой своей может сравниться с вами. Конечно, она не человек, я испугался ее – я был очень сильно напуган, и она была такая белая!.. До сих пор не могу понять: Белая женщина была наяву или это был сон?..

О-Юки с силой отшвырнула рукоделие, подскочила к Минокиси, который сидел на полу на циновке, склонилась над ним и прошипела:

– Это была я-я-я!.. Я говорила тогда, что убью тебя, если ты когда-нибудь хоть одно слово скажешь о том, что случилось!.. И я бы уничтожила тебя немедленно, но я не сделаю этого из-за детей, что сейчас спят. Теперь ты должен очень, очень хорошо о них заботиться, потому что, если у них появится хоть малейший повод пожаловаться на тебя, я поступлю с тобой так, как ты этого заслуживаешь!..

Голос ее сорвался в визгливый крик, а затем истончился и исчез, слившись с воем внезапно налетевшего порыва ветра, а ее фигура вдруг распалась на великое множество снежных крупинок и закружилась белым сияющим вихрем... Он взмыл вверх, скользнул между потолочных балок, метнулся к дымоходу и исчез в нем...

И больше ее никогда не видели.

История Аояги

В эпоху Буммэй (то есть в период с 1469 по 1489 год) жил да был молодой самурай по имени Томотада. Его господином был Хатакэяма Ёсимунэ, владетельный князь Ното. Родиной самурая была провинция Этидзэн, но еще мальчиком его определили в пажи во дворец даймё Ното. Там же, под непосредственным присмотром князя, обучили военному искусству. Пока рос, он неизменно пользовался благосклонностью своего князя, поскольку был послушным учеником и постепенно превращался в искусного воина. Его очень любили и друзья-самураи, потому что он отличался добрым нравом, располагал к себе и обладал приятной внешностью.

Однажды – тогда Томотаде не исполнилось еще и двадцати лет – его послали с частным поручением к Хосокаве Масамото – великому даймё Киото, родственнику Хатакэямы Ёсимунэ. Поскольку в ходе путешествия ему предстояло проследовать через провинцию Этидзэн, юноша испросил дозволения навестить свою овдовевшую мать. Даймё разрешил сделать это.

Путешествие началось в самый разгар холодов. Хотя под седлом у воина была сильная лошадь, двигался он довольно медленно. Дорога проходила через горный район, где поселений было совсем немного и находились они довольно далеко друг от друга. На второй день, устав после многочасовой поездки верхом, он с тревогой обнаружил, что до назначенного для ночлега места сможет добраться только глубокой ночью. Для беспокойства были серьезные основания – начинался буран, дул сильный ветер, а лошадь уже выбивалась из сил. В этот момент Томотада неожиданно заметил небольшой дом под соломенной крышей – в окружении ив тот стоял неподалеку на склоне холма. С трудом всадник направил уставшее животное к жилищу. Он громко постучал в затворенную дверь, и ее открыла пожилая женщина. Увидев хорошо одетого незнакомца, она с сочувствием воскликнула:

– Ах, как мне вас жалко! Молодой человек благородной наружности путешествует один в такую погоду!.. Сделайте милость, молодой господин, войдите!

Томотада спешил, отвел лошадь под навес, а затем вошел в дом. Здесь он увидел старика и девушку, которые грелись у очага. Хозяйева радушно пригласили его подойти к огню, угостили рисовой водкой и принялись готовить еду для путешественника, расспрашивая его о том, что случилось в дороге. Тем временем молодая девушка исчезла за ширмой. Томотада про себя с удивлением отметил, что она поразительно красива, хотя одежда ее изношена, а длинные распущенные волосы в беспорядке. Его озадачило, как такая красивая девушка может жить в таком убогом, заброшенном месте.

Старик сказал ему:

– Досточтимый господин, ближайшая деревня далеко от нас, а снег идет все сильнее. Ветер усиливается, и дорога очень плоха. Поэтому продолжать путь сейчас очень опасно. Хотя эта лачуга недостойна вашего присутствия и мы не можем предложить приличествующих вам удобств, остаться на ночь под этой убогой крышей будет, вероятно, наиболее верным решением... Мы хорошо позаботимся о вашей лошади.

Томотада принял это скромное предложение. Втайне он был доволен представлявшейся возможностью еще увидеть девушку. Тотчас была подана простая, но обильная пища, и девушка вышла из-за ширмы, чтобы предложить гостю вина. Она переделалась в грубое, но чистое домотканое платье, волосы ее теперь были аккуратно расчесаны и красиво уложены. Когда она нагнулась, чтобы наполнить его чашу, Томотада с восторгом заметил, что она прекраснее всех женщин, которых ему до той поры приходилось видеть. Более того – каждое ее движение было настолько грациозно, что это восхищало его. Но старики стали извиняться за нее, говоря:

– Господин, наша дочь Аояги²⁰ выросла здесь, в горах, и почти ни с кем не общалась. Она не имеет представления о вежливом обхождении. Умоляем вас не гневаться на ее глупость и невежество.

Наоборот, говорил Томотада, он почитает за счастье, что его обслуживает такая милая девушка. Хотя он видел, что его восхищенный взгляд вызвал у нее румянец смущения, он не мог отвести от нее глаз и не притронулся ни к вину, ни к пище, которые стояли перед ним. Мать сказала:

– Добрый господин, мы очень надеемся, что вы попробуете нашу пищу и выпьете немного вина. Хотя мы понимаем, что они нехороши для вас, но вы, должно быть, очень замерзли под пронизывающим ветром.

Тогда, чтобы сделать старикам приятное, Томотада принялся за еду, съев и выпив столько, сколько мог. Восхищение девушкой все сильнее росло в нем. Он заговорил с нею и обнаружил, что ее голос так же восхитителен, как и лицо. Если она действительно выросла здесь, в горах, значит ее родители должны иметь благородное происхождение, потому что она говорила и держалась как благородная особа. Внезапно – строки сами всплыли в его сознании – он обратился к ней стихами, и в них прозвучал вопрос, так взволновавший его сердце:

Тадзунэцуру,
Хана ка тотэ косо,
Хи о курасэ,
Акэну ни надо ка
Аканэ сасуран?

Что можно перевести примерно так:

По дороге спешил, встреча была впереди,
И нашел то, что за цветок можно принять.
Отчего на заре так рдеет румянец —
Этого мне не понять.

Без промедления она ответила ему такими строками:

Идзуру хи но
Хономэку иро о
Вага содэ ни
Цуцумаба асу мо
Кимия томаран.

Ее ответ можно передать так:

Если своим рукавом скрою я свет зари,
То, быть может, мой господин
Утром нас не покинет.

Так Томотада понял, что его восхищение не укрылось от нее, а те чувства, которые она сумела выразить в своих стихах, поразили его едва ли меньше, нежели то мастерство, с которым она это сделала. Теперь он был уже уверен, что в целом мире ему не встретить, а тем более

²⁰ Аояги – женское имя, которое можно перевести как «зеленеющая ива». Считается малораспространенным.

не завоевать девушку красивее и умнее этой обитательницы глухой деревни. Голос его сердца, казалось, кричал: «Не упusti удачу, которую боги даровали на твоём пути!» Короче говоря, он был очарован – очарован настолько, что не раздумывая попросил стариков выдать их дочь за него замуж. В свою очередь, он сообщил им имя и рассказал о своём положении в свите властителя Ното.

Они низко склонились перед ним с возгласами благодарного удивления. Но отец девушки, заметно волнуясь, отвечал:

– Благородный господин, вы человек высокого положения, и, вероятно, вам суждено высидеть ещё больше. Слишком велика честь, которую вы оказываете нам. Её глубину невозможно выразить словами и не измерить. Но наша девочка – всего лишь глупая крестьянка низкого происхождения. Нет у неё ни воспитания, ни образования. Разрешить ей стать женой самурая – это неправильно. Даже говорить об этом недостойно... Но поскольку вы сочли, что девушка вам понравилась, и снизошли до того, что не обратили внимания ни на её крестьянские манеры, ни на великую невежественность, мы счастливы подарить её вам в качестве обычной служанки. Поэтому соблаговолите с этого момента поступать с ней в соответствии с вашими августейшими пожеланиями.

Когда настало утро, буран прекратился. На востоке разгорелась заря, и небо было безоблачно. Даже если рукав Аояги и мог скрыть от глаз любимого розовый румянец этой зари, медлить Томотада дольше не мог. Но также не мог он и расстаться с девушкой. Когда все было приготовлено для дальнейшего путешествия, он обратился к её родителям с такими словами:

– Хотя может показаться невежливым просить более того, что мне было уже дано, я вновь прошу вас отдать мне вашу дочь в жены. Я не нахожу в себе сил, чтобы расстаться с нею сейчас, и она согласилась сопровождать меня. Если вы разрешите, я могу взять её с собой. Если вы отдадите мне её, я буду заботиться о вас, как о собственных родителях... Прошу вас принять от меня этот малый знак признательности за ваше гостеприимство.

С этими словами он положил перед хозяином мешочек с золотыми рё. Но старик, многократно поклонившись, мягко отодвинул дар от себя и сказал:

– Добрый господин, нам не на что тратить золото. К тому же оно понадобится вам самому в вашем долгом зимнем путешествии. Здесь мы ничего не покупаем, и нам не потратить этих денег, даже если бы мы захотели сделать это... Что касается дочери, так мы уже и так подарили её вам – и она принадлежит вам, поэтому нет нужды просить нас отпустить её. Она уже сказала нам, что надеется сопровождать вас и станет вам служить столько, сколько достанет у вас сил выносить её присутствие. Нам отрада знать, что вы соизволили принять её, и мы умоляем вас не беспокоиться на наш счёт. Здесь мы не могли обеспечить её надлежащими одеждами, а тем более приданым. Более того, поскольку мы уже немолоды, нам в любом случае вскоре пришлось бы с ней расстаться. Поэтому большая удача, что сейчас у вас возникло желание забрать её с собой.

Напрасно Томотада пытался заставить стариков принять подарок: он видел, что их не интересуют деньги. Но видел он и то, что они действительно очень хотят вверить в его руки судьбу их дочери, и потому решил взять её с собой. Он посадил девушку на коня и попрощался со стариками, церемонно выразив им свою искреннюю признательность. В ответ на его слова старик отвечал:

– Благородный господин, это не вы, а мы должны быть вам признательны. Мы уверены, что вы будете добры к ней, и у нас в душе нет страха за её судьбу...

[Здесь в японском оригинале следует разрыв в повествовании. По этой причине оказываются нарушены традиционные его принципы. Ничего в дальнейшем не говорится ни о матери Томотады, ни о родителях Аояги, ни о даймё Ното. Вероятно, автор по какой-то причине стремился побыстрее добраться до финала истории. Я не могу ни восполнить эти пропуски, ни произвести реконструкцию опущенной части истории, но обязан кое-что объяснить, поскольку без

этого объяснения детали дальнейшего повествования не сложатся в единую мозаику... Похоже на то, что Томотада напрасно привез Аояги в Киото, – этим поступком он навлек на себя неприятности. Неизвестно также, где жили влюбленные впоследствии.]²¹

...Но теперь перед самураем возникла иная проблема – он не мог жениться без дозволения своего даймё. А Томотада не мог ожидать такого дозволения до тех пор, пока не выполнит назначенного ему поручения. В данных обстоятельствах он тревожился, что красота Аояги может привлечь опасное внимание, и это подразумевало, что его могут разлучить с нею. Поэтому в Киото он попытался спрятать ее от досужих любопытных глаз. Но однажды слуга господина Хасокавы увидел Аояги и, узнав об их отношениях с Томотадой, сообщил даймё. Тогда даймё – человек молодой и к тому же большой любитель красивых женщин – приказал, чтобы девушка была немедленно препровождена к нему. Что сразу же и было исполнено без всяких церемоний.

Безмерна была скорбь Томотады, но он понимал, что изменить что-либо не в его силах. Кто он? Всего лишь простой посыльный на службе у провинциального даймё и сейчас находится под властью господина несравненно более могущественного, чьи прихоти никто не отважится оспорить. К тому же Томотада знал, что поступил неразумно и сам виноват в том, что случилось: он вступил в отношения, на которые не получил разрешения, а это противоречило кодексу самурая. Теперь у него была одна – отчаянная – надежда: что Аояги захочет и найдет способ убежать, а потом они вместе совершат побег. После долгих сомнений он решил попытаться переправить ей письмо. Эта попытка, конечно, была очень опасна: любое послание, перед тем как попасть к адресату, могло побывать в руках у даймё. Поэтому посылать любовное письмо любому обитателю дворца было непростительной ошибкой. Но влюбленный отважился пойти на риск и, сочинив письмо на манер старинного китайского стихотворного послания, приложил усилия, чтобы оно попало в руки Аояги. Стихотворение было начертано двадцатью восьмью иероглифами старинного стиля. Эти двадцать восемь иероглифов помогли ему выразить всю глубину его страсти и всю боль разлуки с любимой:

Коси о-сон кодзин о оу;
Рёкудзю намида о тарэтэ ракин о уруосу;
Комон хитотаби иру фукаки кото уми но готоси;
Корэ ёри сёро корэ родзин...

Строки эти примерно можно перевести так:

Близко принц юный следует за девушкой,
Что прекрасна, как драгоценный камень;
Слезы красавица льет, оттого и одежды намокли ее.
Но властелин очарован так ею,
Что глубина его страсти подобна глубинам морским.
Потому обречен на заброшенность я,
И теперь бесконечен мой путь и бесцелен.

Вечером следующего дня, после того как стихотворение было отправлено, Томотада был вызван к властителю Хасокаве. Юноша сразу же заподозрил, что его тайное послание обнаружено, и даже не надеялся, что ему удастся избежать самого сурового наказания.

²¹ Здесь и далее замечания по тексту в квадратных скобках принадлежат автору.

«Теперь он прикажет меня казнить, – думал Томотада. – Но мне и не нужна жизнь, если Аояги не будет принадлежать мне. К тому же, если мне вынесут смертный приговор, я, по крайней мере, попытаюсь убить Хасокаву».

Он сунул мечи в ножны и укрепил их на поясе, а затем отправился во дворец.

Войдя в зал для приемов, он увидел властителя Хасокаву, восседавшего в окружении самураев самого высокого звания в церемониальных одеждах и головных уборах. Все застыли в молчании как статуи. И пока Томотада шел вперед, чтобы выразить свое почтение, тишина эта представлялась ему зловещей и тяжелой, подобной затишью перед бурей. Но Хасокава внезапно оставил свой трон, спустился с возвышения, взял молодого человека под руку и стал повторять слова стихотворения: «Коси о-сон кодзин о оу...»

И Томотада увидел на глазах у принца навернувшиеся слезы.

Затем Хасокава сказал:

– Поскольку вы так сильно любите друг друга, я беру на себя ответственность и вместо моего родственника даймё Ното даю вам разрешение на брак. Поэтому свадебная церемония состоится здесь, в моем присутствии. Гости собрались, подарки приготовлены.

По его сигналу ширмы, скрывающие другую часть зала, раздвинулись, и Томотада увидел, что на церемонию собралось множество придворных, а Аояги ожидает его в наряде невесты. Так ее вернули ему, а потом состоялась свадьба – веселая и радостная. Сиятельный принц и его родственники подарили молодой паре множество подарков.

Пять счастливых лет прожили вместе Томотада и Аояги после свадьбы. Но однажды утром, беседуя с мужем по поводу домашних дел, Аояги внезапно громко вскрикнула от боли и сильно побледнела. Через несколько мгновений слабым голосом она произнесла:

– Простите меня за мою несдержанность, но боль настигла меня так внезапно!.. Мой дорогой муж, наш союз, должно быть, был предопределен кармой прежнего существования, поэтому эти счастливые отношения, я думаю, соединят нас еще в других воплощениях. Но теперь, в этой жизни, они заканчиваются – вот-вот мы расстанемся. Прочитайте по мне заупокойную молитву, пожалуйста! Я умираю...

– Что за странные необузданные фантазии! – вскричал пораженный муж. – Вам только чуть нездоровится. Моя дорогая, прилягте и отдохните – ваше недомогание пройдет...

– Нет-нет! – отвечала она. – Я умираю! Мне не кажется – я точно это знаю! Нет смысла, мой дорогой муж, скрывать теперь правду от вас: я не человеческое существо. Моя душа – это душа дерева, сердце дерева – это мое сердце, соки ивы – это моя жизнь. И кто-то в этот самый момент рубит мое дерево – поэтому мне суждено умереть... Даже плакать сейчас уже выше моих сил... Быстрее, быстрее читайте, прошу вас, молитву – быстрее!.. Ах!..

Вновь вскричав от боли, она отвернула свое прекрасное лицо и попыталась закрыть его рукавом. Но почти в тот же момент ее тело начало разрушаться самым странным образом: оно опускалось все ниже, и ниже, и ниже – пока не сровнялось с уровнем пола. Томотада бросился поддержать ее – но нечего было поддерживать! На циновках лежали только одежды его дорогой супруги и драгоценности, которые украшали ее волосы, а тело перестало существовать – оно исчезло!

Томотада обрил голову, дал буддийский обет и стал странствующим монахом. Он скитался по всем провинциям империи и, посещая в ходе своего паломничества святые места, в каждом возносил молитвы о душе Аояги.

Однажды, странствуя, он очутился в провинции Этидзэн и решил разыскать дом родителей своей любимой. Но, придя в то уединенное место среди холмов, где располагалось их жилище, он обнаружил, что дом исчез. Ничто не указывало, что он здесь когда-то стоял, за исключением трех пней, оставшихся от ивовых деревьев – двух старых и одного молодого. И срубили их задолго до его появления здесь.

Подле этих трех пней он установил надгробие и начертал на нем священные письмена, а потом долго молился, вознося свои молитвы святому Будде за души Аояги и ее родителей.

Сакура шестнадцатого дня

В провинции Иё, в местности под названием Вакэгори, растет дерево – очень древняя и знаменитая на всю округу вишня. Ее называют дзю-року-сакура, то есть Вишневое дерево шестнадцатого дня. Такое имя этой сакуре дали потому, что ее цветение каждый год начинается на шестнадцатый день первого месяца года (по старому японскому лунному календарю) – всегда в один и тот же день. Как известно, цветение сакуры зависит от погоды: когда год выдается холодным, вишневые деревья зацветают позже – они чувствуют, когда весна приходит настоящему, и начинают цвести с ее приходом. Но эта сакура живет своей жизнью и начинает цветение всегда в один и тот же день, не обращая внимания на погоду. Потому что в дерево вселилась душа человека.

Этот человек был самураем из Иё. Дерево росло в его саду и цвело в обычное время – то есть примерно в конце марта или в начале апреля. Он играл под этим деревом ребенком. Его родители, родители родителей и их предки многие-многие годы украшали цветущие ветви сакуры хвалебными стихами, начертанными тушью на полосках цветной бумаги. Он и сам постарел и превратился в глубокого старика под сенью этой сакуры. Он пережил своих детей, и не осталось никого в целом мире, ради кого стоило продолжать жить, кроме этого дерева. Но вот однажды – это случилось летом – дерево завяло и умерло!

Старик очень горевал по своему дереву. Тогда добрые соседи отыскивали молодое красивое вишневое деревце и посадили его в саду в надежде, что это утешит старика. Он был благодарен и в чужих глазах старался выглядеть умиротворенным и счастливым. Но на самом деле сердце его было переполнено печалью: он так любил старое дерево, что ничто не могло примирить его с потерей и утешить.

Наконец к нему пришла счастливая мысль: он придумал, как можно спасти умирающее дерево. Случилось это на шестнадцатый день первого месяца наступившего года. Он вошел в сад и склонился в глубоком поклоне перед увядшей вишней. А затем, обращаясь к ней, произнес:

– Умоляю вас снизойти и зацвести снова, потому что я собираюсь умереть вместо вас.

Существует поверье: собственную жизнь возможно передать другому человеку, или какому-либо живому существу, или даже дереву, если на то будет воля богов. Для того чтобы она свершилась, необходимо произнести священную формулу: мигавари ни тацу (смысл которой можно передать так: свою жизнь меняю на другую).

После того как заклинание было произнесено, старик расстелил под деревом специальное белое покрывало, которое сверху покрыл другими кусками ткани, сел на него и исполнил харакири – так, как это делают самураи. И душа его вошла в дерево и заставила сакуру зацвести в тот же час.

С этих самых пор каждый год сакура цветет в шестнадцатый день первого месяца, даже если холодно и падает снег.

Сон Акиносукэ

В провинции Ямато, в округе Тончи, давным-давно жил человек по имени Мията Акиносукэ. По рождению он принадлежал к *госи*²².

В саду Акиносукэ рос огромный и очень старый кедр. Под ним хозяин любил отдохнуть в теплые дни. Однажды после полудня – было довольно жарко – он сидел под своим кедром с двумя друзьями, такими же *госи*, как и он. Они болтали и пили вино, когда внезапно хозяин почувствовал неодолимую дремоту – причем захотел спать так сильно, что попросил друзей извинить его за то, что он приляжет вздремнуть в их присутствии, лег у подножия дерева и увидел сон.

Ему снилось, что он отдыхает под своим деревом в саду и видит процессию – огромную вереницу слуг, подобную свите сиятельного даймё, спускавшуюся с ближнего холма. Он даже встал, чтобы получше рассмотреть ее. Шествие, которое он наблюдал, было куда внушительнее тех, что ему доводилось видеть прежде, и оно приближалось к его дому. В голове процессии множество молодых людей в хороших одеждах тянули за собой богато изукрашенный лакированный экипаж, щедро задрапированный ярко-синим шелком, – настоящий дворец – прежде их называли *госё-гурума*. Когда процессия приблизилась к дому, экипаж остановился и из него вышел богато одетый человек, вероятно высокого положения. Он подошел к Акиносукэ, низко поклонился и сказал:

– Благородный господин, перед вами *кэрай* – вассал Кокуо из Токоё. Мой повелитель, наш король, приказал мне приветствовать вас от его имени. По его указанию я поступаю в полное ваше распоряжение. Он также поручил мне сообщить свое августейшее желание видеть вас у себя во дворце. Будьте так любезны не мешкая взойти в этот благородный экипаж, который он послал специально для вас.

Услышав эти слова, Акиносукэ хотел дать подобающий случаю ответ, но был так удивлен и взволнован, что не смог говорить. В тот же момент воля, казалось, покинула его. Единственное, что он мог делать, – выполнять то, что ему говорил *кэрай*. Он вошел в экипаж, *кэрай* занял место подле него, и путешествие началось.

К удивлению Акиносукэ, оно не заняло много времени. Вскоре экипаж остановился перед огромными, в китайском стиле двухэтажными воротами. Никогда прежде таких он не видел. «Я иду объявить о вашем прибытии», – сказал *кэрай* и ушел. Очень скоро Акиносукэ увидел, что из ворот вышли два человека благородного вида, одетые в пурпурные шелковые одежды. На них были высокие головные уборы, которые указывали на особое положение при дворе. Эти люди с уважением приветствовали его и помогли выйти из экипажа, а затем повели через огромный сад к входу во дворец, фасад которого, как показалось ему, простирается на запад и восток на целую милю. Потом Акиносукэ очутился в зале для приемов, размер и убранство которого поражали. Проводники отвели его на почетное место, а сами скромно присели в стороне, в то время как девушки-служанки в церемониальных костюмах поднесли ему освежающие напитки. Когда Акиносукэ отведал напитков, двое в пурпурных одеждах низко склонились перед ним и обратились со следующими словами, причем в соответствии с дворцовым этикетом каждый из них произносил по очереди лишь часть фразы:

- Теперь наша благородная обязанность известить вас...
- О причине вашего появления здесь...
- Король, наш господин, выразил августейшее желание, чтобы вы стали его зятем...
- Его желание и повеление таково, что вы женитесь сегодня...

²² *Госи* — привилегированный класс солдат – свободных земледельцев, существовавший в Японии в эпоху феодализма; отдаленным аналогом могут служить английские йомены периода Средних веков.

- На августейшей принцессе, его юной дочери...
- Мы вскоре введем вас в тронный зал...
- Где его величество уже ожидает вас...
- Но прежде необходимо, чтобы мы вас переодели...
- В соответствующую церемонии одежду.

Закончив свою речь, сопровождающие одновременно поднялись и проследовали к нише, в которой стоял большой позолоченный лакированный ларь. Они открыли его и достали разные одежды, пояса из богатого материала и *камури* – особый королевский головной убор. Все это они надели на Акиносукэ, отчего тот превратился в настоящего принца. Затем они проводили его в другой зал, где он увидел самого Кокуо из Токоё, восседавшего на *дайдза* – специальном возвышении, приличном для августейшего правителя. На нем были желтые шелковые одежды. Головной убор был черного цвета, свидетельствовавшего о высоком государственном положении. Перед дайдза, слева и справа от него, во множестве расположились сановники – неподвижные и торжественные, словно статуи в храме. Акиносукэ, пройдя между ними, приветствовал властителя традиционным тройным поклоном. Король милостиво с ним поздоровался и затем произнес:

– Вас уже уведомили о причине, по которой вы были призваны к нам. Мы решили, что вы должны стать мужем нашей единственной дочери. Сейчас будет проведена свадебная церемония.

Едва король закончил говорить, заиграла веселая музыка и из-за занавесей вышла процессия красивых придворных дам: они проводили Акиносукэ в комнату, где его ожидала невеста.

Размеры комнаты поражали, но она с трудом могла вместить гостей, собравшихся, чтобы стать свидетелями свадебной церемонии. Все склонились ниц перед Акиносукэ, когда он занял свое место напротив принцессы на приготовленной для него подушке. Невеста была божеественно прекрасна, а ее одежды по красоте своей сравнимы с летними небесами. Свадьба прошла весело и радостно. После этого пару проводили в покои, приготовленные для них в другой части дворца. Здесь они принимали поздравления от многих благородных персон и бесчисленные свадебные подарки.

Несколько дней спустя Акиносукэ вновь вызвали в тронный зал. На этот раз его приняли еще любезнее, нежели прежде, и король сказал ему:

– В юго-западной части наших владений есть остров Райсю. Мы назначаем вас правителем этого острова. Обитатели его – люди лояльные и послушные, но законы этого острова не приведены в соответствие с законами Токоё, а местные обычаи не упорядочены должным образом. Мы налагаем на вас обязанность улучшить, насколько это возможно, тамошнее общественное положение и выражаем желание, чтобы вы правили там милостиво и мудро. Все приготовления, необходимые для путешествия к Райсю, уже сделаны.

Так Акиносукэ и его жена покинули дворец Токоё. В сопровождении большой свиты из знати и чиновников они прибыли на побережье, где поднялись на борт судна, которое им предоставил повелитель. Благоприятные ветры доставили их к Райсю, а там встретили лучшие люди острова, собравшиеся на берегу для приветствия.

Акиносукэ сразу приступил к исполнению своих новых обязанностей – они не были слишком трудными. В течение первых трех лет правления он занимался в основном уточнением и улучшением законов. У него были мудрые советники, которые помогали во всем, и поэтому он никогда не полагал свою работу неприятной. Когда с этими делами он разобрался, обязанности его стали еще менее обременительными – они сводились к участию в обрядах и церемониях, предусмотренных древними традициями. Климат этой страны был настолько здоровым, а земли так плодородны, что болезни и нужда здесь были неведомы, а народ был

настолько добронравен, что законы не нарушались. Акиносукэ жил и управлял островом еще двадцать три года, и на протяжении их печаль ни разу не омрачила его чело.

Но на двадцать четвертом году его правления пришло к нему большое горе: жена, которая родила ему семерых детей – пять мальчиков и двух девочек, – внезапно заболела и умерла. Похороны прошли с подобающей положению усопшей пышностью. Ее погребли на вершине живописного холма в районе Ханрёко, а на могиле установили роскошный памятник. Но Акиносукэ испытывал такую глубокую скорбь по поводу ее смерти, что больше не хотел жить.

Когда положенный срок траура закончился, на Райсю из королевского дворца прибыл посыльный. Он доставил Акиносукэ августейшее письменное соболезнование и сказал ему:

– Вот слова, которые наш августейший монарх, властитель Токоё, приказал передать вам, и я передаю их дословно: «Теперь мы отсылаем вас назад – в вашу страну к вашему народу. Что касается семерых детей, то, поскольку они являются внуками и внучками монарха, о них будут должным образом заботиться. Поэтому не обременяйте свой разум беспокойством о них».

Получив данное предписание, Акиносукэ стал незамедлительно готовиться к отъезду. Когда все дела были завершены, церемония прощания с советниками и доверенными чиновниками состоялась, его с большим почетом проводили в порт. Там он погрузился на посланное за ним судно. Оно вышло в синее море под голубыми небесами, и очертания самого острова Райсю стали синими, затем серыми, а потом навсегда исчезли... А потом Акиносукэ внезапно проснулся под кедровым деревом в собственном саду!

Некоторое время он, ошеломленный, пребывал в оцепенении. Друзья все так же сидели подле него – они пили вино и весело болтали. Он в изумлении посмотрел на них и воскликнул:

– Как странно!

– Акиносукэ, должно быть, приснился сон, – со смехом сказал один из них. – Что такое вы увидели, Акиносукэ, что вас так озадачило?

Тогда Акиносукэ пересказал им свой сон – видение о двадцатитрехлетнем пребывании в государстве Токоё на острове Райсю. Их это очень удивило, потому что в действительности он проспал едва ли дольше нескольких минут. Один из госи сказал:

– Действительно, вам снились странные вещи. Но и мы наблюдали нечто странное, пока вы дремали. Мы видели, как некоторое время над вашим лицом порхала маленькая желтая бабочка. Затем она уселась на землю подле вас. Почти сразу же из отверстия в земле выполз очень большой – просто гигантский – муравей, схватил бабочку и утащил ее к себе в нору. А перед самым вашим пробуждением мы видели, как та же самая бабочка появилась из отверстия в земле и, как прежде, запорхала над вашим лицом. А затем внезапно исчезла – мы не знаем, куда она делась.

– Вероятно, это была душа Акиносукэ, – сказал другой госи. – Мне кажется, я видел, что она залетела ему в рот... Но даже если бабочка – это душа Акиносукэ, сей факт не объясняет его сон.

– Муравьи могут объяснить, – сказал первый из собеседников. – Муравьи – необычные существа. На самом деле они, возможно, гоблины. Как бы там ни было, под этим кедром есть муравейник, а в нем живут те самые большие муравьи.

– Давайте посмотрим! – воскликнул Акиносукэ, весьма взволнованный этим предположением, и отправился за лопатой.

Земля вокруг кедра самым причудливым образом была изрыта ходами и норами огромной колонии муравьев. Внутри ее они отстроили крошечные сооружения из травинки, стеблей и глины, которые напоминали миниатюрные города. В середине муравейника находилось сооружение значительно большее по размеру. Здесь множество мелких муравьев суежились вокруг тела одного очень большого муравья, у которого были желтоватые крылья и большая, удлиненной формы черная голова.

– Это, должно быть, король из моего видения! – вскричал Акиносукэ. – И он во дворце Токоё!.. Поразительно!.. Райсю должен находиться к юго-западу от него – то есть, видимо, слева от того большого корня... Да! Он здесь! Как это странно! Теперь я даже уверен, что смогу отыскать гору Ханрёко и могилу принцессы...

Он пристально вглядывался в разрушенный муравейник и наконец отыскал крошечную насыпь, на вершине которой была установлена отшлифованная водой галька. По форме она напоминала буддийский надгробный памятник. Под ним Акиносукэ обнаружил глиняный саркофаг, а в нем трупик самки муравья.

Рики-Бака

Его звали Рики. Это имя означает «сила», но люди звали его по-другому: Рики-простак или Рики-дурачок, потому что он был рожден, чтобы всю жизнь оставаться ребенком. По этой причине люди были добры к нему – даже когда он поджег дом, поднеся горящую спичку к занавеси, и хлопал в ладоши в восторге от языков пламени. В шестнадцать лет он был высоким, сильным юношей, но разумом оставался счастливым двухгодовалым малышом и поэтому продолжал играть с самыми малыми детьми. Соседские детишки от четырех до семи лет не играли с ним, потому что он не мог запомнить их игры и заучить их песни. Его любимой игрушкой была палка от метлы, которую он использовал как игрушечного коня. Оседлав ее, он часами носился вверх и вниз по склону напротив моего дома, оглашая округу счастливым радостным смехом. Но в конце концов шум от его игр стал мне слишком докучать, и я был вынужден сказать, чтобы он поискал иное место для своей забавы. Рики покорно подчинился и ушел, с грустью волоча за собой палку. Всегда кроткий и совершенно безобидный (если не разрешать ему играть с огнем), он редко давал повод для жалоб. Его участие в жизни улицы было совсем незаметно – едва ли бóльшим, нежели у местной собаки или кошки, и, когда он однажды исчез, я не вспоминал о нем. Много месяцев прошло, прежде чем я вспомнил о Рики.

Поводом к тому стала встреча со старым лесорубом, который снабжал всю нашу округу дровами. Я увидел его и припомнил, что Рики частенько помогал ему подносить вязанки хвороста. Я спросил:

– Что приключилось с Рики?

– С Рики-Бака? – переспросил старик. – А... Рики умер, бедолага... Да... Он умер с год тому назад, и совершенно внезапно. Доктора сказали, что у него была какая-то болезнь в голове. А теперь с этим несчастным Рики приключилась необычная история. Когда он умер, – продолжал старик, – его мать написала у него на левой ладони «РИКИ-БАКА» – его имя. «РИКИ» написала иероглифом на китайский манер, а «БАКА» – по-японски, на *кана*²³. А затем много молилась за него – очень просила, чтобы он родился заново и это рождение было счастливее прежнего.

И вот не так давно – три месяца, может, тому назад – в Кодзимати, в резиденции благородного Нанигаси-сама, родился мальчик. И на ладони левой руки у него иероглифы – тут не ошибешься, они легко читаются: «РИКИ-БАКА».

Люди из того дома знали, что рождение это случилось в ответ на чью-то молитву, и принялись повсюду расспрашивать об этом. Наконец один торговец овощами дал им зацепку – он сказал, что в квартале Исигомэ жил парнишка по имени Рики-Бака, а прошлой осенью умер. Они послали двух слуг разыскать мать Рики.

Слуги нашли женщину и рассказали ей о том, что произошло. Она была рада известию: ведь дом Нанигаси очень уважаемый и богатый. Но слуги сказали, что семья Нанигаси-сама разгневана словом «Бака» на ладони ребенка. «Где похоронен ваш Рики?» – спросили они. «Его похоронили на кладбище Дзэндодзи, – ответила мать. «Разрешите нам взять немного глины с его могилы», – попросили слуги. Тогда она пошла с ними к храму Дзэндодзи, показала им могилу Рики, и они взяли с нее немного глины, завернули ее в *фуросики*²⁴ и дали матери Рики денег – десять иен...²⁵

²³ В японском языке используются три основные системы письма: *кандзи* – иероглифы китайского происхождения и две слоговые азбуки, созданные в Японии: *хирагана* и *катакана* (*кана*). То есть текст был написан в соответствии со слоговой системой письма.

²⁴ *Фуросики* (фуроси) – лоскут шерстяной ткани, обычно квадратной формы. Используется в качестве обертки для переноски предметов небольшого размера.

²⁵ Значительная по тем временам сумма денег.

– Но зачем им понадобилась эта глина? – удивился я.

– Ну, – отвечал старик, – это нужно для того, чтобы ребенок не рос с этим именем на ладони. И в таком случае, как этот, нет вернее средства: чтобы вывести иероглифы, нужно тереть кожу глиной, взятой с могилы, где помещается тело, в котором душа обитала в своей прошлой жизни...

Подсолнух

На склоне лесистого холма за нашим домом мы с Робертом ищем ведьмины круги. Роберту уже восемь. Он благоволит мне и очень умный. Мне едва минуло семь, и я обожаю Роберта. Августовский день – погожий и прозрачный; теплый воздух наполнен сладковато-острым ароматом сосновой смолы.

Мы не нашли ведьминых кругов – только великое множество сосновых шишек в высокой траве... Я рассказываю Роберту старую ирландскую легенду, в которой один человек беспечно улегся спать на землю, не подозревая, что находится внутри такого круга, и заснул на целых семь лет. А когда друзья все-таки расколдовали его, не мог ни есть, ни говорить.

– Да они только с острие иголки, – говорит Роберт.

– Кто? – спрашиваю я.

– Гоблины, – отвечает Роберт.

Это откровение наполняет все мое существо немым удивлением и погружает в глубокое благоговение.

– Смотри-ка, арфист! Он идет к дому!

И с холма мы бежим вниз, чтобы послушать арфиста. Но боже! Что же это за арфист! Он совсем не похож на сказителей из книжки с картинками. Какой-то бродяга: смуглый, крепкий, неопрятный, с черными спутанными волосами, глаза хмуро сверкают из-под густых черных бровей. Он скорее похож на странствующего каменщика, нежели на барда.

– Интересно, он будет петь на валлийском? – бормочет Роберт.

Я слишком обескуражен, чтобы что-то сказать в ответ. Между тем бродячий сказитель пристраивает свою арфу – изрядной величины инструмент – на пороге нашего дома и с размаху ударяет по его струнам своими грязными пальцами, с сердитым рычанием прочищает голос и начинает песню:

Поверь, я не могу представить, что эта красота
Обречена растаять, исчезнув без следа...

Все в этом человеке – и акцент, и манеры, и голос – буквально заставило меня задохнуться от возмущения! Все в нем было пошло и неправильно!

Мне захотелось закричать: «Ты не имеешь права петь эту песню!»

Поскольку я слышал ее из уст самого дорогого и чудесного в моем маленьком мире человека, то не понимал, как этот грубый и неопрятный бродяга может петь ее. Мне чудилась в этом насмешка – она приводила в бешенство! Но едва отзвучал первый куплет, мое возмущение улетучилось. Голос певца поразительным образом переменялся и зазвучал глубоко, свободно, мелодично, и у меня перехватило горло от восторга. Что за волшебством он владел? Что за секрет он знал – этот хмурый бродяга? О! Да сыщется ли в целом свете еще кто-то, кто бы мог спеть так же? И фигура певца, и очертания предметов вокруг – дома, лужайки – размываются, подрагивают и плывут передо мной. Но инстинктивно я боюсь этого человека – я почти ненавижу его и чувствую, что весь пылаю гневом и стыдом за то, что он сумел сделать со мной...

– Он заставил тебя плакать, – с сочувствием произносит Роберт, и его замечание повергает меня в еще большее смятение чувств.

Тем временем бард, став богаче на шесть пенсов, уже уходит со двора. Он даже спасибо не сказал за деньги.

– Все-таки он, должно быть, цыган, – продолжает Роберт. – Цыгане – плохие люди. Они колдуны. Давай вернемся в лес.

Мы снова лезем на холм, возвращаемся к соснам, сидим в высокой траве, пронизанной солнечными бликами. Но играть уже не хочется: магия звуков пения еще владеет нами...

– А может быть, он гоблин? – наконец отваживаюсь я спросить. – Или эльф?

– Нет, – отвечает Роберт, – всего лишь цыган. Но они ничем не лучше. Ты знаешь, они ведь крадут маленьких детей...

– А что нам делать, если он поднимется сюда, к нам? – Мне страшно – место пустынное.

– Нет, не посмеет, – отвечает Роберт. – Днем такого они не делают, ты знаешь...

[Только вчера рядом с деревней Таката я заметил цветок, который японцы называют «химавари» – подсолнух. «И, как подсолнух...» – даже через бездну сорока прошедших лет меня вновь настигает волшебный голос бродячего барда:

И, как подсолнух, что цветком вослед земному движется светилу,
Она, не отрывая глаз, следит за божеством своим...

И вновь я вижу блики солнца на том далеком холме в Уэльсе; и Роберт снова стоит подле меня – у него нежная девичья кожа и золотистые локоны. Мы искали ведьмины круги... Роберт с тех пор, должно быть, сильно изменился. Его одаренная натура расцвела и явила нечто яркое, значительное, необычное – мне и не узнать его теперь... Я люблю его, как и прежде: жизнь бы за него отдал... А ведь в том и есть высшее проявление любви – когда жертвуешь жизнью за друга...]

Хорай

Голубое видение глубины, теряющейся в высоте, – море и небо, перетекающие друг в друга в мерцающем тумане. Весенний день, утренний час...

Только небо и море – лазурная безбрежность... Ближе рябь воды ловит серебристый свет, тонкие струйки пены кружат в водоворотах. Но чуть дальше уже не видно движения и цвета неразличимы: только неясная голубизна теплой воды, убегаящая вдаль, чтобы расплавиться в синеве воздуха. Там нет горизонта: только даль, уходящая в бесконечность, только необъятная вогнутая поверхность где-то далеко впереди да сильно выгнутая над вами и цвет, густеющий в высоте. Но где-то в середине этой легкой синевы различимо едва видимое очертание башенок дворца с высокими крышами – рогатыми и изогнутыми некий призрак древней красоты, мягко подсвеченный солнечными лучами, приглушенными, как древняя память.

То, что я попытался описать, – *какэмоно*: японская живопись на шелке. Она висит на стене в моей спальне. Картина называется «Синкиро», что означает «мираж». Но очертания миража вполне вняты. Это мерцающие врата священного Хорая, а луноподобные крыши – это кровли дворца Короля-Дракона. По явленной архитектурной манере (хотя написана картина совсем недавно кисточкой японского мастера) угадывается древняя стилистика – более чем двухтысячелетней давности.

В китайских книгах того времени много говорится об этом месте.

В Хорae нет ни смерти, ни боли. Там нет зимы. Там всегда цветут цветы и зреют плоды. Если однажды вкусить от тех плодов, то никогда уже не придется изведать жажду и голод. В Хорae растут волшебные растения *со-рин-си*, *рику-го-ои* и *бан-кон-то* – они исцеляют любые недуги, и еще там растет другая волшебная трава – *ё-син-си*, которая оживляет мертвых. Чудесную траву орошает волшебная вода, единственный глоток которой дарует вечную юность. Обитатели Хорая вкушают рис из очень-очень маленьких плошек, но рис никогда в них не иссякает, сколько бы его ни ели, и так до тех пор, пока тот, кто ест, не насытится. И вино жители Хорая пьют из очень-очень маленьких чашек; но нет человека, что способен осушить чашку, с какой жадностью бы он ни пил – до тех пор, пока не снизойдет на него приятная дремота опьянения.

Обо всем этом и еще о многом повествуется в легендах из эпохи династии Цин. Но в то, что люди, записавшие эти легенды, видели когда-нибудь Хорай – даже его мираж, – поверить невозможно. На самом деле ведь не существует ни магических плодов, что насыщают человека навсегда, ни травы, что воскрешает мертвых, ни плошек, где никогда не кончается рис, ни чаш, в которых не иссякает вино. Неправда, что скорбь и смерть никогда не посещают Хорай, как неправда и то, что там не бывает зимы. Зима в Хорae холодная – ветер пронизывает до костей и громоздит сугробы на кровлях Короля-Дракона.

Тем не менее в Хорae существуют удивительные вещи. И самая замечательная из них не упомянута ни одним китайским автором. Я имею в виду атмосферу Хорая. Она необыкновенная, поскольку солнечный свет сияет там совершенно по-особенному – молочно-белый, он никогда не слепит; удивительно чистый, но очень мягкий. Сам воздух там не человеческий и поразительно древний – я даже пугаюсь, когда пытаюсь вообразить, насколько безумно он стар. Этот воздух отнюдь не смесь азота и кислорода. Его образуют не газы – он соткан из призраков, из субстанций квинтиллионов и квинтиллионов поколений душ, смешанных в одну безграничную полупрозрачность, насыщенную духовными сущностями людей, которые думали совсем не так, как думаем мы. Кто бы из смертных ни вдохнул этот воздух, его кровь начинает вибрировать в унисон с этими бесчисленными духами; они меняют чувства внутри – изменяя представления о пространстве и времени – таким образом, что теперь человек может видеть так, как видели те люди, и чувствовать так же, и думать точно таким же образом. Изменения

эти мягкие – как сон, и объяснить их можно так: поскольку в Хорае неведомо знание великого зла, людские сердца здесь не стареют. И потому всегда молодые сердцем обитатели Хорая улыбаются от рождения до смерти. Только тогда, когда боги посылают им горе, они прячут свои лица – до тех пор, пока горе не уйдет. Жители Хорая любят и доверяют друг другу – как члены одной семьи. Женская речь там подобна пению птиц, потому что сердца легки, как птичьи души. Движения рукавов резвящихся девушек напоминают взмахи широких, мягких крыльев. Кроме печали, ничто не сокрыто в Хорае, потому что там не знают стеснения. Там нет запертых дверей, ибо там нет воровства. Так же как и днем, ночью ворота остаются открытыми, потому что нет причин чего-нибудь опасаться. Хотя те, кто обитает там, смертны, они все равно волшебные миниатюрные создания, и, кроме дворца Короля-Дракона, все предметы в этой стране маленькие, необыкновенные и загадочные. И этот волшебный народец действительно ест из очень-очень маленьких плошек и пьет вино из очень-очень маленьких чашечек...

Большей частью видение это возникло благодаря вдыханию той самой призрачной атмосферы – но не только. Чары мертвых – лишь восхищение идеалом, обаяние древней надежды. И что-то из этой надежды нашло воплощение во многих сердцах – в простой красоте безыскусной жизни, в сладости женщины...

Злые ветры с запада дуют над Хораям. И волшебная атмосфера, увы, улетучивается под их напором. Теперь она только на лоскутах и тесьме – как та яркая вереница облаков, что окаймляют пейзажи японских живописцев. В лоскутках этого волшебного тумана еще можно разглядеть Хорай, но уже не везде... Не забывайте, что Хорай также называют Синкиро, что означает «мираж» – видение неосязаемого. И видение блекнет, постепенно исчезая, чтобы уже никогда не проявиться вновь, оставшись в картинах, стихах и сновидениях...

Карма и другие истории

Из сборника «Karma and Other Stories & Essays», 1921

Мальчик, который рисовал кошек

Много-много лет тому назад в маленькой деревушке в горах жил бедный крестьянин с женой. Они были очень хорошими людьми, но им с великим трудом удавалось прокормить своих детей. Впрочем, старший от природы был наделен физической силой и уже в четырнадцать лет стал отличным помощником отцу, а дочери, едва научившись ходить, всю помогали матери.

Лишь младший сын, похоже, не был способен к тяжелой работе. Но он был очень умен – куда умнее своих старших братьев и сестер, однако так мал и слаб, что люди сокрушались и говорили, что он никогда не вырастет. Поэтому родители решили: будет лучше, если он станет священником, а не крестьянином. И вот однажды они отвели своего младшего в деревенский храм и попросили старого священника взять мальчугана к себе и выучить всему, что надлежит знать монаху.

Старик поговорил с мальчиком. Задал ему несколько сложных вопросов. Тот ответил, и священник, убедившись, что ребенок смысленный, согласился взять его в храм служкой и обучать.

Мальчуган быстро выучился всему, чему учил его старый монах. К тому же он был очень послушным. Во всем, кроме одного. Во время уроков ему нравилось рисовать кошек, и он их рисовал даже тогда, когда ему не следовало этого делать.

Впрочем, рисовал он их и когда оставался в одиночестве. Он рисовал кошек на полях книг священника, на экранах и ширмах в храме, на стенах и на балках свода. Несколько раз старик говорил ему, что тот поступает неправильно. Но мальчик не перестал изображать кошек. У него был талант, но талант художника. По этой причине он не очень подходил на роль послушника – хорошему послушнику следует изучать книги, а не разрисовывать их.

Однажды, после того как на бумажной ширме появилось несколько новых замечательных рисунков, священник сказал сурово:

– Мальчик! Ты должен оставить храм немедленно. Из тебя не выйдет хорошего священника. Хотя, вполне возможно, из тебя получится большой художник. А теперь разреши мне дать тебе последний совет. Думаю, ты никогда его не забудешь. *Избегай больших помещений ночью – ночуй в маленьких!*

Ребенок не знал, что старик имел в виду, говоря: «Избегай больших помещений ночью – ночуй в маленьких». Он думал и думал, увязывая свои невеликие пожитки в узел и собираясь в дорогу, но так ничего и не смог придумать, а спросить монаха не решился – смелости хватило только на то, чтобы вымолвить: «Прощайте».

Он покинул храм в большой скорби и принялся размышлять, что делать дальше. Если пойдет домой, то отец накажет его за непослушание; он побоялся возвращаться. Но тут он вспомнил, что в соседней деревне – примерно в двенадцати милях – есть большой храм. И он подумал: а что, если отправиться туда и попросить монахов принять его в послушники?

Но храм закрыли (мальчик не знал этого), потому что в нем поселился гoblin, – монахи испугались и разбежались, и теперь демон владел этим местом. Несколько храбрых воинов пытались победить и убить чудовище – они оставались в храме на ночь, но живыми их уже больше не видели. Никто не рассказал об этом мальчику, и он отправился в свой путь в надежде, что найдет приют.

Когда он добрался до деревни, тьма давно сгустилась и все жители уже спали. Но паренек увидел храм, что возвышался на холме, и в нем горели огни. Идти было нужно прямо по главной дороге деревни, и он пошел. Те, кто рассказывал эту историю, утверждали, что гoblin специально зажигал на ночь лампы в храме, с тем чтобы одинокие путники искали в нем приют. Мальчик подошел к храму и постучал в ворота. Но никто не отозвался. Он посту-

чал еще раз, но к воротам никто не подошел. Наконец он решился тихонечко толкнуть дверь и, к своей радости, обнаружил, что она не заперта. Так он вошел внутрь. Лампы горели. Но монахов внутри не было.

Он подумал, что кто-нибудь из священнослужителей обязательно скоро появится, уселся на пол и принялся ждать. Потом он заметил, что все в храме густо покрыто пылью и паутиной, а пол грязный. Про себя он подумал, что монахи обязательно возьмут его в прислужники – ведь кто-то должен здесь убираться и все начищать. Он было принялся размышлять, почему все кругом находится в таком запустении, но ничего не придумал. Зато он обратил внимание, что повсюду в храме стоят ширмы и развешены бумажные экраны. Это порадовало его – на них можно нарисовать много кошек. Хотя он устал, но мысль вдохновила его, и маленький художник взглядом принялся искать ящик для письменных принадлежностей, а когда нашел, открыл его, достал кисточку, чернила и взялся рисовать кошек.

Он рисовал и рисовал – на ширмах, экранах – и нарисовал их великое множество. А затем устал, и ему очень захотелось спать. Он было устроился подле одного из разрисованных им экранов и стал засыпать, когда вдруг вспомнил слова старого учителя: «Избегай больших помещений ночью – ночуй в маленьких!»

Храм был огромен. И совершенно пуст – в огромном зале мальчик был один. Он задумался над тем, что ему сказал монах, и, хотя он не понимал, что означают его слова, первый раз за все время немного испугался. И принялся разыскивать *маленькую комнату*, чтобы устроиться на ночь там. Через недолгое время он обнаружил такое помещение – небольшую комнату, отделенную от храмового зала раздвижной дверью. Он открыл ее, вошел внутрь и запер за собой на засов. Затем лег на пол и быстро уснул.

Поздно ночью его разбудил ужасный шум – он слышал звуки схватки и чудовищные пронзительные крики. Было так страшно, что мальчуган даже не решился посмотреть в щелку, что происходит в храмовом зале, не то что выглянуть из своего убежища. Он лежал совсем тихо, забившись в угол, и даже затаил дыхание от ужаса.

Он видел, что горевшие в зале лампы внезапно погасли и наступила тьма, но ужасные звуки продолжались, затем они стали даже еще громче, и весь храм заходил ходуном. Как долго все продолжалось, мальчик не знал, но вдруг опустилась тишина. Он был так напуган, что даже не пошевелился. И так лежал недвижим до тех пор, пока лучи утреннего солнца не проникли сквозь щели в его каморку.

Тогда – очень осторожно – он выполз из своего убежища и заглянул в зал храма. Первое, что он увидел, – весь пол был густо залит кровью. А затем обнаружил, что в самом центре зала лежит огромная, чудовищных размеров крыса. Это был гоблин – в таком обличье он существовал. Но размерами своими он превосходил быка, и он был мертв.

Но кто или что убило его? Ни единого человеческого существа, ни иного создания мальчик не видел – ни души кругом. Внезапно ребенок обнаружил, что кошки, которых он рисовал накануне вечером, изменились: у каждой пасть и клыки были окрашены кровью. Тогда он догадался, что демона растерзали они – кошки, которых он нарисовал. И мальчик понял, какой удивительной мудростью обладал его старый учитель, как он был прозорлив и почему на прощание сказал: «Избегай больших помещений ночью – ночуй в маленьких».

А потом – много позднее – мальчик стал знаменитым художником. Некоторых из его удивительных кошек до сих пор можно увидеть на старых японских полотнах.

Гоблин-паук

В древних книгах говорится, что в свое время в Японии обреталось немало гоблинов в обличье пауков.

В народе, правда, говорят, что и теперь иной раз можно встретить гоблина-паука. В дневное время они ничем не отличаются от обычных пауков. Но с приходом ночи, в самую глухую пору, когда все вокруг засыпает и не слышно ни звука, происходит метаморфоза – они вырастают, становятся огромными и совершают ужасные вещи. Гоблинам-паукам приписывают также магическую способность принимать человеческое обличье, чтобы обманывать людей. И вот вам известная японская легенда о таком пауке.

Давным-давно в одной из отдаленных малонаселенных частей страны стоял заброшенный храм. Никто в нем не жил и не служил, потому что им завладел гоблин. Много отважных самураев в разное время приходило туда сразиться с ним, но ни одному из них не суждено было вернуться назад, после того как они входили в храм.

Наконец однажды у стен храма появился воин. Он был известен не только своей отвагой, но и благоразумием. Он решил провести ночь в храме. И сказал тем, кто сопровождал его:

– Если к утру я буду еще жив, я ударю в колокол храма.

Затем он повелел оставить его в одиночестве, вошел внутрь и зажег фонарь.

Внутри он огляделся, но, кроме густо покрытой пылью статуи Будды над алтарем, ничего не увидел. Он присел подле. Ночь шла, но ничего не происходило. Но вот минула полночь. И тогда появился гоблин: у него был только один глаз и половина тела. Он произнес: «Хитокусай!» Что означает: «Чувствую человеческий запах». Но самурай никак не отреагировал. Он сидел неподвижно – даже не шелохнулся. Гоблин исчез.

Минуло какое-то время. И в храме появился монах. Он принес с собой *сямисэн*²⁶ и принялся играть. Играл так замечательно, что самурай понял – человек *так* играть не может. Тогда он вскочил и обнажил свой меч. При виде его святой человек рассмеялся и спросил:

– Ты что, подумал, что я гоблин? О нет. Я всего лишь священник этого храма. Я дал обет изгнать гоблинов отсюда и потому должен играть. Как ты находишь, хорошо ли звучит инструмент? Будь добр, попробуй его сам – поиграй...

С этими словами он протянул *сямисэн* самураю. Тот был осторожен и потому взял предмет левой рукой. Но едва та коснулась деки, как *сямисэн* тут же превратился в тенета, а священник – в гигантского паука. Левую руку стянули прочные нити и приковали к телу. Но правая рука была свободна, и воин сражался отважно. Он сумел достать паука и ранил его. Однако тот продолжал опутывать воина паутиной, и настал момент, когда самурай уже совсем не мог шевелиться и сопротивляться.

Но тут взошло солнце. Едва первые лучи коснулись паука, тот бросился наутек. Слуги не дождались удара колокола, но не мешкая вошли в храм. Они обнаружили своего господина живого, но обездвиженного, стянутого нитями чудовищной паутины. И освободили его. А затем увидели, что по полу тянется кровавый след. Проследив, обнаружили, что он покидает храм, стелется по траве и исчезает в норе – в заброшенном саду поблизости. Слуги подошли к отверстию и услышали, как оттуда доносятся ужасные стоны. Люди раскопали нору и обнаружили паука. Тот был ранен. И тогда они убили его.

²⁶ *Сямисэн* – старинный японский щипковый инструмент сродни мандолине или домре.

История о женщине, которая потеряла клетку из рисовой муки

Давным-давно жила-была забавная немолодая женщина, которая очень любила посмеяться и обожала готовить клетки из рисовой муки.

Однажды, когда она готовила очередную порцию клеток на обед, одна из них выскользнула из рук и упала, а затем покатилась и исчезла в дыре в полу. Надо сказать, пол в маленькой кухоньке был земляной, но дыр прежде она там не замечала. И вот такая незадача! Женщина попыталась достать клетку из отверстия – сунула туда руку, и... земля разверзлась, и пожилая женщина провалилась внутрь.

Она падала довольно долго, но совершенно не пострадала и даже не ушиблась. А когда встала и отряхнулась, обнаружила, что стоит на дороге – почти такой же, что проходит подле ее дома. Было светло, и она увидела, что вокруг расстилаются рисовые поля; но они были пусты – работающих крестьян не было. Объяснить, что с ней случилось и куда она попала, я не берусь. Но похоже на то, что пожилая женщина угодила в какую-то другую страну.

Дорога, на которой она очутилась, спускалась с крутого холма; потому, оглядевшись в поисках пропавшей клетки и не обнаружив ее, она подумала, что та скатилась вниз по дороге. И женщина поспешила вниз по склону. Она не только оглядывалась по сторонам в поисках пропажи, но и громко причитала при этом:

– Моя клетка! Клетка! Моя клеточка! Куда же подевалась моя замечательная клетка?

Некоторое время спустя она заметила, что у дороги стоит камень, а на нем – статуя *Дзидзо*, покровителя путников. Женщина поспешила к нему и спросила:

– О господин Дзидзо, ты видел мою клетку?

Покровитель путников ответил:

– Да, я видел, как твоя клетка катилась вниз по дороге. Но лучше тебе не ходить дальше, поскольку там живет ужасный *они*²⁷, а он очень любит кушать людей.

Но женщина только рассмеялась и поспешила вниз по дороге, продолжая кричать:

– Моя клетка! Клетка! Моя клеточка! Куда же подевалась моя замечательная клетка?

И так она добралась до следующей статуи покровителя странствующих и снова спросила:

– О добрый господин Дзидзо, ты не видел мою клетку?

И тот ответил:

– Да, некоторое время назад я видел твою клетку. Но тебе не стоит идти дальше, потому что там, внизу, обитает страшный *они*, а он ест людей.

Но она только рассмеялась в ответ и побежала дальше вниз, продолжая кричать все громче:

– Моя клетка! Клетка! Моя клеточка! Куда же подевалась моя замечательная клетка?

Так она добралась до третьей статуи и снова спросила:

– О дорогой господин Дзидзо, ты тоже видел мою клетку?

Но покровитель путников отвечал:

– Перестань наконец говорить о своей клетке. Сюда идет *они*. Скорее спрячься в складке моего рукава. И пожалуйста, сиди очень тихо – не шуми.

Тем временем демон подошел совсем близко к статуе и произнес:

– Добрый день, Дзидзо-сан!

²⁷ *Они* (яп. #) – в японской мифологии демоны аналогичны нашим бесам и чертям. Обладают отвратительной внешностью: имеют черную, красную и голубую кожу, рога и клыкасты. Исключительно гневливы. Носят набедренную повязку; трудноубиваемы – отрубленные части тела прирастают на место. Несмотря на туповатый внешний вид, очень хитроумны; могут превращаться в людей. Предпочитают питаться человеческим мясом. Ненавидят мучное. Обитают главным образом в аду.

Покровитель путников ответил и очень вежливо пожелал демону доброго дня.

Затем они внезапно два или три раза глубоко потянул ноздрями воздух, подозрительно оглянулся по сторонам и закричал:

– Дзидзо-сан! Дзидзо-сан! Я чувствую запах человека. Он где-то здесь, поблизости. Не правда ли?

– О, ну что вы! – отвечал Дзидзо. – Наверно, вы все-таки ошибаетесь.

– Нет-нет! – вскричал демон и вновь потянул ноздрями воздух. – Я чувствую – пахнет человеком!

В этот самый момент пожилая женщина вдруг рассмеялась: «Хе-хе-хе!»

Они тут же отреагировали и, протянув огромную волосатую руку, достали из рукава статуи женщину, которая продолжала смеяться: «Хе-хе-хе!»

– Ого! Ха! – вскричал демон торжествующе.

Тогда Дзидзо спросил:

– Что вы собираетесь сделать с этой доброй пожилой женщиной?

И добавил:

– Вы должны по-настоящему быть добры к ней. Если это будет не так, я сильно разгневаюсь.

– Я совершенно не собираюсь причинять ей зло, – пообещал демон. – Я лишь хочу, чтобы она ежедневно стала делать для нас небольшую работу. Вот и все. До свидания, Дзидзо-сан!

Затем они подняли женщину на руки и пошел со своей ношей вниз по дороге. Так они шли и шли, пока дорогу не преградила широкая и глубокая река. Здесь их ждала лодка. Демон поместил женщину в лодку, влез сам и переправился через реку. На той стороне стоял его дом. Это был очень большой дом. Не мешкая он отвел женщину на кухню и попросил приготовить обед для него и для других демонов-они, что жили с ним. Он дал ей маленькую деревянную лопаточку и огромную миску.

– Вы должны взять одно рисовое зернышко и положить его в миску, – сообщил демон, – залить водой и помешивать этой лопаткой. При каждом помешивании количество риса в миске будет удваиваться. Мешайте до тех пор, пока миска не наполнится.

Пожилая женщина так и поступила. Она взяла рисовое зернышко, положила в миску с водой и, как сказал ей демон, стала мешать лопаточкой: немедленно одно зернышко превратилось в два, два – в четыре, четыре – в восемь, восемь – в шестнадцать, затем их стало тридцать два, шестьдесят четыре и так далее. При каждом помешивании количество риса прибывало. Через несколько минут большая миска наполнилась доверху.

Минуло время. Женщина жила в доме демона и каждый день стряпала еду для него и для всех его друзей. Они, как и обещал, никогда не обижали и даже не пугали ее. С волшебной лопаточкой хозяйка управлялась споро, и потому работа ее была не тяжела, хотя готовить ей было нужно очень и очень много. Ведь демоны едят гораздо больше любого существа из плоти и крови.

Хотя женщина и обладала веселым нравом и была, как мы помним, весьма смешлива, но она чувствовала себя очень одиноко и сильно скучала по своему маленькому домику у дороги. Ей так хотелось вернуться обратно и снова заняться приготовлением любимых клецек из рисовой муки. И вот однажды, когда они и его друзей не было дома, она подумала, что ей стоит попробовать убежать.

Прежде всего женщина взяла волшебную лопаточку и спрятала ее у себя за поясом. После этого она выбежала из дома и бросилась к реке. Никто ее не заметил, и она не увидела никого. Лодка оказалась на месте – привязана к берегу. Беглянка забралась в нее, отвязала и принялась грести. Поскольку грести она умела, то скоро отплыла довольно далеко.

Но река была очень широкой. Едва ли женщине удалось одолеть и четверть пути до противоположного берега, как демоны – все вместе – вернулись домой.

Они сразу обнаружили, что их повариха сбежала, а волшебная лопаточка исчезла. Все сразу кинулись к реке и увидели женщину, которая гребла изо всех сил.

Вполне возможно, что плавать демоны не могли и потому всегда использовали лодку. Другой лодки у них не было. Поэтому оставался единственный выход – как можно скорее выпить в реке всю воду, пока беглянка не добралась до противоположного берега. Не мешкая они разом опустились на колени и принялись пить. Причем пили они так быстро, что река изрядно обмелела еще до того, как женщина достигла середины русла.

Но пожилая женщина продолжала усердно работать веслом, пока река не сделалась настолько мелкой, что они прекратили пить. Они поднялись с колен и пошли вброд – глубина потока уже позволяла им настичь беглянку таким образом. Увидев это, бывшая кухарка бросила весло, достала из-за пояса волшебную лопатку, помахала ею перед ними и принялась корчить рожи. Видимо, они получались очень смешными. А может быть, ей помогла волшебная лопаточка. Как бы там ни было, демоны не выдержали и расхохотались.

Но, смеясь – понятное дело! – они не могли удерживать в себе выпитую воду. Она хлынула из них обратно, и река наполнилась вновь. Плыть демоны не могли, они остановились, а веселая пожилая женщина благополучно добралась до противоположного берега, оставила лодку и что было духу припустила вверх по дороге.

И так она бежала без единой остановки до тех пор, пока не очутилась снова у себя дома.

Теперь она была счастлива: она могла заняться приготовлением своих излюбленных клецек в любое время, когда захочет. Кроме того, у нее была волшебная лопаточка, и потому она не испытывала недостатка в рисе для своих кулинарных нужд. Ко всему прочему женщина взялась торговать ими, продавая соседям и путникам, идущим по дороге мимо ее дома. И довольно скоро она разбогатела.

Тин-тин Кобакама

Во всех японских домах полы в комнатах покрывают красивые, плетенные из тростника циновки. Стебли тростника в циновках так плотно подогнаны друг к другу, что раздвинуть их можно лишь при помощи ножа. Циновки меняют только раз в год и содержат их в чистоте. Дома японцы никогда не ходят в обуви, не пользуются стульями, в их жилищах нет привычной европейцам мебели. Они сидят, спят, едят и иной раз даже пишат, сидя на полу. Поэтому циновки должны быть всегда чистыми, и японских детей учат, едва только они начинают говорить, не портить и не пачкать их.

Японские дети – исключительные, особенные. Все путешественники – по крайней мере, те, кто писал о Японии в своих книгах положительно, – отмечают, что маленькие японцы куда более послушные и значительно менее озорные, нежели их английские сверстники. Они не пачкают и не портят вещи, никогда не ломают игрушки. Японская девочка не ломает свою куклу. Нет, напротив, она будет беречь ее и хранить даже тогда, когда уже станет взрослой женщиной и выйдет замуж. Когда она станет матерью и у нее появится дочка, то она передаст куклу своей малышке. И ребенок будет беречь куклу так же, как берегла мама, и хранить до тех пор, пока сама не вырастет; а затем наконец передаст ее своим детям, и те будут играть с ней столь же трогательно, как играла их бабушка. Я сам, рассказывающий эту историю для вас, видел в Японии кукол, возраст которых перевалил за сотню лет, а они выглядели так, словно были совсем новыми. Это показывает, каковы японские дети и почему полы в домах в Японии всегда чистые – дети не испортят и не поцарапают их, потому что озорство им несвойственно.

Закономерен будет вопрос: неужели *все* японские дети такие замечательные? Конечно нет. Есть среди них дурные, испорченные дети. Но их мало, очень мало. А что происходит с циновками в тех домах, где обитают эти негодные дети? Да ничего плохого не происходит, потому что есть фэйри, которые заботятся о циновках. Эти маленькие человечки пугают и дразнят детей, которые пачкают или портят циновки, или, во всяком случае, дразнили и пугали маленьких негодников в прошлом.

Я не очень уверен, остались ли еще фэйри в Японии: эти ужасные железные дороги и телеграфные столбы заставили многих из них бежать без оглядки. Но у меня есть одна маленькая история о них. Вот она.

Много лет тому назад жила-была маленькая девочка. Она была очень мила и красива, но, увы, очень ленива. Родители ее были богаты, и потому у них было множество слуг. Все слуги боготворили девочку и с радостью выполняли любые ее прихоти. Может быть, это и сыграло свою роль в том, что она выросла такой ленивой. Даже когда она повзрослела и превратилась в красивую женщину, слуги по-прежнему одевали и раздевали ее, расчесывали и укладывали волосы, и она всегда выглядела просто очаровательно. Никому даже в голову не могло прийти, что у нее могут быть какие-то недостатки.

Время прошло, она вышла замуж за храброго воина и ушла жить с ним в его дом. Но в доме ее мужа слуг было совсем немного, и это обстоятельство весьма угнетало молодую женщину – ведь у нее дома их было так много! Теперь она должна была делать то, что прежде для нее делали другие. Ах, как тягостно было самой одеваться, заботиться о своей одежде, стирать ее и штопать! Сколько труда и хлопот нужно, чтобы выглядеть красивой и опрятной, чтобы муж мог любоваться тобой! Но поскольку он был воином, то, когда армия отправлялась в поход, ему часто и подолгу приходилось бывать вне дома. И тогда она могла лениться столько, сколько ей было угодно. Родители мужа были немолоды и добродушны и никогда не ругали свою невестку.

Так вот, однажды ночью, когда супруг вновь отправился в поход и женщина осталась одна, какой-то странный негромкий звук раздался в комнате и разбудил ее. Спальню освещал лишь тусклый свет, исходивший от единственного бумажного фонаря, но она вполне отчетливо могла видеть то, что происходит.

А увидела женщина очень странную картину. Сотни маленьких человечков, всего лишь в дюйм ростом²⁸, одетые в костюмы японских воинов, танцевали вокруг ее подушки. Все они были одеты в наряд, в который муж облачался только по праздникам. В Японии он называется *камисимо* и надевается самураями в торжественных случаях; его легко узнать по характерным накладным квадратным плечам. Волосы человечков были убраны особым образом и связаны у каждого узлом на затылке. В довершение каждый, как заправский самурай, имел по два крошечных, тоненьких меча. Все они смотрели на женщину и смеялись. И все танцевали вокруг ее подушки и пели одну и ту же незамысловатую песенку, повторяя слова снова и снова:

Тин-тин Кобакама
Ёмо фукэ соро, —
Осидзумарэ, Химэ-гимэ!
— Ия тон тон!

Что означало:

Мы – Кобакама:
Веселить вас будем в поздний час.
Нас сон принес. Спи, госпожа!
Ты не уснешь без нас!

На первый взгляд слова песни были безобидны, даже приятны, но очень скоро женщина поняла, что маленькие человечки жестоки и издеваются над ней. К тому же они постоянно гримасничали и корчили ей мерзкие рожи.

Она попыталась поймать хотя бы одного из них, но они неизменно ускользали и двигались так быстро и проворно, что ей никак не удавалось сделать это. Тогда она захотела прогнать их, но они не уходили и все время распевали одну и ту же песенку:

Мы – Кобакама:
Веселить вас будем в поздний час.
Нас сон принес. Спи, госпожа!
Ты не уснешь без нас!

И все время смеялись над ней. Тогда она поняла, что это фэйри – маленькие злобные духи, родственные гоблинам. Сделав это открытие, она так испугалась, что не смогла даже вскрикнуть от страха и словно онемела. Так они и протанцевали вокруг нее всю ночь до самого утра, а потом внезапно исчезли, словно растворились в воздухе.

Она постеснялась кому-нибудь сказать о том, что произошло ночью, – в конце концов, она была женой самурая и не хотела, чтобы кто-то узнал, как она испугалась.

На следующую ночь все повторилось – маленькие человечки пришли снова и вновь пели и танцевали. И так стало повторяться каждую ночь. Каждую ночь они появлялись в один и тот же час, который издревле в Японии называют часом Быка и который соответствует современным двум часам после полуночи. Поскольку посещения маленьких человечков не прекра-

²⁸ 1 дюйм равен 2,54 см.

щались, женщина вскоре совсем ослабела – она почти не спала и очень боялась. Но фэйри не оставляли ее в покое.

Когда муж женщины вернулся домой, он очень расстроился, увидев ее в постели больной. Поначалу она боялась рассказать ему, что привело ее в такое состояние, опасаясь, что он станет смеяться над ней. Но он был так добр к своей жене, так мягко с ней разговаривал и так нежно ухаживал, что через некоторое время она все-таки отважилась рассказать о том, что происходит каждую ночь.

Выслушав свою жену, самурай не стал смеяться над ней, а, напротив, сделался очень серьезным и даже нахмурился.

Потом он спросил:

– В какое время они приходят?

Она ответила:

– Всегда в один и тот же час – в час Быка.

– Хорошо, – ответил ее муж. – Вечером я спрячусь и буду ждать, когда они появятся.

Ничего не бойся.

Он спрятался, укрывшись за ширмой здесь же, в спальне, и принялся наблюдать сквозь щелку между створками.

Он терпеливо ждал, ни на минуту не смыкая глаз до часа Быка, и, когда сравнялось два часа ночи, маленькие человечки возникли все разом, появившись сквозь щели между циновками, устилавшими полы в комнате. Сразу же они принялись танцевать и петь:

Мы – Кобакама:

Веселить вас будем в поздний час.

Нас сон принес. Спи, госпожа!

Ты не уснешь...

Они выглядели так необычно и танцевали столь забавно, что самурай едва сдержал себя, чтобы не рассмеяться. Но, взглянув в лицо своей молодой жены и увидев, как сильно она напугана, он не стал этого делать. Он вспомнил, что почти все японские духи, фэйри и гоблины боятся обнаженного меча. Обнажив клинок, он выскочил из своего укрытия и бросился на маленьких человечков. В то же мгновение, едва увидев самурая, все они превратились... Во что бы вы думали?

В зубочистки!

И не было больше никаких маленьких человечков в нарядах самураев – только множество старых зубочисток лежали россыпью по циновкам.

Молодая женщина была слишком ленива для того, чтобы убирать за собой использованные зубочистки. Каждый день после трапезы она брала новую зубочистку, а потом, используя, избавлялась от нее, засовывая под циновку. В конце концов фэйри, которые жили под циновками, рассердились и принялись мучить жену самурая, издеваясь над ней.

Кстати, в свое время и мать женщины видела маленьких фэйри. Как-то она засиделась до глубокой ночи и увидела их, но не растерялась, а сама на них напала! И что бы вы думали? Они превратились в сливовые косточки! Так и стало известно, что у одной маленькой девочки есть весьма дурная привычка. Она от нее избавилась и стала очень хорошей девочкой.

Значит, можно вспомнить и еще одну историю – о маленькой и очень ленивой девочке, которая любила есть сливы и имела обыкновение прятать косточки под циновками. Так она и делала. И никто не знал об этом до тех пор, пока маленькие фэйри не рассердились и не наказали ее. Каждую ночь очень маленькие, прямо-таки крошечные женщины – все они были одеты

в яркие, красного цвета одежды с очень длинным рукавом – в один и тот же известный час появлялись словно из ниоткуда, принимались танцевать, строить рожицы и не давали девочке спать...

Но вернемся к истории о молодой женщине – жене самурая. Муж очень ругал жену. Ей было так стыдно, что она даже не знала, что и делать. Наконец позвали слугу и приказали собрать все зубочистки и сжечь их. После этого никогда больше маленькие человечки не возвращались и никого не тревожили.

Сокрытое во мгле

Из сборника «Shadowings», 1900

Примирение

Жил-был однажды в Киото некий молодой самурай. Так случилось, что его господин оказался в немилости. Вследствие этого самурай лишился службы и впал в отчаянную бедность. Затем обстоятельства сложились таким образом, что он был вынужден покинуть свой дом и отправиться служить властителю одной дальней провинции. Прежде чем покинуть столицу, самурай развелся с женой – доброй и красивой женщиной, надеясь, что новый союз поможет ему в продвижении по службе. Он женился на девушке из состоятельной семьи и отбыл к месту службы.

Его поступок, конечно, был продиктован легкомыслием молодости и жестокой нуждой, в которой пришлось существовать. Самурай еще не понимал, что любовь – это не то чувство, с коим легко расстаться, завязав новые отношения. Второе супружество не сделало его счастливым: характер у молодой жены был тяжелый и эгоистичный. Очень скоро мужчина стал тосковать по тем дням и той жизни, что вел в Киото. Затем он понял, что все еще любит свою первую жену, любит куда больше, чем способен полюбить вторую. И начал осознавать, как несправедлив и неблагодарен он был. Его раскаяние с каждым днем становилось глубже, угрызения совести лишали сна и покоя. Воспоминания о женщине, которую обидел, постоянно преследовали его. Он вспоминал ее мягкую речь, ее смех и улыбку, блюда, которые она готовила, ее манеры, ее неразговорчивость и терпеливость. Иногда во сне он видел, как она ткёт пряжу – как тогда, когда она просиживала у ткацкого станка день и ночь, чтобы помочь ему в годы нищеты и скорби. Но еще чаще ему виделось, как она стоит на коленях в маленькой комнатке, где он ее оставил, и утирает текущие из глаз слезы рукавом изношенного халата. Даже в часы службы мыслями он возвращался к ней и постоянно спрашивал себя: как она живет, что сейчас делает? Что-то в его сердце говорило, что она не вышла замуж и сумеет простить его. И для себя он решил, что, как только сможет вернуться в Киото, сразу же разыщет ее – попросит прощения и вновь соединится с нею, сделает все, чтобы искупить вину. Но годы шли...

Наконец срок службы истек, и самурай мог распорядиться своей судьбой самостоятельно.

«Теперь я вернусь к своей любимой, – поклялся он себе. – Ах, какая глупость и какая жестокость, что я развелся с ней!»

Он расстался с нынешней женой и отослал ее к родителям под предлогом того, что у них нет детей, и тотчас же поспешил в Киото. Без промедления он отправился на розыски бывшей супруги – даже не переоделся, а пошел как есть: в пыльной дорожной одежде.

Уже наступила ночь – ночь десятого дня девятого месяца, когда самурай оказался на улице, где жила его первая жена. Город казался вымершим – было тихо, как на кладбище. Но луна светила ярко, все было видно, и он разыскал дом без труда. Он выглядел заброшенным: местами тростниковая крыша даже поросла бурьяном. Он постучал в дверь, но ему никто не ответил. Он обнаружил, что двери не заперты, и проник внутрь. Передняя комната оказалась совершенно пуста – даже циновки, что покрывают пол, отсутствовали. Холодный ветер задувал сквозь щели, через рваное отверстие в стене светила луна. Другие комнаты имели такой же нежилой вид. Похоже, дом был заброшен. Тем не менее самурай обошел все комнаты и наконец добрался до самой дальней – он знал, что эта комната была ее любимой, прежде ей нравилось здесь отдыхать. Подойдя к ширме, что отделяла помещение от остальных, он замер, потому что увидел слабый свет, что шел оттуда, пробиваясь сквозь бумагу. Он раздвинул двери и вскрикнул от радости: он увидел ее там – она склонилась над шитьем при свете тусклого бумажного фонаря. В этот самый момент она подняла глаза и встретила с его взглядом. Со счастливой улыбкой она просто спросила:

– Когда вы вернулись в Киото? Как разыскали меня в этом пустынном доме?

Годы, казалось, совсем не изменили ее. Она была все такой же красивой и молодой – точно такой, как рисовала ему память. Но слаще всего был ее голос: в нем звучали музыка, трепет и удивление.

Вне себя от радости, он сел напротив нее и рассказал все: как глубоко раскаивается в своем эгоизме, как без нее был несчастен, как жалел, что так поступил, и как надеялся вновь соединиться с ней и загладить свою вину. И постоянно извинялся – просил у нее прощения снова и снова. Она отвечала ему с любовной мягкостью, от души умоляя его прекратить это самобичевание. Неправильно, говорила она, что он позволил себе страдать из-за нее; она всегда чувствовала, что недостойна быть его женой. Да и разлука их случилась только по причине бедности, а он всегда был добр к ней. Потому она никогда не переставала молиться о его счастье. Но даже если у нее и был повод винить его, то теперь он совершенно исчез, потому что он пришел к ней. Разве существует большее счастье – увидеть его снова, увидеть хотя бы на мгновение!

– Только на мгновение? – отвечал он ей радостным смехом. – В таких случаях говорят: в данное из семи существований. Возлюбленная моя, я вернулся к вам навсегда и никогда больше вас не покину! Ничто не сможет разлучить нас снова! Теперь я богат; у меня есть и друзья, и имущество – нам не нужно больше бояться нищеты. Вещи мои придут завтра, их принесут сюда. Придут мои слуги, вы будете управлять ими, и этот дом снова станет красивым.

Затем он продолжал уже сконфуженно – извиняясь:

– Я пришел к вам поздно, в дорожном платье, не переодевшись – но только потому, что я должен был увидеть вас и сказать все то, что сказал.

Выражение ее лица говорило о том, что ей приятно слышать эти слова, и она в свою очередь стала рассказывать о том, какие события случились в Киото после его отъезда. Единственное, о чем она говорить не стала, так это о своих страданиях. О них она не сказала ничего.

Так они проговорили до глубокой ночи. Затем она проводила его в комнату, где было потеплее, – ту, что выходила стеной на юг. В прежние времена эта комната служила им супружеской спальней.

– У вас нет никого, кто бы помогал вам? – спросил он ее, когда она стала готовить для него постель.

– Нет, никого, – отвечала она, улыбаясь. – Служанку я не могу себе позволить. Так что я живу совсем одна.

– Завтра у вас будет много слуг, – сказал он. – Много слуг, и хороших слуг. И все остальное – что только пожелаете.

Они легли. Но не спали – им нужно было сказать слишком о многом друг другу, и они все говорили и говорили: о прошлом, о настоящем, о будущем – до тех пор, пока небо не посерело. А затем – совершенно неожиданно для себя – самурай смежил веки и... уснул.

Когда он проснулся, дневной свет уже пробивался сквозь щели в стене. К своему изумлению, он обнаружил, что лежит на голых досках истертого трухлявого пола. Неужели все, что было, только привиделось ему во сне? Да нет же – вот она, рядом. Она спала. Он наклонился к ней, посмотрел и – отпрянул с криком. Лица у нее не было! Перед ним, завернутый в тяжелый саван, лежал труп женщины... От нее мало что осталось – только высохшие кости, череп да черные длинные спутанные волосы.

Он очнулся уже на улице – под жарким солнцем его трясло и знобило от холода. Теперь ледяной ужас уступил место боли. Она была так жестока и невыносима, что, увидев прохожего, он попытался его убедить – якобы он только что появился здесь и теперь ищет кого-нибудь, кто смог бы указать ему путь к жилищу его бывшей жены.

Прохожий отвечал ему:

– Если вы говорите об этом доме, то там давно никто не живет. Прежде он принадлежал жене самурая. Но несколько лет назад он покинул город и развелся с ней, чтобы жениться на другой женщине. После того как он оставил ее, она тяжело заболела. В Киото родственников у нее не было, и некому было за ней ухаживать. И женщина умерла – в тот же самый год, осенью, ровно на десятый день девятого месяца.

Девушка с бумажного экрана

Один из старых японских авторов утверждает:

«В китайских и японских книгах – как в древних, так и относительно недавних – содержится немало историй на сходную тему: в них рассказывается о картинах, исполненных так искусно и с таким талантом, что они оказывают магическое воздействие на тех, кто ими владеет».

И вот еще что говорится:

«Фигуры на этих красивых картинах (будь то изображение цветов, или птиц, или людей), созданные великими мастерами, способны оживать, покидая бумагу или шелк, на которых изображены, совершать действия и поступки и даже жить среди людей».

Не будем повторять ни одну из этих старых, с древних времен хорошо известных историй, а расскажем одну – что случилась совсем недавно.

В славном городе Киото жил один студент по имени Токкэй. Его жилище располагалось на улице Маромати, что известна множеством лавок подержанных вещей. Однажды вечером студент возвращался домой. Проходя мимо одной из таких лавок, он увидел выставленную на продажу картину. Она была нарисована на бумаге и представляла собой экран, коими принято делить жилое пространство в японских домах или украшать стены. На нем была изображена девушка в полный рост и в натуральную величину. Ее изображение поразило юношу. Торговец запросил за картину совсем немного. Токкэй купил ее и отнес домой.

Молодой человек пришел к себе и повесил экран на стену. Картина показалась ему еще более прекрасной, чем тогда, когда он захотел ее купить. Видимо, на бумаге была изображена реальная девушка примерно лет пятнадцати-шестнадцати – настолько тщательно и правдиво была выписана каждая деталь: пряди волос, глаза, ресницы, рот. Ее лицо было безупречно и прекрасно: взгляд подобен распустившемуся цветку лотоса, губы – как алые маки, да и все лицо было замечательно свежо и прекрасно. Если и в жизни она была такова, как на картине, едва ли сыскался бы мужчина, способный не потерять голову и не влюбиться. А девушка казалась такой живой, что представлялось – задай ей вопрос, и она ответит...

Чем дольше юноша смотрел на картину, тем сильнее она его завораживала, и он не мог сопротивляться ее очарованию.

– Возможно ли это, – бормотал он, – что в реальном мире на самом деле существует создание настолько прекрасное? С какой радостью я отдал бы жизнь – да что жизнь? Тысячу жизней! – только затем, чтобы хоть на мгновение удержать ее руку в своих руках!

Короче говоря, он влюбился в картину – и влюбился настолько сильно, что почувствовал невозможность полюбить земную женщину, если та не будет копией изображения. Но ведь девушка, изображенная на картине, давно могла стать совсем иной. Более того, может быть, она умерла за многие годы до того, как он появился на свет!

Тем не менее здравому смыслу вопреки день ото дня страсть к портрету все сильнее охватывала юношу. Он не мог уже ни есть, ни спать. Он забросил занятия, что прежде так радовали. Долгими часами просиживал перед картиной, разговаривал с девушкой – ничто больше не влекло его. Наконец он заболел. Болезнь его была тяжела, и сам он уверовал, что скоро умрет.

Среди знакомых Токкэя был один почтенный ученый, который слыл сведущим о странностях, что рождают старые картины в юных сердцах. Этот благородный старец, узнав о болезни Токкэя, пришел навестить его. Когда он увидел экран и ту, что была изображена на нем, он понял, что произошло. Он взялся расспрашивать юношу, и тот рассказал все без утайки. Свой рассказ он закончил словами:

– Если мне не суждено отыскать эту женщину, значит я умру.

Старец отвечал:

– Эта картина написана художником по имени Хисагава Китэбэй. Он писал портрет с натуры. Жил он давно, и поэтому той, что он изобразил, давно нет на свете. Но говорят, что Хисагава обладал особым талантом – он умел не только изобразить форму, но и запечатлеть внутренний мир натуры во всей полноте. Следовательно, душа ее живет в картине. Потому я думаю, что у тебя есть шанс завоевать ее.

Слова старика заставили Токкэя приподняться с ложа и жадно ловить каждое слово.

– Ты должен дать ей имя, – продолжал между тем почтенный старец. – Ты должен находиться перед картиной каждодневно. Все твои мысли должны быть сосредоточены на той, что изображена здесь. Ты должен повторять ее имя – негромко, нежно, но настойчиво – до тех пор, пока *она не ответит тебе...*

– Ответит мне? – воскликнул влюбленный. У него перехватило дыхание.

– О да, – отвечал советчик. – Она обязательно ответит тебе. Но ты должен быть готов, когда она ответит, дать ей то, о чем я скажу...

– Я отдам ей свою жизнь! – вскричал юноша.

– Нет, – сказал старик, – ты подашь ей чашу с вином. Но вино должно быть особенным – ста разных сортов, купленных в ста разных винных лавках. Тогда она сойдет с экрана, чтобы принять чашу и пригубить напиток. После этого она, может быть, сама скажет тебе, что ты должен делать дальше.

Старик ушел. Его совет вырвал Токкэя из тоски отчаяния. Он тотчас же уселся перед картиной и тихо-тихо позвал девушку по имени. [Что это было за имя, к сожалению, нам неизвестно.] А потом снова, и снова, и снова... Имя он произносил очень нежно. В тот день он не дождался ответа. Не получил он его и на следующий день. И еще много дней... Но Токкэй был настойчив. Он не терял ни веры, ни терпения. И вот однажды вечером, много дней спустя, он вдруг услышал:

– *Хай!*²⁹

И тогда, торопясь, он наполнил чашу из сосуда, в котором смешал сотню сортов вин из сотни винных лавок и протянул ее девушке. И дева сошла с экрана и ступила на циновки, что покрывали пол в комнате, и опустилась на колени, и приняла чашу из рук Токкэя... И спросила его, рассмеявшись:

– Почему ты так сильно любишь меня?

Кстати, в физическом облике, утверждает повествователь, она была еще красивее, нежели на экране. Все было в ней прекрасно и совершенно – до кончиков ногтей на руках. Чудесна она была и душой, и нравом – прекрасней всех в этом мире.

Что ответил девушке Токкэй, увы, неизвестно.

А потом она спросила:

– А не случится так, что ты скоро – или не очень – устанешь от меня?

– Никогда! – воскликнул юноша. – Пока я жив – никогда!

– А потом? – настаивала она.

Невесту в Японии не убедить в любви, если поклянешься любить ее только до гроба. Одной жизни тут мало.

Тогда он попросил ее:

– Давай поклянемся, что будем любить друг друга все семь грядущих существований.

– Но если ты не будешь добр ко мне, я вернусь обратно на экран.

Они поклялись друг другу. Я думаю, Токкэй был хорошим человеком, поскольку его возлюбленная так никогда и не вернулась обратно на картину. А то место, где был ее портрет, так и осталось пустым.

²⁹ *Хай!* – Да!

И вот здесь японский сказитель обычно делает паузу и завершает историю сентенцией:
– Как редко случается нечто подобное в этом мире!

Наездник мертвеца

Тело было холодным как лед, сердце давно перестало биться, но разложение совершенно не коснулось его, и других признаков смерти не наблюдалось. Никто даже не заговаривал о том, чтобы похоронить женщину. Она умерла от горя и гнева после того, как муж с ней развелся и ушел от нее. Не имело смысла хоронить тело – последним страстным желанием покинутой была месть. Соответственно, и последние слова ее были словами мести, а желание умирающего человека бессмертно: оно разрушит любую могилу и разобьет на куски любое надгробие, каким бы тяжелым оно ни было. Потому люди, что жили с нею рядом, оставили свои дома и уехали. Они знали: она *только и ждет, когда тот, кто бросил ее, вернется*.

Когда она умерла, он действительно находился в отъезде. Едва он вернулся обратно, ему рассказали о том, что произошло, и его пронзил ужас. Он сказал себе: «Если я не добуду защиты до наступления ночи, она разорвет меня на части». И хотя он вернулся поутру и шел еще только час Дракона (согласно древнему японскому отсчету времени, он наступает около восьми утра), мужчина знал, что нельзя терять ни минуты.

Не мешкая он отправился к *инъёси*³⁰ и попросил того о помощи. Инъёси знал историю мертвой женщины и даже приходил и осматривал ее тело. Он сказал просителю:

– Вам угрожает великая опасность. Я попытаюсь спасти вас. Но вы должны обещать мне сделать все, о чем я попрошу. Существует только один способ избежать смерти. Он очень опасен и требует бесстрашия. Но если вы не найдете в себе достаточно сил и отваги, она разорвет вас на части. Идите и, если смелости у вас достаточно, приходите сюда вечером, непременно до захода солнца.

Мужчину охватил ужас, но он обещал сделать все, что от него потребуют.

На заходе солнца инъёси и мужчина отправились в дом, где лежало мертвое тело. Пожилой ученый подошел первым и открыл входную дверь.

– Входите, – сказал он своему спутнику.

Темнело. Сумерки становились все гуще.

– Я боюсь! – вскричал тот. Все его тело сотрясала крупная дрожь. – У меня нет сил даже взглянуть на нее!..

– Вам придется сделать куда как больше, чем просто взглянуть на нее!.. – провозгласил инъёси. – И помните: вы обещали повиноваться. Входите!

Он втолкнул трясущегося мужчину внутрь, а затем подвел его к мертвому телу.

Мертвая женщина лежала лицом вниз.

– Теперь вы должны сесть на нее, – приказал инъёси. – Оседлать. Так, как вы садитесь на лошадь, отправляясь в путь... Вперед! Давайте! Вы обязаны сделать это!..

Поскольку мужчину продолжала бить дрожь, ему пришлось помочь взгромоздиться на спину умершей. Он трясся от страха, но повиновался.

– Теперь возьмите в руки ее волосы, – скомандовал инъёси. – Часть в правую руку, часть – в левую... Так!.. Вы должны держать их крепко, как держите уздечку. Теперь намотайте каждую прядь на руку... Вцепитесь в них!.. Обими руками... Крепко!.. Вот так! Слушайте меня! Вы должны продержаться так до утра. У вас будет причина – масса причин, чтобы испугаться. Но – что бы ни произошло – не отпускайте волосы. Если вы отпустите их – даже на мгновение, – она разорвет вас в клочки!

Затем инъёси опустил на колени и прошептал волшебные слова на ухо мертвой женщине. Потом поднялся и, вновь повернувшись к наезднику, сказал:

³⁰ *Инъёси* (inyōshi) – ученый, знаток «инь – ё» («инь – ян»), древнего китайского учения, согласно которому вселенная насыщена женской и мужской стихиями, находящимися в постоянном взаимодействии. (Примеч. авт.)

– Теперь я должен покинуть вас – для вашей же безопасности... Оставайтесь в том же положении, что вы сейчас находитесь! И помните: что бы ни случилось – вы не должны выпускать из рук волосы!

С этими словами он ушел. И плотно закрыл за собой дверь.

Проходил час за часом. Мужчина неподвижно сидел верхом на трупе своей бывшей жены. Сгущалась тьма. Она становилась все плотнее и плотнее, а оковы ужаса все теснее сжимали его грудь. И вот он не выдержал и вскрикнул!

В тот же момент тело под ним вздрогнуло, изогнулось и попыталось сбросить седока. А затем женщина произнесла:

– О, как тяжело! Тем не менее пусть наездник и тяжел, мне придется отправиться вместе с ним!

Женщина поднялась, распрямилась во весь рост, подошла к дверям, распахнула их и... ринулась в темноту ночи. Видимо, ей было тяжело, но она словно не испытывала тяжести и неслась куда-то во тьму. Ужас совершенно сковал мужчину – даже стон не слетал с его губ... Он сильно зажмурился и не видел ничего, что происходит. Но крепко сжимал ногами поясницу и крепко-крепко держал в руках волосы.

Куда она бежала, почему и для чего – он никогда не узнал. Он ничего не видел – только ветер свистел в ушах. А еще он слышал ее хриплое дыхание и звук, что издавали ее голые ноги, ударяя о землю: *питча-питча, питча-питча...*

Сколько продолжался ее бег, он не ведал. Но вот она остановилась, повернула и возвратилась обратно в дом. Она прошла внутрь и легла – точно так, как лежала прежде. Мужчина сидел на ней, а она извивалась всем телом, задыхалась и тяжело стонала.

Так продолжалось до первых петухов. После этого она затихла и уже больше не шевелилась.

Но наездник – хотя он совсем обезумел от ужаса и зубы его клацали – продолжал сидеть на трупе, крепко сжимая женские волосы. В таком положении и нашел его инъёси, когда на заре вошел в дом.

– Так, значит, вы держались крепко и волос из рук не выпустили, – заметил он удовлетворенно. – Это очень хорошо... Все – теперь можете вставать. – Затем он вновь склонился к трупу и что-то прошептал над ухом. – Вы провели ужасную ночь. И страху натерпелись... Но ничто иное не могло спасти вас. Зато теперь вы можете чувствовать себя в безопасности – месть теперь вам не грозит.

Вот такая история...

Честно говоря, ее финал не принес мне удовлетворения. Не сказано, например, что наездник сошел с ума. Или что волосы его поседел. Говорится только: «Он низко поклонился инъёси, и в глазах его стояли слезы благодарности».

А в завершение рассказчик сообщает: «Говорят, что внук того, кто был наездником трупа, еще жив, а внук того, кто его спас, и доньне обитает в деревне под названием Отоку-нои-мүра».

Но мне не удалось отыскать деревню с таким названием ни в одном из существующих ныне японских справочников.

Впрочем, история эта давняя. Каких только перемен с тех пор не произошло: многие деревни и города исчезли или поменяли свои названия.

Любовь поэта

Есть в Киото знаменитый храм. Он называется Амадэра. Во дворе храма находится могила Садацуми Синно, пятого из сыновей славного императора Сэйвы³¹. Значительную часть своей долгой жизни, будучи священником, он служил в этом храме. Есть и другие могилы – людей великих при жизни и почитаемых после смерти.

Существующее здание, разумеется, не тот самый древний храм, а его реплика. Прежнее строение простояло очень долго – около тысячи лет. Но пришло в упадок и наконец разрушилось. Пришлось его отстроить заново. Вновь возвели его на четырнадцатый год эпохи Гэнроку³² – примерно в 1701 году по западному летоисчислению.

По поводу возведения храма устроили большой праздник, и среди тысяч тех, кто принял в нем участие, был молодой человек – студент и начинающий поэт по имени Ханагаки Байсю. Он бродил по дорожкам и аллеям, любовался садами – его восхищало все, что он видел. Так продолжалось до тех пор, пока он не достиг того места, где часто бывал прежде, – подле источника, который бил из-под земли и из которого он часто пил воду. Теперь он обнаружил, что источника нет: грунт вынут и появился пруд правильной квадратной формы, а на его берегу построен небольшой, очень красивый храм в честь богини Бэнтэн. В то время, когда поэт разглядывал храм, поднялся вдруг ветер и бросил ему под ноги свиток. Это был *тандзаку* – свиток из очень тонкой, дорогой цветной бумаги. На такой обычно записывают стихотворения и украшают рисунками. Их часто дарят друзьям или оставляют себе – если стихи глубоко тронули душу. Юноша поднял свиток. Это действительно оказалось стихотворение. Очень известное. Стихотворение о первой любви. Оно было ему хорошо знакомо. Но не текст поразил его, а то, как он был *записан*. Глазу европейца никогда не разглядеть того, что увидел молодой поэт. А он увидел, что текст начертан девичьей рукой, и иероглифы были нанесены так искусно, что не верилось глазам. Их очертания были исполнены невыразимой грации, и Садацуми понял, что та, что их написала, едва переступила пору детства и вступает теперь в расцвет юности. А богатые краски чернил лучше всяких слов указывали, что сердце чисто, невинно и исполнено подлинного благородства и доброты.

Юноша аккуратно свернул тандзаку, спрятал его на груди и отнес домой. Когда он вновь раскрыл свиток и взгляделся в него, письма показались ему даже еще более прекрасными, чем прежде. Его познания в каллиграфии убедили его: стихи записаны некой девушкой – очень юной, очень умной и, вероятно, наделенной богатой душой и благородным сердцем. Воображение поэта немедленно нарисовало удивительный образ, в который он не мог не влюбиться, и юноша влюбился в ту, кого он не знал и даже никогда не видел. Понятно, что следующим его порывом было решение разыскать ту, что начертала иероглифы, и, если это возможно, жениться на ней... Но как найти ее? Кто она? Как ее зовут? Где она живет? Разумеется, он мог уповать только на помощь богов.

Но тут ему пришло в голову, что боги, возможно, и так благоволят к нему. Ведь тандзаку он обрел, когда стоял напротив храма богини Бэнтэн, а именно этой богине молятся влюбленные, когда мечтают о счастливом союзе. Эта мысль подвигла его попросить богиню о помощи. Он тотчас собрался и отправился к тому же храму, где был накануне, и здесь вознес свою молитву богине Бэнтэн.

«О богиня, сжался надо мной, – молил он ее, – помоги отыскать то место, где живет юная особа, что переписала эти стихи! Дай мне шанс увидеть ее – хотя бы на мгновение!»

³¹ Император Сэйва (#### – Seiwa-tenno; 850–878), 56-й правитель в истории Японии.

³² Гэнроку (Гэнроку дзидай) – период с 1688 по 1704 г. В историю Японии годы Гэнроку вошли как время расцвета японской культуры, часто называемое японским ренессансом.

После того как молитва была произнесена, он поклялся исполнить особый ритуал *нанука-маири*, который включал в себя ежедневные семидневные молитвы, приношения во славу богини и бессонную ночь на седьмые сутки, что пройдет в поклонении подле ее храма.

И вот седьмая ночь – ночь его бдения – наступила. В час, когда все замирает и тишина кажется всеобъемлющей, он услышал голос. Тот доносился от храма – кто-то просил допустить внутрь. Другой голос – уже изнутри – ответил, и храмовые ворота открылись. Байсю увидел старика величественного вида, который медленными шагами приближался к святилищу богини. Почтенный старец был одет в праздничные одежды, его чело, с волосами белее снега, украшал головной убор особой формы – *эбоси*, что указывало на высокий ранг визитера. Подойдя к храму, он смиренно опустил на колени, словно ожидая некоего указания. Следом распахнулись внутренние двери, что вели к алтарю. Теперь алтарь отделяли только бамбуковые шторы. Но вот и они раздвинулись, и через образовавшийся проход к старику вышел мальчик – очень красивый и длинноволосый. Волосы его были стянуты на затылке на древний манер. Это был *тиго* – посланец богини Бэнтэн. Он остановился на пороге и громко, отчетливо произнес:

– Здесь находится юноша. Он молился, взыскав свидания с той, кого он любит. Однако в нынешнем его бытии союз между ними невозможен. Но поскольку молодой человек ревностно исполнял все ритуалы и усердно молился, он достоин помощи. Мы призвали вас, чтобы вы что-нибудь сделали для него. Вполне возможно, что в одной из прежних своих жизней они знали друг друга. Сведите их вместе.

Выслушав посланца, старик почтительно склонил голову в знак согласия. Потом поднялся на ноги и из кармана левого рукава своего халата достал шнур малинового цвета. Один конец он обернул вокруг тела Байсю, как бы связав его. Другой конец поднес к огню одного из фонарей, что горели у входа в храм. Шнур вспыхнул. И пока он горел, старик трижды взмахнул им, будто призывая кого-то из тьмы, что теснилась кругом.

Немедленно откуда-то с той стороны, где находилось святилище Амадэра, раздался звук шагов, и через мгновение из темноты в круг света ступила девушка – она была прекрасна и очень юна, лет пятнадцати-шестнадцати. Ступала она изящно, но в движениях ее читалась робость, лицо же прикрывала веером. Подойдя ближе, она опустилась на колени рядом с Байсю. Обращаясь к последнему, юный посланец богини сказал:

– Вас терзал любовный недуг; вы так сильно страдали, что мы стали опасаться за ваше здоровье. Мы не могли позволить вам пребывать в таком состоянии и потому призвали луноликого Мусуби-но-ками – того, кто соединяет влюбленных, чтобы вы смогли увидеть ту, кто расписал стихами тандзаку. Вот она – рядом с вами.

С этими словами юный посланец скрылся за бамбуковыми шторами. А затем и седой старец ушел прочь – тем же путем, что появился; следом за ним поспешила и девушка. В тот же момент раздался удар колокола – это в храме Амадэра звонили, извещая о приближении часа рассвета. Байсю простерся ниц перед храмом богини Бэнтэн, благодаря ее за то, что случилось, а затем отправился домой. Ему казалось, что он очнулся от глубокого сна – сна восхитительного. И был счастлив, потому что увидел ту, которую так пылко желал увидеть и молил о том богиню. Но одновременно и глубоко несчастен, потому что в душе поселился страх, что никогда больше он не увидит ее вновь.

Но едва юноша вышел за ворота храма, как увидел девушку, которая шла по улице в том же направлении, что и он; и хотя еще густели предутренние сумерки, в ней он сразу признал ту, с которой только что познакомился в храме богини Бэнтэн. Он поспешил нагнать ее. Она остановилась, обернулась и поздоровалась с ним. Тогда поэт в первый раз отважился заговорить с ней. И она отвечала. И голос ее был так мелодичен и сладок, что сердце затрепетало от счастья. Молодые люди пошли вместе по пустынным улицам, разговаривая. Так продолжалось до тех пор, пока они не достигли дома, где жил юный поэт. Здесь они остановились, и Байсю поведал о своих надеждах и страхах. Девушка рассмеялась в ответ и спросила:

– Известно ли вам, что я была послана, чтобы стать вашей женой?

И она вошла в дом.

Став женой, она не переставала восхищать его. Щедрость ее сердца и ума поражали. То, о чем он не мог даже мечтать, воплотилось в его жене. Она не только обладала даром изысканной каллиграфии, но и прекрасно рисовала, владела искусством икебаны, чудесно вышивала, ткала и занималась шитьем и умела делать все, что касалось забот по дому.

С начала осени, когда они встретились, и до наступления зимы юноша и девушка прожили в полном согласии. Ничто, казалось, не способно было нарушить мир и гармонию, что царили между ними. Чем дольше они жили вместе, тем сильнее любил Байсю свою восхитительную жену. Единственное, что немало удивляло его, – он совсем ничего не знал о ее семье. Сама она никогда ничего не рассказывала, расспрашивать ту, союз с которой ему подарили боги, он считал неправильным. И еще он очень боялся, что луноликий старец или еще кто-то может забрать его сокровище. Но никто не навещал их и не общался с ними. А те, кто жил по соседству, вели себя так, словно и не догадывались о ее существовании.

Байсю все это очень смущало. Но куда более странные события ожидали его впереди.

Той же зимой, однажды утром, он случайно оказался в богатом квартале города. И когда проходил мимо одной из построек, услышал, как кто-то громко окликнул его по имени, а затем увидел слугу, который подавал ему знаки, стоя в воротах большого дома. Поскольку молодой человек не знал того, кто его звал, и вообще не был ни с кем знаком в этой части Киото, то был, разумеется, поражен. Между тем давешний слуга подошел к нему и поприветствовал юношу самым почтительным образом. А затем сказал:

– Мой хозяин преисполнен желания, чтобы вы оказали ему честь побеседовать с ним. Будьте любезны зайти в наш дом.

Поколебавшись мгновение, Байсю позволил, чтобы его проводили. На пороге встретил хозяин дома – богато одетый, благородного вида господин. Он сердечно приветствовал гостя и сопроводил его в гостиную. Когда необходимый обмен любезностями завершился и были принесены извинения за то, что гость очутился в его доме столь неожиданным образом, мужчина сказал:

– Вероятно, вы сочтете, что я вел себя невежливо, приглашая вас в свой дом таким образом. Но надеюсь, вы сможете простить меня, когда я скажу вам, что действовал так не по своей воле, а руководствуясь наставлениями богини Бэнтэн. Позвольте мне теперь все объяснить.

У меня есть дочь. Ей около шестнадцати лет. Она искусна в каллиграфии, а также во всем прочем, что пристало женщине. Поскольку мы очень хотим видеть ее счастливой, то весьма серьезно подходим к тому, чтобы подыскать ей хорошего мужа. Поэтому обратились к богине Бэнтэн с тем, чтобы она помогла нам в этом. Во все храмы богини, что есть в стране, мы разослали тандзаку, начертанные рукой девушки. Через несколько дней богиня явилась ко мне во сне и сказала: «Мы услышали вашу молитву и уже представили вашу дочь человеку, который станет ее мужем. В начале грядущей зимы он навестит вас». Поскольку я не совсем понял, как это произойдет, то подумал, а вдруг это было не послание от богини, а обычный сон и он ничего не значит. Но прошлой ночью богиня вновь явилась ко мне во сне и сказала мне: «Завтра молодой человек, о котором прежде я говорила вам, окажется на вашей улице; когда это произойдет, пригласите его к себе домой и попросите его стать мужем вашей дочери. Это хороший юноша, позже он добьется больших успехов и займет высокое положение». Затем богиня сообщила мне, как вас зовут, ваш возраст, откуда вы родом, описала вашу внешность и во что вы будете одеты – да так точно, что моему слуге не составило ни малейшего труда опознать вас по тем приметам, что я ему сообщил.

Выслушав хозяина дома, Байсю больше удивился, нежели поверил в то, что было сказано. Единственное, чем он мог ответить, были слова благодарности за честь, ему оказанную. Но когда хозяин пригласил его в другую комнату, с тем чтобы познакомить с девушкой, его

замешательство усилилось. В то же время он не находил веских причин, чтобы уклониться от знакомства. При создавшихся обстоятельствах он не мог заставить себя признаться, что у него уже есть жена – супруга, данная ему самой богиней Бэнтэн, с которой он никогда и ни за что не расстанется. Так, не сказав ни слова, охваченный тревогой и трепетом, он проследовал за хозяином в указанные покои.

Каково же было его удивление, когда там он увидел девушку, которая и так уже была его женой!

Но – *та же самая не есть одна и та же.*

Та, которую представил ему луноликий Мусуби-но-ками, была лишь призраком – душой той, в которую он был влюблен.

Та же, с которой его сейчас сватали, была телесной оболочкой души его любимой.

Богиня сотворила для него чудо, потому что так истова и усердна была его молитва...

Призрак породил тот самый свиток – тандзаку, где девушка начертала свои иероглифы. Вполне возможно, что девушка из крови и плоти даже ничего не знала о встрече, что случилась во дворе храма богини Бэнтэн. Когда она писала иероглифы, то вкладывала всю душу в свои письмена – они и породили призрак. Ведь в них запечатлелась ее душа.

Благодарность

Давным-давно в провинции Оми жил человек по имени Таварая Тотаро. Его дом стоял на берегу озера Бива, неподалеку от знаменитого священного храма под названием Исямадэра. Он обладал достатком и жил в свое удовольствие, но ему сравнялось уже двадцать девять лет, а он все еще не был женат. А он очень хотел жениться. И жениться на очень красивой женщине. Но отыскать такую никак не удавалось.

Однажды, когда он шел по мосту Сэта³³, он увидел странное создание, распластавшееся ничком у подножия парапета. Тело у существа было человеческое, но все оно было совершенно черным – как чернила. Лицо было лицом демона; глаза ярко-зеленые, как изумруды; а еще у него была борода, как у дракона. Поначалу Тотаро очень испугался. Но глаза существа смотрели на него так смиренно и печально, что, помешкав мгновение, он рискнул обратиться к необыкновенному существу с вопросом:

– Кто вы?

Существо ответило:

– Меня зовут Самэбито – я акулочеловек и живу в море. Совсем недавно я служил во дворце Восьми Королей-Драконов младшим распорядителем. Но допустил небольшое упущение по службе и был изгнан из дворца. Теперь мне не позволено обитать в морских глубинах. С тех самых пор я и обретаюсь здесь – и не могу раздобыть себе ни пищи, ни пристанища. Если у вас проснулась жалость ко мне, пожалуйста, помогите найти убежище и дайте хоть что-нибудь покушать!

Слова эти были произнесены так жалобно и смиренно, что сердце Тотаро растаяло, и он сказал:

– Пойдемте со мной. У меня в саду большой и глубокий пруд. Там вы можете жить столько, сколько вам заблагорассудится, а едой я смогу снабдить вас в изобилии.

Самэбито последовал за Тотаро. Пруд ему очень понравился.

С тех пор как странный гость поселился в пруду, прошло примерно полгода, и каждый день Тотаро кормил его той пищей, которая нравилась акулочеловеку.

В тот же год, как обычно в самый разгар лета, в великом буддийском храме под названием Миидэра, что находился в ближнем городке Оцу, должен был состояться большой праздник. Это был женский праздник, и женщины со всех концов страны устремились к храму. В надежде найти невесту и Тотаро отправился туда. Среди великого множества собравшихся женщин и девушек он углядел одну особу необычайной красоты. На вид ей было не больше шестнадцати лет. Лицо ее было ясным и чистым, как снег; очертания губ совершенны, а голос сладок, как пение соловья в пору цветения сливы. Едва увидев ее, Тотаро тут же влюбился. Когда она покинула храм, он на почтительном расстоянии последовал за нею и узнал, что девушка и ее мать остановились в одном из домов деревушки неподалеку от Сэта. Он расспросил обитателей деревни и узнал, что девушку зовут Тамана и она не замужем. Также ему стало известно, что родители не хотят, чтобы она вышла за обычного человека, и отдадут ее только тому, кто сможет принести им в дар короб с десятью тысячами драгоценных камней.

Тотаро вернулся домой в великом унынии от того, что стало ему известно. Чем больше он размышлял о странном желании родителей девушки заполучить такой дар, тем яснее понимал, что ему никогда на ней не жениться. Он подумал, что такого огромного количества самоцветов

³³ *Мост Сэта*, или Длинный мост Сэта (Сэта-но-Нага-Хаси) – знаменитый мост из японских легенд и преданий. Он был длиной в восемьсот футов и очень красив. Мост был переброшен через реку Сэтагава неподалеку от места ее впадения в озеро Бива. Исямадэра, знаменитый храм, располагался неподалеку от моста. (Примеч. авт.)

не сыскать во всей стране. Но даже если представить, что это возможно, лишь только великий князь способен на такое подношение.

Но теперь даже на мгновение Тотаро не мог отрешиться от мысли о красавице. Мечты о ней терзали его постоянно – он не мог ни есть, ни спать, а образ ее в сознании влюбленного день ото дня становился все ярче и ярче. В конце концов он заболел – занедужил так сильно, что не осталось сил, чтобы оторвать голову от подушки. Тогда он послал за доктором.

Врач после долгого и внимательного осмотра больного выразил неподдельное удивление. Он сказал:

– Почти все заболевания поддаются лечению. Необходимо только подобрать правильную терапию. Почти все – за исключением болезни под названием «любовь». Судя по всему, именно этот недуг вас и поразил. А от него нет лекарства. Даже в древние времена от него умирали великие герои. А потому вам следует готовиться к смерти.

Акулочеловек, обитавший в пруду, узнал про болезнь хозяина. Он пришел к нему и принялся ухаживать. Дни и ночи он преданно и нежно заботился о своем друге, но улучшения не наступало. И вот спустя примерно неделю Тотаро решил, что пришла пора умирать, и стал прощаться:

– Вы порадовали мое сердце, ухаживая за мной так долго, терпеливо и усердно. Видно, существует нечто, что связывало нас в одном из прежних существований. Но я очень болен, и с каждым днем состояние мое только ухудшается. Жизнь, что еще теплится во мне, подобна утренней росе – взойдет солнце, и ей суждено исчезнуть. Но не о ней я тревожусь. Меня беспокоит, что станет с вами. Ваше существование зависело от моей опеки. Я боюсь, что вскоре некому будет о вас заботиться, кормить вас, потому что я умираю... Мой бедный друг!.. Увы, наши надежды и чаяния неизменно тщетны в этом несчастном мире!

Едва Тотаро закончил свою речь, как Самэбито издал крик боли и горько зарыдал. Когда он заплакал, кровавые слезы потекли из его изумрудных глаз. Они скатывались по чернильно-черным щекам и падали на пол. Пока летели вниз, они еще состояли из крови, но на пол падали уже драгоценными камнями – твердыми, яркими и очень красивыми. Ибо, когда демоны моря плачут, их слезы превращаются в рубины, сияющие ясным малиновым огнем. Ценятся они очень дорого.

Тотаро, увидев это чудо, был так поражен и пришел в такую неопишемую радость, что силы вернулись к нему. Он вскочил со своего ложа и принялся собирать с пола драгоценные слезы акулочеловека. Он не просто собирал, но и попутно считал их, а потом закричал:

– Я исцелился! Болезнь ушла! Я буду жить! Я буду жить!

Теперь пришла пора удивляться акулочеловеку. Он перестал плакать и обратился к Тотаро, чтобы тот объяснил свое чудесное исцеление. И Тотаро рассказал ему о юной особе, что он увидел в храме Миидэра. Поведал он и о странном желании ее родителей получить драгоценный дар.

– Поскольку я был совершенно уверен, что мне никогда не собрать требуемые десять тысяч драгоценных камней, я считал сватовство бессмысленным и безнадежным, – добавил он. – А потому сделался несчастным и вскоре заболел. Но теперь, после явленной вами чудесной метаморфозы, я стал обладателем множества великолепных самоцветов и думаю, что смогу жениться на той девушке. Одно, правда, смущает – рубинов до необходимого количества явно недостает. Поэтому будь столь любезен – поплачь еще немного до тех пор, пока их число не сравняется с необходимым мне.

На эту просьбу Самэбито покачал головой и отвечал с очевидной обидой и даже с упреком:

– Что я вам – комик или шлюха, чтобы плакать когда заблагорассудится? О нет. Это проститутка льет слезы тогда, когда ей нужно разжалобить мужчину, но мы – обитатели океанских глубин – плачем, только если испытываем настоящую скорбь. Заплакал я потому, что в сердце

моем поселилось настоящее горе, когда понял, что вы собираетесь умереть. Но теперь я не могу больше плакать, потому что вы сказали, что исцелились от недуга.

– Что же мне тогда делать? – жалобно произнес Тотаро. – Поскольку десяти тысяч самоцветов у меня нет, я все равно не могу жениться на девушке.

Самэбито на мгновение притих. Он думал. А затем сказал:

– Послушайте! Сегодня я уже больше не могу плакать. Но давайте завтра пойдем на мост Сэта. Возьмем с собою побольше вина и вкусной рыбы. На мосту мы устроим пикник. И пока будем выпивать и кушать рыбу, я стану смотреть в сторону дворца Драконов, вспоминать о тех счастливых днях, что провел там. Я вспомню о своем несчастье, почувствую неприкаянность и... смогу заплакать.

Тотаро с радостью согласился на предложение.

На следующее утро они, взяв с собой изрядное количество вина и рыбы, отправились на мост. Расположившись, устроили пирушку – принялись выпивать и наслаждаться рыбными деликатесами. А затем Самэбито устремил свой взгляд в сторону дворца Драконов и задумался о минувшем. Постепенно – возможно, и под воздействием винных паров – память о прошлом наполнила его сердце глубокой печалью, и он горько заплакал. Большие кроваво-красные слезы обильно текли по его щекам и падали на мост рубиновым дождем. А Тотаро проворно собирал их в коробку и одновременно считал. Наконец рубинов набралось ровно десять тысяч, и тогда влюбленный закричал от радости.

Почти в тот же самый момент, как это случилось, из глубин озера вдруг донеслись звуки удивительной музыки, а следом над водой, окутанные призрачной дымкой, медленно вздымаясь все выше и выше, стали видны чертоги дворца цвета заходящего солнца.

Тотчас Самэбито вскочил на парапет моста. Он взгляделся в даль и радостно рассмеялся. Затем, обернувшись к Тотаро, сказал:

– В Царстве Драконов объявлена всеобщая амнистия, короли вновь призывают меня на службу. Потому сейчас я должен попрощаться с вами. Я счастлив, что мне удалось отплатить вам за доброту.

С этими словами он прыгнул вниз с моста, и с тех пор никто и никогда его больше не видел. А Тотаро преподнес короб с драгоценностями родителям девушки. И она стала его женой.

В призрачной Японии

Из сборника «In Ghostly Japan», 1899

Фрагмент

...И наступил час заката, когда они подошли к подножию горы. В этом месте не было ни малейшего признака жизни – ни капли воды, ни травинки, ни тени от пролетающей птицы – ничего, кроме запустения. Такое же запустение царило и выше – вверх по склону, – насколько хватало глаз, а вершина терялась в небесах.

Тогда Бодхисатва сказал своему юному спутнику:

– То, о чем ты просил, будет явлено тебе. Но дорога к Прозрению далека, и труден путь. Следуй за мной и не бойся: силы пребудут в тебе.

По мере того как они поднимались вверх, сумерки вокруг них сгущались. Не было ни торной тропы, ни иных примет того, что здесь ступала нога человека. Их путь тут и там преграждали обломки, а те, на которые они ступали, нет-нет да и выскальзывали из-под ног и устремлялись вниз. Время от времени огромные глыбы падали с грохотом, отдаваясь гулким эхом; иногда порода под их ногами трескалась, как скорлупа раковин, обнажая свою пустоту... Звезды мерцали и колебались в небе над ними, а тьма густела.

– Не бойся, сын мой, – говорил Бодхисатва, шагавший впереди. – Пусть мрачна наша дорога, но нам ничто не угрожает.

Так, под звездами, они поднимались все выше и выше и шли все быстрее и быстрее, потому что им помогала сила, неведомая людям. Они миновали туманные области и теперь уже были над ними. И чем выше они забирались, тем безбрежнее ширилось беззвучное облачное нагромождение молочных волн под ними.

Час за часом продолжался подъем; незримые громады беззвучно расступались по сторонам и исчезали; студёный воздух рождал мириады мельчайших холодных огоньков, что вспыхивали и гасли при каждом вздохе.

Один раз рука юноши коснулась чего-то гладкого, и это был не камень. Он поднял предмет. Сквозь мглу он разглядел безносую ухмылку смерти – это был человеческий череп.

– Не мешкай! – заставил его очнуться голос учителя. – До вершины еще очень далеко, а мы должны ее достичь!

Тьма стусилось еще сильнее, и они продолжали свой путь в темноте. Что-то под ними и вокруг постоянно рушилось и трещало, но без грохота – очень тихо и мягко; повсюду вспыхивали холодные огни и гасли – и так длилось долго, до тех пор пока обод ночи не поседел, стали тускнеть звезды, а на востоке занялась заря.

Они все продолжали свой путь – быстрее, быстрее, – им помогала неземная сила. Теперь перед ними расстилалось безмолвие смерти, и тишина была безбрежной... А на востоке все ширилось золотое сияние.

Тогда впервые круча явила всю свою наготу юному паломнику. И дрожь охватила его, и сковал его ледяной страх. Потому что теперь он ясно видел, что нет под ним земной тверди, только человеческие кости да бранные останки кругом, и черепа безглазо скалятся в пустоту – их было великое множество, словно то был морской берег, усыпанный обломками раковин в полосе прибоя.

– Не бойся, сын мой! – раздался голос Бодхисатвы. – Только сильный сердцем способен достичь Прозрения!

Мир внизу исчез. Не осталось ничего, кроме океана облаков внизу, неба вверху и горы костей между ними...

А затем взошло солнце и осветило путников. Но не давали его лучи тепла – они жалили и ранили, как сталь клинка. И страх безумной высоты, и ужас бездны, и кошмар разраставшейся тишины обрушились вдруг на молодого путника и сковали его ноги так внезапно, что все силы разом покинули его и он застонал, как спящий, которому привиделся дурной сон.

– Поспеши, поспеши, сын мой! – возвысил голос Бодхисатва. – Короток день, а вершина еще очень далека.

Но взмолился его спутник:

– Я боюсь! Я безумно боюсь! И силы оставили меня!

– Сила вернется, сын мой, – молвил Бодхисатва. – Посмотри вниз, погляди вверх, оглянись кругом и скажи – что ты видишь?

– Не могу! – вскричал пилигрим, его била дрожь, и он вцепился в одежды учителя. – Я даже не отваживаюсь глянуть вниз. Ни внизу, подо мной, ни наверху нет ничего, кроме человеческих останков!

– И все же, сын мой, – мягко улыбаясь, произнес Бодхисатва, – и все же ты еще не знаешь, из чего же эта гора сложена.

Тот, к кому он обращался, содрогаясь, отвечал:

– Я боюсь – я безумно боюсь!.. Тут нет ничего, кроме черепов людей!

– Совершенно верно. Это гора из человеческих черепов, – отвечал Бодхисатва. – Но знай, что все они – ТВОИ СОБСТВЕННЫЕ! Каждый из них в свое время был прибежищем твоих мечтаний и страстей. Здесь нет ни одного *не твоего* черепа. Все они – все без исключения! – только твои в миллиардах прошлых твоих жизней.

Фурикодэ

Недавно, когда я шел по улочке, которую облюбовали торговцы старым платьем, у одной из лавок я заприметил женское кимоно с длинными рукавами. В Японии их называют *фурикодэ*. Оно было необыкновенно красивым и удивляло оттенком богатого пурпурного цвета. Он называется *мурадзаки* и в свое время был весьма популярен. Во времена Токугавы³⁴ такие наряды обычно носили благородные дамы высокого общественного положения. Я остановился, чтобы рассмотреть причудливую вышивку на одежде, и, пока рассматривал, вспомнил одну легенду о похожем кимоно, которое, как утверждают некоторые, стало причиной больших разрушений в Эдо.

Около двухсот пятидесяти лет назад дочь одного богатого купца из города сёгунов отправилась на некий храмовый праздник и в толпе увидела молодого самурая редкостной красоты. Она влюбилась с первого взгляда. Но к несчастью, он затерялся среди многолюдья, и слуги, посланные разузнать, кто он и откуда, не смогли ничего выяснить. Но его образ жил в сердце девушки – она отчетливо запомнила не только лицо, но даже мельчайшие детали наряда юноши. В те времена на праздники молодые самураи наряжались едва ли хуже девушек из знатных семейств. Одежды, в которые был одет юный воин, показались влюбленным глазам удивительно прекрасными. Девушка подумала, что если закажет себе и станет носить кимоно того же фасона, цвета и оттенка, с такой же вышивкой, то, возможно, это привлечет внимание возлюбленного и приведет к желанной встрече.

Сказано – сделано. Так девушка стала обладательницей чудного кимоно – по моде того времени с очень длинными рукавами; оно ей очень нравилось. Куда бы ни шла, она надевала его и носила постоянно. А когда возвращалась домой, то вешала кимоно на стену, смотрела и представляла своего неведомого избранника в таком же наряде. Иногда это могло продолжаться часами – она грезил наяву и плакала. А еще она молила богов и Будду, чтобы они помогли ей встретиться с юношей и очаровать его, и потому часто – вслух и про себя – повторяла мантру секты Нитирэн: *Наму мё хо рэнгэ кё!*

Но девушке так и не суждено было никогда увидеть молодого человека. Она извелась в тоске по возлюбленному, исстрадалась, заболела и умерла. И ее похоронили. После похорон великолепное кимоно отдали в буддийский храм, в котором члены ее семьи были прихожанами. Такова давняя традиция – отдавать в храм праздничные одежды умершего.

Настоятель имел право продавать пожертвованное. Причем по хорошей цене. А поскольку кимоно было пошито из очень дорогого шелка и не претерпело ни малейшего ущерба от предыдущей владелицы, то вскоре его купили. Наряд приобрела девушка примерно одного возраста с умершей. Но носила его очень недолго – только один день. И сразу заболела, впала в беспамятство, стала бредить: она причитала и плакала, утверждая, что любит некоего молодого человека и из-за любви к нему умирает. И через некоторое время действительно умерла. А прекрасное кимоно с длинными рукавами во второй раз было пожертвовано храму.

Настоятель снова продал его. И вновь владелицей оказалась молодая особа. Но опять ей только однажды удалось надеть его. История повторилась. Девушка впала в забытие и, находясь в таком состоянии, твердила, что любит молодого самурая... Разумеется, и она умерла. И ее тоже похоронили, и уже в третий раз кимоно оказалось в храме.

Это немало озадачило священника и заставило призадуматься. Но тем не менее он и на этот раз продал кимоно – уж больно хорошую цену за него давали, и он не смог устоять. И все

³⁴ То есть примерно в начале XVII в.

повторилось – девушка надела его, заболела и умерла. И уже в четвертый раз оно вернулось в храм.

Теперь монах совершенно уверился, что с кимоно дело нечисто – что-то злое с ним связано. Он приказал служкам развести огонь и сжечь наряд.

Они развели огонь и бросили в него одежду. Но когда шелк занялся, сполохи пламени вдруг превратились в огненные иероглифы; они сложились в мантру *Наму мё хо рэнгэ кё* и один за другим взвились вверх, устремились к крыше храма... и его охватило пламя.

Искры, разлетавшиеся от горящего храма, быстро достигли крыш соседних зданий, и те запылали тоже; вскоре вся улица оказалась охваченной огнем. Океанский бриз, задувая, разнес пламя по окрестностям – и вот уже горел весь район, а за ним и весь город...

Это несчастье случилось на восемнадцатый день первого месяца первого года Мэйрэки (1655). Его до сих пор помнят в Токио и так и называют: *Фурикодэ-Кадзи* – Великий пожар кимоно о длинных рукавах.

Согласно книге *Кибун-дайджин*, в которой приведена эта история, девушку, заказавшую кимоно, звали О-Самэ. Ее отцом был известный виноторговец с Хякусо-мати, проживал он в районе Адзабу. Из-за необычайной красоты девушку прозвали Адзабу-Комати, то есть Краса Адзабу. В той же книге под названием Хонмёдзи упоминается и храм секты Нитирэн; он располагался в районе Хонго. Есть там упоминание и об узорах, вышитых на кимоно. Якобы то были цветы *кикё* – то есть стилизованно изображенные колокольчики. Отсюда делался вывод, что на самом деле прекрасный самурай вовсе не был человеком. Это был дракон – водяной змей, обитающий в водах озера Уэно, известного японцам под названием *Синобадзу-но-Икэ*. Поверить в это трудно, но такова легенда.

История о предсказании

Мне был знаком один предсказатель, который действительно верил, что способен предвидеть будущее. Задолго до того, как сам занялся предсказаниями, он уже уверовал, что это возможно. Видимо, причиной тому стало обстоятельство, что в юности он изучал древнюю китайскую философию. По завершении образования он подвизался на службе у одного влиятельного даймё, но с началом эпохи Мэйдзи, как и тысячи других самураев, познал, что такое нужда и голод. Вот тогда-то и превратился в предсказателя – странствующего *уранайя*, что бредет от одного города к другому, а у себя дома оказывается не чаще раза в год, а то и реже. Как предсказатель он был достаточно успешен – я думаю, главным образом по причине своей искренности и явной способности вызывать доверие. У него не было собственной системы: для предсказаний он пользовался древней китайской книгой «И цзин», хорошо известной даже англичанам, а также табличкам из черного дерева, на которых изображены китайские гексаграммы³⁵. Каждое гадание он обязательно предварял истовой молитвой богам.

Упомянутую систему он считал непогрешимой – в том случае, если предсказанием занимается мастер своего дела. Он признавался, что несколько раз допускал ошибки, но утверждал, что совершил их только потому, что неправильно истолковал смысл сочетания символов гексаграмм. Надо отдать ему должное: он четырежды предсказывал мне будущее, и каждый раз его предсказания сбывались с пугающей точностью. Вы можете не верить в пророчества, отвергая их своим здравомыслием. Но в большинстве из них заложена вера, что предсказания возможны, и всего несколько положительных опытов в этой области способны пробудить надежду или страх неудачи, обещанных вам неким прорицателем. На самом деле знание будущего не сулит ничего, кроме несчастья. Вообразите: вам известно, что в течение грядущих двух месяцев с вами неизбежно произойдет ужасное несчастье, а вы ничего с этим не можете поделать!..

Он был уже стар, когда я познакомился с ним в Идзумо³⁶, – явно больше шестидесяти лет, но выглядел значительно моложе. Потом мы встречались с ним в Осаке, в Киото и в Кобе. Не раз я пытался убедить его переждать холодные зимние месяцы под крышей моего дома – он обладал поразительными познаниями в области традиций, и его искушенность могла серьезно помочь в моих литературных штудиях. Но то ли из-за давно укоренившейся в его натуре привычки к бродяжьей жизни, то ли по причине любви к свободе сродни цыганской мне никогда не удавалось удержать его дольше чем на день или два.

Каждый год – обычно ближе к концу осени – он неизменно появлялся в Токио. Затем на протяжении нескольких недель скитался по городу, перемещаясь из одного района в другой, а потом исчезал вновь. Но во время этих неприкаянных блужданий он никогда не забывал навестить меня, чтобы передать приветы из Идзумо, и неизменно что-нибудь дарил – обычно что-то совсем небольшое, какой-нибудь предмет религиозного свойства – из тех святых мест, где ему довелось побывать недавно. Во время таких okazji нам всегда удавалось поболтать с ним хотя бы несколько часов. Иногда разговор заходил о вещах необычных и странных, о том, что он слышал в своих странствиях, порой мы обсуждали старинные легенды и предания. Случалось, заходила речь и о предсказаниях. Когда мы встретились с ним в последний раз, он рассказывал мне о китайской науке точных предсказаний, которую, как он считал (и очень сокрушался по этому поводу), ему никогда не постичь до конца.

³⁵ Гексаграмма – набор шести черт (яо), каждая из которых может быть целой (ян) или прерванной (инь). Соответственно гексаграмма разбивается на две триграммы: нижнюю и верхнюю. Существуют 64 графические фигуры (гексаграммы) с афоризмом при каждой из них, разъясняющим ее значение. Гексаграммы рассматривались как символы, иллюстрирующие универсальный круговорот бытия и указывающие нормы поведения человека и его судьбу.

³⁶ Идзумо – район на побережье Японского моря, называемый Страна богов, священное для каждого японца место.

«Каждый, кто сумеет постичь науку предсказания, – говорил он, – сможет не только назвать вам точное время, когда этот столб или эта балка дома обрушится, но даже укажет, в каком месте сломается и к каким последствиям это приведет. Впрочем, лучше я расскажу одну историю по этому поводу.

История эта – о знаменитом китайском предсказателе. В Японии мы называем его Сёко Сэцу. Ее можно найти в книге пророчеств под названием *Байка-Син-Эки*.

Уже в молодые годы Сёко добился больших успехов и, поскольку не по годам был умен и добродетелен, занимал видный пост. Но оставил его и стал отшельником, чтобы все свое время посвятить самообразованию. Многие годы он прожил в одиночестве в горах, в маленькой убогой хижине. Все это время он отдавал учебе, обходясь без огня зимой, а летом без веера. Свои мысли он записывал на стенах лачуги: бумаги у него, разумеется, не было. Даже подушки он не имел, а вместо нее использовал кувшин, который клал под голову.

Однажды летом, в самый зной, его потянуло в сон, и он лег отдохнуть, подложив под голову кувшин. Но едва он стал засыпать, как по его лицу пробежала крыса, и он проснулся. Рассвирепев, Сёко схватил кувшин и метнул его в крысу, но та ничуть не пострадала и благополучно скрылась, а кувшин разбился. Горестно смотрел Сёко Сэцу на осколки своей «подушки» и корил себя за неразумную несдержанность. Вдруг он заметил, что на обломках сосуда с обратной – внутренней – стороны начертаны иероглифы. Изрядно удивившись, он собрал осколки и осмотрел их. Всего он насчитал семнадцать иероглифов. Сложил их в том порядке, как они были начертаны, и пришел к выводу, что надпись произвели до обжига. Но еще сильнее поразило его содержание текста. Оно гласило: «В год Зайца, в четвертом месяце, на семнадцатый день, в час Змеи кувшин сей, служивший подушкой, бросят в крысу и разобьют».

Поразительно: предсказание сбылось точно в срок – шел как раз семнадцатый день четвертого месяца года Зайца, и случилось это в час Змеи! Совершенно пораженный, Сёко Сэцу еще раз внимательно осмотрел осколки и обнаружил клеймо и имя мастера, изготовившего кувшин. Тотчас же он покинул хижину и, взяв с собой осколки, отправился в близлежащий город на поиски ремесленника. В тот же день он разыскал дом гончара, показал ему осколки и попросил рассказать, как это получилось.

Внимательно осмотрев фрагменты, гончар сказал:

– Кувшин изготовлен в моей мастерской, но иероглифы написал один старик-предсказатель – он попросил разрешить ему написать их до того, как кувшин обожгут в печи.

– Вы знаете, где он живет? – спросил Сёко Сэцу.

– Он жил здесь, неподалеку, – отвечал гончар, – я не помню, как его зовут, но могу показать дорогу.

Оказавшись на пороге указанного дома, Сёко Сэцу представился и попросил разрешения поговорить со стариком. Ученик старца пригласил его войти и ввел в комнату, где занимались несколько молодых людей. Юноши поздоровались и пригласили присесть. Когда Сёко Сэцу уселся, один из учеников поклонился и сказал:

– С прискорбием мы должны сообщить вам, что несколько дней назад наш учитель скончался. Но мы ждали вас, поскольку он предсказал, что в этот час вы сегодня придете в его дом. Ваше имя Сёко Сэцу. И наш учитель сказал, что мы должны отдать вам книгу – она будет вам полезна. Вот эта книга – пожалуйста, возьмите ее.

Сёко Сэцу был обрадован не меньше, чем изумлен, поскольку книга оказалась старинной уникальной рукописью – в ней содержались секреты науки предсказания. Поблагодарив молодых людей и должным образом выразив скорбь по поводу кончины их учителя, он вернулся в свою хижину и немедленно приступил к изучению книги, потому что спешил проверить, насколько успешно с ее помощью можно предсказывать собственное будущее. Книга сообщила ему, что в южном углу хижины его ожидает великая удача. Он принялся копать в указанном месте и нашел там сосуд, полный золота, что сделало его весьма состоятельным человеком».

Мой старый знакомый оставил сей мир в одиночестве, в коем провел и бóльшую часть своей жизни. Прошлой зимой на перевале его застала снежная буря, и он сбился с пути. Много дней спустя его нашли: он стоял, прижавшись спиной к стволу сосны, с походным мешком за плечами, прямой, словно ледяная статуя: сложив руки на груди и закрыв глаза, как будто погрузившись в медитацию. Может быть, пережидая бурю, он заснул и замерз во сне.

Получив известие об этой странной смерти, я вспомнил старую японскую поговорку: «Ни один предсказатель не знает своей собственной судьбы».

Пионовый фонарь

Одним из театральных представлений, что с неизменным успехом идет на токийской сцене, является пьеса под названием *Ботан-Доро* – «Пионовый фонарь». Представляет ее труппа знаменитого японского актера и постановщика Кикугоро. Это произведение мистического содержания. Его действие разворачивается в середине минувшего столетия³⁷. Пьеса – инсценировка произведения Саньютэя Энтё, известного японского романиста³⁸. Актеры представляют на разговорном японском, и, хотя источник истории – древняя китайская легенда, постановка насыщена японским колоритом. Я сходил на представление. Оно мне понравилось своей по-настоящему мистической атмосферой. После спектакля Кикугоро, который прекрасно разбирался и не раз консультировал меня в тонкостях японской культуры, спросил:

– А почему бы вам не познакомить читающих по-английски с этой историей? Или, по крайней мере, с той ее частью, где действуют привидения и призраки? Человеку Запада будет в таком случае легче разобраться с нашими представлениями о сверхъестественном. Ведь они знают об этом очень мало. А я могу помочь с переводом.

Я с радостью согласился, и мы вместе составили пересказ той части романа Энтё, который показался нам наиболее насыщенным сверхъестественным. Местами нам пришлось изрядно подсократить оригинальный текст, но все же мы попытались сохранить главное, и особенно диалоги, поскольку последние представляют особый интерес психологического свойства.

Вот вам история о привидениях из романа «Пионовый фонарь».

I

В Эдо, в районе под названием Усигомэ, некогда жил один *хатамото*³⁹ по имени Иидзима Хэйдзаэмон. У него была единственная дочь-красавица, и звали ее соответственно: О-Цую, что означает «утренняя роса». Когда О-Цую почти исполнилось шестнадцать, ее отец женился во второй раз. Но посчитал, что девочка не будет счастлива, живя с мачехой, и потому специально для дочери выстроил дом – небольшую, но очень красивую резиденцию в пригороде. Специально для нее он нанял прекрасно вышколенную прислугу О-Ёнэ, чтобы та вела хозяйство.

Не ведая забот, О-Цую жила в своем новом доме до тех пор, пока ее однажды не навестил их семейный врач Ямамото Сидзё. Он пришел не один – его сопровождал молодой самурай по имени Хагивара Синдзабуро. Тот жил неподалеку, в квартале Нэдзу. Синдзабуро был наделен необыкновенно привлекательной внешностью и очень воспитан. Неудивительно, что молодые люди полюбили друг друга с первого взгляда. Несмотря на то что визит был краток, они успели признаться во взаимной любви и даже – старый доктор ничего не слышал – поклясться друг другу в вечной верности. Расставаясь, О-Цую шепнула возлюбленному:

– Помни! Если ты не придешь ко мне снова, чтобы увидаться, я непременно умру!

³⁷ То есть XVIII век.

³⁸ *Сангьютэй Энтё* (полное имя Сангьютэй Энтё Идзубути Дзирокити; 1839–1900) – выдающийся актер традиционного японского театра есэ, специализировался в жанре *ракуго* (то есть в качестве исполнителя *ракуго* – рассказчика комических и «страшных» историй с неожиданным концом). Сам писал для себя репертуар. «Пионовый фонарь» (1884) – наиболее известное из произведений писателя. В конце 1950-х гг. роман был переведен на русский язык А. Н. Стругацким, много раз переиздавался. Однако текст Л. Хирна, конечно, совершенно оригинальное произведение, почти не пересекающееся с оригинальным источником. Судя по всему, писателю была знакома только «модифицированная» театральная версия, а не сам роман.

³⁹ *Хатамото* (яп. 旗本, «под знаменами») – самурай высшего сословия, приближенный к сёгуну. В феодальной Японии хатамото обладали целым рядом привилегий (например, правом встречи с сёгуном и правом носить оружие в его присутствии). Нередко (но не всегда) были богаты, обладали солидной недвижимостью.

Синдзабуро, разумеется, не забыл этих слов, да он и сам стремился повидаться с девушкой. Но этикет запрещал ему нанести визит самостоятельно: потому он ждал, когда представится случай и старый доктор вновь навестит О-Цую, ведь он обещал взять его с собой, когда пойдет в ее дом снова. К сожалению, старик не сдержал данного обещания. От него не укрылось чувство, вспыхнувшее в девушке. Он испугался гнева ее отца, поскольку посчитал себя виновником произошедшего. Тем более что Иидзима Хэйдзаэмон слыл настоящим головорезом. И чем больше старый лекарь размышлял о возможных последствиях встречи молодых людей в загородной вилле, тем страшнее ему становилось. Потому, когда в следующий раз он решил навестить О-Цую, он сознательно воздержался от того, чтобы взять с собой молодого самурая.

Проходили месяцы; несчастная девушка, не догадываясь об истинной причине, убедила себя, что Синдзабуро пренебрег ее любовью. Она погрузилась в уныние, уныние переросло в болезнь, и она умерла. А вскоре после нее, не в силах перенести смерть госпожи, угасла и служанка О-Ёнэ. Их так и похоронили рядом, на кладбище Син-Бандзуй-Ин во дворе храма, который до сих пор стоит по соседству с Данго-Дзака, где каждый год устраивают знаменитый праздник хризантем.

II

Синдзабуро ничего не знал о том, что случилось, но душевные переживания истомили и его. Он тоже занедужил и болел долго. Выздоровливал медленно и был еще совсем слаб, когда его внезапно навестил старый лекарь. Ямамото взялся долго и путано извиняться за то, что давно не заходил к юноше. Тот сообщил ему:

– Я болею с самого начала весны. Я и сейчас почти ничего не ем. И по-моему, не очень вежливо с вашей стороны не вспоминать обо мне так долго... Я думал, что мы договорились вместе навестить дом молодой госпожи Иидзима; я хотел передать ей небольшой подарок в благодарность за любезную встречу, что нам оказали в ее доме прежде. Вы понимаете, что один пойти я не мог...

– Мне очень жаль говорить вам это, – горестно отвечал лекарь, – но молодая госпожа умерла.

– Умерла... – повторил за ним Синдзабуро и смертельно побледнел. – Вы сказали, что она умерла?

Доктор замолчал на мгновение, как бы собираясь с духом, а затем заговорил вновь, но уже совершенно иным тоном – как человек, решивший не придавать особого значения произошедшему:

– Я очень ошибся, познакомив вас: похоже на то, что она сразу же влюбилась. Боюсь, вы и сами помогли разжечь костер этого чувства: о чем-то же вы говорили тогда, когда остались наедине в маленькой гостиной. По всему я понял, что из этого может выйти, и очень встревожился: я очень испугался – а если это дойдет до ее отца? Тогда вся ответственность ляжет на меня. И я решил – вам бы, кстати, следовало оценить мою искренность, – что будет лучше не звать вас больше. Потому-то так долго и не навещал вас и к ней не ходил. Но вот несколько дней тому назад я зашел в дом Иидзима и, к моему великому изумлению, услышал, что дочь его скончалась и ее служанка О-Ёнэ тоже. Тогда, вспомнив, что происходило, я понял: молодая госпожа, должно быть, умерла от любви к вам... – Тут он прервал свою речь и захихикал: – Эх! Вы у нас известный греховодник! Ну а как же! – Он выдал еще один смешок. – Разве не грех родиться таким красивым, что девушки умирают от любви к вам? – Затем, уже более серьезно, продолжал: – Ну да ладно. Смерть оставим мертвым. Нет смысла говорить об этом дальше – все, что мы можем теперь сделать, – только помолиться лишний раз во спасение ушедших... Прощайте.

И старик поспешно удалился. Он явно избегал разговора на болезненную тему, поскольку считал себя в какой-то мере ответственным за то, что произошло.

III

Долгое время Синдзабуро был совершенно подавлен известием о смерти О-Цую. Но как только вновь обрел способность ясно мыслить, начертал имя мертвой девушки на специальной поминальной табличке и поместил ее в домашний алтарь. Потом он принес полагающиеся дары и прочитал молитвы. И каждый день затем он повторял соответствующие ритуалы и читал особые поминальные молитвы – *нэмбуцу*; и память об О-Цую продолжала жить в его думах.

Ничего не менялось в монотонной жизни молодого самурая – так все и шло до самого праздника Бон, великого праздника мертвых, который начинается на тринадцатый день седьмого месяца. Накануне Синдзабуро украсил дом и приготовил все необходимое – развесил бумажные фонари, что освещают дорогу возвращающимся духам; приготовил пищу для мертвых и поставил ее на *сёрёдана* – полку душ. А в первый вечер наступившего праздника, сразу после заката, зажег лампадку перед табличкой с именем О-Цую и возжег все светильники.

Ночь была тиха. Светила полная луна. Было безветренно и очень тепло, даже душно. Синдзабуро расположился на веранде – там было прохладнее. На нем было только легкое летнее кимоно. Он сидел в одиночестве, погруженный в печальные думы, грустный и скорбный. Время от времени он обмахивался веером да иногда подкладывал в курительницу немного сухой травы, чтобы дым отпугивал moskitov и те не мешали вспоминать о возлюбленной. Все кругом замерло. Только иногда вдалеке слышались шаги прохожих да журчание недалекого ручья сплеталось с неумолчной песней цикад.

Но внезапно тишину нарушил стук женских гэта⁴⁰: *кара-кон, кара-кон* – он быстро приближался и звучал все ближе и ближе, пока не замер у живой изгороди, что окружала сад. Синдзабуро, немало удивленный, встал на цыпочки, чтобы посмотреть, кто это. За изгородью он увидел две женские фигуры. Одна, по виду служанка, несла в руках красивый бумажный фонарь – он был изготовлен в виде цветка пиона. Другая была стройной девушкой – очень молодой, едва ли старше семнадцати лет, в кимоно с длинными рукавами, расшитом осенними цветами. Почти тотчас обе женщины обернулись и увидели Синдзабуро, а тот, к полному своему изумлению, узнал в них О-Цуи и ее служанку О-Ёнэ.

Они замерли, и последняя ошеломленно произнесла:

– О, как странно!.. Это же Хагивара-сан!

Одновременно и Синдзабуро признал говорившую и окликнул ее:

– О-Ёнэ! Ведь это же вы, О-Ёнэ?

– Хагивара-сан! – воскликнула О-Ёнэ; удивление ясно слышалось в ее голосе. – Никогда бы не подумала, что такое возможно! Господин, нам сказали, что вы умерли!

– Совершенно невообразимо! – вскричал Синдзабуро. – Как же так? Это мне сказали, что вы обе умерли!

– Ах, что за ужас! – отвечала О-Ёнэ. – Кто это вам нарасказывал такого? Как нехорошо...

– Пожалуйста, входите, – сказал Синдзабуро, – здесь нам будет удобнее говорить. Ворота открыты.

Они вошли и обменялись приветствиями с хозяином. После того как последний убедился, что женщинам удобно, он сказал:

– Я верю, что вы способны простить мою неучтивость, – я не появлялся у вас долго. Но господин Ямамото, ваш лекарь, примерно месяц назад сказал мне, что вы обе умерли.

⁴⁰ Гэта – традиционная японская женская обувь, сандалии, основа которых изготовлена из дерева.

– Ах, так это был он? Он вам и сказал? – воскликнула О-Ёнэ. – Как нехорошо с его стороны говорить такое! Ведь именно он и нам сказал, что вы умерли. Я думаю, он хотел обмануть вас. А это совсем не трудно, потому что вы такой воспитанный и доверчивый. Возможно, до родителя моей хозяйки дошло, что вы ей понравились, а затем об этом узнала О-Куни, его новая жена. Вполне может быть, что она и надоумила доктора сказать, что мы умерли, и таким образом разлучить вас. Как бы там ни было, моя хозяйка, услышав, что вы скончались, захотела обрезать волосы и стать монахиней. Но я смогла убедить ее не делать этого и в конце концов уверила, что она может стать монахиней и так – в своем сердце. После этого отец решил выдать ее замуж и сосватал за одного молодого человека, но О-Цую ему отказала. Затем случились кое-какие неприятности – главным образом по вине О-Куни. В результате нам пришлось покинуть наше жилище и уехать. Мы поселились в маленьком домике в местечке Янакано-Сасаки. Живется нам теперь непросто – приходится брать работу на дом, но жить как-то надо... Моя госпожа постоянно читает поминальную молитву в память о вас. Сегодня, в первый день праздника Бон, мы отправились навестить несколько храмов. И вот теперь, на пути домой – конечно, мы очень припозднились, – произошла эта удивительная встреча!

– Поразительно! – воскликнул Синдзабуро. – Неужели я не сплю? И это правда? Ведь я тоже постоянно возношу молитвы перед поминальной табличкой с именем О-Цую! Посмотрите!

И с этими словами он показал им табличку О-Цую, стоящую на полке душ.

– Мы очень благодарны за ваши молитвы... И даже более того, – отвечала О-Ёнэ, смеясь. – А вот моя госпожа... – Она повернулась к О-Цую, которая так и сидела, не говоря ни слова, притихшая, наполовину прикрыв лицо рукавом своего кимоно. – Моя госпожа... Она даже говорила, что готова на семь следующих воплощений отречься от своего отца или даже пусть он убьет ее, но она не отречется от вас! Но нам пора идти! Впрочем... Может быть, вы соизволите разрешить ей остаться на ночь у вас в доме?..

Синдзабуро даже побледнел от радости. Он отвечал, едва сдерживаясь, его голос дрожал от переполнявших эмоций:

– Пожалуйста. Я вас прошу остаться. Но лучше говорить потише. Потому что у меня по соседству живет один весьма непростой человек. Он *нинсоми* — предсказатель. Его зовут Хакуодо Юсай. Угадывает судьбу людей по лицам. Он очень любопытен. Лучше, чтобы он ничего не знал.

Женщины остались на ночь в доме молодого самурая, а домой к себе отправились незадолго перед рассветом. И следующую ночь они провели у него в доме. И так продолжалось семь ночей подряд. И даже погода не мешала им – они появлялись у ворот всегда в один и тот же час. Синдзабуро все теснее сближался с девушкой, все крепче привязывался к ней; с каждой новой встречей связующие их нити крепили. А такая невидимая связь, как известно, куда сильнее стальных оков.

IV

Кроме Синдзабуро, на его участке жили еще двое – некий Томодзо и его жена О-Минэ. Они были его слугами и обитали во флигеле, который примыкал к дому самурая. Оба были вполне довольны своим молодым хозяином: служба их не угнетала и жили они с комфортом.

Однажды ночью, очень поздно, Томодзо услышал женский голос в покоях хозяина, и это его сильно встревожило. Он испугался, что Синдзабуро, будучи человеком очень мягким и впечатлительным, должен быть, сделался жертвой некой коварной и распутной особы. А в таком случае первыми страдают именно слуги. Потому он решил понаблюдать. На следующую ночь на цыпочках прокрался в дом хозяина и, сдвинув в сторону одну из панелей, припал глазом к образовавшейся щелке. В тусклом свете ночника, который горел у того в спальне,

он увидел, что Синдзабуро разговаривает с незнакомой женщиной. Разглядеть ее подробно в полумраке слуга не мог, к тому же мешала москитная сетка, под пологом которой они беседовали. Да и сидела она к нему спиной. Но он заметил – об этом свидетельствовали цвет и крой ее одежды и прическа, – что она худенькая, стройная и очень молодая. Прикинув ухом к щели, Томодзо мог хорошо слышать, о чем они говорили. Женщина спросила:

– А если отец откажется от меня, вы позволите мне прийти и жить с вами?

Синдзабуро отвечал:

– Да не только пушу – я буду счастлив! Но нет причин бояться – отец никогда не отречется от вас, ведь вы его единственная дочь и он вас очень любит. Лишь одно меня пугает: что настает день и нас жестоко разлучат.

Она отвечала кротко:

– Никогда. Я никогда даже мысли не допускала, что у меня может быть другой муж, а не вы. Даже если бы и стало известно о нашей тайне и отец бы убил меня – все равно, даже после смерти, я не перестану думать о вас. А сейчас я почти уверена, что и вы не смогли бы жить долго без меня...

После этих слов она прижалась к нему, нежно поцеловала и стала ласкать, а он отвечал на ее ласки.

Томодзо удивился тому, что услышал. Речь незнакомки никак не походила на речь порочной женщины. Напротив, так могла разговаривать только дама высокого ранга. Разумеется, теперь ему еще сильнее захотелось рассмотреть лицо незнакомки. Ящерицей он выскользнул из своего укрытия и прокрался на другую половину дома. Он скользил из одной комнаты в другую, выискивая хотя бы малую щель, чтобы увидеть ее. Наконец это ему удалось... Но тут же ледяной ужас сковал его, а волосы встали дыбом.

Лицо незнакомки не было лицом живой женщины – это было лицо трупа. Она ласкала шею хозяина белыми костяными пальцами, лишенными плоти. Тела у нее не было. Точнее, ничего не было ниже талии – лишь мерцала и переливалась неверная призрачная мгла. Там, где очи влюбленного видели красоту и грацию, глаза слуги рассмотрели только пустоту смерти и ужас.

Но едва Томодзо увидел это, как из угла комнаты появился другой призрак. Это была тоже женщина, и она показалась ему еще ужаснее той, которую он рассматривал. Та, вторая, поднялась со своего места и направилась туда, где он скрывался, точно знала наверняка это место. В ужасе он со всех ног бросился вон из дома и побежал к соседу, Хакуодо Юсаю, и что есть сил забарабанил в ворота его жилища в надежде, что тот проснется и откроет.

V

Хакуодо Юсай, занимавшийся предсказаниями, был очень стар. Но в свое время он немало постранствовал и повидал многое, так что удивить его было трудно. Тем не менее история, которую ему поведал Томодзо, не только удивила, но и весьма встревожила. В старинных китайских книгах он читал о любви между живыми и мертвецами, но никогда не верил, что такое может случиться. Однако теперь, слушая соседского слугу, он понимал, что тот не врет и что-то действительно очень странное происходит в доме Синдзабуро. А если рассказ его правдив, то молодой самурай, скорее всего, обречен.

– Если та женщина, которую ты видел, – сказал Юсай перепуганному слуге, – на самом деле привидение, тогда твой хозяин скоро умрет. Конечно, при условии, что не удастся придумать что-нибудь совершенно необычное... Что сможет побороть магию. Если она призрак, – продолжал старик (а он был нинсони, то есть тем, кто читает по лицам), – на лице влюбленного должны проступить знаки смерти. Поскольку дух живого человека, *ёки*, чист, а дух мертвеца, *инки*, нечист. Первый нисходит с небес, второй поднимается из бездны. Тот, у кого жена –

призрак, жить не может. Даже если его кровь заряжена энергией жизни на сто лет, эта сила скоро иссякнет... Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти господина Синдзабуро. А ты, Томодзо, никому ничего не говори – даже своей жене – о том, что ты видел. Когда взойдет солнце, я пойду к твоему хозяину.

Когда поутру они встретились, Юсай прямо спросил самурая о том, кто был в его доме ночью. Поначалу Синдзабуро пытался все отрицать и говорил, что никакой женщины у него в доме не было. Но потом, видя, что неискренность ему не удастся, да и старик расспрашивает не из вредности или праздного любопытства, он наконец признался и рассказал, что произошло, и объяснил, почему все это следует держать в секрете. Во всяком случае, он настаивает, что госпожа Иидзима вскоре станет его законной супругой.

– О, да вы безумец! – вскричал Юсай, теряя терпение от ужаса, что внушил ему рассказ самурая. – Знайте, господин, эти женщины, что являются к вам каждую ночь, давно мертвы! На вас навели колдовские чары! Как же так, вы знали, что О-Цую мертва, читали по ней молитвы-нэмбуцу, возносили дары и курили свечи перед поминальной табличкой с ее именем! Разве у вас были сомнения? Теперь мертвые губы целуют вас, а руки мертвеца вас ласкают!.. Вот сейчас, в этот самый момент, я вижу знаки смерти на вашем лице – а вы мне не верите! Послушайте меня, господин, – я умоляю вас, – если только вы хотите спастись... иначе вам не осталось жить и двадцати дней. Эти существа – они говорили вам, что обитают в районе Ситая, в местечке Янака-но-Сасаки. Вы когда-нибудь бывали там, навещали их? Нет. Конечно нет. Тогда отправляйтесь как можно скорее – прямо сейчас – в Янака-но-Сасаки и попытайтесь отыскать их дом!..

Старик говорил очень серьезно, даже страстно, и, завершив свою тираду, он резко повернулся и ушел.

VI

Гневная речь старика если и не убедила Синдзабуро, то озадачила его. Поразмыслив, он решил-таки последовать совету нинсоми и отправиться в Ситая. Утро еще только разгоралось, а он уже добрался до Янака-но-Сасаки и принялся разыскивать жилище О-Цую. Он обследовал каждую улицу, изучил каждый дом, внимательно прочитал все имена на табличках у ворот, но ничего похожего на дом, о котором упоминала О-Ёнэ, не нашел. Тогда он стал расспрашивать людей. Может быть, кто-нибудь слышал о двух обитающих здесь одиноких женщинах? Но никто о них не слышал. Когда наконец он убедился, что дальнейшие поиски бессмысленны, то решил вернуться к себе домой и, чтобы сократить путь, пошел напрямую – через земли храма Син-Бандзуй-Ин.

Когда он проходил через кладбище, его внимание привлекли два явно новых надгробия. Они располагались рядом. Одно было совсем обычным – такие ставят на могилах людей простого звания. Но другое – огромным. К тому же его венчал монумент, а на нем висел искусно изготовленный бумажный фонарь в виде цветка пиона. Скорее всего, он остался со Дня поминовения мертвых. Синдзабуро вспомнил, что фонарь в форме пиона несла О-Ёнэ, и этот был точно такой же. Это странное совпадение заставило его содрогнуться. Он снова посмотрел на надгробия, но они ничего сообщить не могли – у буддистов на плитах высекают только *каймё* – посмертное имя усопшего. Тогда он решил зайти в храм, поспрашивать монахов. Служка, которого он остановил, охотно объяснил ему, что большой монумент установили на могиле дочери хатамото Иидзимы Хэйдзаэмона, а маленький принадлежит ее служанке, которую звали О-Ёнэ, – та умерла от горя вскоре после похорон молодой госпожи.

Немедленно в памяти Синдзабуро всплыли слова служанки: «...нам пришлось покинуть наше жилище и уехать. Мы нашли маленький домик в местечке Янака-но-Сасаки. Живется

нам теперь непросто – приходится брать работу на дом...» Но теперь они наполнились новым, зловещим смыслом. И ведь на самом деле – очень «маленький домик» и в Янака-но-Сасаки. Но о какой «работе» она говорила?..

Охваченный неподдельным ужасом, молодой самурай поспешил к Юсаю и взмолил того о помощи и совете. Но старик объявил ему, что сам он ничем не сможет ему помочь в таком непростом деле. Все, что он может сделать, так это написать письмо настоятелю храма Рёсэки в Син-Бандзуй-Ин, – может быть, тот сможет помочь юноше.

VII

Настоятель был человеком очень ученым и благочестивым. Он обладал способностью проникать в любые скорбные тайны и разбирать хитросплетения кармы, повлекшие их. Недвижим сидел он, слушая историю Синдзабуро, и, когда тот закончил, сказал:

– Очень большая опасность угрожает вам. Причиной тому ошибка, что вы совершили в одном из прежних своих воплощений. Ваша кармическая связь с умершей девушкой очень сильна. Я бы мог объяснить вам ее природу, но, боюсь, вы не сможете понять моих объяснений. Сказать могу только одно – мертвая девушка не испытывает к вам ненависти и не желает вам зла. Напротив, она очень любит вас. Скорее всего, чувство ее имеет долгую предысторию, и зародилось оно не в этой жизни, а по крайней мере три или четыре воплощения назад. В каждом из них ее облик, разумеется, менялся, но она всегда отыскивала вас и не в силах была совладать с теми чувствами, что испытывала к вам. А потому очень непросто избежать этих чар. Но я собираюсь одолжить вам *мамори*. Это амулет, который обладает большой силой, – изображение Будды Татхагаты. Мы называем его *Кай-Он-Нёрай* – Звучащий подобно голосу моря. Так называют его потому, что проповедь, когда *Он* читал священный закон, была подобна дыханию океана и побеждала все иные звуки. Его маленькое подобие – амулет *сирё-ёкэ* – сделано из чистого золота и защищает живых от мертвых. Вы должны иметь его при себе постоянно. Носите его на теле, прямо под одеждой, за поясом. Кроме этого, я отслужу специальную ритуальную службу *сэгаки*. Это необходимо, чтобы утомонить беспокойную душу призрака. И вот еще священная сутра. Она называется *Убо-Дарани-Кё*, или сутра, проливающая дождь сокровищ. Ее необходимо читать каждую ночь, когда вы будете дома. Читать ее нужно без ошибок! Ошибиться нельзя! Дополнительно вот вам еще свиток *о-фуда*⁴¹. Вы должны заклеить ими все отверстия, все щели – даже самые малые! – в доме. Если вы исполните это, священные тексты защитят ваш дом от проникновения туда мертвых. Но главное – что бы ни происходило, – необходимо читать сутру.

Синдзабуро поблагодарил священника и поспешил домой. С собой он унес целый ворох оберегов *о-фуда* со священными текстами, сутру и золотой амулет. Он спешил: все приготовления необходимо было завершить до наступления темноты.

VIII

Благодаря помощи и советам старого лекаря, Синдзабуро с помощью соседа успел до темноты завесить все щели в своем доме священными текстами. Закончив работу, Юсай ушел к себе домой, оставив самурая в одиночестве. Пришла ночь. Она была теплая и ясная. Молодой человек запер на засовы двери, укрепил на поясе священный амулет, залез под москитную сетку и при свете ночника взялся читать *Убо-Дарани-Кё*. Довольно долгое время он нараспев

⁴¹ *О-фуда* (яп. 御符) – оберег, талисман. Представляет собой иероглифы (или символические изображения), начертанные на узких полосках бумаги или выжженные на дереве (реже – выгравированные на металле). Располагают их на входе в дом, вешают на стенах, на священных табличках в храмах.

читал слова, не особенно вникая в их смысл, а затем решил немного передохнуть. Но его разум был слишком взбудоражен странными событиями уходящего дня. Минула полночь, но сон не шел. Время тянулось, и вот он услышал, как прозвонил большой колокол в храме Дэнцу-Ин, извещавший о наступлении восьмого часа⁴².

Едва утасло его эхо, Синдзабуро услышал знакомый стук гэта. Он доносился с привычной стороны, но на этот раз шаги приближались медленнее. Потому и звук был немного другим: *каран-корон, каран-корон...* Тотчас же мужчину прошиб холодный пот. Дрожащими руками он раскрыл сутру и снова взялся читать вслух. Шаги приближались и приближались – вот они достигли живой изгороди и... остановились! Затем произошло нечто странное: Синдзабуро вдруг ощутил, что не может оставаться дольше за москитной сеткой. Нечто значительно более сильное, чем страх, заставило прекратить чтение, и он, не думая о последствиях, подкрался к ставням и заглянул в щелку. Перед домом стояли О-Цую и О-Ёнэ с пионовым фонарем в руках. Обе смотрели на священные тексты, развешенные над входом. Никогда прежде – даже тогда, когда была жива, – О-Цую не казалась столь прекрасной, как сейчас. Синдзабуро ощутил, как сердце рвется навстречу возлюбленной, он почти не мог сопротивляться. Но ужас смерти и страх перед неведомым все же сдерживали его. В душе его любовь и опасения вступили в жестокую схватку, столь мучительную, что казалось, будто он уже пребывает в аду.

И тут донесся голос служанки:

– Моя дорогая госпожа! Мы не можем войти. Должно быть, сердце господина Хагивары переменялось. Потому что данное нам вчера обещание нарушено. Все двери заперты, и нам их не открыть... Мы не сможем остаться здесь на ночь... Для вас лучше не думать о нем больше, поскольку его чувства по отношению к вам, без сомнения, изменились. Вполне очевидно, что он не желает вас видеть. Так стоит ли страдать из-за человека с таким недобрым сердцем?

Но девушка в ответ заплакала и горестно запричитала:

– Разве можно поверить в то, что вы говорите, после всех клятв, что были даны нами!.. Часто мне говорили, что сердце мужчины изменчиво, как небо осенью... Но я не верю, что Хагивара-сан столь жесток, чтобы поступить со мной так... Милая Ёнэ, пожалуйста, найди способ, чтобы я могла с ним встретиться. Хотя ты и настаиваешь, но я никогда – никогда не вернусь домой снова!

Так она продолжала плакать и причитать, прикрывая лицо длинными рукавами своего кимоно, – и такой прекрасной она представлялась Синдзабуро, такой трогательной... Но страх смерти был все-таки сильнее.

О-Ёнэ слушала свою госпожу, молчала, пока наконец не произнесла:

– Моя дорогая хозяйка, ну что же вы мучаете себя из-за человека, что явил такую жестокость?.. Ну хорошо, давайте обойдем дом кругом и посмотрим, нет ли входа!

Сказав это, она взяла О-Цую за руку и повлекла за собой. И они тотчас исчезли – моментально растворились, – как гаснет огонь в лампе, когда его задует.

IX

Ночь за ночью – каждый раз с наступлением часа Быка – приходили призраки. И каждую ночь Хагивара слышал рыдания О-Цую. Он уже почти поверил, что ему удалось спастись. Но смерть караулила его, и угроза исходила совсем не оттуда, откуда он опасался, а со стороны его слуг.

⁴² Восьмой час соответствует европейским двум часам ночи. В это время начинается так называемый час Быка – промежуток времени между двумя и четырьмя часами. Это время, когда, согласно буддийским представлениям, безраздельно властвуют силы зла, и эта часть суток принадлежит не живым, а мертвым.

Томодзо обещал старому Юсаю никому – даже своей жене О-Минэ – ничего не говорить о страшных событиях. Но привидения и его не оставили в покое. Каждую ночь О-Ёнэ приходила к нему в жилище, будила его и просила убрать о-фуда с маленького оконца, что находится на задней стене дома хозяина. И Томодзо, вне себя от ужаса, каждую ночь обещал, что сделает это на закате следующего дня, но не делал, поскольку боялся навредить своему господину. Наконец однажды ночью, когда на дворе бушевала ужасная гроза, О-Ёнэ разбудила его, склонившись к нему на подушку, и крикнула:

– Поберегись так шутить с нами! Если завтра ночью ты не уберешь эти письма, то узнаешь, что значит моя ненависть!

И в то время как она говорила это, лицо ее сделалось настолько страшным, что Томодзо чуть не умер от ужаса.

О-Минэ, жена Томодзо, совершенно ничего не знала о том, что делается, до той самой ночи. Собственно, и ее супруг воспринимал происходящее скорее как ночной кошмар, нежели как реальность. Но именно эта ночь все изменила. О-Минэ пробудилась внезапно и услышала голос женщины, которая говорила с ее мужем. Услышала она только последнюю фразу и даже не разобрала слов. Супруга повернулась к Томодзо, но в свете ночника разглядела только мужа – никакой женщины рядом не было. Он дрожал и побелел от страха. Незнакомка исчезла. Двери крепко заперты. Внутрь никто войти не мог. Но ревность, вспыхнув, заставила произвести О-Минэ форменный допрос, и... ему пришлось-таки открыться, рассказав, перед какой ужасной дилеммой он очутился.

Подозрительность супруги тут же сменилась страхом. Но О-Минэ не зря слыла женщиной сметливой и практичной. А потому немедленно предложила план: она придумала, как спасти мужа, принеся в жертву хозяина. Она дала Томодзо коварный совет – поторговаться с мертвецами.

Они пришли на следующую ночь – как обычно, в час Быка. И О-Минэ сама теперь услышала перестук приближающихся гэта: *каран-корон, каран-корон!*.. Томодзо вышел во тьму, чтобы встретить призраков, и даже нашел силы сказать то, что ему подсказала жена:

– Я вызвал ваш гнев, и он справедлив, но у меня и в мыслях не было злить вас. Причина, по которой священные письма не сняты, заключается в том, что мы с женой живем лишь милостью нашего хозяина, Хагивары-сан. И не можем навредить ему, потому что в таком случае мы навлечем несчастье и на себя. Но если мы получим, скажем, сто золотых рё, мы будем вам очень благодарны, потому что помощи нам ожидать не от кого. Следовательно, если у нас окажется сотня рё, я смогу убрать о-фуда, поскольку в таком случае тревожиться о будущем нам будет уже не нужно.

После того как слуга произнес все это, призраки молча переглянулись. Повисла пауза. Затем О-Ёнэ сказала:

– Я же говорила вам, госпожа, не стоит нам беспокоить этого человека; мы не хотим ему зла. Нет, разумеется, толку страдать из-за господина Хагивары, потому что сердце его к вам переменялось. Потому снова, моя дорогая, разрешите попросить вас не думать о нем больше.

Но О-Цую, зарыдав, отвечала:

– Милая Ёнэ, что бы ни случилось, я просто не могу заставить себя не думать о нем! Ты же сможешь раздобыть сто рё, чтобы о-фуда убрали... Только раз, дорогая Ёнэ, только еще один раз дай мне встретиться с господином Хагиварой – заклинаю тебя!

Она спрянула лицо в рукава и снова громко зарыдала.

– Ах! Как вы можете просить меня о таких вещах? – отвечала О-Ёнэ. – Вы хорошо знаете, что у меня нет денег. Но поскольку вы настаиваете – несмотря на то, что я вам только что сказала, – надеюсь, я как-нибудь раздобуду деньги, чтобы принести завтра ночью... – Затем, повернувшись к вероломному Томодзо, произнесла: – Томодзо, должна тебе сказать еще вот что. Твой хозяин носит теперь на теле *мамори* – амулет, который называется Кай-Он-Нёрай. И

пока он у него есть, приблизиться к этому человеку мы не сможем. Поэтому ты должен сделать так, чтобы амулета у него не было. Как ты это сделаешь, нас не касается, но его быть не должно. Разумеется, о-фуда тоже должен отсутствовать.

Томодзо в ответ пробормотал:

– И это сделаю, если вы только обещаете дать сто рё.

– Ну что ж, госпожа... – сказала О-Ёнэ. – Хотите вы или не хотите – придется подождать до следующей ночи.

– О моя дорогая О-Ёнэ, – всхлипнула в ответ девушка, – значит, нам и в эту ночь не увидеть господина Хагивару и придется опять вернуться ни с чем? Ах, как это жестоко!

X

Минул еще день, наступила ночь, а вместе с ней явились и мертвецы. Но на этот раз у дома Синдзабуро не слышно было горестных причитаний: в час Быка вероломный слуга получил свою награду и удалил свиток со священными письменами. Более того, он сумел украсть и амулет: когда хозяин совершал омовение, он незаметно вытащил из ковчежца золотую статуэтку Будды и заменил ее другой – медной. А золотую закопал в саду в тайном месте. Таким образом, на этот раз ничто не мешало призракам проникнуть в дом самурая. Прикрыв лица рукавами своих кимоно, они воспарили над землей и, подобно легким струям тумана, скользнули внутрь через слуховое оконце – охраняющий его текст с заклинаниями исчез. Что затем произошло в доме, Томодзо было неведомо.

Солнце уже стояло высоко в небе, когда предатель отважился наконец подойти к жилищу хозяина и постучать в дверь. Впервые за долгие годы он не получил отклика, и тишина испугала его. Он снова постучал, и вновь ответом ему было молчание. Затем, уже в сопровождении О-Минэ, он отважился войти в дом, а потом, один, проник в спальню господина. И снова позвал хозяина. И вновь – тщетно. Он распахнул ставни, чтобы стало светлее, но по-прежнему не донеслось ни шороха. Наконец он отважился подойти к ложу самурая и приподнял край москитной сетки. Едва Томодзо заглянул внутрь, как тут же выскочил из дома, крича от страха.

Синдзабуро Хагивара был мертв. Он умер отвратительной смертью, и на лице его застыла маска ужаса. Он лежал навзничь, а рядом с ним – скелет женщины. Две руки скелета крепко сжимали шею самурая.

XI

По просьбе неверного Томодзо, который умолял о помощи, Хакуодо Юсай пришел осмотреть тело. Картина, что открылась старому предсказателю, ужаснула и ошеломила его. Но способности наблюдать он не утратил. Он огляделся и, пройдя в заднюю часть дома, обнаружил, что листок со священными письменами на слуховом окне отсутствует. Затем он обследовал тело и узнал, что и амулет исчез; в ковчежце на теле самурая вместо золотой статуэтки Будды лежало медное изображение Фудо – покровителя путников. Старик, естественно, заподозрил Томодзо в краже, но все увиденное произвело на него столь сокрушительное впечатление, что он решил не предпринимать пока никаких действий, а сначала посоветоваться с настоятелем храма в Рёсэки – сообщить тому о случившемся он посчитал совершенно необходимым. Поэтому Юсай еще раз внимательно осмотрел жилище самурая, а затем, насколько позволял почтенный возраст, поспешил в храм Син-Бандзуй-Ин.

Священник, даже не спрашивая о цели визита, немедленно пригласил Юсая в личные покои.

– Вы знаете, что здесь вы всегда желанный гость, – сказал он старику. – Пожалуйста, чувствуйте себя свободно... Не хочу огорчать вас, но должен сказать, что Хагивара-сан мертв.

Юсай в изумлении воскликнул:

– Да, он мертв! Но... как вы узнали об этом?

Священник отвечал:

– У господина Хагивары была плохая карма. Он пострадал от этого. Да и слуга его дурной человек. Того, что с ним произошло, избежать было невозможно – судьба предопределена задолго до нынешнего воплощения самурая. Думаю, вам не следует сильно переживать по поводу того, что случилось.

Старый предсказатель отвечал:

– Я слышал, что священник, ведущий праведную жизнь, обладает силой провидеть будущее на столетие вперед, но впервые на своем веку вижу такое воочию... Однако в этой истории есть еще кое-что, что не дает мне покоя...

Тут священник прервал его и сказал:

– Вы имеете в виду кражу мамори – Кай-Он-Нёрай. Не думайте об этом. Фигурка зарыта в саду на грядке. Там ее и найдут, а потом вернут мне. Это случится в следующем году, в августе. По этому поводу не беспокойтесь больше.

Хотя изумление старого предсказателя становилось все сильнее и сильнее, тем не менее он отважился заметить:

– Я изучал инь и ян, ведомо мне и искусство предвидения – ведь я зарабатываю на жизнь, предсказывая людям будущее, – но даже я не способен понять, как вы можете знать такие вещи.

Священник отвечал серьезно, даже мрачно:

– Не стоит размышлять над тем, как мне это удастся... Сейчас я хочу поговорить с вами совсем о другом – о похоронах господина Хагивары. Самурайский род Хагивара, конечно, имеет собственное семейное кладбище. Но хоронить его там не должно. Его следует похоронить рядом с Ю-Цуи, госпожой Иидзима, поскольку их кармическая связь очень глубока. Поступить так – поступить правильно. Но и вы, Юсай-сан, многим обязаны умершему. Потому вам следует за свой счет поставить надгробие на могиле Синдзабуро.

Так и случилось. Синдзабуро похоронили подле могилы О-Цую, на кладбище в ограде храма Син-Бандзуй-Ин в местечке Янака-но-Сасаки.

Предположение

Мне посчастливилось встретиться с этим человеком в Токио, когда он собирался отправиться в Индию. Мы долго гуляли по городу и вели разговор о восточных религиях, в которых он разбирался куда лучше меня. Даже если я упоминал о малоизвестных культах, он тут же добавлял о них поразительные факты, а также собственные наблюдения о существующих верованиях народов Индии, Бирмы или Цейлона. Но вдруг с его подачи разговор принял совершенно неожиданное направление.

– Я размышлял о постоянстве в соотношении полов у людей, – сказал он, – и думаю, что по этому поводу утверждает буддийская доктрина. Мне представляется, что по закону кармы перерождения сопровождаются неизбежным чередованием.

– Так вы считаете, – спросил я, – что в следующем рождении мужчина станет женщиной, женщина – мужчиной?

– Да, – твердо отвечал он, – потому что желание есть акт творения, а желания обоих полов направлены друг к другу.

– И много мужчин хотели бы в следующей жизни оказаться женщиной? – спросил я иронически.

– Вероятно, очень немногие, – отвечал он. – Но буддийский постулат о том, что желание есть творение, отнюдь и не подразумевает удовольствия от следующего перевоплощения – скорее наоборот. Истинное учение утверждает, что новое рождение – расплата за корыстные желания. И доказательство тому – в высшем смысле, разумеется, – долгий путь перерождений как иллюстрация глупости и тщетности страстей и желаний.

– В этом смысле вы правы, – отвечал я, – но теорию вашу я что-то не очень понимаю.

– Хорошо, – продолжал он. – Если физические условия следующего перевоплощения определяются кармой желания, тогда пол определяется желанием полов. А желания полов направлены друг к другу. Больше всего, за исключением жажды жизни, мужчина желает женщину, женщина – мужчину. Каждая индивидуальность, кроме того, испытывает воздействие некоего врожденного женского или мужского идеала, который, как вы утверждаете, есть «призрачное отражение бесчисленных привязанностей в бесчисленных прошлых жизнях». И ненасытного желания этого вполне достаточно, чтобы в следующем воплощении обрести соответственно мужскую или женскую телесную оболочку.

– Но большинство женщин, – заметил я, – при следующем рождении хотели бы перевоплотиться в мужчин. Потому исполнение такого желания едва ли можно рассматривать в качестве наказания.

– Так что же? – парировал он. – Счастье или несчастье в новом существовании определяется не одной половой принадлежностью: оно зависит от многих факторов и совокупности обстоятельств.

– Интересная теория, – согласился я. – Не знаю, насколько она согласуется с доктриной буддизма... Да и вот что непонятно: а как быть с человеком, кто, овладев мудростью и практиками высшего закона, сумел возвыситься над искушениями пола?

– В следующем воплощении он ни мужчиной, ни женщиной уже не родится, – отвечал он. – Он воплотится там, где карма предыдущего воплощения не будет иметь влияния.

– То есть воплотится для существования на одной из небесных сфер? – с сомнением спросил я.

– Не обязательно, – ответил мой собеседник. – Он может родиться в этом мире. Но не будет ни мужчиной, ни женщиной.

– Но какое тогда он примет обличье? – спросил я.

– Обличье совершенного существа, – отвечал он. – Мужчина и женщина – существа половинчатые. В нынешнем состоянии несовершенства и те и другие могут эволюционировать только за счет друг друга. В природе любого мужчины есть зерно женщины, и наоборот. С позиции эволюции следующее существо должно будет сочетать в себе совершенство и мужчины и женщины. И это будет следующий этап развития: существо без слабостей, присущих этим половинкам, но с достоинствами, что характерны для тех и других.

– Но вы же знаете, – возражал я, – существуют священные тексты, в которых напрямую запрещается...

– Тексты эти, – прервал он меня, – относятся к созданиям несовершенным: тем, кто всего лишь мужчина и всего лишь женщина. А к тем созданиям, о которых я веду речь... И опять же я не проповедую и не вещаю истину – я только предлагаю теорию...

– А можно я изложу ее на бумаге? – спросил я.

– А почему бы и нет? – отвечал он. – Здесь есть над чем подумать.

И я записал наш разговор по памяти – так, как он мне запомнился.

Руки злой кармы

Жена даймё умирала и знала, что умирает. С ранней осени десятого года эпохи Бунсэй она не вставала с постели, а теперь начиналась весна, и уже цвели сакуры, и шел четвертый месяц двенадцатого года – 1829 год по западному летоисчислению. Она думала о сакурах в ее саду и о радостях весны. Она думала о своих детях. Она думала о наложницах мужа – их было много, и особенно о юной Юкико, которой было девятнадцать.

– Моя дорогая жена, – говорил ей даймё, – вы очень страдали все эти долгие три года. Мы делали все, что могли, лишь бы вы поправились. Мы молились за вас, ухаживали днем и ночью, отказывались от пищи – лишь бы вам полегчало. Но несмотря на всю нашу заботу, вопреки навыкам наших лучших лекарей, похоже на то, что окончание ваших дней близится. Быть может, наша скорбь будет горше вашей – ведь вы уходите, а мы остаемся в юдоли печали, в мире, который Будда справедливо нарек пылающим домом. По моему указанию – и не важно, сколько это будет стоить, – мы исполним все религиозные обряды, что ведут к вашему следующему воплощению; и все мы станем без усталости молиться, чтобы вы не канули в пространство тьмы, а поскорее вознеслись в райские чертоги и достигли просветления.

Он говорил с нежностью, слегка сжимая ее в объятиях. Она, не открывая глаз, голосом, едва слышным и подобным дуновению ветерка, отвечала:

– Я благодарна, очень благодарна за ваши добрые слова... Да, это правда... Я болею долгие три года... И за мной ухаживали с неослабным вниманием и заботой... В самом деле, разве можно помышлять о мирском и свернуть с пути праведности перед самой смертью... но у меня есть одна просьба – только одна... Позовите ко мне Юкико – вы знаете, что я люблю ее, как сестру. Я хочу поговорить с ней о делах домашних.

Юкико явилась на зов господина и по его знаку опустилась на колени перед ложем. Жена даймё открыла глаза, посмотрела на Юкико и сказала:

– Ах, вот и Юкико!.. Я так рада видеть тебя, Юкико!.. Придвинься поближе, чтобы лучше слышать меня: нет сил говорить громче... Юкико, я умираю. Я надеюсь, ты во всем будешь верна нашему дорогому повелителю, поскольку хочу, чтобы ты заняла мое место, когда я уйду... Надеюсь, он будет любить тебя всегда... Даже в сотню раз больше, чем меня, и вскоре ты удостоишься более высокого положения и станешь его признанной женой... прошу тебя всегда нежно любить нашего господина: не дай возможности другой женщине похитить его у тебя... Вот что я хотела сказать тебе, моя дорогая Юкико... Ты способна меня понять?

– О моя дорогая госпожа, – запротестовала Юкико, – умоляю вас, не нужно говорить мне такие странные вещи! Вы хорошо знаете о моем бедном и низком положении – разве могла я даже мечтать о том, чтобы стать женой нашего повелителя?

– Нет-нет! – осипшим голосом отвечала жена даймё, – теперь не время для церемоний: давай говорить только правду друг другу. После моей смерти твой статус повысится, и, уверяю тебя, я хочу, чтобы ты стала женой нашего повелителя. Да, я желаю этого, Юкико, даже больше, чем достичь просветления!.. Ах! Едва не забыла! Хочу, чтобы ты сделала для меня кое-что, Юкико. Знаешь, в саду растет сакура. В позапрошлом году ее привезли с горы Ёсино в Ямато. Мне говорили, что сейчас она в полном цвету, а я так хочу увидеть ее в цветении! Скоро я умру, но я должна увидеть дерево, прежде чем это произойдет. Теперь я хочу, чтобы ты отнесла меня в сад – прямо сейчас, Юкико, – так, чтобы я могла это видеть... Да, на твоей спине, Юкико, – возьми меня на спину...

В то время как она говорила все это, голос ее постепенно становился все чище и сильнее, словно желание добавляло ей новых сил; затем она внезапно разрыдалась. Юкико безмолвно преклонила колени – она не знала, что делать. Но повелитель одобрительно кивнул и произнес:

– Это ее последнее желание в этом мире. Она всегда любила цветение сакуры, и я знаю, что она очень хотела увидеть это дерево из Ямато в цвету. Иди, моя дорогая Юкико, исполни ее волю.

Как няня, что поворачивается спиной к ребенку, чтобы тот мог зацепиться за нее, Юкико подставила свои плечи жене даймё и сказала:

– Я готова, госпожа. Скажите, как мне помочь вам наилучшим образом?

– Подвинься ближе! – отвечала умирающая женщина.

Почти с нечеловеческим усилием она приподнялась и вцепилась в плечи Юкико. Но когда та выпрямилась, она проворно просунула свои тонкие руки у нее под мышками, проникла под одежду и вцепилась ладонями в незащитные груди девушки и... торжествующе расхохоталась.

– Вот мое желание! – вскричала она. – Я хотела цветущую сакуру⁴³, но сакуру не в саду! Я не могла умереть до тех пор, пока не исполню желание! Теперь я его исполнила!.. О, какой восторг!..

С этими словами она упала на девушку и умерла.

Слуги немедленно попытались снять мертвое тело с плеч Юкико и положить его обратно на ложе. Но – странно сказать! – это, казалось бы, простое действие им осуществить не удалось. Мертвые руки необъяснимым образом сцепились с живыми грудями девушки, словно срослись с ними. От страха и боли Юкико лишилась чувств.

Позвали врачей. Но они не могли понять, что произошло. Никаким известным способом руки мертвой женщины невозможно было оторвать от тела жертвы – они так крепко держали ее плоть, что при любой попытке расцепить их из груди девушки начинала сочиться кровь. И не потому, что мертвые ладони так плотно сомкнулись вокруг груди: похоже на то, что мертвая плоть непонятным образом срослась воедино с живой!

В то время в Эдо самым искусным врачом считался иностранец – один хирург из Голландии. Было решено послать за ним. После детального осмотра тот признался, что не может понять, в чем дело, но, для того чтобы скорейшим образом избавить Юкико от страданий, необходимо отсечь кисти рук от мертвого тела. Он заявил, что пытаться отделить их от груди девушки слишком опасно для последней. К его совету прислушались и кисти ампутировали. Но они не разжались – очень скоро они потемнели и высохли, но продолжали сжимать девичьи груди.

Однако это оказалось только началом кошмара.

Хотя кисти были сухими и бескровными, они не были мертвыми. Время от времени они начинали двигаться – крадучись, словно огромные седые пауки. А в час Быка – всегда в одно и то же время – судорожно вцеплялись в груди Юкико и безжалостно терзали их. Лишь в час Тигра хватка ослабевала и боль утихала.

Юкико обрезала волосы и стала нищенствующей монахиней под именем Дассэцу. Она сделала *ихай* – траурную дощечку – с посмертным именем мертвой госпожи Мё-Ко-Ин-Дэн Тидзан-Рё-Фу Дайси и носила ее с собой во всех своих скитаниях. И каждый день смиренно просила покойную простить ее, и каждый день исполняла необходимые буддийские ритуалы для того, чтобы душа ревнивицы упокоилась в мире. Но злую карму не избыть так скоро: наложенное проклятие мучило девушку больше семнадцати лет. И каждую ночь в час Быка мертвые руки без усталости терзали живую плоть. Во всяком случае, так говорили те, кто слышал эту историю от самой бедняжки. Она рассказывала ее в доме Ногуты Дэнго-дзаэмона в деревушке Танака в округе Кавати в провинции Симоцукэ. Это было на третьем году эпохи Кока, или в 1846 году по западному летоисчислению. С той поры никто о ней ничего не слышал.

⁴³ В Японии цветущая сакура традиционно ассоциируется с юной девичьей красотой.

История Тэнгу

В стародавние дни императора Го-Рэйдзэя в храме Сайто, что стоял на горе под названием Хиэй-Дзан, близ Киото, жил один благочестивый священник. Как-то раз одним летним погожим днем этот добрый человек возвращался к себе в храм из похода в город и увидел, как мальчишки мучают коршуна. Они поймали птицу в силки и теперь избивали ее палками.

– Несчастное создание! – вскричал священник. – Зачем вы мучаете его?

Один из мальчиков ответил:

– Мы хотим убить коршуна, чтобы надергать из него перьев.

Движимый состраданием, священник уговорил мальчишек отдать ему птицу, а взамен предложил им свой красивый веер. Сделка состоялась. Получив птицу, священник тут же отпустил ее. Видимо, коршун не слишком пострадал, потому что смог улететь.

Счастливый тем, что ему удалось совершить столь благочестивый поступок, который, конечно, зачтется при следующем перевоплощении, священник продолжил свой путь. Но вскоре дорогу ему преградил незнакомый монах, который вышел навстречу из придорожной бамбуковой рощи. Монах почтительно поприветствовал его и сказал:

– Господин! Благодаря вашей доброте и состраданию спасена моя жизнь. Теперь я хочу отблагодарить вас соответствующим образом.

Удивленный тем, что услышал, священник отвечал:

– Что-то я не припомню, что когда-нибудь встречал вас прежде. Пожалуйста, скажите, кто вы?

– Вполне естественно, что вы не признали меня в сем обличье, – отвечал монах. – Я тот самый коршун, которого истязали мальчишки. Вы спасли мне жизнь. А в этом мире нет ничего ценнее жизни. Теперь я хочу отблагодарить вас тем или иным способом. Может быть, есть особое желание чем-то обладать, или узнать что-то, или увидеть – короче, что-нибудь, что я мог бы сделать для вас, – пожалуйста, скажите мне. Поскольку я владею – конечно, в малой степени – шестью сверхъестественными силами, потому могу исполнить почти все, что можно пожелать.

Услышав эти слова, священник понял, что разговаривает с Тэнгу⁴⁴, и смиренно отвечал:

– Друг мой, давно укротил я мирские свои желания; мне семьдесят лет – ни слава, ни удовольствия уже не манят меня. Единственное, что меня тревожит, – мое следующее рождение. Но поскольку в этом вопросе ничто не может помочь, нет смысла о том говорить. А еще печалюсь всю жизнь, что не довелось мне побывать в Индии в те давние времена, когда Великий Будда на священной горе Гридхракута призвал народы и тварей. Не проходило и дня, чтобы печаль о том не посетила меня в часы утренней или вечерней молитвы. Ах, друг мой! Если бы можно было подчинить пространство и время, что дано лишь бодхисаттвам, – так, чтобы один взгляд только бросить на великое событие, – я был бы совершенно счастлив!

– Что ж, такое благочестивое желание можно исполнить, – отвечал Тэнгу. – Мне не составит особого труда осуществить это. Я хорошо помню собрание на горе Грифов и могу в подробностях воссоздать ту картину перед тобой – воспроизвести точно, в деталях, что тогда происходило. Для меня это великое удовольствие – показать священное действо... Следуй за мной!

Он отвел священника на склон холма, поросший соснами.

– Теперь, – сказал Тэнгу, – нужно закрыть глаза и немного подождать. Не открывайте их до тех пор, пока не услышите глас Будды, провозглашающего закон. После этого можно смот-

⁴⁴ Тэнгу (яп. 天狗) – в буквальном переводе «небесная собака» – существо из японской мифологии. Обычно предстает в облике мужчины большого роста, с красным лицом, длинным носом, иногда с крыльями, часто носит одежду горного отшельника, обладает способностью к перевоплощению в других существ, в частности в птиц.

реть. Но когда вы увидите появление Будды, не дайте волю своим религиозным чувствам! Вы должны быть неподвижны – нельзя ни преклонить колени, ни молиться, ни тем более восклицать: «Да будет так, Повелитель!» или «О Благословенный!». Вам вообще нельзя ни говорить, ни шевелиться. Если вы не слушаетесь, со мной произойдет нечто ужасное.

Священник радостно пообещал исполнить все в точности, как ему сказано. Тэнгу отправился готовить обещанное.

День разгорелся и минул, и пришла тьма. Но старый священник терпеливо сидел под деревом и ждал – глаза он держал закрытыми. Наконец где-то над ним зазвучал голос – чудный глас, глубокий и чистый, как звук огромного колокола, – то был голос Будды Шакья-муни, провозглашающего Верный Путь. Тогда священник открыл глаза, и в лицо ему ударило ослепительное сияние. Все кругом преобразилось. Он действительно находился на горе Грифов – священной индусской вершине Гридхракута; время было временем сутры Лотоса Благого закона. Теперь вокруг не было сосен, а только незнакомые сияющие деревья с драгоценными камнями вместо листвы и плодов. Земля была покрыта цветами мандаравы и мандзюсяки, слетевшими с небес, а ночь была насыщена ароматом и великолепием дивного гласа. В небе, прямо перед собой, священник узрел самого Благословенного, восседающего на Львином троне, и от него изливался свет. По правую руку от него помещался Самантабhadра, по левую – Манджушри, а перед ним собрались, подобно звездам и созвездиям – бесчисленное множество, – толпы махасаттв и бодхисаттв с их бесчисленными последователями: богами, демонами, нагами, людьми и существами нечеловеческого обличья. Он узрел Сарипутру и Касьяпу, Ананду и Татхагату со всеми его учениками. Там были цари дэвов и цари четырех стихий, подобные столпам огня, и великие Цари-Драконы. Гандхарвы и Гаруды, боги солнца, луны и ветра и мириады сияющих небес Браммы. А в невыразимой дали, но тем не менее ясно видимые, простирались все восемнадцать тысяч миров Восточной Четверти со всеми их обитателями, что пребывали в шести состояниях существования. А затем очертания Будды померкли – он вошел в нирвану. Следом священник увидел, что все боги и все демоны преклонились перед Львиным троном. И услышал, как бесчисленный хор голосов, подобный шуму морского прибоя, прославляет сутру Лотоса Благого закона. И тогда священник, забыв о данной клятве, вообразив, что он действительно один из тех, кто стоит перед самим Буддой, обливаясь слезами любви и благоговения, пал ниц, воскликнув:

– О Благословенный!

В тот же миг твердь под ним вздыбилась, как при землетрясении, грандиозное видение исчезло, и священник обнаружил, что кругом темно, а он в одиночестве стоит на коленях среди травы на склоне холма. Невыразимая печаль охватила его, потому что он утратил возможность наблюдать за великим событием, так глупо нарушив данное слово. Он горестно поднялся с колен и побрел домой. Но не сделал он и нескольких шагов, как давешний монах вновь появился перед ним. С упреком и болью он сказал:

– Поскольку вы не сдержали данного мне обещания и не смогли совладать с чувствами, Гохотэндо, страж Учения, ринулся с небес на землю в великом гневе. Он обрушил удар молнии на меня и монахов, что я обучал здесь в горах, и спросил громоподобным голосом, как я мог обмануть доверие. Монахи в ужасе разбежались, а у меня теперь сломано крыло, и я не могу летать.

С этими словами Тэнгу бесследно растворился в воздухе.

[В японской живописи Тэнгу обычно изображается как крылатое существо мужского пола с носом в виде клюва или в образе хищной птицы. Существуют разные Тэнгу, но считается, что все они являются духами гор, способными принимать самые разные формы и обличья, в том числе нередко принимают вид ворона, грифа или орла.]

Кокоро. Оттенки и отголоски потаенной жизни Японии

Из сборника «Kokoro: Hints and Echoes of Japanese Inner Life», 1896

Монахиня из храма Амиды

I

Когда супруга вызвали для службы князю в столицу, О-Тоё не очень беспокоилась. Только загрустила. После свадьбы они впервые расставались с мужем. Но с ней были ее мать и отец и – в чем она едва ли могла признаться даже себе – тот, кто был ей дороже всех, ее малютка-сынок. К тому же у женщины было много забот – разнообразных дел по дому. А еще она должна была трудиться за ткацким станком – ткать шелк и бумажные ткани.

Каждый день в назначенный час она накрывала обед для отсутствующего мужа в его любимой комнате: на лакированном подносе расставляла миниатюрные приборы с миниатюрными порциями пищи и напитков – такими, какие принято готовить духам предков и богам. Все это помещалось в восточной части комнаты на специальном столике, вокруг которого рассаживаются в торжественных случаях. Супруг уехал на восток, поэтому и стол накрывался с восточной стороны. Перед тем как убрать со стола, она всегда поднимала крышку мисочки, чтобы убедиться, что пар сконденсировался; таково поверье – если пар превратился в воду и осел изнутри, значит любимый на чужбине жив и здоров; если же крышка суха, значит он умер, а душа прилетала за пищей. День за днем О-Тоё поднимала крышку, и она всегда была покрыта капельками влаги.

Ее неизменной радостью был малыш. Мальчику минуло три года, и он постоянно задавал вопросы – такие, что ответить на них могли только боги. Когда он принимался играть, мать откладывала работу и садилась с ним рядом. Когда ребенок нуждался в отдыхе, она снова была рядом и рассказывала сказки или пыталась отвечать на расспросы о том, что едва ли доступно людскому пониманию. Вечерами, когда перед алтарями и священными образами зажигали фонари, мать учила сына детским молитвам. Когда мальчика укладывали спать, она садилась с рукоделием у его постели, любуясь умиротворенностью его маленького личика. Когда ребенок улыбался во сне, О-Тоё знала, что это богиня Каннон забавляет его играми из царства теней, и тогда она шептала буддийское заклинание, обращенное к этой Деве, поскольку та неизменно милостива к тем, кто обращается к ней с молитвой.

Иной раз, когда стояли особенно ясные дни, мать шла к горе Дакэяма и с сыном за спиной поднималась на ее вершину. Эти прогулки всегда радовали мальчугана не только потому, что мама была рядом, но и потому, что учила его видеть, слушать и слышать красоту природы. Дорога медленно шла в гору, они проходили через леса и рощи, шли по цветущим склонам, пробирались между нависающими утесами – здесь в старых деревьях обитали духи, а соцветия шептали сказки. Доносились хриплые крики диких голубей, и кротко ворковали ручные, а цикады звенели, жужжали, пели...

Все, кто тоскует и ждет возвращения любимого человека – если им дана такая возможность, – идут на гору Дакэяма. Ее можно разглядеть из столицы и окрестных провинций. На самой ее вершине есть камень – величиной и очертаниями своими он напоминает человеческую фигуру. А перед ним, на нем и за ним набросано множество гальки. Рядом – маленький синтоистский храм, посвященный некой принцессе, жившей много лет назад. Предание гласит, что она очень тосковала по возлюбленному и долго стояла, глядя вдаль, но тот не вернулся, и от горя она навеки окаменела. Люди на этом месте воздвигли храм; влюбленные молятся в нем о возвращении своих дорогих людей. Уходя, каждый берет с собой камешек, а когда долгожданный возвращается, обязательно нужно вернуть камень обратно и положить еще несколько новых – в знак памяти и благодарности.

Всегда, когда О-Тоё с сыном возвращались из путешествия домой, сумерки уже спускались на землю, окружая их мягкой мглой. Путь был долг – им приходилось идти пешком и плыть в лодке по рисовым полям, что окружали городок, – и они двигались медленно. Иногда одни только звезды освещали им путь, иногда появлялась луна, и тогда О-Тоё тихонько пела сыну песенку про луну:

Ноно-сан,
Госпожа Луна-малышка,
Сколько от роду тебе?
«Тринадцать дней —
Тринадцать и еще девять».
Как ты еще молода!
Потому и опоясана ты ярко-красным поясом-оби,
Как красиво он завязан...
И как играет белая кайма на ваших бедрах.
Ты отдашь его лошадке?
«Нет, нет, нет!»
А может быть, коровке?
«Нет, нет, нет!»

Прямо в ночное небо со всех этих затонувших полей поднимается многоголосый слаженный хор, словно голос самой земли, – песня лягушек. И О-Тоё, переводя ее на внятный язык, говорит ребенку:

– Мэ-каюи, Мэ-каюи – мои глазки закрываются, спать хочу...

Какими счастливыми были эти часы!

II

Но роковые силы, что управляют жизнью и смертью и чьи пути нам неведомы, в три дня разрушили мир и разбили сердце. Сначала она получила известие, что ее муж, за которого она так часто молилась, никогда к ней уже не вернется – он вновь стал прахом, из коего создано все земное. А следом и сынок ее заснул – сном, с которым не смогли бы совладать и лучшие китайские доктора. Все происходящее О-Тоё воспринимала лишь в редкие моменты просветления, а вне этих мгновений она пребывала во мраке беспамятства, которое даруют смертным добродетельные боги.

Увы, все проходит, и О-Тоё очнулась, но очутилась во власти злого врага, имя которому – память. В присутствии людей у нее хватало сил быть прежней – ласковой и улыбающейся. Но в одиночестве... Она разбирала игрушки, раскладывала на циновках детские одежки, ласкала их, разговаривала с ними, тихо улыбалась. Заканчивалось же все одинаково: улыбка превращалась в судорожное рыдание; женщина бросалась наземь, билась головой о пол и засыпала богов безумными вопросами.

И вот однажды ей пришлось в голову совершить обряд, что обладает сверхъестественной силой. В народе его называют *торицу-банаси* – вызов души мертвых. Неужели она не может вызвать своего сыночка и поговорить с ним хотя бы одну минутку? Она знала: это ранит душу, но неужели ее кровиночка не стерпит ради нее? Конечно стерпит! Она уверена: для нее он снесет любую боль с радостью.

Чтобы вызвать умершего, нужно идти к священнику буддийского или синтоистского обряда, к тому, кто ведаёт заклинание, и передать ему ихай – дощечку с именем умершего, чтобы можно было призвать его в мир живых.

Затем исполняется церемония очищения – для этого перед ихай зажигают свечи и курят ароматные палочки, читают молитвы или части сутр, приносят жертвоприношения цветами и рисом. Рис в таком случае должен быть сырым. Когда все приготовления исполнены, священник берет в левую руку особый музыкальный инструмент, изогнутый наподобие лука, правой ударяет в него и, выкликая имя умершего, восклицает: «Китадзо ё! Китадзо ё!», что означает «Я пришел! Я пришел!».

Голос постепенно меняется – до тех пор, пока не превращается в голос умершего, – это дух вселяется в говорящего.

Затем мертвый начинает отвечать на задаваемые вопросы, но при этом постоянно причитает:

– Спешу, спешу, ибо мучительно мое возвращение и долго оставаться здесь я не могу!

Ответив, дух исчезает, а священник падает наземь без чувств.

Нехорошо вызывать духов мертвых. Это им вредит. По возвращении назад, в царство теней, им приходится занимать уже иное место – ниже того, что прежде.

Теперь эти обряды (некогда они утешали скорбящих) запрещены законом... Закон этот правильный и справедливый, поскольку находились люди, которые глумились над божественным и вечным, что живет в людских сердцах.

И вот однажды ночью О-Тоё очутилась в небольшом уединенном храме на окраине города. Она стояла на коленях перед ихай своего мальчика, вслушиваясь в обряд заклинания. И вот из уст священника зазвучал голос – мать сразу узнала его – голос того, кого она любила больше всех на свете. Он был очень тихий и слабенький, как вздох ветра.

Сын промолвил:

– Спрашивай, мама. Но прошу – скорее, скорее... Я должен скоро уйти, а путь долгий и темный...

Голос ее дрожал. Она спросила:

– Как случилось, что я потеряла тебя? Где здесь справедливость богов?

И ответ был дан:

– Не тоскуй так сильно по мне, мама, не оплакивай. Я умер, чтобы избавить от смерти тебя. То был год болезней и скорби, и мне дано было знать, что ты назначена к смерти. Я стал молиться, чтобы меня забрали вместо тебя.

Никогда не плачь по мне, мама! Нет ничего хорошего в том, чтобы лить слезы по умершим. Путь их безмолвен и безгласен, но проходит он через реку слез. Когда матери плачут, поток этот ширится, и душа не может его одолеть, а только терзается в тщетных попытках.

Потому, мамочка моя, молю тебя, не плачь! Только время от времени давай мне немного водицы...

III

С той поры никто не видел, чтобы О-Тоё плакала. Как в былые времена, она спокойно и безмолвно исполняла свои дочерние обязанности.

Время шло. Отец стал задумываться над тем, чтобы подыскать ей другого мужа. Он говорил жене:

– Если бы у нашей дочери снова родился сын, то для нее это была бы великая радость, да и для всех нас.

Но жена была мудрее и отвечала:

– Теперь она не страдает. Не может быть и речи о втором замужестве. Она сейчас как маленький ребенок – не ведает ни забот, ни греха.

Это было правдой: боли теперь она не чувствовала. У нее появилась странная привязанность к маленьким предметам. Сначала ей пришло в голову, что кровать ее слишком велика. Возможно, вследствие того, что рядом не было ее дитяти, она и ощущала образовавшуюся пустоту. Затем и все остальное стало казаться ей слишком большим: дом, в котором она жила, комнаты, спальня и вазы для цветов, что там стояли, даже кухонная посуда и принадлежности. Рис она теперь ела из миниатюрных детских мисочек маленькими палочками, какими пользуются дети.

Никто не мешал ей делать так, как она хочет. Тем более что во всем остальном никаких странностей за нею не наблюдалось. Старики-родители толковали о ней часто. Наконец однажды отец сказал:

– Трудно будет нашей дочери жить с чужими людьми. А мы стары, и скоро нам придется расстаться с нею. Лучше всего ей стать монахиней. Нам следует построить для нее небольшой храм.

На следующий день мать спросила О-Тоё:

– Не хотелось бы тебе стать праведной монахиней и жить в маленьком-маленьком храме с маленьким алтарем и с маленькими изображениями Будды в нем? А мы будем всегда рядом с тобой. Если ты желаешь этого, мы попросим священника, чтобы он обучил тебя молитвам, службам и ритуалам.

О-Тоё с радостью согласилась и немедленно попросила сшить ей монашеское одеяние – самое маленькое, какое только возможно. Но мать ее отвечала:

– У хорошей монахини всего мало. Но одежда у нее должна быть длинной и просторной – таков закон Будды.

И потому ей сшили такую одежду, что носят и другие монахини.

IV

Внутри ограды, на пустом пространстве, там, где прежде стоял другой, и очень большой, храм в честь богини Амиды (он назывался Амида-дзи), родители возвели маленький, под названием Ан-дера, или храм монахини. Этот храм люди тоже стали называть Амида-дзи, как и тот, что стоял здесь прежде и был посвящен Амида-Нёрай и другим воплощениям Будды. В храме возвели маленький алтарь, расставили миниатюрную мебель и утварь, изготовили столик для чтения сутр, что были начертаны на крошечных свитках бумаги, расставили небольшие экраны и ширмы, а на стенах развесили колокольчики и маленькие какэмоно⁴⁵. О-Тоё поселилась там и жила долго – уже после того, как родители умерли. Люди прозвали ее Амида-дзи но Бикунни, что означает «монахиня из храма Амиды».

Неподалеку от входа в храм стояла статуя Дзидзо – друга и покровителя больных детишек. На площадке у ее подножия всегда лежали рисовые лепешки: это означало, что ребенок болен и за него молятся. В каждой горке было столько лепешек, сколько лет исполнилось больному. Чаще всего лепешки лежали по две-три штуки, реже их было от семи до десяти. Амида-дзи но Бикунни заботилась о статuae, зажигала палочки с благовониями и украшала цветами из сада, что устроила подле своего храма.

Утро монахиня начинала со сбора милостыни – у нее имелась специальная миска для подаяния, с которой она обходила округу. Затем садилась за ткацкий станок. Он был совсем крошечный, и ткани, что она выделявала, выходили слишком узкими для употребления. Тем

⁴⁵ Какэмоно (яп. 巻物) – вертикально висящий свиток из бумаги или шелка, наклеенный на специальную основу и снабженный по краям деревянными валиками. Может содержать рисунок или иероглифы.

не менее торговцы, которым была известна ее печальная история, неизменно брали их, одаривая взамен чашечками, вазочками для цветов и карликовыми деревьями бонсай для сада.

Неизменной отрадой для женщины было общение с детьми, и их всегда рядом с нею было много. Жизнь японских детишек большей своей частью проходит возле храмов: там, за его оградой, они играют. Много счастливых детских лет прошло и подле храма Амида-дзи. Все матери в округе с удовольствием посылали туда своих малышей поиграть, но неизменно при этом предостерегали, чтобы те не смеялись над Бикунисан.

«Временами она бывает странной, – должно быть, говорили своим детям матери, – но это потому, что однажды умер ее маленький сынок и эта боль оказалась чрезмерной для ее материнского сердца. Будьте очень добры и почтительны с нею».

Дети неизменно были добры к монахини, но на свой лад. Они чувствовали, что ей необходимо. Будучи приветливы, всегда называли ее Бикунисан, но в остальном относились к ней как к равной. Вместе с ней они играли в игры, а она их угощала чаем из очень маленьких чашечек и кормила рисовыми пирожками величиной с горошину; ткала на своем станочке ткани из хлопка и шелка, а потом дарила им, чтобы они могли пошить платья для своих кукол. Малыши любили ее, как старшую сестру.

Так, в каждодневных играх, проходило детство. Потом малыши вырастали и покидали двор храма Амида, с тем чтобы начать взрослую, трудную жизнь. Затем они становились матерями и отцами и отсылали уже собственных детей туда, где играли прежде сами. И жизнь Бикунисан продолжалась – теперь она играла с детьми тех детей, с кем играла в начале своего нового пути, а потом и с детьми этих детей – тех, кто еще помнил, как строился храм монахини.

Люди заботились о том, чтобы она ни в чем не знала нужды. И ей всегда приносили куда больше того, что было необходимо. Потому Бикунисан могла баловать детей, да еще и делиться с птицами и зверьками. Птицы в великом множестве гнездились подле храма. Они кормились с ее рук, а она приучала их не садиться на головы статуй воплощений Будды.

Но пришло время, и она умерла. Через несколько дней после похорон стайка детей подошла к моему дому. Заговорила маленькая девочка лет девяти. От имени всех она обратилась ко мне:

– Господин, мы обращаемся к вам во имя умершей Бикунисан. На могиле в ее честь воздвигли большой памятник-хака. Это очень красивое надгробие. Но мы хотим подарить ей очень-очень маленький памятник-хака. Потому что еще при жизни она часто говорила о своем желании, чтобы ее хака был совсем маленьким, даже крошечным. Мы говорили с каменотесом, и он обещал нам вырезать такой. Он сделает его очень красивым, если мы принесем денег за работу. Поэтому, может быть, и вы пожертвуете что-нибудь?

– Конечно, – отвечал я, – но где же теперь вы станете играть?

Она отвечала, смеясь:

– Да все там же – во дворе храма Амида. Там, где похоронена Бикунисан. Ей будет слышно, как мы играем, и это порадует ее.

Хару

Хару воспитывалась в отчем доме и потому получила традиционное образование – то самое, что создает самый замечательный тип женщины, когда-либо виденный на свете. Это домашнее воспитание пестует сердечную простоту, послушание и безыскусную грацию, а также великое чувство долга – свойства характера, развитые в Японии больше, чем где бы то ни было. Они и сохранились только там. Потому что нигде больше – ни в какой современной стране – этим высоким моральным качествам не уцелеть. Девушку из хорошей семьи воспитывали таким образом, чтобы она знала, что существует в полной зависимости от мужа. Ее учили никогда не выказывать ревности, скорби или гнева – даже в обстоятельствах, когда не испытывать их невозможно. От нее ожидали, что все изъяны и недостатки супруга она способна победить своей кротостью. Иными словами, от нее требовалось стать почти сверхчеловеком – по крайней мере, внешне воплотить собой идеал самоотречения. Но все это было возможно лишь при условии, что супруг женщины равен ей по положению. Если он получил такое же воспитание, наделен тактом, способностью понимать и уважать ее чувства и никогда не ранить ее.

Так сложилось, что Хару вошла в семью человека, который был значительно ниже ее по происхождению. Она была слишком хороша для него, и он никогда по-настоящему не способен был понять свою жену.

Они поженились совсем молодыми и поначалу были очень бедны, но потом стали богаты, потому что муж Хару имел хорошую деловую хватку и торговый талант. Иногда ей казалось, что, когда они были бедны, он любил ее куда сильнее; а женщины в таких вещах ошибаются очень редко.

Она по-прежнему шила ему наряды, и он неизменно удивлялся ее искусству. Она шла навстречу всем пожеланиям супруга, помогала ему одеваться и раздеваться, «вила гнездо», создавая уют в доме, самым очаровательным образом прощалась с ним по утрам, когда он уходил по делам, и привечала его при возвращении; домашнее хозяйство вела безукоризненно экономно и редко просила для себя таких знаков внимания, которые требовали денежных трат. Впрочем, ей и не приходилось говорить об этом – ее супруг не был скуп и любил видеть жену красиво одетой, так что она была похожа на нарядную серебристую стрекозу, что кутается в складки собственных крыльев. Он с удовольствием брал ее с собой в театр и на иные увеселения. Она сопровождала его в прогулках за город, в места, что знамениты своими цветущими по весне вишневыми садами, летом – удивительным блеском жуков-светлячков или осенью – кленовыми рощами, что надевают багряный убор. Случалось, они проводили вместе целый день в Майко, на морском побережье, где качаются сосны, словно танцующие девушки. Бывало, полдень заставал их в Киёмидзу – в древнем, пятисотлетнем домике, где все с тех времен, казалось, застыло в неподвижной дреме. Там высоки леса и густа тень, а холодный и чистый ручей, точка скалы, творит мелодию флейты; там смешаны печаль и ласка, а золото заходящего солнца вливается в синеву небес.

За исключением этих маленьких удовольствий и поездок за город, Хару редко покидала дом. Родственники – как с ее стороны, так и со стороны мужа – жили далеко, и она навещала их очень редко. Она любила быть дома – украшать комнаты и домашние алтари цветами, кормить в пруду золотых рыбок, которые высывали из воды голову, как только она приближалась.

Появление ребенка могло внести в ее жизнь новые радости и заботы, но детей у них не было. Хотя волосы Хару были уложены, как у взрослой замужней женщины, с виду она казалась совсем юной девушкой, несмотря на всю присущую ей хозяйственную сметку, что являла она в домашних делах. Мужа это обстоятельство поражало, и порой он снисходил до того, что просил у нее совета в делах больших и серьезных. Кстати сказать, в своих советах она никогда не ошибалась – возможно, потому, что сердце часто оказывается лучшим советчиком, нежели

разум. Первые пять лет она была вполне счастлива, а молодой японский купец едва ли мог желать лучшего к себе отношения со стороны женщины – более ласковой жены представить было невозможно.

Но со временем его поведение изменилось, он стал холоден. Это случилось внезапно. Потому она не могла подумать, что виновата ее бездетность. Теряясь в догадках о причине перемены, она было подумала, что источником стала какая-то ее небрежность в домашних делах или в отношении к супругу, и наивно попыталась быть еще ласковее, чем прежде. Но он не переменялся. Он не допускал грубости, но в его молчании она ощущала его желание оскорбить. Воспитанный японец редко бывает груб с женой. Говорить грубо считается вульгарным и отвратительным. Образованный японец даже на упреки жены отвечает очень вежливо. Только неизменная вежливость, согласно японскому этикету, сообразуется со званием человека. Более того, она безопасна. Тонко чувствующая женщина не долго станет сносить грубое отношение. Наделенная темпераментом, она способна даже из-за одного сказанного в пылу гнева слова покончить жизнь самоубийством, а это обесчестит супруга до конца жизни. Но есть безмолвная жестокость, и она хуже слов, хотя вроде и не опасна. Это небрежение и равнодушие. Они способны вызвать ревность. Правда, японская женщина воспитана так, что никогда не выкажет ревности. Но чувства древнее любого воспитания. Они стары, как сама любовь, и так же живучи. Под маской безмолвности японка переживает те же эмоции, что и женщины Запада. Она способна истово молиться, быть милой и ласковой в обществе, а сама только ждет часа, чтобы в одиночестве дать волю чувствам и боли, что терзают ее.

У Хару имелись основания для ревности, но она была слишком наивна, чтобы осознать это, а слуги слишком любили ее, чтобы открыть истину. Прежде у мужа была привычка проводить вечера в ее обществе – дома или вне его. Но теперь – вечер за вечером – он уходил один. Первое время он ссылался на дела. Потом перестал искать предлог и даже не извещал, когда вернется. Позднее он стал изводить Хару своим молчанием. «Будто злой дух околдовал его сердце», – говорили слуги. На самом деле купец попал в умело расставленные сети. Шепот гейши парализовал его волю, а улыбка ослепила глаза. Та была куда менее красива, чем его жена, но очень искусна в умении расставлять любовные ловушки, которые лишают мужчину сил и все сильнее и сильнее затягивают, пока не наступает катастрофа и все не рушится. Хару ничего не знала. Она не подозревала дурного до тех пор, пока странное поведение мужа не стало постоянным. К тому же она заметила – его деньги тают, перетекая, очевидно, в чужие руки. Муж давно не говорил ей, где проводит вечера. А она боялась спрашивать, опасаясь обвинения в ревности. Вместо того чтобы выразить свои тревожные чувства словами, она встречала его с такой лаской и нежностью, что более воспитанный и умный супруг давно бы все понял. Но купец в том, что не касалось дел торговых, был слеп и глух. Он продолжал уходить по вечерам. Отлучки становились все дольше. Совесть его уснула.

Хару учили, что хорошая жена не должна ложиться спать, но ждать своего повелителя до тех пор, пока тот не вернется домой. Так она и поступала. У нее появилась нервная лихорадка – ее вызвали бессонница, напряжение, тяжелые думы и одиночество. Только однажды, вернувшись очень поздно, муж сказал ей:

– Я очень сожалею, что вы из-за меня не ложились. Не ждите меня в следующий раз так долго!

Испугавшись, что он на самом деле огорчился из-за нее, она ласково улыбнулась и сказала:

– Я не хотела спать и совсем не устала. Нижайше прошу – не думайте обо мне.

Так он и перестал думать о ней – обрадованный, что может поймать ее на слове. Вскоре после этого он вообще не пришел домой ночевать. И на следующую ночь тоже. И так три ночи подряд. Причем на третью он даже не пришел к завтраку. И теперь Хару поняла: настало время, когда супружеский долг велит ей заговорить.

Она прождала все утро, беспокоясь за него и боясь за себя, осознав наконец обиду, что так глубоко ранит женское сердце. Верные слуги кое-что открыли ей. Остальное она додумала сама. Она была очень больна, но не знала об этом. Однако знала одно – что очень зла и злость ее эгоистична, а это угнетало ее. Но боль душила, терзала, лишала сил.

Настал полдень. А она все сидела и думала, как сказать мужу о том, что он заставляет ее страдать, но так, чтобы это не звучало эгоистично. Слова упрека впервые готовились сорваться с ее губ.

Затем сердце ее затрепетало и сбилось с ритма, потому что она услышала грохот подъезжающей повозки и следом голос слуги, провозгласившего:

– Досточтимый вернулся!

Шатаясь, она пошла к входным дверям, чтобы встретить супруга. Тело ее содрогалось от лихорадки и боли и от страха выказать эту боль. Муж испугался, потому что она, вместо того чтобы приветствовать его привычной улыбкой, маленькой дрожащей рукой судорожно вцепилась в шелк его верхней одежды и устремила на него взгляд, что проникал в самую глубь души. И попыталась заговорить, но смогла вымолвить только одно-единственное слово:

– Аната?⁴⁶

В то же мгновение слабая рука разжалась, глаза, в которых застыла странная улыбка, закрылись; муж не успел подхватить ее – она упала.

Он было попытался поднять Хару. Но жизнь покинула это нежное тело. Она была мертва.

Конечно, тут же поднялась суматоха, были слезы, крики – звали по имени, но тщетно. Послали за докторами. Молодая женщина лежала неподвижно, бледная и прекрасная. Боль, гнев, страдание оставили ее лицо. Она улыбалась, как в день свадьбы.

Из госпиталя пришли два военных врача-японца. Они задали несколько коротких, прямых и жестких вопросов – вопросов, которые разили супруга в самое сердце. Затем они сообщили ему правду – она была холодной и острой, как закаленная сталь. И оставили его у мертвого тела.

Люди удивлялись тому, что он не постригся в монахи, явив таким образом раскаяние. День за днем он сидит среди своих тюков киотского шелка и фарфоровых статуэток из Осаки, серьезный и молчаливый. Те, кто у него служит, считают его добрым хозяином – он никогда не бывает груб. Часто он задерживается на работе до глубокой ночи. Сменил он и место жительства. Чужие люди въехали в дом, где жила Хару; владелец никогда не приходит туда. Возможно, потому, что увидеть случайно тень стройной фигуры, поправляющей цветы или с грацией ириса склоняющейся к пруду, чтобы покормить рыбок... Но где бы купец ни приклонял голову на подушку, он обязательно ощущает безмолвное присутствие у изголовья той, что шила и любовно гладила нарядное платье, которое он надел, чтобы изменить ей. Да и в иные моменты – даже во время деловых переговоров или сложных расчетов – для него вдруг стихает шум большого магазина, надписи тускнеют и исчезают – исчезает все, и только нежный голос нарушает тишину, проникая в пустоту его сердца. И звучит одно, только одно похожее на вопрос слово:

– Аната?

⁴⁶ Аната? – Вы?

Сила кармы

*На лицо возлюбленного и на восходящее солнце нельзя смотреть.
Японская поговорка*

Недавно умер священник. Умер при необычных обстоятельствах. Он был настоятелем одного очень почитаемого буддийского храма. Тот располагается близ Осаки и хорошо виден, когда едешь в Киото по железнодорожной ветке Кан-Сэцу.

Священник был молод, серьезен и поразительно красив. Слишком красив для священнослужителя, говорили женщины. Более того, осанкой и лицом святой отец походил на одну из тех прекрасных статуй Амиды, что известны с давних времен.

Мужчины прихода считали его человеком добродетельным и весьма ученым, и в этом они не ошибались. Но женщинам было мало дела до его учености и добродетелей: он привлекал их как мужчина. И тут от его воли ничего не зависело. Женщины всегда женщины – как и в других приходах, его прихожанки не отличались добродетельностью, а потому оказываемые ими знаки внимания досаждали, мешали занятиям и отвлекали от медитаций. Какие только предлоги они не изобретали, чтобы лишний раз взглянуть на него, поговорить! Они могли зайти к нему в любой час любого дня. Они приставали к нему с расспросами, и по обязанности он вынужден был на них отвечать. Иные несли скромные дары, и он не мог их отвергнуть. Находились и такие, что задавали ему вопросы совсем не целомудренного свойства и заставляли его краснеть. От природы он был слишком мягок и еще не научился отгораживаться от таких особ броней суровости. Распущенные горожанки позволяли себе говорить такое, что, конечно, никогда не позволила бы деревенская девушка. Он требовал, чтобы охальницы немедленно удалились прочь из храма. Но чем больше чурался обожания застенчивых и навязчивости бессовестных, тем настойчивее становились домогательства, пока не превратились в муку его каждодневного существования.

Случается, что некоторые священники оказывают заворачивающее воздействие на свою паству. Но это случается редко. Куда чаще таким образом влияют на чувствительных барышень актеры. В том числе и в Японии. К сожалению, некоторые из них используют эту власть самым отвратительным образом. Но это не относится к священникам. И наш таким тоже не был.

Его родители давно умерли. Никакие земные узы не управляли его жизнью. Он любил только свое призвание и те занятия, что с ним связаны. Он не имел ни малейшего желания размышлять о вещах суетных и вздорных. Свою собственную необыкновенную красоту – скульптурную красоту живого божества – он полагал досадной неудачей. Он мог стяжать богатства, но даже намек, на что он должен пойти ради этого, оскорблял его. Девушки бросали себя к его ногам, моля о любви, – тщетно. Любовные послания он получал постоянно, но никогда не отвечал на них. Письма эти не были одинаковы. Одни писались в изысканной древней манере, где о чувствах говорят иносказательно: скала есть «изголовье свидания», волнение – «тени на лице», а разлука – это «струи потока», но «они разделяются только для того, чтобы встретиться вновь». Другие, наоборот, были просты и безыскусны, исполнены нежности и застенчивости первой девичьей влюбленности.

Долгое время все эти письма трогали его не больше, чем статую Будды, на которую он был так похож. Но он, разумеется, был не Буддой, а просто слабым человеком, и положение его становилось невыносимым.

Однажды вечером в храм пришел маленький мальчик. Он принес письмо и, вручая его, шепнул имя отправительницы, а затем скрылся в темноте. По позднему свидетельству одного из служек храма, священник прочитал письмо, вложил обратно в конверт и поместил на подушку, подле циновки, которую использовал в качестве моленного коврика. Потом долго

безмолвно сидел, погруженный в думы. А затем достал письменный прибор и написал послание, адресованное своему духовному наставнику и начальнику. Его он оставил на конторке. После этого посмотрел на часы и сверился с железнодорожным расписанием. Час был поздний, ночь ветреной и темной. Священник простерся ниц пред алтарем, быстро помолился и поспешил прочь. Он подошел к железнодорожной станции в тот самый момент, когда к ней приближался курьерский из Кобэ, и бросился на рельсы. Можно только вообразить безутешные вопли отчаяния тех, кто поклонялся его редкой красоте, когда они увидели, что осталось от прекрасного брэнного тела.

Письмо, адресованное начальству, было найдено. В конверте лежал листок с кратким сообщением: чувствуя, что силы сопротивляться соблазну у него исчерпались, он сообщал, что решил умереть, дабы не поддаться греху.

Другое письмо лежало на полу – там, где его оставил священник. Оно было написано женщиной – тем особым языком, в котором каждое слово являет смиренную ласку. Как и все подобные письма – их никогда не доверяют почте, – оно было без числа, без имени, даже без инициалов, а на конверте не было адреса.

Наш неуклюжий язык едва ли сможет передать все очарование написанного, но приблизительно там было следующее:

«Боюсь, что веду себя чересчур свободно, но тем не менее чувствую, что должна говорить с Вами, и потому шлю это письмо. Едва ли стоит много говорить о себе, могу лишь сказать, что чувства мои проснулись лишь тогда, когда я впервые увидела Вас на празднике Далеких берегов, и с тех пор не в силах забыть Вас. С каждым днем мысли о Вас все сильнее одолевают меня. Я сплю, и Вы в моих снах. А когда просыпаюсь – не вижу Вас и понимаю: то был только сон, и слезы туманят мой взор, и я ничего не в силах поделать. Вы простите меня, что, родившись женщиной, я отважилась выказать желание, которое не пристало произносить вслух; но уповаю, что не окажусь достойной отвращения такого возвышенного человека, как Вы. Быть может, Вам покажется глупым и неделикатным, что сердце мое терзает мұка из-за человека, который стоит неизмеримо выше меня. Но я знаю, что не в силах справиться с собственным сердцем – из самой сокровенной его глубины идут эти слова, пускай стиль их убог и начертаны они неловкой кистью. Но не могу не послать их Вам. Умоляю Вас, сочтите меня достойной Вашего снисхождения и пощадите меня от сурового ответа. Сжальтесь надо мной и поймите, что пишу Вам оттого, что чувства переполняют меня. Постарайтесь понять несчастную женщину и судить по справедливости о сердце, что пребывает в глубочайшем отчаянии и потому взывает к Вам. Каждое мгновение буду томиться в ожидании ответа, что осчастливит меня.

Да пребудет с Вами все доброе и несущее счастье.

Сегодня – от той, что при всей своей незначительности ведома Всевышнему, – к желанному, возлюбленному, недостижимому – идет это письмо».

Я отправился к одному из своих друзей – буддийскому ученому, чтобы расспросить его и задать вопросы относительно религиозной составляющей произошедшего. Это самоубийство можно рассматривать в качестве доказательства слабости человеческой натуры, но мне оно показалось поступком героическим.

Совсем иначе воспринял произошедшее мой друг. Он осудил это деяние и указал: тот, кто считает возможным уйти от греха через самоубийство, в глазах Будды предстает заблудившимся духовно; он недостоин общения со святыми мужами. Что же касается погибшего священника, то он, без сомнения, принадлежит к числу тех, кого Учитель называл глупцами. Ибо только глупец способен думать, что, разрушив собственное тело, он сможет уничтожить и источник греха в собственной душе.

– Но, – возражал я, – жизнь этого человека была чиста... Предположите – он мог искать смерти для того, чтобы своим существованием не толкать на соблазн греха других.

Мой знакомый иронически улыбнулся и сказал:

– Жила-была некогда в Японии одна знатная дама. Она была очень, просто поразительно красива. И вот она захотела стать монахиней. Отправилась в храм и высказала свое желание. Но настоятель сказал ей: «Вы еще слишком молоды. К тому же жизнь свою вы провели при дворе. В глазах светского мужчины вы очень красивы. Эта красота станет для вас постоянным искушением вернуться к мирскому. Кроме того, желание ваше может быть продиктовано минутным огорчением. Поэтому сейчас я не могу принять вас».

Но она продолжала просить. Да так настойчиво, что священник счел за лучшее уйти прочь, дабы избавить себя от ее общества.

Она осталась одна. Подле нее стояла *хибати* – большая жаровня с горящими углями. Женщина схватила щипцы, сунула их в огонь и держала до тех пор, пока они не раскалились докрасна. А потом этими щипцами безжалостно изранила и изуродовала себе лицо, навсегда разрушив красоту.

Ощувив запах гари, испуганный священник вбежал в помещение и увидел, что натворила несчастная. Это ужаснуло его, а та – без малейшей дрожи в голосе! – возобновила свои просьбы.

«Моя красота была помехой монашеству, – сказала она, – теперь ее нет. Сейчас вы примете меня?»

И настоятель удовлетворил ее просьбу. Ее приняли, и она стала монахиней.

Ну так кто поступил более мудро – эта женщина или священник?

– Но разве покойник должен был изуродовать себе лицо? – спросил я.

– Конечно нет. Если бы женщина таким образом хотела оградить себя от искушения, тогда ее действия едва ли поставили бы ей в заслугу. Калечить себя запрещено законом Будды. И она провинилась, нарушив его. Но она изуродовала лицо для того, чтобы принять посвящение, а не потому, что не чувствовала в себе достаточно сил избежать греха. Потому ее поступок простителен. Тогда как священник, лишив себя жизни, наоборот, совершил тяжкий грех. Ему следовало пытаться обратить тех, кто хотел соблазнить его. Но для этого он оказался слишком слаб. Если он чувствовал, что в нем, как в священнике, недостает сил бороться с грехом, ему следовало сложить сан, вернуться к мирской жизни и жить по законам тех, для кого закон Учителя не столь суров.

– Следовательно, согласно буддийскому мировоззрению, своим поступком он не стяжал никакой заслуги? – спросил я.

– Его деяние может казаться подвигом только в глазах тех, кто не знает закона, – ответил собеседник.

– А что думают те, кто знает закон? О его последствиях, о карме его поступка?

После недолгого размышления мой знакомый задумчиво произнес:

– Вся правда этого самоубийства ускользает от нашего знания. Возможно, это случилось уже не впервые?

– То есть вы хотите сказать, что в каком-нибудь из прежних существований он уже пытался избежать греха, уничтожив собственное тело?

– Да. Возможно, во многих прежних жизнях.

– А что теперь с его грядущими жизнями?

– Только Будда может дать ответ на этот вопрос.

– Но что об этом говорит доктрина?

– Вы забываете – мы не можем знать, что происходило в сознании этого человека.

– Предположим, что он избрал смерть только для того, чтобы избежать грехопадения.

– В таком случае ему придется вновь и вновь сталкиваться с искушением – со всеми страданиями и муками. И так будет продолжаться тысячи и тысячи раз – до тех пор, пока он не научится преодолевать самого себя. Через смерть не избежать вечной необходимости самоодоления.

Я покинул своего друга. Но меня преследовали его слова. Да и сейчас они преследуют меня. Я не могу пока дать себе ясный отчет, противоречит ли то, о чем рассказал мой знакомый, нашим, западным представлениям. Я подумал: «А любовь, ведущая к смерти, не есть ли нечто большее, чем воскрешение погребенных страстей? А может быть, она – неизбежная кара за прежние, давно забытые грехи?»

Кимиико

*Легко самой не забывать.
Невыносима тяжесть для души —
Желать, чтобы забыл любимый.*

Стихотворение Кимиико

I

На бумажном фонаре у входа в один из домов на улице гейш начертано ее имя.

В ночи эта улица производит фантастическое впечатление. Узкая — как коридор между каютами в чреве парохода. Впечатление усиливают фасады домов, выходящих на улицу, — темные, из полированного дерева. Их раздвижные двери всегда крепко закрыты, только светятся оконца в каждой, затянутые бумагой, похожей на узорчатое стекло. Проходя мимо, вы ощущаете себя пассажиром первого класса. Но в реальности слева и справа от вас здания, и в каждом по несколько этажей. Но в безлунную ночь этого не понять — освещен только первый этаж, укрытый навесом, а все, что выше, теряется в темноте. Светятся лампы изнутри, и свет пробивается сквозь бумажные окна. Светятся бумажные фонари, висящие снаружи, — по одному у каждой двери. Смотришь вдоль улицы, что длится между двух рядов таких фонарей, — и вдалеке эти линии сливаются в одно безмолвное сияние желтого света. Фонари разные: одни — круглые, яйцеобразные, другие — цилиндрические, иные — четырех- и шестиугольные, и каждый украшает японские иероглифы, каллиграфически выписанные. Улица безмолвна. Словно недавно здесь шумел праздник, но теперь он закончился, все разошлись и теперь веселятся вдалеке. А улицу оставили ночи.

Если идти с севера на юг, то на первом фонаре, что висит слева, можно прочесть: «*Киноя: ути О-Ката*», что означает «золотой дом, в котором живет Оката». Фонарь справа извещает о доме Нисимура и о девушке по имени Миёцуру — о «великолепном аисте», что обитает тут. Следующий дом слева — дом Кайяты, в нем находятся Кохана — «распустившийся цветок», и Хинако, у которой лицо как у куколки. Напротив — дом Нагаэ, а в нем — Кимиика и Кимиико... И так на полмили к северу тянется вереница дверей и фонарей со светящимися сообщениями об их обитателях.

Надпись на последнем фонаре из упомянутых указывает на то, что между Кимиика и Кимиико существует не только некая связь, но и что-то большее, а именно: имя Кимиико начертано иероглифами, которые читаются как «Ни-дай-мэ». Перевести дословно это невозможно, но означает, что она только Кимиико номер два, а Кимиика — ее хозяйка и наставница. Кимиика воспитала двух гейш, и обе носили имя Кимиико. Ясно, что Кимиико-старшая, или Кимиико Ити-дай-мэ (то есть Кимиико номер один), в свое время пользовалась большой известностью — только в таком случае имя может перейти от одной гейши к другой, поскольку имена обычных гейш никогда не переходят к преемницам.

Если у вас появится когда-нибудь веская причина и вы зайдете в этот дом, то, открыв раздвижную дверь, услышите звук гонга, возвещающий о посетителе, и, возможно, увидите Кимику — если, конечно, ее маленькую труппу вместе с ней не пригласили куда-нибудь на этот вечер. Вы обнаружите, что она весьма интеллигентная особа и умеет поддержать умную беседу. Если она захочет, то расскажет вам истории весьма примечательные, которые стоит услышать, — настоящие истории из жизни, самой настоящей человеческой жизни. Поскольку

улица гейш полна преданий – трагических, комических, мелодраматических. В каждом доме есть свои. И Кимика знает каждую. Некоторые из них – ужасные, просто ужасающие. Другие нельзя слушать без смеха. Иные заставят серьезно задуматься. История первой Кимико относится к таковым. Она не самая необычная, но одна из тех, что почти недоступны пониманию человека Запада.

II

Ити-дай-мэ – Кимико номер один нет больше в доме: она только воспоминание. Да и Кимика была еще молода, когда Кимико стала ее сестрой по профессии.

«Необыкновенно красивая девушка» – так говорит о ней Кимико. Чтобы достичь высот в профессии, гейша должна быть красива или очень умна. Знаменитыми же обычно становятся те, в которых соединилось и то и другое. В гейши отбирают в очень юном возрасте. И наставницы, конечно, ищут таких, которые обещают стать знаменитыми. Даже в самых обычных гейшах-певичках различимо то очарование, коим они обладали в лучшие годы. Но это, конечно, только следы *beauté du diable*⁴⁷. Но как гласит одна известная японская поговорка, «в восемнадцать даже черт прекрасен»!

Кимико была не просто симпатичной – куда там! В ней воплотился идеал японской женской красоты. Считается, что только одна из ста тысяч женщин ему соответствует! К тому же она была не просто умна – она была поразительно талантлива. Она сочиняла изысканные стихи, владела искусством икебаны, знала все тонкости чайных церемоний, прекрасно вышивала, владела навыками шелковой мозаики. Короче говоря, она была само совершенство. Ее первый «выход в свет» состоялся в Киото. Появление Кимико в мишурном мире древней столицы произвело фурор. Она могла добиться всего, чего хотела, и она знала, что ее судьба в ее собственных руках.

Вскоре стало ясно, что у нее прекрасная подготовка, она справлялась с любыми ситуациями и всегда знала, как себя вести. А то, чего она еще *не знала*, было ведомо ее наставнице Кимике: власть красоты и бессилие страсти, сила намека, капкан обещания и цена безразличия, вся глупость и зло, что гнездятся в сердцах мужчин. Так что Кимико мало ошибалась и очень редко лила слезы. Со временем произошло то, чего наставница настойчиво добивалась: ее ученица стала чуточку *опасной*. Как горящая лампа в ночи для насекомых. Но только самую малость: иначе могли и потушить. Для чего нужна лампа? Чтобы освещать – делать видимым то, что приятно глазу. Страдать она никого не заставляет. Так и Кимико: она не причиняла страданий. Была *немножко* опасной. Только и всего.

Почтенные господа скоро убедились, что она не только не собирается вторгаться в их респектабельные семьи, но даже не ищет романтических отношений, которые угрожали бы семейным устоям. Она была безжалостна к таким юношам, что в знак любви подписываются собственной кровью, а от девушек требуют, чтобы те отсекали крайнюю фалангу левого мизинчика как свидетельство искренности чувств. У нее хватало коварства, чтобы найти способ исцелить их безумство. Еще меньше жалости она испытывала к тем, кто пытался купить ее тело и душу за дома и земли. Один был настолько великодушен, что предложил ей свободу – за цену, которая превратила бы Кимико в очень богатую женщину. Но она осталась гейшей. Она умела отказывать, не обижая, и всегда знала, как исцелить отчаяние.

Бывали, конечно, исключения. Один пожилой господин, который решил, что не стоит жить, если Кимико не принадлежит ему безраздельно, пригласил однажды ее на ужин и предложил выпить с ним вина. Но ее наставница Кимика – а она умела читать по лицам – искусно подменила вино на чай (благо что цвет был таким же) и тем спасла драгоценную жизнь девушки.

⁴⁷ *Beauté du diable* (фр.) – красота дьявола.

Потому что уже десять минут спустя душа старого глупца была на пути в Мэйдо⁴⁸. Видимо, он был изрядно разочарован, что вершит свой путь в одиночестве. С тех пор Кимика оберегала ученицу, как дикая кошка своего котенка.

«Котенок» вошел в моду, превратился в знаменитость – произвел настоящую сенсацию. По нему сходили с ума, им «болели». Один из ее поклонников – иностранец, великий князь – послал ей в дар бриллианты, но она их никогда не надевала. Те, кому удалось познакомиться с ней, заваливали ее подарками. Пользоваться ее благосклонностью – хотя бы один день – считалось большой удачей среди золотой молодежи. Этим гордились. Однако никому своего предпочтения она не выказывала и отклоняла любые попытки навязать длительные отношения. На любые протесты по этому поводу она отвечала, что знает свое место. Даже светские дамы отзывались о ней вполне снисходительно – поскольку никто не мог обвинить ее в том, что она разбила чью-либо семью. Она действительно *знала* свое место. Время щадило ее – становясь старше, она только хорошела. Появлялись другие гейши, они достигали славы, но Кимико не было равных. Фабриканты, что выговорили право использовать ее фотографию в торговых целях, сделали себе состояния.

Однако в один прекрасный день разошлась весть: сердце Кимико сдалось! Она рассталась со своей наставницей и ушла к богатому и щедрому, к тому, кто может обеспечить всем, что только она пожелает. К человеку, который способен не только забыть ее прошлое, но и вернуть ей подобающее уважаемой женщине социальное положение, восстановить репутацию, заткнуть рот сплетникам, – к такому, кто готов умирать за нее ежечасно. Да и сам, говорят, действительно полумертв от любви. Кимика рассказывала, что безумец пытался покончить жизнь самоубийством из-за любви к ее ученице, и Кимико пожалела его, выходила, вернула к жизни... Вместе со здоровьем вернулось и его безумие.

Тайко Хидэёси⁴⁹ сказал однажды: существует только две вещи на свете, которых стоит опасаться, – темные ночи и безумцы. Кимика тоже боялась безумцев, и вот такой безумец увел Кимико прочь. Со слезами, но без эгоизма она добавляла, что та никогда не вернется, ибо взаимная любовь их так велика, что переживет несколько земных воплощений.

Однако Кимика была права только наполовину, а в остальном ошибалась. Она, конечно, была очень проницательна, но ей не дано было проникнуть в сокровенные тайники души Кимико. А если бы она смогла, то, верно, громко вскрикнула бы от удивления.

III

Надо сказать, Кимико отличалась от других гейш не только удивительной красотой и умом, но и благородным происхождением. В ее жилах текла голубая кровь. До того как она обзавелась профессиональным именем, ее звали по другому – Аи. В зависимости от начертания иероглиф, передающий это имя, расшифровывается как «любовь» или как «страдание». История Аи – это история и любви, и страдания.

Она получила прекрасное воспитание. Девочкой ее отдали в частную школу, которой управлял старый самурай. В его школе девочки сидели на корточках на своих подушечках за небольшими пюпитрами и прилежно слушали учителей, которые трудились бесплатно. Это в наши дни, когда учителя имеют зарплаты много больше, чем чиновники на службе у государства, учительство уже не столь почетно, как прежде. Да и того удовольствия учителя, видимо, уже не получают. В школу и из школы девочку неизменно сопровождала служанка. Она несла книги, подушечку, тетрадки и столик для письма.

⁴⁸ То есть на пути в ад.

⁴⁹ Тайко (Тайотом) Хидэёси (Toyotomi Hideyoshi; 1536–1598) – великий японский воин, правитель средневековой Японии; почитается как один из мудрейших людей прошлого.

После этого Аи поступила в общую школу. Первые «современные» учебники тогда только появились. В них, в переводе на японский, было много всяких историй – английских, немецких, французских – о чести, долге, героизме, – прекрасно подобранных, с замечательными картинками людей Запада. Теперь эти маленькие, полные патетики книжки – большая редкость: их давно вытеснили другие, составленные с большей претенциозностью, но без любви.

Аи училась хорошо. Раз в год, во время экзаменов, школу посещал знатный сановник. Он по-отечески беседовал с детьми, гладил их по голове, раздавал награды. Он уже давно не у дел и едва ли помнит Аи. Да и в наши дни чиновники совсем не так общаются с детьми и не вручают призов.

А затем наступили перемены. Многие знатные семейства лишились своих привилегий, положения и имущества. Некоторые познали нищету и несправедливость. Среди них оказалась и семья Аи. И девочка была вынуждена оставить школу. То были скорбные времена: одно горе сменялось другим. И вот они остались вдвоем: она, ее мама и маленькая сестренка. Единственное, что из практических вещей умели делать Аи и ее мама, – ткать. Вот они и занялись ткачеством. Работали дни напролет, но не могли прокормить семью. И стали распродавать имущество. Сначала продали землю, затем дом. Потом наступила очередь тех вещей, без которых можно обойтись: фамильные драгоценности, украшения, дорогая парадная одежда, картины на шелке, лаковые ларцы и шкатулки... Все это, понятное дело, продавалось по дешевке и улетало в руки тех, кто строил свое богатство на горе и нищете других. Не случайно люди тогда и прозвали деньги этих богачей – «деньги слез». Ждать помощи родственников не приходилось – многие семьи самураев оказались тогда точно в таком же положении. Но когда ничего не осталось и продавать было уже совсем нечего – даже школьные учебники Аи продали, – пришлось обратиться за помощью к мертвым.

Вспомнили, что когда хоронили бабушку Аи, то в могилу, как и подобает самураю, положили меч. А меч был не простой. Это был подарок самого даймё, рукоятка и ножны его были изготовлены из золота. Вскрыли могилу, драгоценную рукоять заменили обычной; изъяли и ножны. Но сам меч оставили, потому что воину он может понадобиться.

Аи увидела лицо сидящего мертвеца – по древнему обычаю знатных самураев хоронят в огромных глиняных урнах. Их используют вместо гробов, что у обычных людей. Хотя он долго пробыл в могиле, черты лица сохранились, и девочке показалось, что, после того как меч вложили ему обратно в руки, губы дрогнули в свирепой, но одобрительной улыбке.

Но золото было потрачено, а мать в конце концов настолько ослабела, что не могла больше работать за ткацким станком. Тогда Аи сказала:

– Мама, я знаю только один выход – и у нас нет другого. Разрешите мне стать гейшей. Я пойду и продам себя.

Мать ничего не ответила, только заплакала. Аи не плакала и ушла из дома одна.

Она помнила, что в прежние дни в пирах, что устраивал отец, участвовали не только танцовщицы, разносившие вина, но и свободная гейша по имени Кимика. Она часто играла с Аи. И девушка пошла в дом к Кимике.

– Я хочу, чтобы ты купила меня, – сказала Аи, – мне нужно очень много денег.

Кимика рассмеялась, приласкала и накормила девочку, а затем выслушала ее историю, которую та рассказала отважно, не проронив ни слезинки.

– Я не смогу дать тебе много денег, – сказала ей женщина. – У меня самой их совсем мало. Но вот что я могу: я обещаю тебе заботиться о матери. И это лучше, чем просто дать ей деньги. Потому что твоя мама – женщина благородного происхождения и она не знает цены деньгам. Попроси ее подписать этот договор – в нем сказано, что ты останешься со мной до достижения возраста двадцати четырех лет. Или до тех пор, пока не уплатишь долг, – это может произойти и раньше. А те деньги, что я могу дать тебе сейчас, прими как подарок и отнеси домой.

Так Аи стала гейшей. Кимика дала ей другое имя – Кимико и выполнила свое обещание заботиться о ее матери и сестренке. Мама умерла еще до того, как дочь стала знаменитой. Сестру отправили в школу. Затем произошло все то, о чем мы уже рассказали.

Молодой человек, что покушался на самоубийство из-за любви к гейше, был достоин лучшей участи. Он был единственным сыном в семье титулованных и состоятельных родителей, готовых для него на любую жертву – даже взять в дом невестку-гейшу. Более того, с присутствием Кимико отца и мать примиряла любовь девушки к их сыну.

Перед тем как уйти от наставницы, Кимико выдала замуж младшую сестру Умэ. Та только что окончила школу, была благоданна и очень мила. Кимико сама, вооруженная греховными знаниями о мужской природе, подыскала ей мужа. Ее выбор пал на человека простого, очень прямого и честного – купца старой закалки, совершенно не способного ни на что дурное. Умэ не оспаривала решение сестры, и время подтвердило ее мудрость – брак оказался счастливым.

IV

Была весна, когда Кимико ввели в дом, приготовленный для нее. Здесь можно было изгнать из памяти все тяжкие воспоминания о прежней жизни – настоящий волшебный дворец, утонувший в молчаливом великолепии зачарованных тенистых садов. Здесь, в воплощенном царстве Хорай, она могла бы испытать перерождение, дарованное ей богами за добрые дела, что она совершила.

Но минула весна, и пришло лето, а Кимико так и продолжала оставаться прежней, ничуть не меняясь. Трижды она откладывала брачную церемонию, но по какой причине – не говорила.

Неделя проходила за неделей, и с каждой минувшей Кимико становилась все более печальной и задумчивой. На исходе лета она решила открыться возлюбленному:

– Пора мне сказать то, что я так долго откладывала. Из любви к матери, что подарила мне жизнь, во имя моей маленькой сестренки я жила в аду. Все это теперь в прошлом, но оно жарким огнем сжигает меня изнутри, и нет такой силы, что могла бы погасить его и уничтожить. Такая, как я, не может войти в вашу благородную семью, не может стать вашей женой и хозяйкой вашего дома... Мне трудно это говорить, но в познании темных сторон жизни я много-много искушеннее вас... Никогда я не стану вашей женой, чтобы стать вашим позором. Я только ваша подруга, товарищ по играм, ваша гостья на час, но – свободная и без корысти. Придет день, и мое прошлое станет тяготить вас. Разум ваш прояснится – и такой день, конечно, настанет, я точно это знаю. Я все еще буду вам дорога, но чувства ваши изменятся и станут другими – безумие отступит. Все это правда, и вы вспомните мои слова и согласитесь, ведь они идут от сердца. Вам подберут невесту – достойную, чистую женщину, чтобы она стала матерью вашим детям. Быть может, я увижу их, но вашей женой мне не быть никогда, и радости мне не познать. Я только ваш безрассудный каприз, мой любимый... Иллюзия, морок, тень, что пересекла вашу жизнь. Может быть, когда-нибудь позднее я и стану для вас чем-то большим, но женой не стану для вас никогда – ни в этой жизни, ни в следующей... Не упрашивайте меня, иначе я тотчас уйду...

В разгар осени без видимых причин Кимико ушла – растворилась без следа, скрылась неожиданно и бесследно.

V

Никто не знал, когда, как и куда она ушла. Никто в округе не заметил ее ухода, никто не видел, как она уходила. Поначалу думали, что она отлучилась ненадолго и скоро вернется. Поскольку ничего из вещей, ей принадлежащих, она не взяла: ни украшений, ни платьев, ни подарков, ни денег – ничего. Но недели проходили за неделями – ни слова, ни знака от нее;

стали предполагать, что с нею приключилось нечто ужасное. Обыскали колодцы, проверили русла рек. Объявили розыск, разослали описания по телеграфу, опубликовали в газетах. Во все концы страны отрядили надежных слуг на ее поиски. Объявили награду за любые сведения о ее нахождении. Большие деньги сулили и Кимике, чтобы та раскрыла место, где скрывается девушка. Но наставница так любила воспитанницу, что и сама была бы счастлива найти ее и без всяких денег. Но тайна так и осталась тайной. Обращаться к властям было бессмысленно: беглянка не совершила преступления, не нарушила закона – ради страсти влюбленного юноши едва ли достойно приводить в движение гигантскую машину имперской полиции.

Так проходили месяцы. Они складывались в годы. Но ни Кимика, ни младшая сестра бывшей гейши, что жила в Киото, ни сотни из тех, кто в свое время восхищался и добивался благосклонности прекрасной Кимико, – никто никогда не видел ее больше.

Но она предрекла правду: время сушит слезы и лечит раны. Даже в Японии дважды по одной и той же причине не покушаются на самоубийство. Возлюбленный Кимико стал мудрее. Ему подыскивали жену – очень достойную девушку, и она подарила ему сына. Счастье вновь поселилось в сказочном доме – в том, где некогда обитала Кимико.

Однажды утром к дому подошла странствующая монахиня – она собирала милостыню. Услышав ее призывные возгласы – все буддийские монахи в этом одинаковы и кричат: «Ха-и! Ха-и!», к воротам подбежал мальчик. Служанка пошла за обычным подношением – рисом, а возвратившись, была поражена, что монахиня ласкает ребенка и разговаривает с ним шепотом. Завидев служанку, ребенок закричал:

– Разрешите мне! Я сам отдам!

Из-под накидки, скрывавшей лицо – она была наброшена на широкополую соломенную шляпу, – прозвучал голос монахини:

– Очень прошу вас, разрешите ребенку сделать это.

Мальчик высыпал рис в чашечку монахини. Поблагодарив его, она задала вопрос:

– А теперь можешь повторить несколько слов, что я прошу тебя передать твоему уважаемому отцу?

Мальчик в ответ тихо произнес:

– Та, которую вы никогда в этом мире не увидите, говорит, что сердце наполнено счастьем, потому что она видела вашего сына!

Монахиня тихо рассмеялась и приласкала его вновь, а затем быстро удалилась. Служанка удивилась еще больше, увидев то, что произошло потом: ребенок побежал к отцу и передал слова монахини. Когда отец услышал то, что ему сказал сын, глаза его затуманились, он склонился к его головке и заплакал.

Он понял, кто подходил к воротам его дома, и постиг священный смысл и глубину той жертвы, что была принесена этой женщиной.

Теперь он часто сидит, погруженный в тяжелые думы. Но никто из домашних не догадывается, о чем они.

А он знает, что путь от звезды к звезде меньше, чем тот, что разделяет его и женщину, что любила его.

Он знает, что искать ее было бы напрасно – в шумном городе, в фантастическом пересечении улиц, среди толпы или в самом бедном и убогом храме... Поскольку ждет она только мрака, за которым последует необъятный, вечный свет... И лицо Учителя улыбнется ей, и голос его – слаще слов, что слетают с губ любимого, – произнесет:

– Дочь моя! Ты избрала самый верный путь! Ты поверила и познала самую суть истины! Потому я пришел встретить тебя... Приди ко мне!..

Уличная певица

Женщина с *сямисэном* в руках и сопровождаемая маленьким мальчиком семи-восьми лет пришла к моему дому, чтобы петь. Одета она была в крестьянское платье, а голова ее была обвязана синим полотенцем. Она была безобразна, и ее природное уродство было усугублено перенесенной жестокой оспой. Ребенок нес пачку напечатанных баллад.

На переднем дворике моего дома начали собираться соседи – в основном молодые матери и девочки-няньки с младенцами за спиной, но были также старики и старухи – местные *инке* (пенсионеры). Также со своей стоянки на углу соседней улицы пришли рикши, и вот уже до самых ворот совсем не осталось свободного места.

Женщина села на порог моего дома, настроила свой *сямисэн*, сыграла несколько тактов аккомпанемента, и вдруг волшебные чары объяли слушателей, и они стали переглядываться, улыбаясь в изумлении.

Потому что из этих безобразных бесформенных губ изливался и струился чудесный голос: юный, глубокий, несказанно трогательный в своей проникновенной сладости.

– Женщина это или лесная фея? – спросил один из присутствующих.

Всего лишь женщина, но великая-превеликая артистка. Манера, в какой она обращалась со своим инструментом, могла изумить самую искусную гейшу; но никогда ни у одной гейши нельзя было услышать ни подобного голоса, ни подобной баллады. Она пела, как может петь только крестьянка, с переливами голоса, которым ее научили, быть может, цикады или вольные соловьи, и с интервалами в половину и четверть тона, каких никогда не знал музыкальный язык Запада.

И пока она пела, все слушающие начали молча плакать. Я не разбирал слов, но я чувствовал, как и грусть, и сладость, и терпение жизни Японии проникают с ее голосом в мое сердце, печально пытаюсь найти там что-то, чего там никогда не было. Казалось, что невидимая нежность накапливалась и трепетала вокруг нас; и ощущения преданных забвению мест и времен мягко возвращались обратно, смешиваясь с более призрачными ощущениями – ощущениями, не связанными с каким-либо местом или временем в памяти ныне живущих.

И тогда я увидел, что певица была слепа.

Когда песня закончилась, мы уговорили женщину зайти в дом и расспросили ее. Когда-то она была достаточно обеспечена и еще девочкой научилась играть на *сямисэне*. Маленький мальчик был ее сыном. Ее муж был парализован, а оспа лишила ее зрения. Но она была сильной и способной проходить пешком большие расстояния. Когда ребенок уставал, она несла его на спине. Она была в состоянии обеспечивать и малыша, и прикованного к постели мужа, ибо, когда бы она ни пела, люди плакали и давали ей медяки и еду... Таков был ее рассказ. Мы дали ей немного денег и накормили; и она ушла, ведомая своим мальчиком.

Я купил один экземпляр баллады, повествующей о недавнем двойном самоубийстве: «Печальная песнь о Тамаёнэ и Такэдзиро, сочиненная Такэнака Ёнэ из дома четырнадцать четвертого округа Ниппон-баси в Южном районе города Осака». Она, несомненно, была отпечатана с деревянной доски и иллюстрирована двумя маленькими рисунками. На одном были изображены девушка и парень, погруженные в общую печаль. На другом – своего рода концовка – подставка для письма, гаснущая лампа, открытое письмо, курящийся в чаше фимиам и ваза, наполненная *сикими* – тем самым священным растением, которое используется в буддийском ритуале жертвоприношений усопшим. Из всего причудливого скорописного текста, похожего на стенограмму, записанную вертикально, поддались переводу лишь такого рода строки:

В первом округе Нити-Хоммати, в знаменитой Осаке...
О, печаль этого рассказа синдзю!
Тамаёэнэ, девятнадцати лет от роду, – для Такэдзиро,
молодого рабочего, увидеть ее значило полюбить.
На время двух жизней обменялись они взаимными клятвами...
О, печаль любви к куртизанке!
На свои руки нанесли они татуировку Дракона дождя
и иероглиф «бамбук» – совсем не думая о жизненных невзгодах...
Но он не мог заплатить пятьдесят пять иен за ее свободу...
О, эта сердечная мука Такэдзиро!
Оба тогда поклялись умереть вместе, потому что никогда
в этом мире не смогут они стать мужем и женой...
Доверив своим товаркам заботы о благовониях и цветах —
О, печаль их ухода в небытие, наподобие росы!
Тамаёэнэ берет чашу для вина, наполненную одной лишь
водой, – чашу, которую стоящие на пороге смерти поднимают друг
за друга.
О, смятение чувств при самоубийстве влюбленных!
О, печаль их загубленных жизней!

Одним словом, в самой этой истории не было ничего крайне необычного, и совершенно ничего выдающегося в стихах. Все очарование исполнения заключалось в голосе этой женщины. И еще долго после того, как певица ушла, этот голос, казалось, продолжал звучать, порождая во мне чувство умиления и печали настолько странное, что я не мог не попытаться объяснить себе секрет этих волшебных звуков.

И вот что мне думалось по этому поводу.

Всякий напев, всякая мелодия, всякая музыка означает лишь эволюцию примитивного природного проявления чувств, того врожденного языка горя, радости или страсти, словами которого служат музыкальные звуки. Так же как различаются другие языки, различается и этот язык звуковых сочетаний. В силу чего мелодии, глубоко волнующие нас, не имеют никакого значения для японского слуха; а мелодии, которые совершенно не производят впечатления на нас, оказывают глубокое эмоциональное воздействие на чувства расы, духовная жизнь которой разнится с нашей собственной подобно тому, как синий цвет отличен от желтого... И все-таки в чем причина столь глубоких чувств, пробужденных во мне, чужеземце, этой восточной песнью, которую я даже выучить никогда бы не смог, – этой обычной песней слепой женщины из народа? Несомненно, голос этой певицы обладал некими свойствами, способными вызывать к чему-то большему, нежели совокупность опытов одной расы, к чему-то столь же обширному, как человеческая жизнь, и столь же древнему, как познание добра и зла.

Однажды летним вечером двадцать пять лет тому назад в одном из лондонских парков я услышал, как девушка сказала «добрый вечер!» кому-то, кто проходил мимо. Ничего более этих двух коротких слов: «добрый вечер». Кто она была, я не знаю, я даже не увидел ее лица, как и никогда более не услышал ее голоса. И до сих пор, когда уже миновали сто времен года, воспоминание о ее словах «добрый вечер» непостижимым образом заставляет меня дважды испытывать сильное волнение – от ощущения удовольствия и боли, боли и удовольствия, несомненно связанных не со мной, не с моей собственной жизнью, а с предыдущими жизнями и погасшими светилами.

Ведь то, что составляет очарование голоса, услышанного лишь один-единственный раз, не может принадлежать этой жизни. Оно принадлежит жизням бесчисленным и забытым. Определенно никогда не существовало двух голосов, обладающих совершенно одинаковыми свойствами. Но в словах любви заложена нежность тембра, присущая неисчислимым миллионам голосов всего человечества. Наследственная память делает смысл этого тона ласки понятным даже для новорожденных. Также наследственное, без сомнения, наше знание звуков, выражающих симпатию, скорбь, сочувствие. И таким образом, голос слепой женщины этого города на Дальнем Востоке способен был оживить даже в западном сознании чувство более глубокое, чем индивидуальное бытие, – неясный немой пафос забытых скорбей, смутные любовные импульсы давно забытых поколений.

Умершие никогда не умирают навсегда. Они спят в самых потаенных уголках усталых сердец и занятых делом умов, чтобы лишь в редчайшие моменты пробуждаться от отголосков своего прошлого в каком-либо живом голосе.

В холерное время

I

Главный союзник Китая в минувшей войне, будучи глух и слеп, ничего не знал и до сих пор не знает ни о конвенциях, ни о мире. Он последовал за возвращающимися армиями Японии, вторгся в пределы победоносной империи и в жаркий сезон убил порядка тридцати тысяч человек. Он до сих пор продолжает убивать, и погребальные костры горят непрерывно. Время от времени порывы ветра приносят в мой сад этот запах дыма с холмов за городом, только чтобы напомнить мне, что расходы на кремацию взрослого человека моей комплекции составляют восемьдесят сэнов, то есть примерно полдоллара в американской валюте по текущему обменному курсу.

С верхнего балкона моего дома на всем своем протяжении до самой гавани просматривается японская улица с ее рядами магазинчиков. Я видел, как из разных домов этой улицы отвозятся в госпиталь холерные больные, а последним (только сегодня утром) был мой сосед напротив, который держал магазин фарфора. Его забрали насильно, невзирая на слезы и причитания его домочадцев. Санитарный закон запрещает лечение холеры в частных домах, тем не менее люди стараются спрятать своих больных, несмотря на штрафы и прочие санкции, поскольку государственные холерные госпитали переполнены и правила там жесткие, а пациенты полностью разлучены со всеми, кому они дороги. Но провести полицию удастся не часто: она быстро раскрывает случаи сокрытия и является с носилками и носильщиками. Это кажется жестоким, но санитарный закон и должен быть жесток. Жена моего соседа с плачем шла за носилками, пока полицейские не принудили ее возвратиться в свой опустевший магазинчик. Сейчас он закрыт и, вероятно, никогда уже не будет вновь открыт своими владельцами.

Подобные трагедии заканчиваются так же быстро, как и начинаются. Лишившиеся члена семьи, так скоро, как дозволено законом, увозят свое скорбное имущество и исчезают, а обычная жизнь улицы продолжается и днем и ночью, совершенно так, как будто бы ничего особенного и не произошло. Странствующие торговцы с бамбуковыми шестами и корзинами, или ведрами, или коробками проходят мимо опустевших домов, оглашая окрестности своими привычными зазывами; с пением отрывков из сутр проходят религиозные процессии; слепая массажистка меланхолично свистит в свисток; частный ночной сторож проходит под постукивание тяжелой палки по плитам водостока; мальчик, продающий кондитерские изделия, по-прежнему бьет в барабан и печальным, сладким, словно у девушки, голосом поет любовную песенку:

Ты и я, мы вместе... Я оставался долго; но в момент расставания мне показалось, что я только что пришел.

Ты и я, мы вместе... Я все еще думаю о чае. Старым или свежим чаем из Удзи он мог бы показаться кому-то; но для меня это был чай Гекоро, чудесного желтого цвета цветка ямабуки.

Ты и я, мы вместе... Я телеграфист, а ты одна из тех, кто ждет весточки. Я посылаю свое сердце, а ты получаешь его. Что нам за дело теперь, если даже упадут столбы, если даже оборвутся провода?

А дети резвятся, как всегда. Они гоняются друг за другом с криками и смехом; они танцуют, распевая хором; они ловят стрекоз и привязывают их к длинным ниткам; они поют о тяготах войны, о том, как рубят китайские головы:

Тян-тян бодзу-ю куби о ханэ!

Иногда какой-нибудь ребенок исчезает, но те, что остались живы, продолжают свои игры. И в этом заключается мудрость.

Кремировать ребенка стоит всего лишь сорок четыре сэна. Несколько дней назад был кремирован сын одного из моих соседей. Маленькие камешки, с которыми он обыкновенно играл, лежат там на солнце точно так же, как он их оставил... Любопытна эта детская любовь к камням! В какой-то период жизни камни становятся игрушками не только детей бедняков, но и всех детей: не важно, сколько других игрушек у него будет, каждый японский ребенок хочет иногда поиграть с камнями. Детскому уму камешек представляется чем-то замечательным, да так и должно быть, поскольку даже для разумения математика нет ничего более чудесного, чем обыкновенный камень. Маленький сорванец подозревает, что камень намного больше того, чем он кажется, и это превосходное подозрение; и если бы глупые взрослые не сказали ему ложно, что его игрушка не стоит того, чтобы о ней размышлять, она бы никогда не надоела ему и он постоянно открывал бы в ней что-нибудь новое и замечательное. Только очень великий ум мог бы быть способен ответить на все детские вопросы о камнях.

Согласно народному поверью, сынишка моего соседа сейчас играет призрачными камешками в сухом ложе реки душ, пытаюсь понять, быть может, почему они не отбрасывают тени. Истинная поэзия легенды «Саи-но-Кавара» заключается в абсолютной естественности ее основной идеи – иллюзорного продолжения той игры, в которую все маленькие японские дети играют с камнями.

II

Продавец чубуков для трубок совершал свой привычный обход с двумя коробами, подвешенными на бамбуковом шесте, лежавшем у него на плече как коромысло. В одном коробе были различные по диаметру, длине и окраске чубуки вместе с инструментами для приладки их к металлическим трубкам, а в другом коробе лежал младенец – его собственный ребенок. Иногда я видел его выглядывающим из-за края короба и улыбающимся прохожим; иногда он лежал на дне короба и спал, тщательно запеленутый; а иногда – играл со своими игрушками. Многие люди, как мне говорили, дарят ему игрушки. Одна из игрушек удивительно напоминала посмертную дощечку (ихай), и она была в коробе постоянно, независимо от того, спал ребенок или нет.

На днях я заметил, что продавец чубуков расстался со своим бамбуковым шестом с подвешенными коробами. Он направлялся вверх по улице с маленькой ручной тележкой, размерами достаточной лишь для его товаров и его младенца и явно изготовленной для этих целей с двумя отделениями. Возможно, младенец стал слишком тяжел для более примитивного способа передвижения. Над тележкой трепетал белый флажок с надписью рукописными иероглифами «*Кисэру-рау каэ*» (обмен чубуков) и краткой просьбой о «великодушной помощи»: «*О-тасукэ о-нэгаймас*». Ребенок выглядел здоровым и счастливым, и я вновь увидел предмет в форме дощечки, который так часто привлекал мое внимание и ранее. Сейчас он был прикреплен вертикально к высокому ящику в тележке и обращен к постели младенца. И когда я так смотрел на приближающуюся тележку, я внезапно почувствовал уверенность, что эта дощечка и в самом деле ихай: солнце осветило ее ярким светом, и на ней безошибочно был виден обычный буддийский текст. Это возбудило мое любопытство, и я попросил Манъямона сказать продавцу чубуков, что у нас есть несколько трубок, которым требуются свежие чубуки – что было действительно так. И вот тележка подъехала к нашим воротам, и я вышел взглянуть на нее.

Ребенок не проявил страха даже при виде чужеземного лица – очаровательный мальчик. Он лепетал, и смеялся, и протягивал свои ручонки, явно привычный к ласкам; играя с ним, я рассмотрел дощечку с близкого расстояния. Это был ихай секты Син (Син-сю) с женским

каймё, или посмертным именем, а Манъэмон перевел мне китайские иероглифы: «Достоchtigая и высокопоставленная во Дворце совершенства, тридцать первый день третьего месяца двадцать второго года Мэйдзи».

Тем временем служанка принесла трубки, которым требовались новые чубуки; я взглянул на лицо этого ремесленника, когда он работал. Это было лицо человека, уже перешедшего средний возраст, с теми глубокими симпатичными линиями вокруг рта, сухими руслами от прежних улыбок, которые придают столь многим японским лицам это неопишное выражение безропотной доброты. В это время Манъэмон начал задавать вопросы, а когда Манъэмон задает вопросы, только дурной человек может ему не ответить. Иногда мне кажется, что за этой дорогой бесхитростной старой головой я вижу какой-то ореол, а именно – ореол Босацу.

Продавец чубуков отвечал, повествуя свою историю. Через два месяца после рождения их малыша его жена умерла. В свой последний час она сказала:

– С той минуты, как я умру, и до того, как минуют три полных года, умоляю тебя оставлять малыша всегда соединенным с моей тенью: никогда не позволяй ему расставаться с моим ихаем, так чтобы я могла продолжать заботиться о нем и нянчить его, поскольку ты знаешь, что в течение трех лет ему нужна материнская грудь. Умоляю тебя не забыть эту мою последнюю просьбу.

Но после смерти матери отец не мог больше выполнять привычную для него работу, а также заботиться о таком малолетнем ребенке, которому требовалось постоянное внимание и днем и ночью. А он был слишком беден, чтобы нанять няньку. Поэтому он занялся продажей чубуков для трубок, поскольку так он мог зарабатывать немного денег, не оставляя ребенка ни на минуту одного. Он не мог себе позволить покупать молоко, но больше года кормил мальчика жидкой рисовой кашей и сладким сиропом.

Я сказал, что ребенок выглядит очень сильным и отсутствие молока ничуть не пошло ему во вред.

– Это потому, – заявил Манъэмон убедительным тоном, граничащим с упреком, – что покойная мать нянчит его. Как же он может нуждаться в молоке?

И ребенок тихо рассмеялся, словно бы осознавая призрачную ласку.

У станции железной дороги

7-й день 6-го месяца 26-го года Мэйдзи

Вчера телеграммой из Фукуоки пришло сообщение, что задержанный там закоренелый преступник будет сегодня дневным поездом доставлен для суда в Кумамото. Полицейский из Кумамото отбыл в Фукуоку, чтобы взять преступника под стражу.

Четыре года тому назад, ночью, в один из домов на улице Борцов ворвался грабитель, запугал и связал его обитателей, а затем скрылся, унеся с собой много ценных вещей. Умело выслеженный полицией, он был схвачен в течение суток, даже не успев сбыть награбленное добро. Но по дороге в полицейский участок он разорвал веревки, которыми был связан, вырвал меч у конвоира, убил его, а затем скрылся. И вплоть до прошлой недели о нем не было ни слуху ни духу.

И вот следователь из Кумамото, посетивший по случаю тюрьму в Фукуоке, увидел среди осужденных лицо, которое уже четыре года было с фотографической точностью запечатлено в его памяти.

– Кто этот человек? – спросил он у надзирателя.

– Вор, – был ответ, – зарегистрирован здесь под именем Кусабэ.

Следователь подошел вплотную к арестанту и сказал:

– Тебя зовут не Кусабэ! Номура Тэйити, ты разыскиваешься в Кумамото за убийство!

Преступник сознался во всем.

Вместе с громадной толпой народа я отправился, чтобы посмотреть его прибытие на станцию. Я ожидал услышать и увидеть вспышки гнева; я даже боялся возможных проявлений насилия. Убитый полицейский пользовался большой симпатией, в толпе зевак непременно будут находиться его родственники, а толпа в Кумамото не слишком-то деликатная. Я также полагал, что увижу там много нарядов полиции. Но мои предчувствия оказались неверны.

Поезд остановился, и, как обычно, кругом были спешка и шум, суeta и громкое цоканье обутых в гэта пассажиров, раздавались пронзительные крики мальчишек, продающих столичные японские газеты и местный кумамотский лимонад. Мы прождали за ограждением около пяти минут. Наконец, проталкиваемый в калитку сержантом полиции, появился арестант – мощный, свирепого вида человек, с низко опущенной головой и крепко связанными за спиной руками.

Оба они, и арестант, и конвоир, остановились напротив калитки, а народ подался вперед, чтобы лучше их видеть, но сохраняя полное молчание.

В этот момент полицейский громко выкрикнул:

– Сугихара-сан! Сугихара О-Киби! Здесь ли она?

Стоящая рядом со мной худенькая маленькая женщина с ребенком за спиной откликнулась: «Хай!» – и пошла вперед сквозь плотную массу людей. Это была вдова убитого, а ребенок, которого она несла, был его сыном.

По взмаху руки полицейского толпа отхлынула назад, чтобы освободить пространство вокруг арестанта и его конвоя. И вот уже там стояла эта женщина с ребенком, глядя в лицо убийце, а вокруг царила мертвая тишина.

И тогда, обращаясь вовсе не к женщине, а к одному только ребенку, заговорил полицейский. Он говорил тихо, но так отчетливо, что я мог уловить каждое его слово:

– Малыш, это человек, который четыре года назад убил твоего отца. Ты тогда еще не родился, ты был в лоне своей матери. То, что у тебя сейчас нет отца, который любил бы тебя, – деяние этого человека. Взгляни на него... – при этом полицейский схватил арестанта за под-

бородак и силой заставил поднять голову, – хорошенько посмотри на него, мальчик! Не бойся. Это причиняет страдание, но это твой долг. Взгляни на него!

Ребенок, не отрывая взгляда, смотрел из-за плеча матери широко раскрытыми глазами, словно в испуге; потом он начал всхлипывать, затем заплакал, однако настойчиво и послушно продолжал смотреть и смотреть в упор в перекошенное лицо арестанта.

Казалось, что толпа перестала дышать.

Я видел, как исказились черты лица арестанта; я видел, как внезапно, несмотря на свои оковы, он бросился на колени, уткнулся лицом в пыль, выкрикивая при этом грубым и хриплым голосом слова раскаяния, от которых у меня затрепетало сердце:

– Прости! Прости! Прости меня, маленький! То, что я сделал, было совершенно не из ненависти, а лишь в диком страхе, из-за моего желания бежать. Я поступил очень, очень дурно; огромное, невыразимое зло причинил я тебе! Но сейчас за свой грех я приму смерть! Я хочу умереть, я рад умереть! Поэтому... О малыш, сжался надо мной! Прости меня!

Ребенок по-прежнему молча плакал. Полицейский поднял сотрясающегося от рыданий преступника; онемевшая толпа расступилась в обе стороны, давая им проход. Затем, совершенно неожиданно, вся многочисленная людская масса начала всхлипывать. И когда бронзоволицый конвоир проходил мимо, я увидел то, чего никогда раньше не видел и, вероятно, никогда больше не увижу, – слезы японского полицейского.

Толпа схлынула, оставив меня в размышлениях о непривычной морали этого зрелища. Вот оно – правосудие, непоколебимое, но и сострадательное при этом, заставляющее осознать всю тяжесть совершённого преступления, и – глубокое раскаяние, мольба о прощении накануне смерти. Вот он – простой народ, возможно самое опасное, что есть в империи, если его разозлить, – и вместе с тем все понимающий и все принимающий близко к сердцу, удовлетворенный раскаянием и позором преступника и преисполненный не слепой ярости, а лишь великой скорби о злодеянии – благодаря лишь простому, глубоко укоренившемуся опыту преодоления жизненных трудностей и слабостей человеческой природы.

Но самым важным здесь было то, что призыв к раскаянию совершен через обращение к отцовским чувствам преступника, к этой потенциальной любви к детям, которая занимает такое большое место в душе каждого японца.

Рассказывают, что самый знаменитый из всех грабителей Японии, Исикава Гоэмон, однажды ночью забравшийся в дом, чтобы убивать и грабить, был настолько очарован улыбкой младенца, который протянул к нему свои ручки, и так заигрался с маленьким созданием, что всякая возможность совершить задуманное им злодеяние была полностью упущена.

Поверить в этот рассказ совсем не трудно. Ежегодно полицейские отчеты сообщают о фактах сострадания, проявленного профессиональными преступниками в отношении детей. Несколько месяцев назад местные газеты сообщили о случае жестокого убийства, когда целая семья была вырезана грабителями. Семь человек были во сне буквально изрублены на куски, но полиция обнаружила маленького мальчика, совершенно невредимого, одиноко плачущего в луже крови. Также полицейские нашли безошибочное свидетельство того, что головорезам пришлось проявить большую осторожность, чтобы не причинить вреда этому ребенку.

Романтическая история Млечного Пути и другие истории

Из сборника «The Romance of Milky Way and Other Studies & Stories», 1905

Дева зеркала

В эпоху сёгуната⁵⁰ Асикага святой храм Огавати-Мёдзина в городке Минамиисэ⁵¹ частично обрушился. Однако владетель провинции, даймё Китахатакэ, в силу многих обстоятельств, в том числе потому, что шла война, был не в состоянии заняться его восстановлением. Тогда синтоистский священник храма по имени Мацумура Хайго отправился в Киото к великому даймё Хосокаве⁵² за помощью. Он знал, что тот имеет большое влияние на сёгуна и может помочь. Даймё принял священника любезно и пообещал поговорить с сёгуном о плачевном состоянии храма. Но сказал при этом, что деньги на восстановление храма не выделят немедленно. Это долгая история, потому что дело должно быть тщательно изучено. Он посоветовал Мацумуре никуда не уезжать и оставаться в столице. Поэтому священник перевез семью в Киото и снял дом в квартале Кёгоку.

Хотя дом был просторный и красивый, он долгое время пустовал. Говорили, что на нем лежит проклятие. В саду, рядом с северо-восточным углом строения, находился колодец. Так случилось, что несколько прежних обитателей провалились в этот колодец и погибли. Почему это произошло, никто не знал. Но не забудем, что Мацумура был синтоистским священником, а потому совершенно не боялся злых духов и прекрасно обустроился в своем новом жилище.

Летом того года случилась великая засуха. Много месяцев в окрестных провинциях не выпадало ни капли дождя, пересохли русла рек и колодцы. В столице ощущалась нехватка воды. Но колодец в саду Мацумуры был полон, а вода в нем – холодна и чиста. У нее был даже голубоватый оттенок – она дышала весной. Многие люди со всех концов города шли к Мацумуре и просили дать им воды, и он никому не отказывал – разрешал брать сколько угодно. Тем не менее вода в колодце не убывала.

Но однажды утром в колодце обнаружили тело молодого слуги из соседнего дома – прежде его отправили туда набрать воды. Никаких причин для самоубийства у юноши не было, и Мацумура, памятуя о неприятных историях, передаваемых в округе по поводу колодца, начал подозревать недоброе. Прежде всего он повелел не приближаться к источнику, а затем взялся за расследование и решил понаблюдать за колодцем. Он попросил оставить его одного и стал пристально смотреть на воду. Через некоторое время вода внезапно пришла в движение. Оно продолжалось несколько мгновений, потом зеркало воды успокоилось, и тут он увидел, что на поверхности отражается фигура очень молодой – лет девятнадцати-двадцати – женщины. Он вгляделся и понял, что она прихорашивается и красит губы. Поначалу он видел только ее профиль, но вот она повернулась к нему лицом и улыбнулась. В тот же момент он почувствовал, как вдруг сжалось сердце и закружилась голова – подобно тому, как бывает, когда выпьешь чуть-чуть лишнего. А затем все кругом потемнело, и он уже не видел ничего – только улыбающееся лицо женщины... С каждым мгновением оно, подобное луне, становилось все прекраснее и прекраснее и... тянуло, тянуло его к себе – вниз, вниз, вниз – во тьму... В отчаянной попытке он напряг всю свою волю и закрыл глаза.

Когда он открыл их вновь, лицо исчезло, и схлынула тьма, и лучи солнца вновь заиграли на поверхности воды. Мацумура обнаружил, что лежит на срубе, свесившись вниз, и его ноги едва достают до земли. Еще немного – если бы у него не достало сил противостоять соблазну, – и ему никогда бы уже не увидеть солнца...

⁵⁰ *Сёгунат* – военно-феодалная система правления в Японии, при которой император выполнял сугубо церемониальные функции, а реальная власть принадлежала военному правителю – сёгуну. Должность сёгуна передавалась по наследству. В период, о котором идет речь, власть в Японии принадлежала клану Токугава (1603–1868).

⁵¹ *Минамиисэ* – поселок в Японии, находящийся в уезде Ватарай префектуры Миэ.

⁵² *Хосокава Сигэката* (Hosokawa; 1721–1785) – знаменитый самурай, один из владетельных князей эпохи сёгуната Токугава.

Вернувшись домой, он немедленно приказал своим людям ни при каких обстоятельствах не приближаться к колодцу и никого из посторонних не допускать к нему. На следующий день по его повелению источник дополнительно обнесли крепким высоким забором.

Примерно через неделю после того, как колодец оградил, засуху прервала ужасная буря – со страшными порывами ветра с небес низвергались потоки воды, сверкали молнии, чудовищными раскатами гремел гром. Удары его были столь сильны, что содрогался весь город, и люди думали, что случилось землетрясение. Три дня продолжалось это светопреставление, река Камогава вышла из берегов и снесла все мосты. На третью ночь в час Быка – шторм продолжал неистовствовать – в дверь дома священника постучали. Раздался женский голос. Женщина просила впустить ее. Но Мацумура, у которого в памяти была жива история с колодцем, запретил слугам отвечать. Он сам подошел к двери и спросил:

– Кто там?

Женский голос ответил:

– Ах, извините! Это я – Яёй... Я хотела бы сказать кое-что, Мацумура-сан, – что-то очень важное... Откройте, пожалуйста!..

Мацумура приоткрыл дверь – чуть-чуть – и осторожно выглянул. И... увидел то же самое красивое лицо и ту же улыбку, что видел в колодце. Но теперь во взгляде женщины была печаль.

– В мой дом вы не войдете, – громко выкрикнул священник, – вы не человек! Вы то существо из колодца! Почему вы так жестоко обманываете и убиваете людей?

Женщина из колодца отвечала ему – и голос ее звучал так мелодично, что был подобен перезвону драгоценных камней (*тама-о-корогасу-коэ*):

– Вот об этом я и хочу сказать... Никогда не было у меня желания вредить людям. С древнейших времен в этом колодце обитал ужасный дракон – властитель источника. Именно потому он всегда был полон. Много лет назад я упала туда и стала его собственностью. Чудовище заставило меня заманивать людей – они становились его добычей, дракон пил их кровь. Но теперь Небесный Владыка повелел дракону оставить колодец и переселиться в озеро под названием Тории-но-Икэ в провинции Синсю; боги решили, что больше в город он не вернется. И потому нынешней ночью, сразу после того, как он отправился восвояси, у меня появилась возможность выйти. Теперь я нижайше прошу вашей помощи. В колодце очень мало воды, потому что дракон покинул его. Если вы отдадите распоряжение произвести поиски, то вы найдете мое тело. Умоляю вас: найдите его! Спасите мои останки, достаньте их из колодца – и ваше благодеяние не останется без ответа...

Сказав это, дева исчезла в ночи.

Буря прекратилась еще до наступления утренней зари. Когда солнце встало, небо было безоблачным, голубым и прозрачным. Несмотря на ранний час, Мацумура послал за чистильщиками колодцев, и те приступили к работе без промедления. Ко всеобщему удивлению, оказалось, что колодец пуст: вода ушла и даже дно почти высохло. Его без труда очистили. Нашли шпильки и заколки для волос, искусно изготовленные и очень древние. Нашли металлическое зеркало, тоже очень старое и весьма необычной формы. Но никаких следов тела – ни человеческого, ни принадлежавшего животному – не обнаружили.

Мацумура, однако, подумал, что зеркало каким-то образом сможет помочь разгадать тайну: поскольку каждое зеркало, как известно, суть предмет сверхъестественный, обладающий собственной душой. Душа зеркала – это душа женская. Очень древнее на вид, оно было покрыто толстой коркой ила и грязи. Когда по приказу священника его аккуратно, стараясь не повредить, очистили и отмыли, оказалось, что зеркало не только древнее, но уникальное в своем роде и явно очень дорогое, а его обратная сторона богато украшена причудливой вязью иероглифов и символов. Большинство из них разобрать не удалось, и потому смысл написанного был непонятен. Единственное, что смогли прочесть, – часть надписи: «*третий месяц, третий день*». Священник знал, что в древние времена третий месяц года назывался Яёй (что

означает «месяц умножения»). А третий день третьего месяца – праздничный день, который по сию пору называется *Яёй-но-сэку*. Припомнив, что существо из колодца назвало свое имя – Яёй, Мацумура был почти уверен, что его призракная гостья и есть не что иное, как душа зеркала.

Поэтому он решил отнестись ко всему с полной серьезностью и приказал отреставрировать зеркало. Прежде всего предмет тщательно почистили, затем вновь посеребрили и отполировали. Потом сделали оправу из очень дорогого и редкого дерева и приготовили специальную комнату в доме, куда его и поместили.

Вечером того же дня, когда зеркало обрело собственное пристанище, а священник в одиночестве трудился в своем кабинете, перед ним неожиданно материализовалась Яёй. Теперь она выглядела даже красивее, чем прежде, но ныне свет ее красоты был мягок, подобно лучам летней луны, льющей свое сияние сквозь ночные белые облака. Она смиренно склонилась перед Мацумурой и промолвила своим мелодичным голосом:

– Теперь вы спасли меня – извлекли из одиночества, небрежения и скорби. И я пришла возблагодарить вас... Как вы правильно предположили, я есть не что иное, как дух зеркала. Моя история началась очень давно, во времена императора Саймэя. Тогда меня привезли из государства Кудара и поместили в августейшие покои, где я и находилась до времен императора Сага. Потом сам император подарил меня госпоже Камо из рода Наисинно, она была одной из фрейлин августейшего двора⁵³. Так я превратилась в фамильную реликвию дома Фудзивара и продолжала оставаться ею до эпохи Хогэн, когда меня уронили в колодец. Так меня потеряли и забыли, а не искали потому, что шла великая война между кланами Тайра и Минамото⁵⁴. Хозяином колодца⁵⁵ был злобный дракон, который некогда жил в озере, что прежде покрывало значительную часть провинции. Чудовище переселилось, когда правительство стало изыскивать возможности для дальнейшей застройки столицы и постановило осушить водоем, что и было сделано. Попав в колодец, я превратилась в собственность дракона, и он заставил меня зачаровывать людей и нести им гибель. Многие погибли таким образом. Но боги разгневались и наказали дракона навечно...

И еще об одном хочу попросить вас – изыщите возможность передать меня в дом сёгуна, господина Ёсимаса, поскольку он – потомок тех, кому я принадлежала прежде. Сделайте для меня это великое благодеяние, и я принесу вам удачу... Также хочу предупредить вас об опасности: послезавтра вас не должно быть в доме, потому что он будет разрушен...»

С этими словами женщина растворилась в воздухе и исчезла.

Мацумура внял предупреждению: на следующий день он перевез своих домашних и все имущество в другой район города. И тотчас началась буря. Она была еще сильнее, чем прежняя. Случилось наводнение, и поток воды снес дом, в котором семья обитала прежде. Через некоторое время стараниями господина Хосокавы, который благоволил к священнику, удалось испросить аудиенцию у сёгуна. Священник вручил зеркало и поведал его историю, которую записал со слов призракной женщины. Тогда сбылось то, что обещала ему дева зеркала. Сёгун был немало удивлен и обрадован странному подарку. Он не только одарил священника богатыми дарами, но и распорядился, чтобы тому немедленно были выделены деньги на восстановление храма Огавати-Мёдзина.

⁵³ Император Саймэй правил в Японии с 655 по 662 г. н. э., император Сага – с 810 по 842 г. Кудара – легендарное государство в юго-западной части Корейского полуострова, его часто упоминают древние японские источники. Род Наисинно был императорской крови. В придворной иерархии различали двадцать пять степеней знатности. Наисинно занимали седьмое место по старшинству. (Примеч. авт.)

⁵⁴ Веками императорских жен выбирали из клана Фудзивара. Период, называемый Хогэн, длился с 1156 по 1159 г. В это время и происходила великая война кланов. (Примеч. авт.)

⁵⁵ В прежние времена верили, что у каждого озера и источника есть собственный страж, который может принимать обличье змеи или дракона. Имя духа озера или пруда обычно звучит так: *Икэ-но-Муси*, то есть хозяин озера. В этой истории хозяином называют дракона, что живет в колодце, но на самом деле стражем колодцев является бог Суйдзин. (Примеч. авт.)

История о самурае по имени Ито

Около шестисот лет тому назад в городе Удзи, в провинции Ямасиро, жил молодой самурай по имени Ито Татэваки Норисукэ. Его предки принадлежали к клану Хэйкэ. Ито был красив собой, умен и образован, обладал дружелюбным характером и слыл умелым и отважным воином. Но семья была бедна, сюзерена из числа военной знати у Ито не было, потому никаких особенных перспектив у него не наблюдалось. Посему жил он очень тихо и скромно, посвятив свой досуг чтению и литературным трудам. Как сказал один из древних японских сочинителей, «в друзьях у него только луна да ветер». То есть друзей у него не было.

Однажды осенью он отправился погулять в одиночестве. Путь его пролегал по окрестностям холма под названием Котобикияма. Шел он довольно sporo, и случилось ему нагнать некую молодую особу – та шла той же тропой. Она была богато одета, а вид совсем юный – едва ли больше двенадцати лет от роду. Ито поздоровался с девушкой и сказал:

– Солнце скоро сядет, а места здесь довольно пустынные. Позвольте узнать, вы не заблудились?

Она улыбнулась, но отвечала без особой приязни:

– Нет! Я – *мия-дзукай*⁵⁶ и служу здесь неподалеку. Так что идти мне близко.

Когда он услышал, что она – мия-дзукай, то есть имеет придворный чин, он подумал, что девушка служит у какой-нибудь особы высокого положения. Это его удивило, поскольку он никогда не слышал ни о ком подобном, кто бы жил по соседству. Но по этому поводу он ничего не сказал, а просто предложил:

– Я возвращаюсь в Удзи, там мой дом. Может быть, вы разрешите проводить вас – места здесь действительно пустынные.

Она весьма грациозно поблагодарила его, и ему показалось, что восприняла это предложение вполне благосклонно. Так они пошли вместе, разговаривая о всякой всячине. Говорила в основном она, он слушал. Спутница обсуждала погоду, рассказывала о цветах, о бабочках и птицах; о том, что однажды была в Удзи, о столице, откуда была родом, – и это было замечательно, Ито с удовольствием слушал ее милое щебетание. Так они дошли до поворота дороги, а затем вошли в деревушку, спрятавшуюся в густой тени роши.

[Здесь я вынужден прерваться, поскольку, не увидев собственными глазами, вы едва ли можете представить, какими сумрачными могут быть японские деревни даже в самую светлую пору. В окрестностях Токио подобных деревенок множество. Даже подойдя очень близко к такому поселению, вы не обнаружите строений – так плотно все укрыто кущами вечнозеленых деревьев. Деревья эти, обычно молодые кедр и бамбук, служат укрытием на случай бури и ненастья, а также в качестве строительного материала и для иных хозяйственных целей. Они высажены так плотно, что порой между ними и не протиснешься: они стоят прямые, как мачты, кроны их переплетены, образуя полог, который почти не пропускает солнечный свет. Каждый дом крыт тростниковой или соломенной крышей, он стоит на участке, а деревья формируют забор вокруг в две высоты дома. Под деревьями всегда сумерки – даже в полдень, и дома – утром или вечером – всегда наполовину в тени. Попадая в такую деревню, сразу же начинаешь испытывать смутное беспокойство, и причина ему – тот самый прозрачный сумрак, что окутывает все кругом. Он придает сверхъестественное волшебное очарование месту, и все пронизано тишиной и неподвижностью. В деревне может быть и пятьдесят, и сто домов, но вы не услышите ни звука – только щебет невидимых птиц, случайный крик петуха да звон цикад. Но даже цикады, видно, находят эти заросли слишком мрачными и потому звенят как-то тихо, затаенно, ведь они дети солнца и в полный голос поют только под его лучами. Забыл сказать:

⁵⁶ Служанка в императорской резиденции. (Примеч. авт.)

время от времени слышится и иной звук: *тяка-тон, тяка-тон* – звук движущейся повозки. Но ее не видно, и этот вполне обычный звук в непроницаемой зеленой тишине тоже воспринимается как нечто волшебнo-потустороннее. В домах никого нет – они пусты. Все взрослые – за исключением совсем немощных стариков – работают в полях. Младенцев забрали женщины – они носят их на спине; дети постарше – в школе, которая вполне может быть совсем рядом, в миле или около того. Вероятно, эту самую затаенную тишину и увековечил в одном из своих текстов достославный Куан Цзэ: «Древние, которых кормила только земля, были самодостаточны, и им хватало мира, в котором они живут, – они ничего не ломали, и вещи служили им. Их покой был полон, и люди радовались жизни».]

...Деревня, когда наши путники вошли в нее, была темна, поскольку солнце уже село. Не было видно и света фонарей в густоте листвы.

– Теперь, добрый господин, мне сюда, – сказала девушка, указывая на узкую аллею, что уходила прочь от главной дороги.

– Разрешите мне проводить вас до дому, – отвечал Ито.

И он повернул на аллею вместе со спутницей. Теперь он не столько видел, куда идет, сколько ощущал дорогу под ногами. Но девушка вскоре остановилась перед маленькими воротами, едва различимыми в темноте. Ворота были решетчатыми, за ними угадывались огни жилища.

– Здесь, в этом благородном имении, я и служу, – сказала она. А затем добавила: – Поскольку вы изрядно уклонились от своего пути, добрый господин, не соизволите ли зайти и отдохнуть немного?

Ито согласился. Ему было интересно, что за благородное семейство избрало для своей резиденции столь уединенную деревушку. Он обрадовался, что его пригласили, поскольку мог удовлетворить свое любопытство. Он знал, что время от времени, в силу интриг и политических коллизий, знатные семейства удаляются от двора, и подумал, что одно из них поэтому и могло оказаться здесь. Пройдя через ворота, открытые юным существом, Ито вошел внутрь и очутился в большом необычном саду. Хотя все кругом тонуло в сумерках, он разглядел изысканный рукотворный пейзаж и причудливо текущий ручей.

– Соблаговолите обождать немного – я должна объявить о вашем прибытии, – произнесла спутница. И поспешила по направлению к дому.

Это был большой, просторный дом, возведенный на старинный манер, и архитектурные особенности красноречиво указывали на его возраст. Раздвижные двери были открыты, но внутреннее убранство скрывали занавеси из бамбука, да и свет фонарей внутри был приглушен. Тем не менее в доме угадывалось движение – скользили силуэты, судя по всему женские... Внезапно ночную тишину пронзили звуки музыки – играли на *кото*⁵⁷. Такой светлой и сладкой была эта музыка, что Ито даже не поверил своим чувствам. Томительное ощущение восторга охватило его – восхищение, странным образом смешанное с глубокой грустью. Он задумался: как женщина могла *так* играть – да и был ли исполнитель женщиной – и можно ли эту музыку назвать земной? Ему казалось, что очарование музыки покорило его, вошло в плоть, побежало по венам с кровью...

Но вот мелодия закончилась, и почти тотчас подле него возникла та же девушка мизукай и произнесла:

– Господин, вас приглашают войти.

Она подвела его к входу, где Ито снял сандалии, и пожилая женщина – как он предположил, родзё, или домоправительница, – вышла ему навстречу. Она провела его через множество апартаментов, ввела в большую, хорошо освещенную комнату в глубине дома и с поклонами

⁵⁷ *Кото* – старинный японский струнный музыкальный инструмент. В нем тринадцать струн, он несколько напоминает гусли.

попросила занять место для почетных гостей. Его удивило великолепное убранство помещения, в котором он оказался. В комнату вошли служанки, они принесли закуски. Ито обратил внимание, что посуда и приборы, выставленные перед ним, редкостной работы и, видимо, очень дорогие. Они явно принадлежали человеку высокого звания. Гость все больше удивлялся: кто же тот человек, что избрал для жизни столь уединенное и глухое место; что могло случиться, чтобы заставить желать такого уединения? Его размышления внезапно прервал вопрос, заданный пожилой служительницей:

– Я не ошибусь, если предположу, что вы – Ито-сама из Удзи? Ито Татэваки Норисукэ?

Ито поклонился в ответ. Он не говорил своего имени служанке мия-дзукай и потому очень удивился.

– Прошу вас, не сочтите мой вопрос грубостью, – продолжала между тем пожилая женщина. – В моем возрасте простительно задавать вопросы, которые в иных обстоятельствах и иных устах можно счесть бестактными. Когда вы вошли, лицо ваше показалось мне знакомым, и я спросила только затем, чтобы рассеять сомнения, прежде чем говорить о чем-либо другом. А у меня есть что вам сказать. Вы часто ходите через деревню. Однажды утром наша юная госпожа Химэгими-сама⁵⁸ случайно увидела вас, когда вы шли мимо. И с тех пор потеряла покой – день и ночь думает о вас. В самом деле, эти думы так измучили ее, что она заболела, и мы очень беспокоимся за ее здоровье. По этой причине я и сочла возможным спросить ваше имя и осведомиться о месте жительства. Я даже собиралась отправить вам письмо, когда – так неожиданно! – вы появились у наших дверей в сопровождении прислуги. Невозможно выразить, как я рада вас видеть, – такое везение не может быть правдой! На самом деле я думаю, что встреча эта определена *Энмусуби-но-Ками* – самым великим богом Идзумо, что составляет узы счастливых союзов. И вот теперь, когда сама судьба привела вас сюда, ответьте – нет ли с вашей стороны каких-либо препятствий, что помешали бы осуществить такой союз и осчастливить сердце нашей Химэгими-сама?

На мгновение Ито опешил и не знал, что ответить. Если эта женщина говорит правду, ему выпадает совершенно уникальная возможность. Только всепоглощающая страсть может толкнуть девушку из знатной семьи по собственной воле искать любви бедного самурая, у которого нет ни имущества, ни покровителя, да и вообще каких-либо перспектив в жизни. С другой стороны, неблагородно и недостойно мужчины пользоваться женской слабостью. Более того, сами обстоятельства происходящего тревожили своей таинственностью. К тому же его немало беспокоило, как он вообще сможет отклонить это так неожиданно прозвучавшее предложение. Помешкав, он отвечал:

– С моей стороны нет никаких преград, если я правильно понял, о чем вы говорите. У меня нет жены, я не помолвлен, меня не связывают отношения с какой-либо женщиной. Я живу с родителями, и они никогда не обсуждали мою женитьбу. Вы должны знать, что я бедный самурай и у меня нет покровителя. И у меня не было намерения размышлять о браке до тех пор, пока мне не представится шанс улучшить свое положение. Что касается прозвучавшего предложения – это большая честь для меня, но я знаю, что недостойн внимания девушки из благородного семейства.

Пожилая женщина улыбалась, слушая ответ. Похоже, ей нравились его слова. Она произнесла:

– До тех пор пока вы не увидите нашу Химэгими-сама, вам лучше не принимать никакого решения. Быть может, ваши сомнения исчезнут после того, как вы встретитесь. А теперь соблаговолите последовать за мной, поскольку я хочу представить вас.

⁵⁸ Почетный титул, не поддающийся адекватному переводу. Составлен из двух слов: *himé* (принцесса) и *kimi* (владелец, хозяин или хозяйка, господин или госпожа). (Примеч. авт.)

Она препроводила Ито в соседнюю, еще больших размеров гостиную, которая была празднично украшена. Женщина указала место, где ему надлежит находиться, – место было почетное. Она ненадолго оставила юношу одного. А потом вернулась в сопровождении Химэ-гими-сама, и, бросив первый взгляд на девушку, Ито вновь, как недавно в саду при звуках мелодии кото, почувствовал, что та же странная смесь восторга и чуда охватывает его. Даже в грезах он не мог представить, что в мире есть существо, наделенное *такой* красотой. Казалось, вспыхнул свет, едва она вошла в комнату. Лучи исходили от украшений, что были на ней, – подобные свету, что льет луна сквозь облака тумана. Она приближалась, ее волосы свободно ниспадали на плечи, колыхались в такт шагам и были подобны ветвям ивы, что трогает легкий ветерок, а уста ее были как цветы персика на утренней заре. Ито глубоко потрясло то, что он увидел. Он спросил себя: не лик ли это самой *Аmano-кавара-но-Ори-Химэ* – призрачной девы, что плывет по сияющей реке небес?

Улыбаясь, пожилая женщина повернулась к волшебному созданию – та молчала, опустив глаза долу, щеки ее пылали румянцем – и сказала:

– Видишь, дитя мое! В тот самый момент, когда мы почти потеряли надежду на встречу с этим человеком и уже отчаялись, он сам пришел к нам. Значит, такова воля богов – без нее тому не свершиться, – и потому я плачу от радости. – И действительно громко зарыдала. – Но теперь, – продолжала она, утирая слезы рукавом, – вам обоим остается только одно – к тому не нужно никакого принуждения и нет преград – отдать себя друг другу и насладиться свадебным пиром.

Ито не ответил ни слова: прекрасное видение, представшее перед ним, ввергло в ступор – сковало его волю и связало язык. В комнату вплыли девушки-служанки. Они несли блюда и напитки, их расставили на столах перед парой: свадебный пир начался и слова клятвы были произнесены. Тем не менее Ито словно пребывал в трансе: чудесное приключение, неземная красота невесты ошеломили и не отпускали его. Восторг такой, какого он никогда не знал прежде, переполнял его сердце, изгоняя все иное.

Но постепенно – видно, вино стало тому причиной – он начал приходить в себя, разговаривать. Слова его были адресованы невесте, но та сидела безмолвно, не поднимая глаз, и ответом ему были только тихий смех и румянец, вспыхивающий на ее щеках.

Тогда Ито обратился к пожилой женщине:

– Много раз в своих одиноких прогулках я проходил через деревню, не зная о том, что здесь находится сей благородный дом. И все то время, что я здесь нахожусь, не отпускает меня мысль: отчего для резиденции было избрано столь пустынное место... Теперь, когда Химэ-гими-сама и я обменялись клятвами, мне кажется странным, что до сих пор я не знаю имени ее благородного семейства.

При этих словах тень легла на лицо немолодой женщины, а невеста, все такая же безмолвная, вдруг побледнела, как будто ей причинили боль. Повисло молчание, но потом женщина сказала:

– Действительно, хранить секрет дальше нет смысла. Думаю, при любых обстоятельствах вы должны быть осведомлены о фактах, тем более теперь, когда стали одним из нас. Так знайте, господин Ито, что ваша невеста – дочь Сигэхира-Кё, великого и несчастного Сан-ми Тюдзё.

Услышав это имя – Сигэхира-Кё, Сан-ми Тюдзё, – юный самурай задрожал, и лед сковал кровь в его жилах. Сигэхира-Кё, великий полководец и государственный деятель из клана Хэйкэ, давно умер и превратился в прах. Ито неожиданно отчетливо понял, что все вокруг него – и богатые палаты, и огни, и пир – все это видения далекого прошлого и те, кто сейчас вокруг него, – не живые люди, а тени давно умерших.

Но через мгновение лед, его сковавший, вдруг растаял. Очарование вновь накрыло юношу; более того, казалось, оно сгустилось еще сильнее, и страха не стало. Хотя невеста и явилась к нему из царства Ёми – из Долины желтых родников смерти, – в его сердце жила

радость. Кто сочетался браком с призраком, и сам должен стать призраком, он знал это и готов был умереть, и не раз, но многократно, лишь бы не причинить и малой боли – словом и даже мыслью – прекрасному видению, что зрят его глаза. Он любил и понял, что и его любят, – ему сказали правду. Только из нелюбви рождается неправда; обман царствует там, где нет любви. Эти эмоции и мысли вихрем промелькнули в его сознании и только утвердили в решимости принять ту ситуацию, в которой он оказался, – он должен действовать так, как действовал бы тогда, когда его избрала дочь – *живая дочь* – славного Сигэхиры.

– Ах, как жаль, – отвечал он, – мне ведома злосчастная судьба великого князя Сигэхиры.

– О да, – вторила ему женщина, всхлипывая. – Судьба его воистину была несчастной. Лошадь под ним была убита злодейски пущенной стрелой и пала. Ему нужна была помощь, а те, кто кормился его милостями, предали и покинули князя. Его схватили и отвезли в город Камакура, где жестоко пытали, а затем убили. Его жена и дитя – эта чудная девочка – принуждены были скрываться, потому что повсюду рыскали враги, искали выживших Хэйкэ, находили их и убивали. Когда вести о смерти господина Сигэхиры достигли нас, так велика была боль, что супруга не смогла ее перенести, и девочка осиротела. У нее не осталось никого, кроме меня, – все кровные родственники погибли или скрылись. А девочке было всего лишь пять лет! Я была ее кормилицей и делала для нее все, что было в моих силах. Год за годом мы скитались, перебираясь с места на место, одетые в рубища нищих странников... Но эта горькая повесть не ко времени! – воскликнула женщина, вытирая слезы. – Простите глупое сердце старухи, что не может забыть о прошлом. Но – смотрите! Маленькая девочка, которую я пестовала, превратилась теперь в красавицу Химэгими-сама! Мы живем в счастливые времена доброго императора Такакуры⁵⁹, и судьба милостива к ней! Она обрела мужа, которого пожелала, а это величайшее счастье... Но час уже поздний. Опочивальня приготовлена, и мне следует оставить вас наедине до утра.

Она поднялась и раздвинула ширмы, что отделяли гостинный зал от прилегающей к нему спальни, а потом проводила их туда. Затем со словами радости и поздравлениями она удалилась, а Ито остался наедине со своей молодой женой.

Тогда он спросил:

– Скажите мне, моя любимая, когда же вы впервые пожелали, чтобы я стал вашим мужем?

Все кругом было так осязаемо и реально, что мысль об иллюзорности происходящего теперь и не приходила ему в голову.

Она отвечала голосом нежным, подобным воркованию голубки:

– Муж мой и повелитель, в первый раз я увидела вас в замке Исияма, где однажды мы очутились с моей кормилицей. И с этого мгновения мой мир изменился сразу и навсегда. Вы об этом не помните, потому что встреча наша случилась не в этой жизни, а много-много жизней назад. С тех пор минуло много смертей и рождений, сменилось множество телесных оболочек. Но я с тех пор осталась прежней, ничуть не изменившись: другого тела я не обрела и не имела перевоплощений, потому что так велика и безгранична была моя любовь к вам. Мой дорогой повелитель, мой муж, я ждала вас много столетий.

Эти странные слова не поселили в Ито страха – в этой жизни и в жизнях иных он теперь не желал ничего больше, чем слушать ее ласковый голос и держать в руках ее руки.

...Но раздался звук колокола – это в недалеком храме звонили, возвещая о скором наступлении утра. И начали щебетать птицы, и под утренним бризом зашептали деревья... Старая кормилица раздвинула ширмы опочивальни и сказала:

⁵⁹ Император Такакура (яп. ##### Такакура-тэнно; 1161–1180) – император Японии и синтоистский святой, правил с 1168 по 1180 г.

– Дети мои, настало время расстаться. При свете дня вам не суждено быть вместе – солнечный свет будет для вас иметь катастрофические последствия. Вы должны сказать друг другу до свидания.

Не говоря ни слова, Ито подчинился. Он смутно понимал смысл предупреждения, но полностью отдал себя в руки судьбы и был готов на все – только бы порадовать свою призрачную невесту.

Химэгими-сама вложила ему в руки небольшой *судзури* – чернильный камень, украшенный причудливой резьбой, и сказала:

– Мой юный повелитель и супруг – человек ученый, потому не станет пренебрегать этим маленьким даром. Предмет необычен, для этого времени даже странен, но лишь потому, что он очень стар. В свое время император Такакура милостиво одарил им моего отца. По этой причине я считаю судзури ценной вещью.

В ответ Ито попросил свою супругу принять в дар накладки с ножен своего меча. Они были украшены вставками очень тонкой работы из серебра и золота. На них были изображены соловьи среди цветов сливы.

Затем та же девушка мия-дзукай пришла, чтобы проводить Ито через сад. Юная супруга и ее кормилица сопроводили его до порога.

Он уже было хотел прощаться, когда старая женщина сказала:

– Мы встретимся снова в год Кабана – в тот же самый час, в тот же день и месяц, когда вы пришли сюда. Сейчас год Тигра, следовательно, вам придется ждать десять лет. Но по причине, которую я не могу вам открыть, мы не сможем встретиться в этом месте – мы отправляемся в окрестности Киото, где находится добрый император Такакура и обитают наши родители и люди нашего клана. Все Хэйкэ соберутся, когда вы придете. В назначенный день мы пришем за вами специальный паланкин.

Над деревенскими домами еще догорали звезды, когда Ито миновал ворота, но когда вышел на дорогу, то увидел, что рассвет уже пламенеет и солнце встает над затихшими полями. К груди он прижимал дар своей нареченной. Очарование ее голоса все еще переполняло его... Тем не менее, если бы он не помнил, как ее пальчики сжимали его руки, он бы мог подумать, что все пережитое – всего лишь сон и его жизнь по прежнему принадлежит только ему самому. Но то, что случилось, – то, на что он обрек себя, – не вызывало и тени сожаления: его тревожили только боль разлуки и мысль о том, сколько времени пройдет, прежде чем они смогут соединиться вновь. Десять лет! И каждый год будет таким долгим! Почему он должен так долго ждать? Он даже не надеялся разрешить эту загадку, ибо тайные пути мертвых ведомы только богам – и никому больше.

Теперь он часто, верша свои одинокие прогулки, навещал деревню, смутно надеясь хоть как-то коснуться того, что минуло. Но никогда – ночью или днем – не удавалось ему увидеть те решетчатые ворота, разыскать ту тенистую аллею, что вела к старинному дому, и никогда больше – даже издали – не случалось разглядеть фигурку маленькой мия-дзукай, что одиноко идет на закате.

Деревенские жители, которым он задавал вопросы, сочли его сумасшедшим. Они утверждали, что никогда никакие благородные семейства не жили в деревне. Да и не только здесь, но и нигде в округе не видывали такого сада, что он описывал. Лишь однажды кто-то сказал Ито, что на месте, о котором он говорит, некогда стоял большой буддийский храм. Но его давно нет – есть только заброшенное кладбище, что располагалось подле. Ито разыскал его: теперь там были густые заросли. Но он смог обнаружить несколько надгробий. Они густо поросли мхом и лишайником, надписи давно стерлись, и ничего разобрать было невозможно.

Ито никому не рассказывал о своем приключении. Но знакомые и родственники заметили, что в его обличье и поведении происходят разительные перемены. День ото дня он бледнел и худел, хотя лекари, которых приглашали к нему, в один голос заявляли, что никаких

болезней у него нет. Тем не менее он теперь выглядел как призрак и двигался как привидение. Юноша и прежде был задумчив и нелюдим, но сейчас стал равнодушен к тем занятиям, что тешили его прежде, – даже сочинительство, от которого получал удовольствие, совсем забросил. На расспросы обеспокоенной матери, считавшей, что его излечит женитьба, сын неизменно отвечал, что дал обет не жениться. И месяцы длились долгой чередой.

Наконец наступил год Кабана и пришла осень. Ито давно оставил одинокие прогулки, что так любил совершать прежде. У него не было сил даже встать с постели. Жизнь оставляла его, хотя никто не мог назвать причину. И он заснул – заснул так надолго и так глубок был его сон, что его можно было принять за смерть.

Но Ито еще не умер – он спал. Однако сон был прерван: однажды тихим вечером юношу разбудил знакомый голос, и у своего ложа он увидел девушку мия-дзукай – ту самую, что десять лет назад ввела его в волшебный сад. Она поздоровалась с ним, рассмеялась и сказала:

– Мне поручили передать, что ближе к ночи вам надлежит быть в Охаре, возле Киото. Сейчас там наш новый дом, и паланкин уже послан за вами.

С этими словами она исчезла.

Ито понял, что настало время и его призывают в царство мертвых. Но это сообщение так его обрадовало, что он нашел в себе силы подняться и позвал мать. Когда она пришла, он впервые рассказал ей историю о том, что с ним приключилось, и о своей невесте. Он показал тот самый чернильный камень, что она подарила ему, и попросил, чтобы его положили к нему в могилу. И умер.

Усопшего похоронили вместе с камнем. Но еще до церемонии погребения тот осмотрели эксперты. Они пришли к выводу, что резьба выполнена во второй половине XII века. Обнаружили и клеймо резчика в виде чайки. Известно, что мастер творил во время правления императора Такакуры.

Истории о китайских призраках

Из сборника «Some Chinese Ghosts», 1887

Предисловие

Полагаю, читатель извинит автора за небольшой объем настоящего сборника⁶⁰. Причиной тому – сама природа этих историй. Подготавливая их к публикации, я специально сосредоточился на легендах, обладающих «красотой нездешней». Составляя его, я не забывал о поразительно точных наблюдениях сэра Вальтера Скотта, озвученных им в эссе «О подражаниях старинным балладам» (1830). Он писал: «Хотя сверхъестественное не только весьма привлекательно для эмоционального воздействия, но имеет и давнюю традицию, глубоко укоренившуюся в человеческой натуре, тем не менее ее можно уподобить пружине, которая теряет упругость, если сжать ее слишком сильно».

Тем, кто хотел бы более адекватного и глубокого представления о китайской литературе, следует прежде всего познакомиться с работами выдающихся ученых, таких как Жульен, Пави, Ремюз, Де Розни, Шлегель и многих других синологов. Разумеется, этим исследователям и принадлежит честь открытия царства китайской истории и культуры; но и скромному путешественнику, что вслед за ними выходит на необозримые просторы таинственных садов Китая, позволено будет сорвать несколько распустившихся цветов – светящийся во тьме *хуа ван*, черную лилию, а может быть, и удивительную фосфоресцирующую розу или две – как память о незабываемом путешествии.

Л. Х.

Новый Орлеан, 15 марта 1886 г.

⁶⁰ Объем сборника Л. Хирна действительно невелик. Он составляет около 20 000 слов. (Примеч. перев.)

Душа Великого колокола

*И ею было сказано так мало,
Но для него ее слова звучат не умолкая.*

Хаоцю чжунань

Водяные часы на башне Великого колокола в *Дачжун* отмерили час: молот уже занесен – мгновение, и он ударит в край металлической громадины – туда, где широкой лентой нанесены слова сакральных буддийских текстов *Фахуа цзин* из главы священной книги *Линьянь цзин*! Слушайте голос Великого колокола! Он безъязык, но как могуч его глас! *КЭ-ГАЙ!* Вот он прозвучал, и маленькие драконы до самых кончиков своих позолоченных хвостов вздрогнули на высоко загнутых скатах зеленых крыш от густой волны звука; фарфоровые горгульи затрепетали на своих резных насестах; сотни маленьких колокольчиков на пагодах задрожали и вот-вот начнут вторить. *КЭ-ГАЙ!* – и задрожала зеленая черепица на крышах храма, а деревянная золотая рыбка, кажется, взметнулась в небо; покачнулся воздетый к небу палец статуи Будды; дрогнули дымные столбики благовоний над головами возносящих молитвы... *КЭ-ГАЙ!* – его голос подобен грому! От него все раззолоченные демоны на карнизах дворца разом вывалили красные языки – будто выдохнули сгустки пламени. И каждый удар колокола порождает многогласное эхо, а когда оно затихало, отчетливо был слышен финальный отзвук – легкий, серебристый, горестный, словно нежный женский голос вдруг издавал испуганное и протяжное «а-а-ай!».

Пять столетий разносятся окрест эти звуки – могучее *КЭ-ГАЙ!* и неизменное вторящее ему девичье серебристое «а-а-ай!». Любой ребенок на запутанных улицах старого города знает историю Великого колокола; каждый может рассказать, почему колокол говорит *КЭ-ГАЙ!* и отчего ему вторит «а-а-ай!».

Теперь и вы послушайте историю Великого колокола в Дачжунсы – так, как она записана в книге *Босяоду шунь*, мудрого Юй Баочжэня из города Гуанчжоу.

Почти пять столетий назад, во времена династии Мин, августейший император Юн Лэ повелел своему приближенному Гуань Юю изготовить колокол такого размера, чтобы его звук был слышен на сотню ли⁶¹ в округе. К тому же он повелел, чтобы колокол был отлит из звонкой бронзы, а для глубины звука было добавлено золото и был еще слышен серебряный отзвук. Поверхность колокола и его обод должны украшать священные сутры из сакральных книг, а сам он должен быть помещен в центре столицы великого государства, чтобы глас его мог проникать во все уголки Пекина.

Дабы исполнить повеление владыки, Гуань Юй собрал мастеров колокольного дела и искусных кузнецов со всех концов империи. Все это были великие знатоки своего ремесла, и они с усердием принялись за работу. Рассчитали и подготовили необходимое количество нужных металлов для сплава, изготовили литейную форму, выстроили горн, запасли топливо, нужные инструменты, соорудили огромный плавильный котел. Они трудились не покладая рук как одержимые, отказывая себе во сне, в отдыхе, нормальной жизни; работали дни и ночи, направляемые волей Гуань Юя, самоотверженно исполнявшего повеление Сына Неба.

⁶¹ *Ли* (кит. #, lǐ) – китайская единица измерения расстояния, составляет примерно 500 м.

Однако, когда процесс был завершен и махину освободили от опоки, оказалось, что, несмотря на все усилия и великое тщание, результат плачевен, поскольку металлы не захотели соединяться друг с другом: золото воспротивилось союзу с бронзой, а серебро отказалось смешиваться с железом. Потому пришлось готовить все заново, раздуть горн и вновь плавить металл. Доложили императору. Сын Неба был недоволен, но ничего не сказал.

Колокол был отлит во второй раз, но результат оказался еще хуже. Металлы по-прежнему не хотели сливаться в единый сплав и даже не заполнили предназначенную форму, тело колокола покрывали глубокие трещины, обод крошился, края были неровными. Стало понятно, что работу придется повторить уже в третий раз, и это вселило в Гуань Юя великую тревогу и уныние. Чувства эти не были безосновательными. Когда до августейшего императора дошли вести об очередной неудаче, он отправил к мандарину⁶² своего посланца, а с ним письмо, начертанное на шелке лимонно-желтого цвета, скрепленное печатью с изображением дракона. Среди прочих были там и такие слова: «...Дважды ты не оправдал доверия, которым мы тебя милостиво облекли. Если ты и в третий раз не сумеешь исполнить наше повеление, то придется твоей голове расстаться с ее собственной шеей. Трепещи и повинуйся!»

Здесь уместно сказать, что у Гуань Юя была дочь по имени Кэ Гай – девушка редкостной красоты. Потому в ее честь поэты наперебой слагали прекрасные строки. Но душа ее была еще прекраснее, чем лик. Она так глубоко любила отца, что не хотела никогда оставлять его и отказывала всем, кто домогался ее руки. Потому ничего удивительного не было, когда она, обнаружив послание на желтом шелке с драконьей печатью, так испугалась за отца, что лишилась чувств. Придя в себя, Кэ Гай не могла уже думать ни о чем ином, а только об опасности, нависшей над самым дорогим ей существом. Она раздобыла денег, тайком продав свои украшения, и отправилась к астрологу. Все деньги Кэ Гай отдала ему (а это была немалая сумма!) в надежде, что тот подскажет, как уберечь родителя от гнева императора.

Астролог долго изучал созвездия, вычерчивал гороскопы, справлялся по тайным книгам, что обычно используют люди его профессии, и в конце концов ответил:

«Золото и бронза никогда не сочетаются браком, а серебро и железо не сольются в единое целое до тех пор, пока плоть юной девы не падет в плавильный тигель и сплав не насытится кровью юной девственницы. Только тогда они смогут соединиться».

Кэ Гай вернулась домой с печалью в сердце, но сохранила в секрете от всех то, что услышала от астролога.

Наконец настал день третьей, и последней, попытки отлить Великий колокол. Кэ Гай вместе со служанкой сопровождала отца на литейный двор. Вокруг двора располагалась открытая галерея, с которой можно было наблюдать за происходящим. Внизу трудились мастера-литейщики, кипел металл в тигле. Все трудились молча – не раздавалось ни звука, только ровно гудел огонь да бормотал что-то плавящийся металл. Но вот бормотание усилилось, постепенно превращаясь в рев – подобно тому нарастает, приближаясь, тайфун. Кроваво-красное озеро металла вдруг изменило цвет, окрасившись киноварью, как при восходе солнца, а затем превратилось в сиянии золота, потом побелело и превратилось в серебряный лик луны. И в этот момент рабочие остановили мехи и прекратили раздувать пламя. Все они как по команде остановились и посмотрели на Гуань Юя, ожидая сигнала. А тот уже приготовился подать знак начать отливку.

Но едва он поднял руку, чтобы дать сигнал, как крик разорвал тишину и заставил его обернуться на голос – то был голос Кэ Гай, звонкий и ясный, подобный птичьей трели:

⁶² *Мандарин* (порт. *mandarim* – министр, чиновник, от санскр. *мантрин* – советник) – данное португальцами название чиновников в имперском Китае. Вошло в русский и другие языки как обозначение высокопоставленного китайского чиновника.

– Ради тебя, мой отец!

И крик еще не стих, когда она прыгнула прямо в белое озеро расплавленного металла. Раскаленная лава в котле взревела, заполучив ее, брызги металла взметнулись вверх до самой крыши, посыпались искры, по двору пронесся глухой глубокий рокот, а потом все стихло.

Обезумевший от горя отец ринулся прыгнуть вслед за нею, но люди, что были рядом, схватили и держали его, пока он бился в их руках. Затем он лишился чувств, и его отнесли домой. Служанка Кэ Гай, скованная болью и горем, так и стояла перед печью, сжимая в руке изящный башмачок своей госпожи – с вышивкой из жемчуга и цветов. В последний момент она пыталась удержать и поймать Кэ Гай на лету, но успела только ухватить ее башмачок и теперь, застыв, смотрела на него, не в силах осознать произошедшее.

Однако, несмотря на случившееся, волю властителя Поднебесной исполнить было необходимо, и мастера закончили свою работу, хотя совсем не надеялись на ее успех. К их удивлению, сплав удался – отливка получилась изумительно чистой, на теле колокола не было ни единой трещины или каверны. Ни следа прекрасной Кэ Гай, разумеется, не осталось.

Когда металл остыл, оказалось, что колокол получился на славу: и формой, и цветом он далеко превосходил те колокола, что отливали прежде. Тело Кэ Гай растворилось в металле без следа, смешавшись с бронзой и золотом, соединившись с серебром и железом. И когда мастера испробовали его голос, то оказалось, что он глубже, мощнее и чище, нежели у любого из известных им колоколов, а звук его разносится даже дальше чем на сто ли. Словно летний гром, он летит над землей, и в его раскатах отчетливо слышно повторяющееся раз за разом имя прекрасной девушки – Кэ Гай!

Но есть в его голосе одна особенность: когда звук начинает затихать, громовой раскат переходит в долгий низкий стон и оканчивается горестным всхлипом – будто тяжело вздыхает женщина, уставшая плакать: «Хайай!» И тогда все китайские матери на всех многоцветных пекинских улицах шепчут своим малышам: «Послушай! Это Кэ Гай плачет о своем башмачке! Это Кэ Гай просит, чтобы ей вернули ее туфельку!»

История Мин Ю

В одной из песен древнего поэта Цзин Гоу есть такие слова: «И над могилой Се Чжао, конечно, благоухают цветы персика...»

Вы меня спросите: «А кто она, эта красавица Се Чжао?». Я отвечу. Вот уже тысячу лет, а то и больше, шелестит листва деревьев, склонившихся над ее усыпальницей. И отзвук ее имени неизменно звучит в их шепоте, слышится в порывах ветра, колышущих ветви, мнится в игре теней и света, ощутим во вкусе диких цветов – сладких, как аромат женщины. Но хотя деревья и шепчут ее имя, кто, кроме них, знает его? Кто поймет, о ком они толкуют? Ведь только они и помнят о годах Се Чжао. Конечно, кое-что о ней, любезный читатель, ты можешь услышать из уст уличных сказителей, что за несколько медяков поведают тебе легенды прошлого. Кое-что ты сможешь почерпнуть и из книги под названием *Цзянкоудзинь*, что в переводе с китайского означает «Чудесные истории из времен давних и недавних». История о Се Чжао, безусловно, одна из лучших в этой книге.

Итак, пять столетий назад, во времена правления императора Хун У из династии Мин, в городе Гуанчжоу жил один человек по имени Тянь Пелюу. Был он известен своей ученостью и праведной жизнью. У него был сын. Его звали Мин Ю. Это был весьма образованный юноша, очень воспитанный и с прекрасными манерами.

И вот, когда ему сравнялось восемнадцать, отца назначили инспектором общественных учреждений в городе Цзинду. Разумеется, Тянь Пелюу должен был туда переехать, и сын последовал за ним.

Неподалеку от этого города жил человек по имени Чжан. Он был богат и занимал высокий государственный пост. Так случилось, что в то время он подыскивал достойного учителя для своих детей. Прослышав о том, что в город прибыл новый инспектор общественных учреждений, господин Чжан навестил его в надежде на добрый совет по этому поводу, и встретил там юного Мин Ю. Пообщавшись с юношей, он немедленно предложил ему стать наставником своих отпрысков.

Поскольку дом господина Чжана находился в нескольких милях от города, было решено, что Мин Ю станет жить у него. Юноше собрали все необходимое, родители благословили его и напутствовали словами из Лао-цзы⁶³:

– «Любовь наполняет мир красивыми лицами, но небеса решают по-своему. Если тебе случится увидеть женщину, идущую с востока, обрати свой взор на запад; если увидишь девушку, что приближается с запада, направь свои глаза на восток».

Если Мин Ю не последовал данному совету через некоторое время, то только потому, что был молод и неискушен.

Итак, он расстался с родителями и перебрался в дом господина Чжана, где провел осень и зиму.

Сын скучал по родителям. Но вот наступил второй месяц весны, когда в Китае празднуют *Хуачжао* – праздник Ста цветов, – и тоска стала совершенно невыносимой. Мин Ю открыл свое сердце господину Чжану и попросил отпустить его навестить отца и мать. Чжан не только разрешил поехать, но и вручил небольшой подарок – дал две унции серебра, чтобы юноша мог купить гостинцы: такова традиция – на праздник Хуачжао принято одаривать родных и близких.

⁶³ Лао-цзы – древнекитайский философ.

День, когда Мин Ю пустился в путь, был погожим, а воздух, пропитанный ароматами цветов, неподвижным; только пчелы гудели и сновали по своим делам. Юноша бодро шел по тропинке, которая показалась ему совсем нехоженой – настолько высокой и густой травой она поросла. По сторонам высились огромные деревья. Их могучие замшелые ветви смыкались над ним, укрывая густой тенью. Где-то в листве щебетали птицы, повсюду был разлит благородный запах, словно поблизости был храм, где курились благовония. Радостная беспечность весеннего дня передалась юноше, и ему совсем не хотелось спешить: он сел на обочину, прямо среди цветов, запрокинул голову к бездонному синему небу, впитывая солнечный свет и наслаждаясь благодатной тишиной.

Но едва он отдался на волю стихий, как некий посторонний звук заставил его повернуть голову: в затененных зарослях, где цвел дикий персик, он заметил девушку, несказанно прекрасную. Хотя он видел ее только мгновение – она сразу скрылась из виду, – Мин Ю поразила небесная красота ее лица, безупречная чистота кожи и свет ее глаз, что сияли из-под совершенных бровей, подобных крыльям бабочки-шелкопряда. Но Мин Ю поспешно отвел взгляд, быстро поднялся и продолжил свой путь.

Поскольку юноша был совершенно ошарашен внезапным видением прекрасной незнакомки, то не заметил, как серебро, что держал в рукаве, упало на траву, когда он поспешно ретировался.

Но несколько минут спустя, когда молодой человек уже довольно далеко отошел от места внезапной встречи, он вдруг услышал за спиной звук торопливых шагов, а затем и женский голос, окликнувший его по имени. Весьма удивленный, он обернулся и увидел девушку-служанку, которая сказала:

– Господин! Моя хозяйка наказала мне догнать вас и вернуть серебро, что вы обронили по дороге.

Мин Ю вежливо поблагодарил девушку и попросил передать глубокую благодарность госпоже, а затем продолжил свой путь в душистой тишине, по тенистой заросшей тропинке, грезя о прекрасном видении и ощущая, как от этих мыслей сильнее бьется его сердце.

Буквально на следующий день той же дорогой юноша возвращался обратно. Дойдя до места, где видел прекрасную незнакомку, он остановился и принялся озираться кругом. Взгляд его скользил по зарослям, и вдруг, к своему удивлению, в прогалине ветвей он разглядел дом – это было небольшое, можно сказать, простое, но очень опрятное и весьма элегантно-строение. Его венчала крытая голубой черепицей причудливо изогнутая крыша. Она возвышалась над деревьями и, казалось, сливалась с лазоревым небом, а золотые и зеленые резные украшения террасы будто насмешливо вторили игре листвы и цветов в солнечном свете. Вход на террасу охраняли две большие фарфоровые черепахи. А на террасе... стояла сама хозяйка – воплощение его грез – и рядом давешняя девушка-служанка, та самая, которая должна была передать слова благодарности своей госпоже. Мин Ю понял, что и они не только увидели его, но, судя по всему, теперь смеются и говорят о нем. Хотя он был весьма смущен этим обстоятельством, тем не менее нашел силы поприветствовать красавицу. К его удивлению, служанка дала ему знак приблизиться; со смешанным чувством удивления и робкой радости юноша одолел заросли, открыл увитую плющом калитку и оказался на тенистой аллее, ведущей к террасе. Когда он подошел, красавицы там уже не было, но горничная встречала его, стоя на широких ступенях. Она сказала:

– Господин! Моя хозяйка догадывается, что вы хотите поблагодарить ее за ту пустячную услугу, что обусловила нашу недавнюю встречу, и приглашает вас войти в дом. Она уже слышала о вас и теперь хочет поприветствовать вас лично.

Несмело Мин Ю вошел внутрь. Звук шагов поглощали циновки, которые устилали полы, они были мягкими, как лесной мох. Он оказался в большой комнате. Та, видимо, служила

приемной. В ней царила прохлада, а воздух казался напоенным ароматами только что собранных цветов. Все кругом было пронизано тишиной. Окна прикрывали бамбуковые занавеси. Сквозь них пробивались косые лучи света, которые то и дело пересекали беззвучно-стремительные тени птиц. Каким-то чудесным образом в дом проникали огромные ярко окрашенные бабочки: они грациозно порхали от одной вазы к другой и загадочным путем исчезали. Так же бесшумно – из боковой двери – вошла в комнату и молодая госпожа. Она любезно приветствовала гостя. В ответ Мин Ю прижал руки к груди и низко поклонился. Она оказалась выше, чем он представлял себе. Удивительно стройная и гибкая, она немедленно напомнила ему прекрасную черную лилию. Ее дивные длинные волосы были украшены цветами, а одежда из бледно-палевого шелка причудливо переливалась, меняя цвет при каждом движении.

– Если я не ошибаюсь, – произнесла хозяйка после того, как они обменялись подобающими случаю формальными приветствиями и присели друг против друга, – мой дорогой гость не кто иной, как уважаемый Тянь Чу, известный под именем Мин Ю, учитель детей моего родича, высокородного господина Чжана. Поскольку благородный Чжан – мой близкий родственник, не вижу оснований не принять наставника его отпрысков так, как полагается.

– Госпожа, – отвечал изрядно удивленный ее словами Мин Ю, – могу ли я поинтересоваться вашим именем, а также узнать, в каком родстве вы состоите с моим досточтимым патроном?

Прекрасная дама отвечала:

– По рождению я принадлежу к старинному роду Пин из города Цзинду. Я – дочь славного Се Моу-хао. Соответственно, меня и зовут Се. Я была замужем за молодым человеком из семейства Чжан. Через этот брак я породнилась с вашим замечательным хозяином. Увы, муж мой умер вскоре после нашей свадьбы. Чтобы скрасить свой вдовий век, я выбрала это уединенное место – здесь я живу.

Звук ее мелодичного голоса был подобен журчанию ручейка весенней порой – ничего прекрасней Мин Ю не доводилось слышать прежде. Но госпожа Се была вдовой, а обычай предписывает, чтобы не компрометировать женщину, не задерживаться в ее доме надолго, если нет к тому серьезного формального повода. Поэтому, выпив обязательную в таких случаях чашку (удивительно ароматного) чая, Мин Ю поспешил подняться, чтобы откланяться. Но прекрасная Се не разрешила ему уйти так скоро.

– О нет, друг мой, – сказала она, – побудьте еще в моем доме, прошу вас. Если мой родственник узнает, что вы заглянули ко мне, а я уделила дорогому гостю столь мало внимания, возможно, он очень рассердится. Оставайтесь хотя бы на ужин.

И Мин Ю остался. Душа его трепетала от счастья: прекрасней создания он никогда не встречал и полагал, что красивее Се никого не может быть на свете. В тот момент он любил ее, возможно, даже больше, чем собственных отца и мать. Пока они разговаривали, длинные вечерние тени превратились в густой фиолетовый сумрак, погас лимонный свет заката, на ночном небе высветились созвездия, что бесстрастным холодным взором с небес севера следят за тщетой живых и делами мертвых. Между тем в доме Се засветили фонари, накрыли стол для вечерней трапезы, и Мин Ю занял за ним место. Но еда мало занимала его, поскольку он не мог думать ни о чем ином, кроме чудесного лика той, которая сидела перед ним. Заметив, что гость почти ничего не ест, Се принудила его выпить вина, и они испили несколько чаш вместе. Вино было подано красное и густое, настолько холодное, что сосуды, в которые его наливали, немедленно покрывались испариной. Но согревало оно отменно, и юноше казалось, что огонь растекается по его жилам. Мин Ю пьянел, и казалось, что все кругом волшебным образом преображается: предметы обстановки вдруг начинают излучать свет, раздвигаются стены, потолок становится выше, лампы сияют, как звезды, а голос госпожи Се окутывает, вливаясь в уши как чарующая мелодия ночи. Сердце его таяло, развязался язык, и слова, что теперь срывались с губ, он, конечно, никогда не осмеливался произнести прежде. А прекрасная гос-

пожа Се вовсе не была расположена как-то одергивать его. И хотя на губах не было улыбки, ее большие ясные глаза светились удовольствием от его речей, а страстные взоры не оставались без нежного ответа.

– Я наслышана о ваших редкостных талантах и достоинствах, – сказала Се. – Хотя я и не получила музыкального образования, но немного пою; поскольку мне выпала удача встретить настоящего профессионала, отброшу скромность и обращусь к вам с просьбой: не будете ли столь снисходительны и не споете ли со мной несколько песенок? Буду совершенно счастлива, если вы пойдете мне навстречу и дадите оценку моим музыкальным способностям.

– Почту за великую честь, – отвечал Мин Ю. – Я с огромным удовольствием сделаю это. Даже не знаю, как отблагодарить вас за то бесконечное доверие, что вы мне оказываете. Неужели я его заслуживаю?

Госпожа Се ударила в маленький серебряный гонг, на ее зов явилась служанка, принесла ноты и удалилась. Мин Ю взял свитки, развернул и принялся изучать. Уже самый вид их привел его в восторг. Бумага, на которой были начертаны иероглифы, была изысканно тонкой, бледно-желтого оттенка, а сами иероглифы выписаны в старинной манере – причудливой, воздушной, похожей на вязь паутины. Мин Ю даже подумал, как это похоже на кисть самого Хэйсун Чжэчу – божественного гения каллиграфии! Да кто иной мог начертать такие нити – разве что лапки священного насекомого? И настоящее благоговение вызвали подписи под манускриптами: там значились имена великих Юань Цзиня, Гао Бяня и Чжу Му – легендарных поэтов и музыкантов далекой эпохи Тан!⁶⁴ Мин Ю даже не пытался сдержать возглас восторга, слетевший с его уст, – настолько драгоценным и уникальным было то, что он видел. С трудом верилось, что в руках его такие сокровища:

– О госпожа! – вскричал он. – Этим манускриптам нет цены; место им – в сокровищнице императоров! Это же подлинные автографы великих мастеров, чьи голоса звучали за пять столетий до нашего рождения! Как прекрасно они сохранились! Это те самые знаменитые чернила, о которых писано: «Столетия мінут, я сохранюсь, словно камень, и знаки, что начертаны мной, будут сиять, словно лак!» А как божественно вот это сочинение – песня Гао Бяня, короля поэтов и мудрейшего из правителей... Ведь пятьсот лет назад он управлял провинцией Сычуань!

– Ах, Гао Бянь! Милый Гао Бянь! – прошептала госпожа Се, и глаза ее на миг затуманились. Но это длилось лишь мгновение, и она продолжала: – Гао Бянь и мой любимый поэт. Дорогой Мин Ю, давайте споем его песню вместе – эти чудные древние стихи, эту мелодию из славных и великих лет, когда люди были благороднее и мудрее, чем ныне.

И голоса их выплеснулись в благоуханную ночь, как голоса удивительных птиц, сливаясь в чудесную мелодию. Мин Ю был совершенно околдован голосом своей очаровательной партнерши, их голоса соединились в невыразимом экстазе, казалось, душа его воспарила в горние выси, и по щекам текли слезы восторга.

Уж минул девятый вечерний час, когда наступает пора отходить ко сну, а они все продолжали беседу, пили холодное густое красное вино, пели песни далекой эпохи Тан, и так продолжалось до глубокой ночи. Не раз Мин Ю думал о том, что пора ему уйти, но каждый раз его останавливала прекрасная Се: своим удивительно мелодичным голосом она то начинала рассказывать историю о великих поэтах прошлого, то повествовала о женщинах, которых они любили, то пела ему песню – такую прекрасную, что он не мог думать ни о чем ином и не мог подняться. Но вот наконец случилась пауза – Се подлила вина в чашу, и Мин Ю не смог больше сдерживать себя: он наклонился к ней, нежно обнял и поцеловал в губы. Они были

⁶⁴ Династия Тан правила Китаем с начала VII по начало X в. н. э. (618–907). Эпоха династии Тан считается в Китае периодом наивысшего могущества страны. В эти столетия Китай опережал современные страны мира в своем развитии, это был период расцвета литературы, науки и искусств.

слаще и пьянее вина. И теперь поцелуи их уже не прерывались – ночь длилась, но времени они не замечали.

Птицы уже давно проснулись, раскрылись навстречу заре цветы, когда Мин Ю наконец-то нашел силы расстаться со своей прекрасной возлюбленной. Се проводила его до террасы, нежно поцеловала и сказала:

– Милый мальчик, приходи ко мне, как только сможешь – как только сердце твое шепнет тебе. Знаю, ты не из тех, кто умеет хранить секреты, для этого ты слишком чист и искренен. К тому же ты молод, а молодость очень часто беспечна. Потому умоляю тебя – никогда не забывай: только звезды и могут быть свидетелями нашей любви. Никому не говори о ней, любимый!.. А еще хочу подарить тебе маленький подарок – на память об этой счастливой ночи...

С этими словами она протянула искусно вырезанную из камня, единственную в своем роде вещицу: то было пресс-папье в форме спящего льва, изготовленное из переливающегося всеми цветами радуги драгоценного нефрита. Юноша с нежностью поцеловал подарок, а затем и прекрасную руку, что держала его.

– Пусть меня покарают духи, – поклялся он, – если у тебя когда-нибудь появится повод упрекнуть меня, любимая!

Так, обменявшись взаимными клятвами, они и расстались.

Тем же утром, вернувшись в дом господина Чжан, Мин Ю впервые в жизни солгал. Он сказал, что мать попросила его отныне ночевать дома, тем более что и погода теперь этому благоприятствует, а поскольку путь его далек, это будет для него полезно и укрепит здоровье – свежий воздух пойдет на пользу. Господин Чжан, разумеется, поверил молодому человеку и был не против. Теперь Мин Ю мог все ночи проводить в доме прекрасной Се. Каждая ночь дарила ему удовольствия не меньше, чем та, что стала первой в их любви: они пели дуэтом и поодиночке, играли в шахматы – удивительную игру, изобретенную мудрым У Ваном и подобную сражению двух армий; вместе сочиняли стихи и сложили восемьдесят стихотворений, в которых воспевали красоту цветов, деревьев, облаков, ручейков, птиц и пчел. Хотя Мин Ю был искусен в версификации, но написанное госпожой Се намного превосходило то, что удавалось ему. Интересно, что в шахматах неизменно побеждал Мин Ю, а в стихах – причем темы они избирали очень сложные – всегда она. А песни пели в основном древние – те, что в эпоху Тан на пять столетий прежде сочинили Юань Цзинь, Чжу Му и, разумеется, великолепный поэт и правитель Сычуани божественный Гао Бянь!

Так, исполненное возвышенной любви, миновало лето, а за ним пришла осень с золотистыми призрачными туманами и листвой, окрашенной в багрянец.

Но однажды...

Господин Чжан случайно повстречал отца юноши и спросил его:

– Зачем ваш сын продолжает свои ежедневные путешествия в город? Ведь уже приближается зима. Путь далек, и каждое утро, возвращаясь, он выглядит совершенно опустошенным от усталости. Неужели вы не позволите ему оставаться в моем доме и тогда, когда ляжет снег?

Отец Мин Ю очень удивился и отвечал так:

– Господин, мой сын не бывает в городе. За все лето он ни разу не навестил нас. Боюсь, он мог связаться с дурной компанией, набраться там скверных привычек. Если он каждую ночь пропадает неизвестно где, то, может быть, он предается пороку игры или пьянству или знается с плохими женщинами!..

На это господин Чжан отвечал:

– Ну что вы! Как вы можете думать о нем так плохо? В парне нет и следов порока. К тому же в округе – я точно знаю – нет ни таверн, ни притонов со скверными женщинами. Скорее всего, он свел знакомство с каким-нибудь приличным молодым человеком одного с

ним возраста и проводит время в его обществе, а мне сказал неправду, опасаясь, что я могу запретить ему покидать дом по такому поводу... Поэтому, прошу вас, – продолжал он, – не надо ему ничего говорить. По крайней мере, до тех пор, пока секрет его не станет мне известен. Нынче же вечером пошлю слугу, чтобы тот проследил, куда он ходит.

Отец Мин Ю поддержал это предложение и обещал навестить Чжана на следующее утро.

Вечером, когда юноша, по обыкновению, вышел из дому, за ним следом, держась на расстоянии – так, чтобы его не заметили, – отправился и слуга-соглядатай.

Но тот, за кем шла слежка, внезапно исчез из поля зрения на самом темном участке дороге. Шпион долго пытался понять, куда делся Мин Ю, отыскать его следы, но тщетно. В большом недоумении и растерянности он вернулся обратно и рассказал о том, что произошло. Тогда господин Чжан не мешкая отправил посыльного к родителю юноши.

Тем временем Мин Ю входил в комнату своей возлюбленной. Здесь его встретили следами. Они удивили и глубоко ранили сердце юноши. В ответ красавица, рыдая, обвила его шею руками и сказала:

– Любовь моя! Вот-вот нам придется расстаться навеки! Не спрашивай почему. Я все равно не могу сказать тебе этого. С самой первой встречи я знала, что это должно было случиться; но все равно для меня это такое горе – столь жестокое и внезапное, что не могу сдерживать слез. Любимый! Сегодня наша последняя ночь, и больше мы никогда не увидимся... Я знаю, что ты не забудешь меня, пока будешь жив. А еще я знаю, что ты станешь великим ученым, тебя будут окружать почет и уважение, ты станешь богатым. И еще... ты встретишь красивую женщину, и она будет любить тебя, сможет утешить и залечить боль утраты... А теперь давай больше не будем предаваться грусти – хочу, чтобы последняя ночь принесла тебе только радость, чтобы ты запомнил мой смех, а не мой плач!

Она смахнула со щек слезы, принесла вина и ноты, а еще сладкозвучный *гуцин*⁶⁵ о семи шелковых струнах и всю ночь даже на миг не позволяла возлюбленному заикаться о грядущей разлуке. Она пела для него старинные песни о спокойных водах летних озер, в которых отражаются голубые небеса, о том, как на сердце нисходит покой, когда рассеются облака печали и горестей. И вскоре под звуки мелодий и сладость вина они забыли о скорой разлуке. Эти последние их часы показались Мин Ю еще прекраснее того блаженства, что он испытал в их первую ночь.

Но пришел рассвет, и золотая заря возвратила печаль, и они заплакали. Красавица Се проводила своего возлюбленного до ступеней террасы и, целуя, вложила ему в руку прощальный дар – искусно вырезанный агатовый ларец, достойный рабочего стола великого поэта. Так они расстались навсегда, проливая безутешные слезы.

Конечно, юноша не мог поверить, что эта разлука навсегда.

«Это невозможно! – думал он. – Завтра я приду к ней снова – ведь я не могу теперь жить без нее, а она не сможет не принять меня».

Такие думы одолевали Мин Ю, когда он вернулся в дом господина Чжана. На крыльце, ожидая его, стояли отец и хозяин. Сын не успел вымолвить и слова, а отец уже сурово спросил его:

– Скажи мне, где ты пропадаешь ночами?

Догадавшись, что ложь его раскрыта, Мин Ю не решился ничего сказать в свое оправдание: сконфуженный и молчаливый, он стоял, виновато понутив голову. Тогда отец рассердился и ударил его бамбуковой палкой, а затем приказал:

– Говори!

⁶⁵ *Гуцин* – старинный китайский музыкальный инструмент сродни цитре.

Что оставалось делать? Юноша испугался гнева отца. К тому же помнил, что гласит закон: «Сын, отказывающийся повиноваться отцу, подлежит наказанию ста ударами бамбуковой палкой». Поминутно запинаясь, Мин Ю поведал историю своей любви.

Было заметно, как по ходу повествования менялся в лице господин Чжан. Наконец он воскликнул:

– Послушай! У меня нет родственников из рода Пин. Я никогда не слышал о женщине, которую ты описал. Тем более ничего не знаю о доме, про который ты говоришь. В то же время я уверен, что ты не способен лгать своему отцу. Не стал ли ты жертвой какого-то обмана? Во всяком случае, во всей этой истории есть нечто очень странное и совершенно непонятное...

Тогда, чтобы убедить их, юноша показал подарки госпожи Се – нефритового льва и ларец из резного агата, а затем и одно из ее стихотворений – собственноручно написанное женщиной. Теперь изумление Чжана передалось и отцу Мин Ю. Они с удивлением разглядывали предметы и сошлись во мнении, что вещи эти сделаны очень искусно и едва ли кто-то из мастеров современности способен сотворить такое – только в древние времена могли создаваться такие произведения. Они выглядели как новые, но словно многие столетия были укрыты где-то, а теперь явлены их очам. Да и стихотворение, заключили они, хотя и является несравненным образцом поэзии, написано не в современной стилистике, а в традиции давней эпохи Тан.

– Друг мой! – вскричал тогда господин Чжан, обращаясь к отцу юноши. – Мы должны немедленно отправиться туда, где, как утверждает мальчик, он обрел эти удивительные предметы. Трудно быть объективным, полагаясь на чужие слова. Ничто так не проясняет разум, как личный опыт. Не сомневаюсь, что ваш сын говорит правду. Но история эта уж слишком смущает мой разум.

И все троем они отправились к дому госпожи Се.

Но когда они достигли того самого наиболее тенистого участка дороги, где воздух был пропитан сладкими ароматами, мхи зеленели особенно ярко, а плоды дикого персика рдели в изобилии, Мин Ю, вглядевшись пристально в густые заросли, вдруг вскрикнул в испуге. Там, где ажурно изогнутая крыша врезалась в небеса, теперь голубела только чистая синь, а где золотился и зеленел фасад дома, лишь шелестела, причудливо переливаясь в осеннем свете, листва; там, где была широкая терраса, с трудом можно было разглядеть только какие-то руины. Подойдя ближе, они увидели, что это остатки надгробия, но такого древнего и так сильно поросшего мхом, что прочесть имя погребенного было совершенно невозможно. Дом Се исчез!

Внезапно господин Чжан хлопнул себя ладонью по лбу и, оборотившись к спутникам, прочитал строки из хорошо всем известного стихотворения старинного поэта Цзин Гоу: «И над могилой Се Чжао, конечно, благоухают цветы персика...»

Обращаясь к отцу юноши, он продолжал:

– Друг мой, а ведь похоже на то, что красавица, околдовавшая вашего сына, и есть та самая, чье надгробие – точнее, то, что от него осталось, – мы здесь видим. Разве она не говорила, что породнилась с семейством Чжан? Но у нас нет родственников по фамилии Пин, зато, как вы помните, в городе есть широкая аллея с таким названием: Пин Хан. Существует какая-то мрачная тайна во всем, что она говорила. Она называла свое имя – Се Моу-хао. Но человека с таким именем быть не могло. Нет и улицы, которая бы так называлась. Но если соединить вместе иероглифы *моу* и *сяо*, то мы получим иероглиф *цзяо*! Слушайте! Ведь аллея Пин Хан находится на улице Цзяо. И на этой улице в эпоху Тан жили великие куртизанки! Разве она не пела песню о красавицах с улицы Цзяо? А на драгоценном ларце и на свитке, что она подарила вашему сыну, разве нет надписи: «Этот предмет высокого искусства принадлежит Гао из города Бохай»? Города этого давно нет, но память о славном Гао Бяне живет. Он был великим поэтом и управлял провинцией Сычуань. И когда он поселился в Чу, разве его возлюбленной

не была красавица Се Чжао – не только самая известная из куртизанок с улицы Цзяо, но и самая прекрасная из женщин той эпохи? Это он и подарил ей автограф своего стихотворения. Да и драгоценные предметы, которыми теперь владеет ваш сын, прежде принадлежали ему. Се Чжао, видимо, умерла какой-то особой смертью. Во всяком случае, не такой, как обычно умирают люди. Прах ее должен был исчезнуть со временем, рассеявшись без следа, но что-то случилось, и потому тень ее неприкаянно бродит в этом пустынном месте.

Чжан замолчал. Всех троих охватило смутное чувство – словно нечто потустороннее вмешалось в их жизнь. И вторила этому ощущению природа: лесная зелень вдали сливалась в прозрачную дымку и тонула в неземной красоте лесов. Легкий порыв ветра налетел, пошевелив листву, и принес с собой едва уловимый тонкий аромат, подобный тому, как пахнут шелка, сброшенные женщиной, или источают цветы, увядающие в вазе... А деревья отозвались угасающим шепотом и послышалось имя: Се Чжао...

Отец Мин Ю, разумеется, был весьма обеспокоен произошедшим и тревожился за сына. Через несколько дней он отослал его в город Гуанчжоу. Там, по прошествии лет, Мин Ю достиг высокого положения и снискал почести благодаря своей учености и глубоким познаниям. В том же городе он женился на достойной девушке из благородного семейства, и у них родились дети – очень умные и красивые. Несмотря на это, память о Се Чжао всегда жила в его сердце. Он никогда ничего и никому не говорил о ней – даже когда его дети просили рассказать, где он взял эти две необыкновенно красивые вещи, что всегда стояли перед ним на письменном столе, – нефритового льва и резной агатовый ларец.

Легенда о Чжи Ньюй

В пространных комментариях к тексту священной для всех китайцев книги Лао-цзы «Трактат о божественном воздаянии» можно найти одну историю – настолько древнюю, что никто и не помнит имени ее автора, затерявшегося в столетиях, но в то же время такую прекрасную, что она до сих пор живет в памяти сотен миллионов обитателей Поднебесной. Ее просто помнят, как помнят молитву, что выучили еще в детстве. Китайский автор не упоминает ни города, ни провинции, где происходили события, что даже для самых древних китайских источников большая редкость. Говорится только о том, что героя истории звали Тун Юн, а жил он в эпоху великой династии Хань, то есть почти две тысячи лет назад.

Мать Тун Юна умерла, когда он был еще ребенком. Едва ему сравнялось девятнадцать, отец его скончался, оставив сына в совершенном одиночестве. Не оставил он ему и средств к существованию, поскольку был человеком бедным. Он не сумел отложить даже нескольких медяков. Но это главным образом потому, что все деньги, что зарабатывал, он вкладывал в образование единственного сына. Юноша очень любил отца и сильно горевал об утрате. Однако, помимо естественной скорби, его глубоко печалила мысль о том, что из-за отсутствия средств он не может справить подобающий поминальный обряд по своему доброму родителю, а тем более поставить памятник на могиле. У бедняков не бывает богатых друзей. Поэтому и среди тех, кого знал Тань, не нашлось никого, кто бы смог помочь ему в этом деле. Он считал, что у него есть только один способ достать необходимую сумму – продать себя на время в рабство какому-нибудь богатому земледельцу. Колебался он недолго и решил поступить так. Напрасно друзья пытались отговорить его от этого шага, напрасно уверяли, что все переменится и как-нибудь выправится, удача улыбнется, они помогут ему потом, но юноша стоял на своем. Всем Тун отвечал:

– Лучше сто раз я продам свою свободу, нежели пренебрегу своим долгом и не почту память отца должным образом.

А поскольку был он молод и силен, то надеялся получить за себя хорошую цену – достаточную, чтобы и обряды справить, и установить красивый памятник. В любом случае, полагал он, такой суммы, какую ему могли предложить, иным способом никогда не собрать.

И вот он отправился на площадь, где, как знал, выставляются на продажу рабы и несостоятельные должники. Там он уселся на каменную скамью и повесил на шею табличку, где указал срок, на который собирался продать себя, а также расписал свои трудовые навыки и умения. Одни, прочитав иероглифы, начертанные юношей, презрительно усмехались, полагая назначенную цену слишком высокой, и уходили, не сказав ни слова; другие, наоборот, задерживались, чтобы поболтать, но, видимо, из досужего любопытства; иные издевались над его самоотверженностью, полагая сыновнюю любовь и благочестие глупостью. Так прошло несколько утомительных часов, и Тун было совсем отчаялся обрести хозяина, когда на площадь верхом на коне въехал видный мужчина. Это был большой чиновник и крупный землевладелец. На его обширных угодьях трудились тысячи рабов. Поравнявшись с юношей, он придержал коня и, не покидая седла, прочитал то, что молодой человек написал на табличке. Он не смеялся, не давал советов, не задавал вопросов, но молча прочитал все, что написано, внимательно осмотрел сильные руки и крепкие ноги, а затем без лишних слов приказал сопровождавшему его помощнику выплатить требуемую сумму.

Таким образом, Тун сумел осуществить мечту своего сердца и установил памятник на могиле отца. Он был небольшим, но радовал глаз каждого, кто его видел, поскольку эскиз

был разработан талантливым художником, а его замысел воплощен искусными камнерезами. И обряды он справил как полагается: в рот усопшему положили серебряную монету, развесили специальные белые фонари, были прочитаны особые молитвы, а все предметы и вещи, коими усопший пользовался в земной жизни, были собраны и преданы священному огню. Затем астрологи-некроманты, посоветовавшись со звездами, выбрали место для могилы – такое, над которым никогда не взойдет злое небесное светило, а потому не будут покойного терзать ни демоны, ни драконы. Установили и красивый ларец, в который сложили все, что нужно покойному в загробном существовании. Не забыли и разбросать монеты на дороге, чтобы оградить могилу от призраков. Только после этого со скорбными молитвами погребальную церемонию завершили. И отец мог гордиться своим достойным сыном.

А затем Тун отправился в рабство к своему хозяину. Ему отвели крошечную хижину, и хотя она была крайне мала, юноша нашел место для деревянных поминальных табличек, перед коими надлежит возжигать благовония и возносить молитвы.

Трижды весна укрыла благоухающим цветочным убором землю, и трижды люди отметили День поминовения предков. Три раза Тун украшал и орошал слезами надгробие любимого родителя, каждый раз совершая пятикратные приношения из мяса и фруктов. Срок траура кончился, но скорбь молодого человека не стала меньше. Сменялись годы, не принося ему ни радости, ни дней отдыха, но он никогда не роптал на выпавшую ему долю и никогда не забывал помянуть своих предков. Но вот однажды он заболел: его настигла болотная лихорадка, и Тун не смог встать с постели. Его товарищи-рабы решили, что он умирает. Но никто не остался с ним, никто не взялся за ним ухаживать, поскольку рабы не принадлежат себе, они должны гнуть спину на полях, а труд их начинается с рассветом и заканчивается с закатом.

Шел знойный полдень. Юноша в изнеможении лежал в своей хижине, то сотрясаясь в лихорадке, то проваливаясь в тяжелый сон... И мнилось ему, будто подошла к его ложу красивая незнакомка. Она наклонилась и коснулась его лба рукой – своими прекрасными длинными пальцами. И от этого прохладного прикосновения по всему телу будто пробежал ток, а вены забурлили, словно в них вдохнули жизнь. В изумлении Тун открыл глаза и увидел ту самую прекрасную женщину, что ему грезилась, и понял, что все это ему не чудится, а действительно – наяву – она гладит его разгоряченный лоб изящной рукой. И еще он обнаружил, что жар лихорадки больше не терзает его: восхитительная прохлада разлилась по всему телу, неся удивительную радость. Его глаза встретились с глазами незнакомки, и они были прекрасны: сияли глубоким темным огнем, как удивительные черные драгоценные камни под совершенными бровями, изогнутыми подобно крыльям ласточки. Ему показалось, что взгляд этот пронизывает его тело, как луч света проходит через кристалл; и смутное благоговение снизошло на него, и вопрос, который он хотел задать, юноша не решился произнести. Тогда она, улыбаясь и продолжая гладить его лоб, промолвила:

– Я пришла, чтобы исцелить тебя и восстановить твои силы. И стать тебе женой. Вставай! Давай вознесем молитвы и исполним обряд.

Ее чистый голос был подобен пению птицы, но взгляд наполняла такая царственная сила, что Тун не отважился ей перечить. Он приподнялся на ложе и тут же ощутил, что от немощи и болезни не осталось и следа. Нежная, но твердая рука повлекла его за собой. Он хотел было сказать, что он нищий, что не способен содержать жену и рабство его продлится еще годы, но нечто в глубоких темных глазах женщины не дало ему заговорить. Да и не было необходимости: для нее все его потаенные мысли были открытой книгой. Она сказала:

– Я обо всем позабочусь.

Тут юноша вспомнил, что одет в рубище, и густо покраснел от этой мысли. Но потом заметил, что и она одета бедно и нет у нее украшений, а на ногах нет сандалий – она пришла босой. А затем они вместе приблизились к домашнему алтарю и преклонили колени. Вознесли

молитву, и она подала ему чашу с вином. Совершенно непонятно, откуда оно взялось! И они восславили небеса и землю. Так она стала его женой.

Брак был, конечно, странным: и в день бракосочетания, и в дальнейшем Тун так и не осмелился расспросить свою жену ни о ее родственниках, ни о том, из какого она рода, откуда, и потому не мог ответить на вопросы, что задавали его любопытные товарищи. Тем более что она ничего о себе не рассказывала, сообщив только, что ее зовут Чжи. Хотя молодой супруг испытывал необъяснимое чувство – ему казалось, что, когда она смотрит на него, он не имеет и совершенно лишается воли, – тем не менее он любил ее безмерно и теперь своего рабства, так прежде тяготившего его, почти не замечал.

Преобразилось и его убогое жилище. Только женщины одарены этим искусством: буквально из ничего создавать уют. Стены и потолок украсили бумажные фонарики и безделушки – их изготовила Чжи собственными руками и развесила повсюду.

Каждое утро, на рассвете, молодого мужа уже ждал замечательно приготовленный и обильный завтрак. Ничуть не хуже была и трапеза, что ожидала его по возвращении с полей. Кроме того, жена многие часы проводила за ткацким станком. Тогда ткачество шелка еще только входило в обиход, прежде в этой провинции шелк не ткали – Чжи была первой. И она была великой мастерицей: ткань неторопливой рекой цвета золотого глянца текла из ее станка, причудливо переливаясь оттенками малинового, фиолетового и драгоценно-зеленого. Она была украшена причудливыми рисунками: там были скачущие всадники и огненные колесницы, драконы и реющие облачные знамена. В бороде каждого дракона мерцала волшебная жемчужина, а на шлемах у всадников переливались драгоценные камни. Каждый день Чжи снимала со станка длинное полотно фигурного шелка, и слава о ее мастерстве быстро разнеслась по краю. Со всей округи – сблизи и издали – люди приходили посмотреть на искусную работу. Прослышали о ней и торговцы шелком из больших городов. И от них стали приезжать посланцы. Они оставляли заказы и выспрашивали у мастерицы, как же можно изготовить такую ткань, просили раскрыть секрет. Она исполняла все заказы – даже самые сложные, а за работу брала только серебром. На просьбы же научить, смеясь, отвечала:

– Увы, научить я никого не смогу – ни у кого из вас нет таких пальцев, как у меня.

И действительно. Ведь она совсем не скрывала своего искусства, но никто не мог уследить за ее пальцами – с такой быстротой и проворством сновали они. Точно так же глазу не уследить за взмахами крыльев пчелы в полете.

Шло время. Трудно сказать, вспоминал ли Тун обещание своей жены обо всем позаботиться. Но и в самом деле теперь они ни в чем не ведали нужды, а в резном сундуке, что приобрела Чжи для хранения домашних вещей, день ото дня все прибывала горка серебряных монет – то, что она получала за свое рукоделие.

Наконец однажды утром, когда Тун, позавтракав, собирался было отправиться на работу в поле, Чжи попросила его не уходить и, открыв сундук, достала свиток с начертанными на нем официальными иероглифами *лишиу*. Вглядевшись, Тун вскричал и запрыгал от радости, поскольку это была вольная, выписанная на его имя: он был свободен! Тайком от супруга Чжи выкупила его, расплатившись серебром, полученным за шелка.

– Отныне тебе не надо гнуть спину на хозяина, – сказала она. – Теперь ты станешь работать только на себя. Я выкупила и этот домик, и землю, на которой он стоит, а еще чайную плантацию, что к югу отсюда, а также тутовую рощу – ту, что поблизости. Все это теперь твое.

Вне себя от радости и благодарности, Тун попытался пасть перед женой на колени, но она не позволила ему сделать это.

Тун обрел свободу. А вместе с ней пришел и достаток – что бы хозяин ни сеял, земля возвращала ему сторицей. Слуги любили его, а прекрасную Чжи просто боготворили – так хорошо она к ним относилась и никогда не бранила. Но к ткацкому станку она уже не возвращалась, поскольку стала матерью – родила сына, такого красивого мальчика, что отец плакал от счастья всякий раз, когда на него смотрел. Теперь она полностью посвятила себя уходу за ребенком.

И очень скоро стало ясно, что ребенок – удивительный, не менее, нежели его удивительная мать. В три месяца он уже начал говорить, в семь выучил притчи мудрецов и читал наизусть священные сутры, а когда ему еще не сравнялось и одиннадцати, он уже уверенной рукой держал кисть и выводил иероглифы, выстраивая в столбцы заветы мудрейшего Лао-цзы. И приходили жрецы храмов, чтобы посмотреть на него и поговорить с ним. Подивившись его красоте и мудрости, они благословляли счастливого отца и говорили:

– Воистину сын твой – подлинный дар Владыки Неба. То дар тебе – знак любви богов. Да узреют глаза твои сто счастливых весен и лет!

Но вот минул одиннадцатый месяц луны, заканчивалась осень. Цветы увяли, холодные ветры унесли ароматы лета, а в жилище Туна зажеглись фонари. Долгими были вечера, когда муж и жена сидели рядом и беседовали. Говорил в основном муж, говорил много: о надеждах и радостях, о сыне, который непременно станет великим человеком, о своих отцовских планах. Жена почти ничего не говорила, слушая его слова, и улыбалась, глядя на него сияющими глазами. Никогда она не была так прекрасна, как сейчас, и Тун, видя ее лицо, не замечал ничего кругом. Не видел, что ночь уже заканчивается и огонь догорает в очаге, не слышал, как снаружи ветер воет в голых ветвях деревьев.

Но внезапно Чжи, не произнеся ни слова, встала и нежно взяла мужа за руку – совсем так же, как в ночь их свадьбы, и подвела к кровати сына. Он спал, улыбаясь во сне. В тот же момент Туна охватило то же чувство, что и в самый первый раз, когда он заглянул в глаза Чжи, – странного благоговейного страха. За то время, что они были вместе, страх этот притупился, стертый любовью и привычкой, но не исчезал совсем и вот теперь вдруг вернулся снова. Чувство было подобно тому, какое земной человек испытывает перед богами. И вот, подчиняясь этому чувству – совершенно безотчетно, – Тун склонился в низком поклоне перед Чжи, а затем опустился на колени. Но вот он поднял глаза – и тут же зажмурился, ибо перед ним возвышалась женщина куда выше любой земной и от нее исходило сияние, подобное свету ярких солнечных лучей, которые шли изнутри и пронизывали ее одежды. Но голос ее звучал так же нежно, как и прежде:

– Увы, мой любимый! Настало время, когда я должна покинуть тебя. Знай, я не рождена смертной женщиной. Мы, Незримые, можем воплотиться в земном обличье – но только один раз. Я оставляю тебе сына – залог нашей любви. Он всегда будет любить тебя так, как ты любил своего отца. Знай, мой дорогой, что меня к тебе послал Владыка Неба в награду за твою верность сыновнему долгу... Но теперь настала мне пора вернуться. Я – богиня Чжи Нюй!

Она закончила говорить, и исчезло золотое сияние. Тун почувствовал это, даже не смыкая глаз, ведь он слушал ее крепко зажмурившись. Теперь он открыл глаза и увидел, что его жена исчезла – исчезла навсегда. Так, как исчезает порыв ветерка, слетевшего с небес, или последний отблеск умирающего пламени. Двери в доме как были, так и остались закрытыми. Так же крепко были заперты и ставни. И по-прежнему спал ребенок, улыбаясь своим снам. Редела тьма снаружи, розовело небо, ночь уходила. Восток величаво раскрывал свои золотые ворота перед восходящим солнцем. Тронутые его первыми лучами, зашевелились туманы. Причудливо перемещаясь, двигаясь, они постоянно меняли свои формы. И чудилось, что и не туманы это вовсе, а прекрасные шелка с удивительными фигурами, сотканые на станке божественной Чжи Нюй.

Возвращение Янь Цзинь-цзина

*Передо мной предвестником встает луна,
А позади – Дух ветра,
Он бег свой ускоряет.*

Лусао

В тридцать восьмой главе священной книги «Трактат о божественном воздаянии», которая посвящена расплате за безнравственность, можно найти легенду о Янь Цзинь-цзине. С той поры минуло больше тысячи лет – ведь этот человек жил и умер в период расцвета эпохи Тан.

В те давние годы Янь Цзинь-цзин был верховным судьей одного из шести императорских трибуналов. И случилось так, что некий Ли Хай Лю, исполненный лютой злобы, поднял черное знамя мятежа и тот охватил все северные провинции. О том доложили императору. А еще доложили, что этот самый Ли Хай – человек, который ничего и никого не боится, и нет для него ничего святого. Тогда Сын Неба приказал Цзинь-цзину отправиться к мятежнику, чтобы призвать того к порядку и зачитать тем, кто идет за ним, августейшее послание, в котором содержатся упрек и предупреждение. Выбор этот был неслучаен, поскольку Цзинь-цзин славился своей мудростью. А еще он слыл человеком смелым и бескомпромиссным. Потому мятежник, полагал император, должен прислушаться к его словам.

Цзинь-цзин облачился в приличествующие его должности официальные одежды, отдал необходимые распоряжения на время своего отсутствия и, простившись с женой и детьми, сел на коня и отправился прямо в бушующий лагерь мятежников. Письмо императора он укрыв на груди и поехал в одиночестве. «Я вернусь. Не бойтесь!» – таковы были его последние слова, обращенные к тем, кто провожал его, стоя на террасе дома.

И вот Цзинь-цзин добрался до места. Он слез с коня, вошел в лагерь мятежников и, пройдя сквозь толпу вооруженных людей, предстал перед Хай Лю. Тот сидел на возвышении среди своих военачальников. Вокруг него сверкали изогнутые клинки мечей. Оглушительно били барабаны и звенели тысячи гонгов. И все это осеяло шелковое знамя с вышитым Черным Драконом: оно развевалось на ветру над предводителем. Видел Цзинь-цзин, что в костре, горевшем напротив возвышения, чернеют человеческие черепа и кости. Но без страха он смотрел в огонь. Не было страха в его глазах и когда он смотрел в лицо Хай Лю. Так же бесстрашно он достал письмо императора, развернул свиток благоухающего шелка со словами, начертанными Сыном Неба; поцеловал и изготавился читать, ожидая, когда толпа угомонится. А затем сильным, ясным голосом провозгласил:

«Слушайте слова богоизбранного августейшего Сына Неба, Божественного Гэ-дзу Цзиньяо-ди, обращенные к мятежнику Ли Хай Лю и тем, кто следует за ним...»

В ответ по толпе прокатился яростный рев – он был подобен реву урагана. Это был голос ярости, и он был похож на отвратительный стон – так стонет лес под напором ветра...

– Хуу! Хуу-уу-уу-уу! – кричали бунтовщики.

И засверкала сталь мечей, и тысячи гонгов и барабанов ударили так, что содрогнулась земля под ногами посланца.

Но Хай Лю взмахнул своим золотым жезлом, и вновь воцарилась тишина. Предводитель прокричал:

– Молчать! Пусть собака лает!

Тогда Цзинь-цзин продолжал:

– «Ведомо ли тебе, о безрассуднейший, глупейший из людей, что ведешь ты своих людей в самую пасть к Дракону Разрушения? Знаешь ли ты, что подданные моей империи в первом своем рождении – дети Небесного Владыки? И записано давно и ведомо всем, что тот, кто наносит раны и предаст людей смерти, того не потерпит Владыка Небесный среди живых! Ты – тот самый, кто отверг эти мудрые законы! А ведь только они и способны дать людям счастье и процветание!.. Значит, ты совершил величайшее преступление, и нет ему прощения!

О мои подданные! Не думайте, что я, ваш император, желаю вашей смерти. Единственное, чего я хочу, – чтобы вы были счастливы, успешны, состоятельны. Не дайте собственной глупости вызвать гнев вашего Божественного Отца. Не потакайте своему безумию и слепой ярости, но вслушайтесь в слова моего посланника!»

– Хуу! Хуу-уу-уу-уу! – взревела толпа в ярости.

– Хуу! Хуу-уу-уу-уу! – Это горы, умножив, вернули эхо обратно.

И вновь гром барабанов и звон гонгов заглушили голоса и наполнили воздух безумным шумом.

Цзинь-цзин посмотрел на Хай Лю и увидел, что тот смеется. И понял, что слова послания не были услышаны. Тем не менее он продолжал читать. Потому что считал, что миссия, на него возложенная, должна быть выполнена, несмотря ни на что.

Закончив чтение, он протянул свиток с письмом Хай Лю, но тот не взял его, и тогда Цзинь-цзин с благоговением спрятал письмо у себя на груди. Затем скрестил руки, бестрепетно взглянул в глаза Хай Лю и стал ждать. Вновь вождь мятежников взмахнул золотым жезлом. И снова стих гул барабанов и гонгов, и воцарилась тишина – только слышны были тяжелые хлопки знамени Черного Дракона.

Зловеще улыбаясь, Хай Лю заговорил:

– Цзинь-цзин, сын собаки! Если ты сейчас не присягнешь мне на верность и не склонись передо мною так, как ты склоняешься перед императором, – исполнив *люйкао*, то есть трижды простершись у ног моих, – то будешь брошен в костер.

В ответ на это Цзинь-цзин повернулся спиной к предводителю мятежников, глубоко поклонился небу и земле, а затем неожиданно прыгнул в костер и встал там, сложив руки на груди.

Хай Лю вскочил на ноги, вскрикнув от удивления, но немедленно отдал приказ своим людям. Те выхватили Цзинь-цзина из огня, сбив пламя с его одежд голыми руками, и вознесли ему хвалу, восхитившись его отвагой. И даже Хай Лю спустился со своего помоста, подошел к нему и сказал:

– О Цзинь-цзин, да ты, я вижу, действительно человек смелый и чести тебе не занимать! Прошу, сядь с нами и раздели нашу трапезу!

Но отвечал ему Цзинь-цзин, глядя прямо в лицо, и голос его звучал чисто, ясно и громко, как глас колокола:

– Никогда, Хай Лю, я не приму из рук твоих ничего, кроме смерти, пока ты идешь по пути гнева и безрассудства. Никто и никогда не скажет, что Цзинь-цзин восседал среди мятежников и предателей, среди убийц и грабителей.

Тогда Хай Лю, прогневавшись, выхватил меч – Цзинь-цзин упал на землю и умер. Но даже в смерти голова его была повернута на юг – в сторону императорского дворца, в сторону возлюбленного повелителя.

В тот самый час, когда Сын Неба сидел один во внутреннем покое дворца, он заметил тень, павшую к его ногам. Он отшатнулся. И тогда тень вдруг выросла и возвысилась перед ним. И повелитель увидел, что это Цзинь-цзин. Император было усомнился, что это он, и хотел задать вопрос, чтобы удостовериться, но знакомый ему голос произнес:

– О великий Сын Неба! В меру слабых своих сил я исполнил ту миссию, что была возложена на меня. Но, увы, я не могу дольше служить тебе, поскольку теперь на службу к себе меня призывает другой господин!

Глядя на своего слугу, император видел, что фигура его прозрачна – сквозь нее он отчетливо различал золотых тигров, вытканых на гобеленах, укрывавших стены покоя. И потянуло вдруг неземным холодом, и показалось, будто порыв зимнего ветра пронесся по покою, а потом фигура растаяла. И понял тогда император, какому владыке отныне предстоит служить его преданному воину.

В тот же самый час и старый слуга Цзинь-цзина увидел, как его хозяин проходит по покоям своего дома. Он улыбался, как улыбался всегда, когда видел, что все вещи на своих местах и что в доме царит порядок.

– У вас все хорошо, мой господин? – спросил тогда его слуга.

И тот ответил:

– Все хорошо.

Но это был только голос – сам господин исчез.

И войска Сына Неба обрушились на мятежников. Но долго длилась война. И земля пропиталась кровью, и реки устали выносить трупы в море, а рыбы поедают их. И погибли целые народы. И тогда по просьбе повелителя Поднебесной на помощь пришли ордынцы-кочевники, что обитают на просторах Запада и Севера. Они прирожденные воины и с младенчества в седле. Любой из них легко и точно посылает стрелу из огромного двухсотфунтового лука. Как смерч они обрушились на мятежников, тучами их стрелы косили ряды разбойников, и они одолели Хай Лю и его сторонников. Те же из них, кто пережил поражение, покорились и присягнули на верность императору. Закон, мир и порядок были восстановлены. Но это случилось через годы после гибели Цзинь-цзина.

И когда война закончилась, Сын Неба повелел своим победоносным генералам разыскать и привезти останки верного слуги. Ибо повелел именным указом воздвигнуть для него усыпальницу. И генералы стали искать и отыскивали безымянную могилу. Она была разрыта, и обнажился гроб.

Но когда его стали извлекать из земли, едва только до него дотронулись, он распался в прах – черви изнутри съели его. Люди решили, что и останки Цзинь-цзина поглотила голодная земля... Но каково же было всеобщее изумление, когда оказалось, что тело Цзинь-цзина нетленно. Разложение смерти совсем не коснулось его, и черви не решились потревожить его покой. Даже цвет лица мертвого скорее пошел бы живому. Казалось, он просто спал и мечтательно улыбался во сне – так улыбаются изображения святых в полумраке великих пагод.

И тогда вперед выступил священник и заговорил:

– Дети мои! Воистину само Небо явило нам знак! Воочию видим мы, как силы небесные хранят тех, кто избран быть причисленным к Бессмертным. Смерть не властна над ними, останки их нетленны. Благословен да будет Цзинь-цзин – он занял свое место среди божественных обитателей небес.

Затем мощи Цзинь-цзина доставили на родину и с великими почестями захоронили в усыпальнице, построенной по указу императора. Здесь он и спит, навеки нетленный, облаченный в одежды, приличествующие его рангу. На его надгробии выбиты знаки, говорящие о его мудрости, смелости и преданности тому, кому он служил. И драгоценными камнями украшена крышка, а по ее углам высаты искусно вырезанные фигуры чудовищ, призванных охранять сон героя. И священные собаки Будды стоят у входа в его усыпальницу.

Котто. Японские истории о странных вещах и всякой всячине

Из сборника «Kottó: Being Japanese Curious, with Sundry Cobwebs», 1902

Легенда о Юрэй-даки

Неподалеку от деревни Куросака, в провинции Хоку, есть водопад Юрэй-даки, который еще величают водопадом Призраков. Почему ему дали такое имя, неизвестно. У подножия водяного потока – маленький синтоистский храм, посвященный местным богам. Люди дали ему название *Та́ки Даймёдзин*. А напротив входа в храм стоит небольшой деревянный ящик – такие называют *сайсэн-ба́ко*, – чтобы верующие складывали в него пожертвования.

История, которую вам предстоит услышать, как раз об этом самом ящике.

Однажды в холодный зимний вечер примерно тридцать пять лет тому назад⁶⁶ женщины и девушки, работавшие на пеньковой фабрике в Куросаке, закончив трудовой день, собрались в прядильне. Подмораживало, они замерзли и, чтобы согреться, расселись вокруг жаровни и принялись развлекать себя историями о привидениях. Рассказали десяток или полтора, и стало им как-то тревожно. Во всяком случае, некоторые из девушек выглядели явно напуганными. И тогда одна из них, вероятно, чтобы разрядить обстановку, воскликнула:

– Вы только представьте, а каково будет, например, той, что прямо сейчас отправится одна-одинешенька к водопаду Призраков!

Предположение это заставило всех вскрикнуть, а у некоторых вызвало даже приступ нервного смеха...

– А я, – заявила одна с вызовом, – всю свою пеньку, что начесала за день, отдала бы той, которая пошла туда!

Разумеется, она говорила не всерьез, а так – чтобы покрасоваться...

Но ее игру подхватили.

– И я отдала бы, – сказала другая.

– И я! – закричала третья.

– Да каждая из нас... – заверила четвертая.

И тогда одна из работниц – ее звали Ясумото О-Кацу, она была женой плотника – встала и сказала:

– Послушайте, если вы на самом деле обещаете отдать все, что наработали за день, то я, пожалуй, схожу к Юрэй-даки.

Предложение встретили шумно: кто с протестом, отговаривая, но большинство – с изумлением. Тем более что она была с ребенком – ее малютка-сын, мальчик двух лет, спал у нее за спиной в специальной сумке, и шум его, похоже, совсем не тревожил – он мирно посапывал.

Так вот, сначала, конечно, к ее словам отнеслись без должной серьезности. Но когда она повторила свое предложение несколько раз, стали обсуждать детали. По очереди каждая из прядильщиц подтвердила – да, она отдаст все, что сделала за день, О-Кацу, если та сходит к Юрэй-даки. Но одна из женщин задала резонный вопрос:

– А как мы узнаем, что ты там действительно побывала?

Ответила самая старшая из женщин-работниц. Все ее уважительно звали Оба-сан или просто «бабушка»:

– Пусть она принесет ящик для пожертвований, что там стоит. Этого доказательства будет достаточно.

– Я принесу! – крикнула О-Кацу. И немедля выскочила из прядильни на улицу. Ребенок мирно спал у нее за спиной.

⁶⁶ То есть в 1860-е гг.

Ночь стояла морозная, но было ясно. О-Кацу торопилась, поспешая вниз по дороге. Двери и ставни домов, выходящих на улицу, были плотно закрыты – холод усиливался, и обитатели стремились защититься от него.

Покинув деревню, женщина очутилась в царстве тишины. По обе стороны дороги расстилались безмолвные, припорошенные инеем замерзшие рисовые поля. Ночь была безлунной, но звезды светили. Стук сандалий по мостовой – *пик-ба́, пик-ба́* – звонко разносился в тишине. Часа полтора она шла по проезжей дороге, а затем свернула на тропу. Та была узкой и, петляя, теснилась к утесам. Чем дальше женщина шла, тем труднее было двигаться – тропа была неровной. И сгущалась тьма. Но О-Кацу знала путь и вскоре услышала шум падающей воды. Через несколько минут тропа вывела в узкую горную долину, и глухой прежде звук водопада превратился вдруг в густой мощный рокот – еще до того, как стала видна громада потока, тускло мерцающего на фоне тьмы. С трудом женщина разглядела храм – он был едва виден во тьме, а затем и ящик для пожертвований. Она рванулась к нему, протянула руку...

– Здравствуйте, О-Кацу-сан! – вдруг раздался ясный голос откуда-то из глубины падающего потока.

Женщина застыла – ужас сковал ее.

– Здравствуйте, О-Кацу-сан! – вновь произнес тот же голос. Но тон его изменился. Теперь в нем слышалась угроза.

Но О-Кацу была храброй женщиной. Преодолев испуг, она схватила ящик для пожертвований и побежала. Больше она ничего не видела и не слышала – страх подгонял ее, и она бежала во весь дух, пока не выскочила на проезжую дорогу. Тут она немного отдышалась и пошла уже медленнее, но все равно споро; и в округе был ясно слышен стук ее сандалий по мостовой – *пик-ба́, пик-ба́*. Она вошла в деревню и вскоре уже отворила дверь в прядильню.

Как ее встретили товарки, едва она, задыхаясь, ввалилась в помещение с ящиком для пожертвований в руках! Они закричали, загалдели, приветствуя ее! А потом, затаив дыхание, слушали рассказ: общий крик ужаса раздался, когда она сказала о голосе, что звучал из вод потока и дважды окликнул ее по имени...

– Что за женщина! – наперебой говорили они. – Отважная О-Кацу! Она честно заработала свою пеньку!

Но тут раздался голос самой старшей из женщин, Оба-сан:

– О-Кацу! Сынок твой, поди, совсем замерз! Давай его сюда, ближе к огню. Пусть погрется.

– Он, должно быть, проголодался, – отвечала мать. – Я должна дать ему молока.

– О бедная О-Кацу, – сказала Оба-сан, помогая матери снять со спины сумку, в которой лежал малыш. – Смотри-ка, он совсем мокрый! – А потом внезапно севшим голосом вдруг хрипло вскрикнула: – Да это кровь!

И тотчас из снятой заплечной сумки на пол вывалился ворох окровавленной одежды ребенка. Из тряпок торчали две маленькие смуглые ручки и две маленькие смуглые ножки... Головы не было. Она исчезла!

Чашка чая

Доводилось ли вам когда-нибудь подниматься в полной темноте по лестнице в старой башне и вдруг обнаружить, занеся ногу для следующего шага, что ступеньки перед вами нет? Или, например, вы идете по узкой тропе, вырубленной над пропастью, и внезапно, повернув за очередной выступ, видите, что она заканчивается и дальше только пустота да выщербленные отвесные склоны утеса? С литературной точки зрения сей эмоциональный опыт весьма ценен: и по силе ощущений, который он вызвал, да и тем, что хорошо помнится.

В старых японских книгах можно найти фрагменты историй, которые способны вызвать очень близкие ощущения.

Что это за истории? Как они рождаются? Причины могут быть разные. Возможно, автор поленился или повздорил с издателем и потому остановился, не доведя повествование до финала, и остановился на самом интересном месте. А может быть, его позвали и назад он больше никогда не вернется, навсегда оставив свой маленький столик с письменными принадлежностями... Могло случиться и так, что смерть остановила руку писателя и он не успел завершить предложение... Но гадать тут бессмысленно – едва ли кто-нибудь из смертных способен точно указать причину, почему та или иная история так и осталась незаконченной...

И вот вам пример из этого ряда. Он довольно типичен.

В четвертый день первого месяца третьего года эпохи Тэнва – то есть около двухсот двадцати лет тому назад⁶⁷ – владетельный князь Накагава Садо в ходе своего ежегодного визита к императору остановился передохнуть в чайном домике в местечке под названием Хакусан, что в пригороде Эдо, в районе Хонгё. Пока господин и его приближенные отдыхали, один из его стражников, *вакато*⁶⁸ по имени Сэкинай, почувствовав жажду, решил попить. Он взял большую чашку и налил в нее чая. Поднеся ее к губам, он заметил вдруг в бледно-желтом чайном зеркале отражение лица – но это было не его лицо. Вздвогнув, он оглянулся. Но подле никого не было. Судя по прическе, лицо, отражавшееся в чашке, принадлежало самураю. Станным образом, даже отведя сосуд в сторону, юноша видел образ совершенно отчетливо: он был очень привлекательным, даже походил на девичий. Лицо было *живым*: глаза и губы двигались. Обескураженный тем, что увидел, молодой человек вылил чай из чашки и внимательно ее исследовал. Но сосуд был совершенно обыкновенный. Это была обычная дешевая чашка, каких множество. На ней не значилось даже клейма мастера. Тем не менее будущий самурай взял другую и налил в нее чая. И снова чужое отражение возникло на поверхности напитка. Юноша вновь выплеснул содержимое и налил свежего чая. Но лицо опять появилось. Однако теперь на нем было иное выражение, – казалось, его обладатель насмехается. Но Сэкинай не мог позволить себе испугаться.

– Кто бы ты ни был, – пробормотал он, – ты не собьешь меня с толку.

И выпил чай – с лицом, улыбкой и всем остальным, что в нем отразилось. А затем пошел своей дорогой, размышляя: «А не проглотил ли я вместе с жидкостью и само привидение?»

В тот же день поздно вечером юноша стоял в карауле во внутренних покоях дворца князя Накагавы. В какой-то момент он увидел, что в комнату, в которой он находился, вошел незнакомец. Он был молод и одет богато, как самурай. Подойдя, сел прямо напротив Сэкинай и, едва кивнув, произнес:

⁶⁷ То есть примерно в 1680 г.

⁶⁸ В феодальной Японии *вакато* – юноша самурайского рода, но еще не посвященный в самурай.

– Меня зовут Сикибу Хэйнай. Мы встречались сегодня. Но у меня такое впечатление, что ты меня не узнаешь...

Пришелец говорил очень тихим, но словно пронизывающим голосом. И юноша с удивлением понял, что перед ним тот самый самурай, прекрасное лицо которого он видел, – это было привидение, которое он проглотил! Теперь оно улыбалось, но улыбалось так, как может улыбаться только призрак, – взгляд над улыбкой был совершенно холоден, и в нем читались одновременно и вызов, и обида.

Юноша хотел вспылить, но сдержал гнев и равнодушно ответил:

– Нет, я вас не узнаю. Будьте так любезны, скажите, как вы проникли в этот дом?

[В феодальной Японии княжеские резиденции строго охранялись круглые сутки; никто не мог войти внутрь без предварительного многократного гласного объявления; исключение делалось только для челяди; без объявления также сменялись караулы.]

– Ах, ты не признал меня?! – воскликнул визитер. И в голосе его ясно читалась ирония. Говоря это, он приблизил лицо к собеседнику. – Не-е-ет, ты не признал меня! Тем не менее не далее как нынче утром ты нанес мне смертельное оскорбление!..

В ответ Сэкинай тотчас взялся за рукоятку и выхватил из-за пояса свой *танто*⁶⁹, а затем направил клинок в горло противнику. Но лезвие не встретило плоти, хотя должно было пронзить шею. Одновременно с ударом и совершенно беззвучно самурай качнулся в сторону и исчез... пройдя сквозь стену. На стене не осталось ни малейших следов: он проник через нее, как свет фонаря проникает сквозь бумажную ширму.

Молодой воин немедленно доложил об инциденте начальнику стражи. То, что он рассказал, удивило и озадачило всех, кого опросили в связи с событием. Оказалось, что никто не входил во дворец и не выходил из него в час, когда это случилось. Никто из слуг не видел незнакомца, и вообще никто во дворце князя Накагавы не слышал этого имени – Сикибу Хэйнай.

На следующую ночь Сэкинай был свободен от службы и остался в родительском доме. Было уже поздно, когда слуга доложил, что какие-то незнакомцы спрашивают его и желают поговорить. Взяв меч, юноша подошел к входной двери, где увидел троих вооруженных мужчин – по виду слуг, быть может вассалов некоего самурая; они стояли на улице, у входа в дом. Все трое почтительно поклонились молодому человеку, и один из них сказал:

– Наши имена Мацуока Бингё, Цутибаси Бингё и Окамура Хэйроку. Мы – вассалы благородного Сикибу Хэйная. Когда вчера ночью наш хозяин встречался с вами, вы ударили его мечом. Вы его сильно ранили, так что ему пришлось отправиться лечиться на горячие источники. Сейчас ему лучше и рана затягивается. На шестнадцатый день грядущего месяца он вернется и намерен сполна отплатить вам за то, что вы сделали...

Не желая дольше слушать, юный самурай, обнажив меч, выскочил наружу и принялся наносить удары, разя незнакомцев налево и направо. Но те вдруг оказались на стене соседнего дома, взлетев в воздух, подобно призрачным теням, и...

Здесь история эта заканчивается. Что случилось дальше, доподлинно известно только тому, чей прах давно истлел.

Можно, конечно, придумать, чем заканчивается история. Нетрудно измыслить даже несколько продолжений. Но едва ли хоть одно удовлетворит воображение западного читателя. Потому пусть сам он додумает, что же могло случиться с человеком, который проглотил привидение.

⁶⁹ *Танто* – короткий из двух мечей, что носили самураи. Применялся главным образом для обороны в тесном противоборстве. Длинный меч использовался в бою. Он назывался *катана*.

Здравый смысл

В давние времена на горе Атагояма, что неподалеку от Киото, обитал один просвещенный монах. Все свое время он проводил в медитации и изучении священных книг. Маленький храм, в котором он обитал и служил, находился вдалеке от населенных мест. Хотя нужно было ему немного, без посторонней помощи святой человек существовать не мог. И ему помогали окрестные набожные крестьяне: они регулярно снабжали священника снедью. Каждый месяц они приносили в храм рис и овощи.

Среди тех добрых людей, что навещали монаха, был один охотник. В своих скитаниях он нередко забирался на гору. И вот однажды, когда охотник в очередной раз пришел к священнику и принес ему мешочек риса, тот сказал:

– Друг мой, должен сообщить вам, удивительные вещи случились с тех пор, как мы виделись в последний раз. Даже не могу предположить, отчего такой недостойный человек, как я, избран лицезреть такое. Думаю, причиной тому мои многолетние религиозные бдения – медитация и ежедневное чтение священных сутр. Полагаю, поэтому избран я удостоиться великой чести. Не уверен, что это мне по заслугам. Но уверен, что сам *Фугэн Босацу* каждую ночь является в этот храм, восседая на своем слоне...⁷⁰ Оставайтесь сегодня на ночь, друг мой, и тогда вы сами сможете увидеть чудо и вознести благодарственную молитву Будде.

На эти слова охотник отвечал:

– Великая честь удостоиться священного видения. С огромной радостью останусь с вами и вознесу благодарственную молитву Владыке Неба.

Так охотник остался в храме. В то время как святой человек погрузился в свои религиозные бдения, охотник принялся размышлять о том видении, что ему предстояло лицезреть, и начал сомневаться: а возможно ли это в принципе? И чем больше он думал, тем сильнее охватывали его сомнения.

Кроме просвещенного монаха, в храме обитал еще один человек – мальчик. Он прислуживал настоятелю и был его учеником. И вот охотник, улучив минуту, решил порасспросить и его.

– Священник сообщил мне, – сказал охотник, – что сам *Фугэн Босацу* является в этот храм каждую ночь. Скажи, ты тоже видел его?

Мальчик отвечал:

– Уже шесть раз. Я видел и ревностно возносил молитвы божественному *Фугэну Босацу*!

Ответ мальчика не развеял сомнений охотника. Напротив, только усилил их, хотя он и верил, что тот говорит правду. Слова ребенка подтверждали, что и он сможет увидеть то, что видели другие. Потому мужчина с нетерпением ожидал часа, когда случится удивительное событие.

Незадолго до полуночи священник провозгласил:

– Настало время подготовиться к явлению *Фугэна Босацу*!

Растворили ворота храма; монах опустился на колени у входа и обратил лицо на восток. Мальчик-служка тоже встал на колени – по левую руку от учителя. Охотник сделал то же самое за спиной священника.

Шла двадцатая ночь девятого месяца – она была мрачной, темной и очень ветреной. Все трое долго ожидали явления *Фугэна Босацу*. Но наконец на востоке возникло маленькое пятно

⁷⁰ *Фугэн Босацу* (в народном буддизме известен также как *Фугэн Эммэй Босацу* – #####) – в японской буддийской мифологии бодхисатва, который воплощает дух просветления. Обычно *Фугэна Босацу* изображали сидящим верхом на белом слоне. Считалось, что он приносит удачу и долголетие.

белого света. Оно разгоралось и быстро увеличивалось в размерах, становилось все больше и больше и все ярче сияло, пока свет его не залил весь склон горы. И тогда нечто внутри яркого пятна стало обретать форму – очертания божества, восседающего верхом на ослепительно-белом слоне о шести бивнях. И вот через мгновение слон с сияющим всадником уже оказался подле храма и застыл – огромный, как скала, залитая лунным светом, прекрасная и устрашающая.

Пораженные зрелищем, монах и мальчик простерлись ниц и стали возносить молитвы, обращенные к Фугэну Босацу. Совсем по-другому повел себя охотник. Внезапно он встал во весь рост, выхватил лук, натянул его в полную силу и послал длинную стрелу прямо в божество. И было ясно видно, как она вонзилась ему в грудь, войдя на всю длину, до оперения.

В то же мгновение раздался рокот, подобный раскату грома; свет угас, и видение исчезло. И перед храмом уже не было ничего – только тьма, да ветер завывал в скалах.

– О жалкий, никчемный человек! – вскричал монах. И в голосе его отчетливо слышались стыд и отчаяние. Он плакал. – Злой, ничтожный! Что ты наделал? Что же ты наделал?

Но охотник слушал упреки священника без всяких признаков раскаяния и гнева. А затем смиренно произнес:

– Досточтимый! Пожалуйста, постарайтесь успокоиться и выслушайте меня. Вы думали, что сподобились лицезреть Фугэна Босацу, полагая, что заслужили это своим благочестивым поведением, медитациями и чтением священных сутр. Но в таком случае Владыка Неба должен был явиться только к вам одному – ни ко мне, ибо я недостойн, ни даже к мальчику, вашему ученику. Кто я такой? Ничтожный охотник, тот, для кого убийство – профессия. А ведь согласно учению Будды, забрать жизнь другого существа – тягчайшее деяние. Так как же я могу быть избранным и узреть Фугэна Босацу? Меня учили, мне объясняли, что Будда вездесущ. Он всегда рядом. Но мы не способны узреть его только потому, что грешны, суетны и неблагочестивы. Вот вы – человек ученый, благонравный и набожный – вам, может быть, и дарована способность увидеть Владыку Неба. Но как тот, кто убивает животных для изыскания пропитания, может быть вознагражден такой честью – зреть божественный лик? Но и я, и этот маленький мальчик – мы оба видели то, что видели и вы! Разрешите мне уверить вас, святой отец, что все мы лицезрели не божественного Фугэна Босацу, а дьявольское создание, намеревавшееся смутить и подчинить вас, а затем, возможно, и погубить. Прошу вас, успокойтесь. Повремените сокрушаться, упрекать и проклинать меня. Хотя бы до утра. А там я представлю вам доказательства своей правоты. Вот увидите.

С наступлением рассвета монах и охотник поспешили к тому месту, где материализовалось видение. Тщательно исследовав его, они обнаружили едва заметный след – цепочку из капель крови. Они пошли по следу и через несколько сот метров наткнулись на мертвую тушу огромного барсука, пронзенного стрелой охотника.

Таким образом, монах, хотя и был личностью весьма просвещенной и благочестивой, мог с легкостью стать жертвой барсука – существа, что издревле является орудием дьявольских сил. Но охотник, человек совсем незаметный и нерелигиозный, был наделен обычным здравым смыслом. Только он и помог ему рассуждать трезво. Потому охотник сумел понять природу опасного видения и разрушить дьявольские планы.

Живой призрак

Некоторое время назад в новой столице страны, в Эдо, в квартале Рэйгандзима, был большой магазин, торговавший фарфором. Назывался он Сэтомонодана, а владел им один очень богатый человек. Его звали Кихэй. У господина Кихэя приказчиком долгое время служил некий Рокубэй. Под его управлением торговля процветала, и в конце концов предприятие достигло таких масштабов, что Рокубэю стало трудно все контролировать без помощника. Поэтому он обратился к хозяину, испросив у того разрешение нанять опытного работника себе в помощь. А получив таковое, взял на работу одного из собственных племянников. Тому сравнялось двадцать два года, но он уже обладал солидным опытом, поскольку специально учился торговле фарфором в Осаке.

Племянник оказался очень толковым помощником – не менее практичным и сметливым, нежели его многоопытный дядюшка. Предприятие процветало и постоянно расширялось, принося все больше дохода, чему Кихэй был весьма рад. Но, прослужив примерно семь месяцев, молодой человек вдруг серьезно заболел, и похоже было на то, что болезнь его смертельна. Лучшие врачи со всего Эдо пытались лечить юношу, но никто из них не мог уяснить природу заболевания, и поскольку установить диагноз не смогли, то никакого курса лечения и никаких медицинских препаратов ему не выписали. Но выразили единодушное мнение, что фатальный недуг вызван неким тайным горем, что терзает юношу.

Рокубэй вообразил, что причиной могла стать безответная любовь, и потому сказал племяннику такие слова:

– Я много думал о твоей болезни и вот что решил: ты очень молод, а потому вероятно, что ты втайне влюблен. Но чувство твое не имеет выхода, и это делает тебя несчастливym. Быть может, именно поэтому ты и заболел. Если это так, тебе, конечно, следует рассказать мне обо всем. Ведь твои родители далеко от тебя, и потому я тебе вместо отца. Если лежит на твоём сердце печаль или что-то тревожит тебя, только скажи мне – я сделаю все, что сделал бы для тебя твой отец. Если делу помогут деньги, не стыдись признаться, даже если денег потребуется много. Я думаю, что смогу помочь тебе. К тому же уверен, что и наш хозяин был бы рад сделать что-нибудь, чтобы ты вновь стал здоровым и счастливым.

Юношу смутили слова дядюшки, и некоторое время он молчал. Затем собрался с духом и ответил:

– Никогда не забуду я ваших добрых слов. Но нет у меня на сердце тайной страсти, поскольку нет у меня любовного чувства к женщине. Но и болезнь моя не из тех, что способны излечить доктора. И меньше всего здесь могли бы помочь деньги. А истина заключается в том, что все время, пока я живу в этом доме, меня терзают и преследуют. Да так жестоко, что едва ли мне удастся выжить. Всегда – днем ли, ночью ли – и везде: нахожусь ли в магазине или в своей комнате; один ли я или в компании, но меня всегда преследует и жестоко мучает призрак женщины. И я давно уже не сплю. Потому что едва я сомкну глаза, как тут же является этот призрак, хватая меня за горло и пытается задушить...

– А почему же ты не говорил мне об этом прежде? – спросил дядя.

И племянник отвечал ему:

– Потому что считал, что нет в этом смысла – рассказывать вам. Это привидение – не призрак мертвого человека, но порождение ненависти живого, точнее, живой – женщины, которую вы очень хорошо знаете.

– Кто же это? – в глубоком изумлении спросил Рокубэй. Он сразу понял, что племянника преследует *икирё* – живой призрак. Он слышал о них и знал, что порождает их ужасная злоба того, чья ненависть так велика, что она воплощается в привидение-икирё, которое стремится

уничтожить того, на кого направлено это чувство. Причем тот, кто породил призрака, и сам не знает о его существовании. Это порыв души и от сознательной воли не зависит.

– Хозяйка нашего дома, – прошептал юноша, – супруга Кихэя-сама... Это она хочет убить меня.

Признание племянника изрядно озадачило Рокубэя. Он не сомневался, что молодой человек сказал правду, но не мог вообразить причину, по которой хозяйка вспылала к его родственнику такой ненавистью. Икирё может вызвать отвергнутая любовь или насилие, учиненное над женщиной. Но предположить нечто подобное в данной ситуации немыслимо, тем более что жене хозяина уже за пятьдесят. Но с другой стороны, что мог сделать племянник, чтобы возбудить такую ненависть? Ненависть, способную к воплощению икирё? Он воспитан, неизменно учтив, его поведение всегда безукоризненно, он с рвением относится к своим обязанностям... Самостоятельно отгадать загадку Рокубэй не мог и, серьезно поразмыслив, решил-таки обо всем рассказать хозяину и попросить того провести расследование.

Кихэй был поражен. Но у него не было оснований не доверять словам своего приказчика, ведь тот служил ему сорок лет и ни разу не обманывал. Он тотчас призвал к себе жену и стал осторожно ее расспрашивать, пока не вывел разговор на болезнь юноши. И вот тогда сказал, что ему стало известно. Сперва женщина смертельно побледнела, затем разрыдалась, но потом, запинаясь, стала рассказывать, и рассказ ее был искренним:

– Я предполагаю, то, что рассказал молодой приказчик об икирё, может быть правдой, – призналась она. – Хотя очень старалась ни словом, ни взглядом не выразить той антипатии, что испытываю к нему. Вы знаете, что он очень ловок в коммерции – ему удастся все, что бы он ни затеял. И вы наделили его большими полномочиями в торговле. Вы дали ему большую власть. Такой не обладают наемные работники и слуги. А ваш единственный сын, который должен унаследовать дело, такой простодушный... Его легко обмануть. И я давно уже думаю, что этот ваш новый умный приказчик станет обманывать нашего мальчика и завладеет всем. Я на самом деле считаю, что этот молодой человек в любое время без малейшего труда и риска для себя сможет разрушить ваше предприятие и оставить моего сыночка ни с чем. Эта мысль укрепилась в моем сознании, и я не могла не бояться и не ненавидеть этого человека. Часто – очень часто – я желала ему смерти; я даже сожалела, что нет у меня власти убить его... Да, я знаю, это большой грех – так кого-нибудь ненавидеть... Но не могла совладать с чувствами. Дни и ночи я думала об этом юноше и желала ему зла. И потому нет у меня сомнений, что все, о чем вам говорил Рокубэй, – истина и юношу действительно преследует призрак...

– Как все это нелепо! – воскликнул Кихэй. – Разве можно так мучить себя? За все время, что молодой человек работает у нас, он не сделал ничего такого, что ему можно поставить в вину! А вы заставили его так жестоко страдать! Теперь мне придется отослать и его, и дядю в другой город, чтобы они там наладили дело... Ведь нет другого способа заставить вас добрее относиться к нему?

– Если вы удалите его из этого дома и отправите подальше – так, что я смогу не видеть дольше это лицо и не слышать этот голос, думаю, я сумею изжить свою ненависть.

Так жена отвечала своему мужу.

– Что ж, попытаемся поступить таким образом, – отвечал супруг. – Потому что если вы по-прежнему будете все так же ненавидеть юношу, то он, без сомнения, умрет. А на вас ляжет вина в смерти человека, который не сделал нам ничего, кроме добра. Что ни говори, а работник он замечательный.

После этого разговора Кихэй не мешкая отдал необходимые распоряжения, с тем чтобы учредить отделение торгового дома в другом городе. И отправил туда Рокубэя и его племянника наладить дело. Икирё перестал терзать юношу, и вскоре он выздоровел.

Сирё

71

По смерти Номото Ядзиэмона, который исполнял обязанности дайкана провинции Этидзэн⁷², несколько его ближних чиновников вступили в преступный сговор, задавшись целью обмануть семью покойного повелителя. Под предлогом уплаты долгов, что оставил после себя их хозяин, они завладели всеми деньгами, ценностями и даже мебелью в его доме. Более того, они сфабриковали несколько документов, из которых следовало, что покойный украл из казны средства, которые намного превышали стоимость всего его движимого и недвижимого имущества. Они составили соответствующий доклад и отправили его в столицу управляющему делами сёгуна. Ознакомившись с материалами, тот издал указ, изгоняющий вдову покойного с детьми из провинции Этидзэн. Ибо в те времена семья чиновника даже после его смерти несла ответственность за все деяния, что он совершил.

Но в тот самый момент, когда вдове официально объявили о решении, произошло нечто странное. Одна из служанок вдруг упала и забилась в конвульсиях. Когда судороги закончились, она встала и попросила позвать чиновников, объявивших волю управляющего делами сёгуна, а также тех, кто составлял ближний круг помощников покойного господина Номото.

Когда все собрались, она стала говорить:

– Послушайте меня! Не думайте, что с вами разговаривает девушка-служанка. Нет! С вами говорю я – Номото Ядзиэмон, обращаясь к вам из царства мертвых! В горе и в гневе вернулся я из мира теней – и эти гнев и горе вызвали у меня те, на кого я тщетно уповал! О вы, гнусные и неблагодарные мои помощники! Как вы могли забыть о той благосклонности, что я неизменно к вам испытывал? И вместо благодарности вы решили опозорить мое имя и лишить мою семью имущества! Сейчас – в моем присутствии – возьмите бухгалтерские книги у меня в канцелярии, а также те, что находятся у меня в доме, и сравните их с *книгами Мэцукэ*⁷³, и вы все увидите сами!

Едва девушка начала говорить, как все присутствовавшие замерли в изумлении и замешательстве – настолько голос ее, его тембр и интонации, походил на голос покойного Номото. Лица чиновников, виновных в преступлении, смертельно побледнели. А те, кто был послан из столицы объявить указ сёгуна, напротив, изъявили желание немедленно проверить слова, сказанные девушкой. Тут же принесли книги Мэцукэ, а следом документы из канцелярии и домашние бухгалтерские книги. Все это выставили перед девушкой. Она раскрыла и принялась изучать их, выписывая итоговые цифры, сверяя их и тут же обнаруживая ошибки, приписки и намеренные искажения. И когда она писала, все видели, что почерк у нее совершенно совпадает с почерком покойного Номото.

Анализ счетов, проведенный ею, убедительно показал, что за время правления умершего губернатора не только не осталось долгов, но, напротив, доходы изрядно превысили расходы. Так вина злоумышленников была полностью доказана.

И вот, когда все счета были проверены и все итоговые цифры выведены, девушка сказала голосом Номото Ядзиэмона:

⁷¹ Слово «сирё» буквально означает «призрак мертвеца», то есть призрак умершего человека; употребляется он как антоним к «икирё» – «призрак живого человека». И то и другое понятие в основе своей имеют слово «юрэй», которым японцы обозначают любые привидения. (*Примеч. авт.*)

⁷² В эпоху сёгуната в Японии провинциями управляли специальные чиновники – дайканы. Они были наделены полномочиями исполнительной и судебной власти на вверенной им территории. (*Примеч. авт.*)

⁷³ *Книги Мэцукэ* – официальные правительственные документы, которые должны были фиксировать все дела и расходы местных правителей и судей; инспекции и проверки основывались на анализе записей из этих книг. (*Примеч. авт.*)

– Вот теперь все сделано. И ничего более этого сделать я уже не могу. Потому настало мне время удалиться туда, откуда я пришел.

Закончив свою речь, она упала без чувств и немедленно заснула глубоким сном; и сон ее был беспробудным; и проспала она – бесчувственная, как мертвец, – два дня и две ночи. А когда проснулась, и голос ее, и манеры, и поведение были присущи ее полу, возрасту и положению. И совсем ничего не помнила она о том, что делала и говорила, когда в нее вселился призрак ее господина.

Отчет о происшествии был отправлен управляющему делами сёгуна; в связи с открывшимися обстоятельствами тот не только отозвал ранее объявленный указ, но и наградил вдову и семью покойного дайкана. А о заслугах и честности Номото Ядзиэмона стало известно повсеместно. Род покойного губернатора процветал долгие годы после его смерти и возвысился. А преступные чиновники понесли наказание – такое, какое они и заслужили.

История О-Камэ

В Нагоси, что в провинции Тоса, жила молодая женщина по имени О-Камэ. Родом она происходила из богатой семьи и была счастлива в замужестве – очень любила своего мужа, которого звали Хатиэмон. Оба были молоды – ей сравнялось двадцать два, а супругу – двадцать пять лет. Любовь О-Камэ была столь велика, что люди полагали, при этом она должна быть ревнива. Но ее муж никогда не давал даже малейшего повода для ревности; более того, совершенно точно известно, что они никогда не ссорились.

Увы, здоровье у О-Камэ было слабым. Двух лет она не прожила в браке, как заболела. Болезнь эта часто поражала местных жителей, но даже лучшие доктора не знали, как ее лечить. Заболевшие не могли ни есть, ни пить; они становились сонными и вялыми, их мучили странные фантазии. Несмотря на постоянный уход, О-Камэ слабела день ото дня, и вскоре даже ей стало ясно, что она умирает.

Тогда она призвала мужа и сказала ему:

– Не могу выразить, как я признательна вам за то, что даже в скорбные дни болезни вы ни разу не выказали недовольства – ни словом, ни жестом. Воистину нет человека лучше вас! Но от осознания этого мне еще труднее будет уйти... Только подумайте – мне нет еще и двадцати пяти, но я должна умереть!.. Нет-нет! – бессмысленно говорить мне о том, что нельзя отчаиваться, нужно надеяться... Даже лучшие китайские врачи ничем не могут мне помочь. Говорят, что я могу прожить еще несколько месяцев, но, когда сегодня утром я взглянула в зеркало и увидела отражение своего лица, я поняла, что умру сегодня – да-да, именно сегодня. И потому я послала за вами. Есть у меня просьба, и я хочу, чтобы вы обещали мне исполнить ее – тогда я умру счастливой.

– Только скажите мне, чего вы хотите, и, если это в человеческих силах, я с радостью исполню ваше желание, – так говорил ее супруг.

Но она отвечала:

– Нет-нет! – едва ли вас обрадует мое желание – ведь вы так молоды! Это так трудно – очень-очень трудно! – даже вымолвить, а не то что попросить... Но желание это страстно – оно горит огнем в моей груди!.. Я должна сказать это, пока не умерла... Мой дорогой, мой любимый! После моей смерти рано или поздно, но ваши родители захотят, чтобы вы взяли в жены другую женщину... Обещайте мне – вы же можете пообещать мне? – не жениться снова...

– Только и всего? – воскликнул ее супруг. – Если это все, о чем вы хотели попросить, я обещаю вам исполнить просьбу. Клянусь сердцем, что никакая женщина никогда не займет вашего места!

– О! Какое счастье! – воскликнула О-Камэ, приподнявшись на ложе. – Как радостно знать это!

С этими словами она упала навзничь и умерла.

Но теперь, после смерти жены, и здоровье самого Хатиэмона пошатнулось. Поначалу прискорбные изменения в его внешнем виде приписали горю, которое он испытывал после смерти жены.

Между собой односельчане даже говорили:

– Смотри-ка, как сильно он ее, должно быть, любил! Видишь, как переживает – совсем с лица спал!..

Но проходили дни, недели складывались в месяцы, а он, вместо того чтобы оправиться, все бледнел и слабел, пока наконец совсем не высох, и стал больше походить на призрака, нежели на живого человека. Тогда люди начали подозревать, что горе, как бы глубоко оно ни было, не могло стать источником таких разительных перемен у совсем молодого еще человека.

Обратились к докторам, и те заявили, что у него нет никакой болезни. Во всяком случае, им такое заболевание неизвестно. Однако состояние молодого человека говорило о том, что он недужен. Врачи предположили, что причина кроется не в теле, а в душе. Но напрасно родители расспрашивали его – он отвечал, что у него нет иных причин для горя, кроме тех, о которых они знали. Они советовали ему жениться снова, но он отвечал:

– Ничто на свете не заставит меня изменить клятве, что я дал умирающей супруге.

Дни проходили за днями, молодой мужчина продолжал таять на глазах, и семья всерьез стала опасаться за его жизнь.

Однажды его мать, которая была уверена, что сын знает причину, но скрывает ее от родных, упала перед ним на колени и так горько плакала, умоляя открыть правду, что он не смог устоять и сказал:

– Мама! Мне очень трудно говорить об этом – вам или кому-нибудь другому, и, вероятно, в то, о чем я вам скажу, вы не поверите. Истина такова: О-Камэ не может обрести успокоение в ином мире. Быть может, те ритуальные обряды и погребальные молитвы, что были вознесены, не возымели нужного действия. И похоже на то, что она не сможет обрести покоя до тех пор, пока я не соединюсь с нею навсегда, уйдя следом. Каждую ночь она приходит домой и ложится со мной разделить супружеское ложе. Она возвращается с самого дня похорон, каждую ночь. И иногда я даже сомневаюсь, что она действительно умерла, – она выглядит и ведет себя точно так, как тогда, когда она была жива. Единственное отличие – она разговаривает едва слышным шепотом. И всегда просит меня никому не рассказывать, что приходит. Может быть, она хочет, чтобы я тоже умер; а я не настолько эгоистичен, чтобы жить только для себя. Но вы совершенно правы, говоря, что плоть моя – это ваша плоть и я принадлежу не только себе, и у вас я в вечном долгу... Но теперь, мама, вы знаете всю правду... Да, она является постоянно, как только я начинаю засыпать. И остается почти до зари. И как только бьет храмовый колокол, оповещающая о наступлении утра, она исчезает.

Стоит ли говорить, как сильно встревожилась мать, услышав рассказ сына? А потому сразу поспешила в храм и рассказала все его настоятелю. А затем принялась слезно умолять о помощи. Священник был человеком преклонных лет и с большим опытом, поскольку всю жизнь посвятил служению. Он выслушал женщину. И если был удивлен, то никак не проявил своих чувств и сказал:

– Не впервые я слышу о таких вещах. Думаю, что смогу спасти вашего сына. Но он на самом деле в великой опасности. Я увидел тень смерти на его лице. И если О-Камэ еще раз вернется, то белого света ему вновь уже не увидеть. Что бы мы ни предприняли в помощь, делать все нужно очень быстро – времени у нас почти нет. Ничего не говорите сыну, но как можно скорее соберите всех членов обеих семей и попросите, чтобы не мешкая они собрались в храме. Для спасения вашего сына нам необходимо вскрыть могилу О-Камэ.

Когда все родственники собрались в храме, священник обратился к ним и объяснил, что ему необходимо их согласие на вскрытие захоронения. Получив дозволение, он немедленно отправился на кладбище. Там, следуя его указаниям, подняли надгробный камень, разрыли могилу О-Камэ и достали гроб.

Когда с него сняли крышку, присутствовавшим открылась необычная картина, всех изумившая: О-Камэ сидела в гробу⁷⁴ с улыбкой на устах и была очень красивой – такой, как до болезни, и тление совсем не коснулось ее. Но когда по приказу священника женщину извлекли

⁷⁴ В Японии покойных помещают в гроб сидя и так хоронят. Соответственно, гроб имеет квадратную форму. (Примеч. авт.)

из гроба, удивление сменилось ужасом, поскольку на ощупь тело ее было теплым, словно по жилам его продолжала течь кровь. Более того, оно сохранило гибкость, хотя, разумеется, такого не должно было случиться – ведь усопшая так долго находилась в гробу.

Мертвое тело перенесли в погребальную часовню. Здесь священник собственноручно, вооружившись кисточкой, нанес на лоб, грудь и конечности покойной специальные священные письмена на санскрите. А потом, перед тем как поместить тело О-Камэ обратно в могилу, исполнил религиозные ритуалы и вознес поминальные молитвы, что читают в особых случаях...

О-Камэ никогда больше не приходила к своему мужу по ночам, и постепенно здоровье мужчины восстановилось. Но всю ли свою жизнь он хранил верность данному ей слову, об этом японский рассказчик умалчивает.

История о мухе

Около двух столетий назад⁷⁵ жил в Киото один торговец. Звали его Кадзария Кубэй. Его магазин стоял на улице Тэраматидбри, к югу от широко известной торговой улицы Симабара. В его доме прислугой трудилась девушка из провинции Вакаса по имени Тама.

Хозяин и его жена хорошо относились к девушке, и похоже на то, что и она была искренне к ним привязана. Но она никогда не одевалась нарядно, как другие девушки. Даже когда у нее был выходной, из дому она выходила неизменно в рабочей одежде, несмотря на то что хозяева справили ей несколько красивых платьев. Прослужила она уже пять лет, и вот однажды хозяин спросил ее, почему она не носит украшений и не одевается нарядно, как другие.

В ответ на этот вопрос щеки у девушки вспыхнули, но отвечала она ровным голосом:

– Когда мои родители умерли, я была еще совсем маленькой. А поскольку детей, кроме меня, у них не было, на меня легла обязанность справить все поминальные ритуалы. Понятно, что денег у меня на это не было, и потому я решила поместить посмертные таблички моих родителей в храм – пусть они побудут там, пока я не заработаю достаточно денег, чтобы оплатить необходимые службы и моления. Чтобы выполнить свой обет, я сберегала все свои деньги – ничего не тратила. И нарядные платья не носила тоже поэтому. Возможно, я переусердствовала, поскольку вы, мой хозяин, сделали мне замечание, что я выгляжу недостойно моего положения. Но теперь я скопила почти сто серебряных монет, и этой суммы достаточно для осуществления тех целей, о которых я говорила. Я исправлюсь, мой господин, и постараюсь отныне одеваться так, чтобы вам было приятно на меня смотреть. Потому прошу вас извинить меня за невоспитанность и неряшливость. Больше этого не повторится.

Хозяин был глубоко тронут простодушным рассказом и в ответ очень мягко сказал, что она может одеваться так, как ей заблагорассудится, и что он очень уважает ее за то, что она глубоко почитает родителей и так самоотверженно стремится выполнить свой долг перед ними.

Вскоре после этого разговора Тама смогла забрать поминальные таблички из храма, оплатив все необходимые поминальные ритуалы и службы. На это у нее ушло около семидесяти серебряных монет и осталось еще тридцать. Она отдала деньги хозяйке – с тем чтобы та их сохранила.

Но пришла зима, и в самом ее начале девушка внезапно заболела. Болела она недолго, но тяжело и вскоре умерла. Случилось это на одиннадцатый день первого месяца эпохи Гэнроку [в 1702 году]. Кубэй и его жена сильно горевали по поводу ее безвременной смерти.

Десять дней спустя в комнату, где сидел Кубэй, влетела большая муха и принялась кружиться вокруг его головы. Это его немало удивило, поскольку в холодное время года, тем более зимой, насекомые не летают. Да и летом такие большие мухи встречаются крайне редко. Муха преследовала Кубэя так настойчиво, что он принужден был поймать ее и выпустить в окно. Естественно, он постарался проделать это так, чтобы не нанести вреда насекомому, – ведь он был человеком верующим, а Будда настрого запрещает наносить вред живому. Но насекомое вскоре вернулось и вновь принялось кружить, и ему пришлось опять поймать и выпустить ее. Но муха залетела в третий раз. И тогда жена Кубэя решила, что это неспроста – это знак. Она сказала:

– Я думаю, что это Тама.

Она знала, что мертвые – по крайней мере, некоторые из них – возвращаются в мир людей, и нередко именно в обличье насекомых.

⁷⁵ То есть в самом начале XVIII в.

Кубэй рассмеялся в ответ и сказал:

– Ну, тогда давай узнаем, так ли это. Пометим ее.

Поймав опять муху, он взял ножницы и аккуратно – чтобы, не дай бог, не поранить – надрезал ей кончики крыльев. Затем, осторожно зажав насекомое в кулаке, вышел из дому, отошел на приличную дистанцию и только тогда выпустил муху.

На следующий день она вернулась. Кубэй опять поймал ее. На этот раз он пометил красной краской ее крылья и тельце и снова выпустил – теперь отойдя далеко от дома.

Но два дня спустя муха – вся красная – вернулась. И Кубэй перестал упорствовать, признав правоту жены.

– Думаю, что это все-таки Тама, – сказал он. – Что-то ей нужно. Но чего она может от нас хотеть?

Жена ответила ему:

– Те тридцать серебряных монет *моммэ*, что она оставила мне на хранение, – они все еще у меня. Может быть, она хочет, чтобы я отнесла ее деньги в храм и заплатила монахам, чтобы те исполнили все необходимые ритуалы? Возможно, этого желает ее дух? Вы знаете, Тама всегда очень переживала по поводу своего очередного перерождения...

И только она произнесла это, как муха вдруг упала на пол с бумажного экрана, закрывавшего окно, где до этого сидела. Кубэй подошел, поднял ее и обнаружил, что она мертва.

Муж и жена решили, что они немедленно должны пойти в храм и отдать деньги, что принадлежали девушке, монахам. Они взяли маленькую коробочку, положили в него насекомое и с деньгами отправились туда.

Дзику Сёнин, настоятель храма, выслушав историю, которую ему поведали Кубэй и его жена, сказал, что они поступили правильно. Затем он вознес молитвы и отслужил *сэгаки* – поминальную службу по душе Тама. Потом восемь раз прочитал священные сутры *Мётэн*. После этого коробочку с насекомым отнесли на кладбище храма и там, с соблюдением всех погребальных обрядов, захоронили. А на холмике установили *сотоба*, маленькую надгробную плиту, с соответствующей надписью.

История о фазане

В местечке под названием Тояма, в провинции Бисю, жил прежде один крестьянин с женой. Дом их стоял среди холмов, в уединенном пустынном месте.

Однажды ночью жене крестьянина приснился сон, что ее приемный отец, который умер уж несколько лет тому назад, пришел к ней и сказал:

– Завтра меня ожидает великая опасность. Постарайся спасти меня, если сможешь!

Утром она рассказала о том, что ей приснилось, своему мужу. Оба сошлись во мнении, что сон этот неспроста: что-то нужно мертвому человеку. Но ни тот ни другой не могли вообразить, что именно.

После завтрака муж отправился в поле, а жена осталась дома и уселась за ткацкий станок. Но долго ткать ей не пришлось – от дела ее оторвал шум с улицы. Она подошла к двери, выглянула и увидела, что к их дому приближается группа охотников, во главе которой шел сам Дзито – управитель и главный судья провинции. Пока жена стояла в дверях, рассматривая процессию, мимо нее проскочил фазан, и она внезапно вспомнила свой сон.

«А может быть, это и есть мой отчим, – сказала она себе. – Тогда я должна попытаться спасти его!»

Хозяйка поспешила следом за птицей – это был крупный фазан-самец, – без труда поймала его и посадила в пустой ларь для риса, который сверху накрыла крышкой.

Несколько мгновений спустя в дом вошли охотники и спросили, не видела ли она фазана. Она смело отвечала, что не видела. Но один из охотников возразил, что доверяет собственным глазам: он заметил, как фазан заскочил в дом. Тогда пришедшие взялись обыскивать жилище: все обшарили, заглянули в каждый угол и закуток, но никто из них, разумеется, не догадался осмотреть рисовый ларь. Потом кто-то предположил, что фазан, заскочив в дом, должно быть, тут же и выскочил – через дыру в стене, что обнаружилась во время поисков. С тем они и покинули дом крестьянина.

Когда хозяин вернулся домой, жена рассказала ему о фазане. Он так и сидел в ларе.

– Ты можешь посмотреть на него сам, – сказала жена. – Когда я взяла его в руки, он совсем не сопротивлялся, а когда пришли охотники, он сидел тихо-тихо. Я думаю, что это на самом деле мой отчим.

Крестьянин подошел к ларю, поднял крышку и достал птицу. И действительно, она совершенно не сопротивлялась, словно была ручной, и смотрела на мужчину так, будто видеть его – привычное для нее дело.

– Смотри-ка, твой отец был слеп на один глаз, – сказал крестьянин, – на правый; и у птицы правый глаз тоже слепой. Ты взгляни! Она даже глядит на тебя точно так, как папа смотрел, – с тем же выражением!.. Бедный отец! Он, должно быть, сейчас говорит себе: «В этом, теперешнем существовании я – птица, и, конечно, будет лучше, если тело мое съедят мои дети, нежели оно достанется охотникам...» И это объясняет тот сон, что приснился тебе ночью, – добавил он, оборачиваясь к жене.

Лицо его исказила зловещая ухмылка, он сжал руку и свернул птице шею.

При виде такой жестокости жена вскрикнула и разрыдалась:

– О! Чудовище! Ты – дьявол! Только человек без сердца способен совершить то, что сделал ты!.. Да я лучше умру, чем хоть на мгновение останусь женой такого мерзавца!..

И она бросилась к двери как была – босая, – выскочила из дому и побежала прочь. Муж догнал ее, схватил за рукав кимоно, но она вырвалась и побежала дальше, рыдая. И так она бежала не останавливаясь до тех пор, пока не достигла города, а там сразу же направилась к

резиденции Дзито. Давясь слезами, она все рассказала правителю: о своем видении, о том, как спасла фазана от охотников, и о том, как муж глумился и как он убил фазана.

Правитель выслушал женщину и был с ней ласков; он дал указание слугам, чтобы о ней позаботились, и приказал своим подчиненным, чтобы мужа женщины арестовали.

На следующий день крестьянин предстал перед судом. После того как он признался, что действительно убил фазана, ему вынесли приговор. Дзито сказал:

– Только человек с сердцем дьявола мог поступить так, как поступил ты; твоя извращенная душа способна принести несчастье тем, среди которых волей обстоятельств ты оказался и живешь. Люди, полномочиями управлять которыми я наделен, уважают сыновние чувства и память предков; и жить рядом с ними ты недостоин.

Крестьянин был приговорен к изгнанию из провинции, и под страхом смерти ему запретили возвращаться обратно. Женщине управитель провинции даровал надел земли, а некоторое время спустя подыскал ей и мужа – достойного человека.

История Тюгоро

Много лет тому назад в квартале Коисикава в Эдо жил один *батамото*⁷⁶, которого звали Судзуки. Его двор располагался на берегу реки Эдогава, неподалеку от моста *Нака-но-хаси*. Среди вассалов этого Судзуки был один самурай по имени Тюгоро. Чин у него был невелик: он служил всего лишь *асигару*, то есть, по сути, обычным стражником. Тем не менее Тюгоро любили товарищи, да и внешность он имел приятную, был умен и воспитан.

Несколько лет он служил Судзуки и зарекомендовал себя с самой лучшей стороны – никаких нареканий не имел. Но вот однажды его товарищи, такие же асигару, как и он, заметили, что Тюгоро каждую ночь, через ворота, которые ведут в сад, уходит из казармы и возвращается назад только перед самым рассветом. Поначалу, заприметив столь странное поведение, они ничего не сказали. Это никак не вредило службе – свои обязанности Тюгоро выполнял безупречно, и сослуживцы решили, что причина ночных прогулок – некая любовная интрижка. Но вскоре стали замечать, что лицо самурая осунулось и побледнело и он явно ослаб. Тогда они решили вмешаться и поговорить с ним. И вот вечером, в то время, когда он обычно собирался уходить, к нему подошел старший товарищ и отозвал в сторону. Он сказал:

– Тюгоро, друг мой, мы знаем, что вы каждый вечер уходите из казармы и возвращаетесь только перед рассветом. Но тревожит нас не это – мы заметили, что в последнее время вы стали плохо выглядеть. Мы беспокоимся: видно, вы попали в дурную компанию и это скверно отражается на вашем здоровье. И хотя по службе к вам нет нареканий, мы полагаем, что должны обо всем донести старшему офицеру. В любом случае, поскольку мы – ваши друзья, нам следует знать, куда вы ходите по ночам. Тем более что такие отлучки не в традициях самураев этого дома.

Тюгоро был явно взволнован и обеспокоен тем, что услышал. В сопровождении своего товарища он вышел в сад и после недолгого молчания, убедившись, что никто больше не может их услышать, заговорил:

– Я расскажу вам все. Но должен просить вас не разглашать моего секрета. В ином случае меня могут ждать серьезные неприятности.

Затем продолжал:

– Случилось все в самом начале весны – около пяти месяцев тому назад. Как раз тогда я и стал уходить на ночные свидания. А началась все с того, что однажды вечером я возвращался от своих родителей. Уже подходя к дому нашего господина, увидел женщину на берегу реки – она стояла неподалеку от главных ворот. Одетая она была как богатая и знатная дама. Мне показалось странным это – что может делать одинокая женщина высокого звания в столь поздний час на берегу? В то же время я понимал, что у меня нет права спрашивать ее об этом. Потому, поравнявшись с нею, ничего не сказал, но она, взяв за рукав, сама остановила меня. Тогда я увидел, что она молода и хороша собой. Незнакомка сказала: «Не будете ли вы столь любезны проводить меня до моста? Я хочу кое-что вам сказать».

Голос у нее был мягкий и приятный; и она улыбалась, когда говорила; противостоять ее улыбке было невозможно. И я пошел с нею к мосту. Пока мы шли, она поведала, что много раз видела меня, когда я уходил домой или возвращался в казарму, и призналась, что прониклась ко мне симпатией. А потом сказала: «Я хочу, чтобы вы стали моим мужем. И если я вам нравлюсь, мы можем принести счастье друг другу».

Я не знал, что мне ей ответить, но она была так красива... Мы подходили к мосту, когда она снова взяла меня за рукав и потянула; я пошел следом, и она увлекла меня на берег, прямо к реке.

⁷⁶ *Батамото* – богатый и знатный самурай, приближенный к сёгуну.

«Пойдемте со мной», – прошептала она и потащила к воде.

Вам известно, что там глубоко. Я испугался и попытался вернуться назад. Она засмеялась, взяла меня за запястье и произнесла: «О! Со мной вам нечего бояться!»

И вот что странно: когда она взяла меня за руку, силы вдруг покинули меня и я стал совершенно беспомощен – как ребенок. Я был словно в тумане – так бывает: ты спишь и тебе снится, что ты должен бежать, но не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Она вошла в воду и увлекла меня за собой. Я ничего не видел, не слышал и не чувствовал до тех пор, пока не очутился в огромном дворце, залитом светом; она вела меня, и я шел за ней. Я не промок и не замерз, да и кругом было тепло, сухо и прекрасно. Я не мог понять ни где очутился, ни как попал туда. Женщина держала меня за руку, мы шли из комнаты в комнату – их было так много, и они были такими большими, – в них отсутствовала мебель и все иное, но они были такими красивыми! Наконец мы вошли в огромный зал – его пол устилала тысяча циновок! В дальнем углу горели яркие огни; там было все готово к празднеству, но не было гостей. Она повела меня туда, проводила к почетному месту, а сама села напротив и сказала: «Это мой дом. Как вы думаете, можно ли обрести здесь счастье – вместе со мной?»

Она задала вопрос и рассмеялась. И я понял, что нет ничего прекраснее на свете ее смеха, и от всего сердца ответил: «Да».

В тот же момент на память мне пришла легенда об Урасиме, и я подумал, что и она, должно быть, дочь бога, но не отважился спросить ее об этом...

Тем временем в покои вошли служанки – они несли рисовое вино и разнообразные яства – и расставили их перед нами.

А потом и красавица села рядом и сказала: «Сегодняшняя ночь станет нашей брачной ночью, потому что я вам понравилась, а это наш свадебный пир».

Мы поклялись любить друг друга и сохранять верность на семь грядущих существований, а после пира прошли в опочивальню, где все для нас уже приготовили.

Рано утром она разбудила меня и сказала: «Мой дорогой, теперь вы мой муж. По причинам, которые я не вправе раскрыть, а вы не должны расспрашивать, необходимо, чтобы брак наш пребывал в тайне. Остаться здесь до наступления дня – значит погибнуть. Поэтому, умоляю вас, не гневайтесь, но я должна сейчас расстаться с вами и вернуть вас вашему господину. Вы возвратитесь на службу. Можете прийти сюда завтра ночью и приходить каждую ночь – в тот же самый час, когда мы встретились впервые. Стойте у моста – и вам не придется ждать меня долго. Но помните: наша свадьба и все, что вы видели, – все это должно остаться в тайне. Если вы кому-нибудь расскажете, это может разлучить нас навсегда».

Помня о судьбе Урасимы⁷⁷, я обещал сделать так, как она просила. И она вновь провела меня через анфиладу комнат – совершенно пустых, но прекрасных – и подвела к выходу. Здесь она взяла меня за руку, и все внезапно померкло. Я не знаю, что со мной случилось потом. Сознание вернулось, когда я очутился на берегу – у кромки воды подле моста Нака-но-хаси.

А вечером, в назначенный час, я снова отправился туда, и она уже ждала меня там. Как и накануне, она взяла меня за руку и увлекла в глубокие воды. Мы вновь очутились там, где прошла наша брачная ночь. И с тех пор каждый вечер я прихожу туда, на берег, мы встречаемся, проводим вместе ночь и расстаемся – точно так же, как это было впервые. И сегодня она обязательно будет ждать меня, и я лучше умру, нежели ее разочарую. А потому я должен идти... Но прежде, друг мой, хочу просить вас снова – не говорите ни слова о том, что я рассказал вам.

⁷⁷ Урасима – герой японской народной сказки. Он выловил черепаху, которая превратилась в прекрасную деву – дочь морского царя, и женился на ней. Они отправились в морское царство и жили там счастливо, но юноша тосковал о родных, и принцессапустила его навестить их. Она дала ему волшебную коробочку, с помощью которой он вернется назад, но с наказом – ни в коем случае не открывать ее. Юноша ослушался и не вернулся обратно – он умер, превратившись в дряхлого старика.

История, которую поведал Тюгоро, удивила и весьма обеспокоила его старшего товарища. Он чувствовал, что друг сказал правду, но эта правда показалась ему устрашающей. Может статься так, что вся эта история – только иллюзия, но иллюзия опасного свойства – результат воздействия неких злых сил, и завершение ее может быть ужасным. Тем не менее, если юноша действительно околдован, его следует пожалеть, а не винить. Любое неумное вмешательство приведет к плачевному концу. И потому старший товарищ отвечал Тюгоро, стараясь сохранять спокойствие:

– Разумеется, я не стану рассказывать о том, что услышал от вас, по крайней мере, до тех пор, пока вы живы и здоровы. Идите и встречайтесь с этой женщиной. Но берегитесь ее! Подозреваю, что вы стали жертвой какого-то злого колдовства.

Тюгоро только улыбнулся в ответ на предостережение старшего товарища и поспешил прочь. Несколько часов спустя он вернулся в казарму. Вид у него был удрученный и потерянный.

– Вы встретились с ней? – шепотом спросил его товарищ.

– Нет, – отвечал Тюгоро, – ее там не было. В первый раз она не пришла. Думаю, она никогда не придет больше. Я поступил неправильно, рассказав вам о ней. Какую глупость я совершил – нарушил данное обещание...

Товарищ попытался утешить его, но тщетно. Юноша улегся на свое место и больше не произнес ни слова. С ног до головы его сотрясала дрожь – словно открылась лихорадка.

Когда пробил храмовый колокол, извещающий о наступлении утра, Тюгоро хотел было встать, но свалился без сил. Было видно, что он серьезно болен. Возможно, даже смертельно. Позвали врача. На зов явился опытный китайский лекарь.

– Да что это такое? – вскричал доктор, тщательно осмотрев пациента. – У него нет крови! В его венах течет вода! Его невозможно спасти... Кто же и как совершил такое злодеяние?

Было сделано все, чтобы вернуть Тюгоро к жизни, но тщетно. Он умер еще до заката. И тогда его старший друг поведал известную ему историю.

– Ах, так вот в чем дело! – воскликнул лекарь. – Я подозревал нечто подобное! Нет силы, способной помочь в его ситуации. Да он и не первый среди тех, кто погиб подобным образом.

– Кто же она такая? Или что она такое? – спросил асигару. – Лиса-оборотень?

– Нет. Она обитает в этой реке с незапамятных времен. Она любит кровь – кровь молодых мужчин...

– Да кто же она? Змея-оборотень? Или женщина-дракон?

– Вовсе нет. Если вы увидите ее под мостом при свете дня, она вам покажется весьма гадким созданием.

– Что же это за создание?

– Просто лягушка. Точнее – жаба. Очень большая и отвратительная жаба.

Дело привычки

Среди моих знакомых есть один священник, истовый приверженец дзен-буддизма. Это человек просвещенный, хорошо разбирающийся в древних ритуалах. Он часто заходит ко мне, и я люблю с ним встречаться, хотя он яростный противник суеверий и обычно пресекает разговоры о приметах и вещих снах, объясняя, что верить следует только в закон Будды. То есть к мистике он относится скептически. Но скептицизм моего друга не абсолютен; и когда мы виделись с ним в последний раз, то заговорили о мертвых и он рассказал мне кое-что по-настоящему жуткое.

Свой рассказ он начал следующим образом:

– В истории о привидениях и духах я обычно не верю. Иногда прихожане рассказывают о том, что видели привидение или им приснился странный сон, но, когда я начинаю их расспрашивать, почти всегда выясняется, что то, о чем они говорили, можно объяснить и без всякой мистики.

Только однажды в жизни, – продолжал он, – мне довелось испытать нечто, чего я не могу объяснить. Когда я был молод, то, как и все послушники, должен был исполнить обет – отправиться в паломничество. Так я оказался на острове Кюсю⁷⁸. И вот однажды, странствуя по одному из тамошних горных районов, я оказался в маленькой деревушке – я знал, что в ней есть храм, принадлежащий нашей секте. По обычаю, я должен был зайти сначала туда, чтобы испросить себе кров на ночлег, но обнаружил, что священника нет в храме. Старая монахиня, которую он оставил за сторожа, сказала, что настоятель отправился в отдаленную деревню, чтобы исполнить погребальную церемонию по одному из усопших жителей. Также она сообщила, что священник будет отсутствовать семь дней, а без него она не может приютить меня в храме...

В тех местах существовал обычай: священник должен был семь дней кряду читать священные сутры и исполнять погребальные обряды в доме умершего. Я сказал, что мне не нужно еды – только место, чтобы поспать. Я очень устал и, видимо, вид имел соответствующий, так что в конце концов монахиня сжалась надо мной. Около алтаря она постелила мне какие-то одеяла, и я заснул сразу же, как только лег.

В середине ночи – а ночь была холодная! – я проснулся. Но проснулся не от холода, а оттого, что кто-то рядом играл, выстукивая мелодию на *мокугэ*⁷⁹, и читал священные мантры. Я открыл глаза, но храм был не освещен, и кругом было так темно, что я не смог различить даже собственной руки, хотя поднес ее к лицу. Я очень удивился: кто же может играть на мокугэ в такой темноте, да еще и попадать в такт, читая мантры? Хотя поначалу мне показалось, что играют совсем рядом, звук был, однако, довольно слабый. Я попытался убедить себя, что ошибся, – должно быть, это вернулся священник. Видимо, он и играет – где-то в дальней части храма. Под аккомпанемент этих звуков я снова заснул и проспал уже до утра.

Утром я встал, оделся и умылся, а потом отправился искать старую монахиню. Скоро я нашел ее и, поблагодарив за ночлег, отважился спросить: «Так священник вчера ночью вернулся, да?»

«Нет, не вернулся, – сказала монахиня, – я же говорила тебе, что его не будет семь дней. Понятно, что он не вернулся».

⁷⁸ Кюсю (яп. 九州, букв. «девять провинций») – третий по величине остров Японского архипелага, расположен к югу от главного острова Японии – Хонсю. Считается местом зарождения японской цивилизации.

⁷⁹ Мокугэ – деревянный ударный инструмент, полый внутри, стилизованный под рыбу. Чем больше размер инструмента, тем ниже звук. Используется монахами и мирянами в буддийской традиции при торжественном чтении сутр, чтобы держать ритм во время пения.

«Пожалуйста, извините меня, – сказал я, – но прошлой ночью я отчетливо слышал, как кто-то читал священные мантры, отбивая такт на мокугё. Потому и подумал, что вернулся настоятель».

«А, ты об этом! Так это был не священник! Это прихожанин».

«Кто?» Я не мог понять, о чем она говорит.

«Да как – кто? – отвечала монахиня. – Мертвец, конечно! Так всегда случается, когда кто-нибудь из прихожан умирает. Он приходит, читает мантры и играет на мокугё».

Но потрясло меня не то, *что* она сказала. А то, *как* она это сказала – будто говорила о вещах совершенно обыденных. Не стоящих того, чтобы о них рассказывать.

Японская смесь

Из сборника «A Japanese Miscellany», 1901

Исполненное обещание

– Я вернусь ранней осенью, – сказал на прощание Акана Соёмон своему названому брату Хасэбэ Самону. Слова эти были произнесены несколько столетий тому назад.

Шла ранняя весна, братья прощались. Происходило это в деревне под названием Като в провинции Харима. Акана был самураем родом из Идзумо; он собирался навестить свою родину.

Хасэбэ говорил:

– Ваша родная земля – Страна восьми парящих облаков⁸⁰ – очень далеко отсюда. И ожидать от вас, что вы сможете назвать определенный день своего возвращения, конечно, трудно. Но если бы знать, когда этот день настанет, то, конечно, мы чувствовали бы себя счастливыми. Смогли бы подготовиться – устроить пир, украсить дом и ожидать вас у ворот.

– Ну, что касается этого... Я так привык к дальним путешествиям, что обычно могу довольно точно сказать, сколько оно продлится и как скоро я доберусь до места. Потому без труда могу указать, когда вернусь, и даже назвать день, когда это случится. Положим, я вернусь в день, когда отмечают праздник Тёё...

Так отвечал на слова брата самурай.

– Это будет девятый день девятого месяца, – сказал Хасэбэ. – Будут цвести хризантемы, и мы вместе сможем любоваться их цветением. Как замечательно!.. Итак, вы обещаете вернуться на девятый день девятого месяца?

– На девятый день девятого месяца. Обещаю! – смеясь, повторил за братом самурай.

Он сел на коня и поехал по дороге, что вела из деревни Като провинции Харима.

А Хасэбэ Самон и его мать со слезами на глазах провожали его.

«Не остановить пути ни луны, ни солнца» – так гласит старинная японская поговорка. Неторопливо тянулись месяцы, но вот наконец пришла и осень – пора хризантем. И на девятый день девятого месяца с самого раннего утра Хасэбэ взялся готовиться к возвращению брата. Он купил вина, украсил гостиную, расставил в опочивальне вазы и в каждую поместил хризантемы – двух разных цветов.

Его мать, видя это, заметила:

– Сын мой, провинция Идзумо очень далеко от нас – до нее больше ста *ри*⁸¹. А путь лежит через горы – он труден и изнурителен. И ты не можешь быть уверен, что Акана сможет вернуться именно сегодня. Не лучше ли сначала дождаться его возвращения и лишь затем заняться всеми этими приготовлениями?

– Нет, мама! – отвечал Хасэбэ. – Акана обещал вернуться сегодня – он не может не сдержать обещание! Если он увидит, что мы начали готовиться после его возвращения, он может подумать – мы сомневались, что он сдержит слово, и тогда нам станет стыдно.

День стоял замечательный, на небе ни облачка, а воздух был таким чистым, что казалось, и пределы мира раздвинулись и развиднелось на сотни *ри* вокруг. Утро вступило в свои права, и в эти часы многие путники миновали деревню. Были среди них и самураи. И Хасэбэ каждый раз представлял, что это Акана входит в деревню. Но колокол храма отбил уже полдень, а брат все не появлялся. И после полудня Хасэбэ ждал его, но тщетно. Вот и солнце село, но Акана не появился. Тем не менее Хасэбэ не уходил – так и стоял у ворот, глядя на дорогу. Наконец, когда уже легли сумерки, мать подошла к нему и сказала:

⁸⁰ Одно из древних поэтических наименований Идзумо. (Примеч. авт.)

⁸¹ Один *ри* равен примерно трем с половиной километрам.

– Сынок, вспомни пословицу: *человек предполагает, но боги располагают*. Твои хризантемы и завтра сохранят всю свою свежесть. Лучше иди спать. А завтра, если захочешь, будешь ждать Акану.

– Хорошо, мама. Идите отдохните, – отвечал Хасэбэ. – Но я верю, что он все-таки придет. Мать пошла к себе в комнату, а сын остался стоять у ворот.

Как и день, ночь была ясной. Небо усыпали звезды, и даже Млечный Путь светился ярче, чем обычно. Деревня спала. Лишь иногда в звенящую тишину врвался посторонний звук – то забрешет вдали собака, то негромко плеснет в реке рыба. Хасэбэ ждал – ждал до тех пор, пока месяц не скрылся за холмами. Тогда в душе его проснулись сомнения и тревога. Он собрался было уже повернуться и зайти в дом, когда вдалеке заметил фигуру: это был высокий мужчина. Он шел спорым шагом и быстро приближался. И вот Хасэбэ узнал его – это был Акана!

– О! – вскричал Хасэбэ и побежал брату навстречу. – Я все ждал вас – с самого утра и до этой поры! Вы сдержали обещание!.. Должно быть, вы очень устали, дорогой брат. Входите – все готово!

Он ввел брата в дом, проводил в гостиную и усадил его на почетное место. А затем разжег лампы, что до тех пор едва светились.

– Мама немного устала и уже легла спать, – продолжал Хасэбэ. – Но я ее сейчас разбужу.

В ответ Акана покачал головой и жестом запретил будить ее.

– Как вам будет угодно, дорогой брат, – отвечал Хасэбэ.

Он разогрел еду и вино и поставил перед братом. Но тот сидел безмолвно и недвижимо, не прикасаясь ни к еде, ни к напиткам. Прошло какое-то время, когда он наконец заговорил. Говорил он едва слышно, шепотом, словно боялся разбудить спящую мать. Он сказал:

– Теперь я должен рассказать, что заставило меня так задержаться. Когда я вернулся в Идзумо, то обнаружил, что люди почти забыли нашего прежнего повелителя – доброго князя Энъи. Власть в провинции захватил Цунэхиса, и все стали искать его расположения. Узурпатор обосновался в замке Тонда. Разумеется, у меня не было желания с ним встречаться, но я должен был увидеться с моим двоюродным братом Аканой Тэндзи, а тот пошел на службу к узурпатору и потому жил в замке. Он настоял, чтобы я нанес визит Цунэхисе, и я согласился, но только для того, чтобы посмотреть и иметь представление об этом человеке, ведь я его никогда не видел. Он слывет воином большой отваги и искусным полководцем, но очень коварен и жесток. К тому же я счел необходимым дать понять, что не стану ему служить. После того как аудиенция окончилась и я откланялся, узурпатор приказал моему родственнику схватить меня и держать под караулом, не разрешая покидать территорию крепости. Напрасно я объяснял, что не могу остаться, что должен вернуться в Харимо к девятому дню девятого месяца, – мне не позволили уйти. Тогда я попытался бежать. Но крепость хорошо охраняли. Так длилось до сегодняшнего дня – я все не мог придумать, как исполнить данное обещание...

– До сегодняшнего дня?! – воскликнул Хасэбэ в великой тревоге. – Но замок находится в ста с лишним ри отсюда!

– Вот именно, – отвечал Акана. – Ни одно живое существо, передвигаясь по земле, не способно одолеть расстояние в сто ри за один день. Но я понимал, что если не сдержу обещания, то вы, возможно, подумаете обо мне нехорошо. И тогда я вспомнил старую поговорку: *Тама ёку ити нити ни сэн ри о юку* – *душа человека легко одолеет тысячу ри за день*. К счастью, у меня оставался меч – только так я смог сдержать обещание... Будь добрым к нашей матери.

С этими словами он поднялся и в то же мгновение исчез без следа.

Только тогда Хасэбэ понял, что его брат Акана убил себя, чтобы выполнить данное ему обещание.

Едва рассвело, Хасэбэ отправился в дорогу. Путь его лежал в провинцию Идзумо, в замок Тонда. Добравшись до тех мест, он узнал, что на девятый день девятого месяца Акана Соёмон

совершил харакири в доме своего двоюродного брата Аканы Тэндзи, на территории крепости. Тогда Хасэбэ пришел к нему, обвинил в предательстве и убил на глазах всей его семьи, затем беспрепятственно покинул крепость.

Князь Цунэхиса узнал о том, что произошло. Но, выслушав всю историю, отдал приказ не преследовать Хасэбэ. Поскольку, хотя и был человеком очень жестоким и вероломным, не мог не ценить верность в других людях – его восхитили преданность и отвага Хасэбэ.

Нарушенное обещание

I

– Я не боюсь смерти, – сказала жена, умирая, – но есть одна вещь, которая меня терзает. Так сожалею, что неведомо мне, кому суждено занять мое место в этом доме.

– Моя дорогая, – отвечал безутешный супруг, – никто и никогда не займет вашего места в моем доме. Я никогда – слышите? – никогда не женюсь вновь.

Когда он говорил эти слова, он произносил их от чистого сердца: он на самом деле любил эту женщину, и вот теперь она умирала.

– Слово самурая? – спросила она, и слабая улыбка осветила ее лицо.

– Слово самурая! – отвечал он, ласково глядя ей в глаза.

– Тогда, любимый мой, – сказала она, – вы разрешите, чтобы меня похоронили в нашем саду? Вы ведь не станете возражать? Рядом с теми сливами, что мы посадили в дальнем углу сада. Я давно хотела попросить вас об этом, но все не решалась, потому что думала: если вы женитесь на другой, вам может быть неприятно, что моя могила рядом. А теперь вы пообещали, что другая женщина не займет моего места... Поэтому я уже не боюсь просить вас... Я так хочу, чтобы меня похоронили в саду! Я думаю, если я буду лежать там, я смогу слышать ваш голос, а весной увижу цветы...

– Я все сделаю так, как вы пожелаете, – отвечал муж, – но давайте не будет сейчас говорить о похоронах: все-таки вы не так больны, чтобы у нас не было надежды.

– Нет. Я должна сказать об этом, – произнесла она в ответ, – потому что я умру нынче утром... Отвечайте – вы похороните меня в саду?

– Да, – сказал он, – под сенью слив, что мы вырастили. И памятник у вас будет очень красивый.

– А вы дадите мне маленький колокольчик?

– Колокольчик?..

– Да. Я хочу, чтобы мне в гроб положили маленький колокольчик – такой, как носят буддийские паломники. Он у меня будет?

– У вас будет колокольчик – и вообще все, что вы пожелаете.

– Мне больше ничего не нужно, – отвечала она. А потом добавила: – Мой дорогой, вы всегда были так добры ко мне. Теперь я могу умереть счастливой...

После этих слов она сомкнула глаза и умерла. Умерла легко. Так легко, как засыпают, набегавшись, дети. Она лежала на смертном одре красивой, и на лице ее застыла улыбка.

Ее похоронили в саду – в тени деревьев, которые она так любила; положили и колокольчик. А над могилой воздвигли красивый обелиск, украшенный семейным орнаментом и надписью: «Старшей сестре, обитающей в чертоге мерцающих теней под сенью цветущих слив в океане сострадания».

Но минул примерно год со смерти жены, и родственники и друзья самурая принялись настаивать, чтобы он снова женился.

Они говорили:

– Вы же еще совсем молодой мужчина. К тому же единственный сын своих родителей. Ко всему прочему у вас нет детей. Как самурай, вы обязаны жениться. Если вы умрете бездетным, кто вознесет молитвы и исполнит погребальный обряд? Кто будет хранить память предков?

Его так донимали, что в конце концов он сдался и обещал жениться снова. Его невесте исполнилось всего семнадцать лет. Она была так миловидна, что самурай почувствовал, что способен полюбить вновь, несмотря на то что в саду подле дома немой упреком возвышался обелиск на могиле его первой жены.

II

Ничто не огорчало молодую жену и не мешало вкушать прелести супружества. Но счастье ее длилось только шесть дней, а на седьмой супруг был призван на службу – ему предстояло провести ночь в замке. В этот вечер, когда он впервые был вынужден оставить ее, женщина ощутила тревогу, природа которой была ей неведома. Она отправилась спать, но не смогла заснуть. Ей казалось, какое-то напряжение разлилось в воздухе, какая-то тяжесть – так бывает, когда приближается буря.

Ночь длилась, наступил час Быка, и ей послышалось, будто где-то вдалеке зазвенел колокольчик – маленький колокольчик, какой обычно носят паломники. И она подумала, что один из них, видимо, случайно забрел в самурайский квартал – хотя что он может делать здесь в такой час? Тем временем звон колокольчика прервался, а затем, после паузы, возник вновь. Но теперь звук был куда ближе и раздавался яснее. Понятно, странник приближался. Но почему звук его колокольчика шел не от дороги, как должно быть, а со двора?.. Тут разом вдруг заскулили и завyli собаки – это было так необычно и так страшно!.. И ужас проник в сердце. Так бывает во сне: спишь – и вдруг просыпаешься от приснившегося кошмара... А колокольчик звенел уже точно в саду, а потом – подле самого дома... Женщина попыталась было встать и позвать служанку. Но обнаружила, что не может подняться, не может даже пошевелиться... и голос отказался повиноваться ей. А колокольчик все ближе, ближе и ближе, и... О, как страшно воют собаки!.. А потом, бесшумно, словно тень, в ее комнату скользнула женщина, хотя двери, как и были, остались заперты на засовы и ни одна из ширм даже не шелохнулась... На женщине был погребальный саван, а в руках она держала колокольчик – точно такой, что носят паломники. Она давно умерла, и потому глаз у нее не было; волосы распущены, и они почти закрывали лицо. И без глаз она смотрела сквозь них на девушку; и не было у нее языка, но она говорила:

– Не жить тебе в этом доме! Как и прежде, здесь я хозяйка! Ты обязана уйти. И никому не должна говорить, почему уходишь. А если скажешь ЕМУ, я разорву тебя в клочья!

И она исчезла – растворилась в воздухе, – едва погасло эхо ее слов. А юная супруга потеряла сознание от ужаса. И очнулась, лишь когда разгорелось утро и лучи солнца проникли в опочивальню.

В радостном свете дня она, однако, засомневалась в реальности того, что увидела и услышала, и подумала, что это был сон. Но слова мертвой женщины так сильно напугали ее, что она не отважилась поведать о своем видении – ни мужу, ни кому бы то ни было. К тому же она почти убедила себя, что это был только сон – ужасный сон; она даже заболела, но причиной недомогания был ночной кошмар.

Однако следующая ночь убедила ее в обратном и рассеяла сомнения. Настал час Быка – и завyli и заскулили собаки. И зазвенел колокольчик; и звук его, приближаясь, шел со двора; и вновь молодая хозяйка не смогла подняться и позвать на помощь; и вновь мертвая женщина вошла в спальню и прошипела:

– Ты должна уйти; и не скажешь никому ни слова, почему ты должна уйти! Если ты даже шепнешь ЕМУ, я разорву тебя в клочья!

Но на этот раз мертвая подошла ближе – почти вплотную к ложу... Она наклонилась низко и произнесла угрозу прямо в лицо...

На следующее утро, когда самурай вернулся со службы, юная супруга пала перед ним ниц и взмолилась:

– Умоляю вас не осуждать меня за черную неблагодарность и простить, что я так невежлива, поскольку не подобает так говорить с супругом... Но я хочу вернуться домой, я хочу уйти – прямо сейчас.

– Разве вы не счастливы здесь, со мной?

И в вопросе его читалось искреннее удивление.

– Неужели кто-то осмелился быть недостаточно вежлив с вами во время моего отсутствия?

– Да нет, совсем не это, – отвечала она со вздохом. – Здесь все хорошо ко мне относились – даже слишком хорошо... Но я не могу больше продолжать оставаться вашей женой... Я должна уйти...

– Дорогая моя, – воскликнул он, недоумевая, – очень горько знать, что вы несчастливы в этом доме! И существует причина такому несчастью. Но я не могу даже вообразить, отчего у вас возникло желание покинуть меня, даже если кто-то и обидел вас... Надеюсь, у вас не возникло желания просить о разводе?

Она отвечала, трепеща и заливаясь слезами:

– Если вы не дадите мне развода – я умру!

На недолгое время он замолчал, тщетно пытаясь понять, что могло стать причиной такого странного поведения супруги. Затем совершенно ровным голосом, без эмоций, ответил:

– Отослать вас назад, к вашим родителям, не объясняя причин... такой поступок означает потерю лица. Но если вы назовете мне причину и я сочту ее убедительной – любую причину, которая даст мне возможность отослать вас, соблюдая приличия, – тогда я подпишу документ о разводе. Но до тех пор пока таковой не изыщется, развода я вам не дам. Хотя бы потому, что репутация моего рода должна оставаться безупречной.

И тогда она была вынуждена все ему рассказать – и она рассказала... и, уже почти потеряв рассудок от охватившего ее ужаса, рыдая, выкрикнула:

– А теперь вы должны знать – она убьет меня! Теперь она меня убьет!

Хотя самурай был, разумеется, человеком непугливым и не очень верил в привидения, но даже он на секунду изрядно напугался. Но затем очень простая и понятная мысль пришла ему в голову. Он сказал:

– Дорогая моя, вы сейчас слишком возбуждены и взволнованы. И я боюсь, кто-нибудь нарасказывал вам глупых историй. Конечно, я не дам вам развода только потому, что вам приснилось что-то дурное. Но в любом случае мне очень стыдно и неловко, что вам пришлось так страдать в мое отсутствие. Увы, этой ночью дела службы вновь призывают меня в замок. Но одну вас я не оставляю. Я прикажу двум стражникам охранять вашу комнату. Никто и ничто не нарушит ваш сон – вы будете спать спокойно. Они очень надежные люди и сделают все для вашей безопасности.

Супруг говорил таким спокойным тоном и так рассудительно, что молодой жене стало почти стыдно своих страхов, и она решила остаться в доме.

III

Двое стражников, что явились охранять юную супругу самурая, действительно имели очень достойный вид: высокие ростом, смелые и честные – они обладали большим опытом, давно и умело охраняли женщин и детей. Они знали, как много значит хорошее настроение, и умело развлекали хозяйку: рассказывали веселые истории, шутили и смешили ее. Довольно долго они так общались, и она почти совсем забыла о своих страхах. Наконец девушка отправил-

лась спать, а стражники заняли свое место в углу комнаты, укрывшись за раздвижным бумажным экраном, и принялись играть в *го*⁸². Разговаривали они мало и только шепотом и потому совсем ее не тревожили. И госпожа заснула легко и быстро – как ребенок.

Но наступил час Быка, и, застонав, она проснулась. Застонала она от ужаса – во сне ей послышался звон колокольчика. И вот теперь, наяву, она слышала его вновь – он приближался, он был все ближе, ближе и ближе... Она закричала, вскочила с постели, но никто не отозвался – только тишина, смертельная тишина: она сгущалась, она давила... Девушка метнулась к своим стражникам: те сидели друг против друга перед игровой доской совершенно неподвижные и каждый смотрел на другого застывшим взглядом. Она кричала, она толкала их, била кулачками – они оставались недвижимы, они были словно замороженные...

Уже потом они рассказывали, что слышали звук колокольчика, слышали, как кричала юная госпожа, даже помнили, как она пыталась их растормошить и все такое, но не могли ничего сказать, не могли пошевелиться – ничего не в состоянии были сделать. А следом внезапно утратили всякую способность видеть и слышать: черная непроницаемая пелена словно окутала их и сознание отключилось...

Рано утром, возвратившись со службы, самурай вошел в опочивальню своей молодой жены. В тусклом свете лампы он увидел тело супруги – оно лежало в луже крови, и не было головы. Склонившись над игровой доской, оба стражника спали. Когда хозяин крикнул, они вскочили, очумело трясая головами, а затем, увидев ужасную картину, застыли, скованные страхом перед хозяином...

...Голову не смогли найти – ее нигде не было видно, а ужасная рана на шее ясно указывала, что ее не отрезали, а именно *оторвали*. Цепочка кровавых следов тянулась из комнаты в галерею, а затем к дверям, что вели наружу. Подойдя к ним, обнаружили, что они не открыты, а сорваны и едва держатся. Идя по кровавым следам, все трое вышли в сад, потом по запятнанной траве и по песку, испещренному кровью, на берег пруда, поросшего ирисами. Затем нырнули в густую тень от ветвей кедра и зарослей бамбука, и тут же – внезапно – им открылась ужасная картина: они очутились лицом к лицу с кошмарным созданием... По виду оно напоминало огромную летучую мышь – то была давно похороненная женщина. В саване, широко раскинув руки, она стояла подле собственной могилы. В одной руке она сжимала колокольчик, в другой – оторванную голову, с которой еще продолжала капать кровь... На мгновение все трое застыли. Затем один, пробормотав буддийское заклятие, выхватил меч и сделал выпад. Лезвие коснулось фигуры, и та тотчас обратилась в прах, осыпавшись на землю. И уже не узнать было, что это. Кости, волосы, ткань, кожа – все перемешалось... Только колокольчик покатился, подпрыгивая и звеня... А правая рука, хотя от нее осталась только кисть, отсеченная от запястья, все еще сжимала, не отпуская, оторванную кровоточащую голову... Так оторванная клешня желтого краба, вцепившегося мертвой хваткой в упавший на землю плод, не отпускает добычу...

«Какая, однако, жестокая история, – подумает иной. – Месть мертвой женщины... Но почему она мстила девушке, ведь мстить должна была мужчине, своему мужу».

Во всяком случае, так думают мужчины.

Но женщины... Говорят, они устроены по-другому, да и чувствуют иначе.

Похоже, так оно и есть.

⁸² *Го* (яп. #) – логическая настольная игра, отдаленно напоминает шашки, но значительно сложнее. Считается, что го развивает стратегическое мышление. Очень древняя игра (известна более двух тысяч лет), она популярна и сейчас – особенно в Китае, Японии, странах Юго-Восточной Азии.

Пред Высшим судом

Великий буддийский ученый и священник Монгаку Сёнин утверждал в одной из своих книг *Кё-гё Син-сё*: «Многие из тех богов, которым возносят люди свои молитвы, на самом деле *ядзин* — суть не истинные боги. Потому те, кто возносит им молитвы, на самом деле не следуют великому учению Будды. И если эти люди даже стяжают благо и выгоды от тех богов в силу своих молитв, потом свершившееся чудо оборачивается для них несчастьем».

Эту истину прекрасно иллюстрирует история, изложенная в книге *Нихон-Рэй-Ики*, с которой вам предстоит познакомиться.

Во времена императора Сёму⁸³ в уезде Ямадагори провинции Сануки жил да был человек по имени Фусикино Оми. У него была единственная дочь, которую звали Кинумэ. Эта самая Кинумэ внешне была вполне симпатичной девушкой и отличалась крепким здоровьем. Но вскоре после того, как ей сравнялось восемнадцать, в провинции началась опасная эпидемия, и девушка заболела. Тогда ее родители и близкие решили вознести молитвы к богу болезни, охватившей округу. Они принесли богатые жертвы божеству и дали самые суровые обеты — только бы он помог и спас Кинумэ.

Несколько дней девушка провела в полном беспамятстве, но однажды вечером вдруг очнулась, и сознание вернулось к ней. Обращаясь к родителям, она сказала, что было у нее видение — бог болезни пришел к ней и сказал:

— Твои близкие так истово молились и так искренне и жалобно просили, чтобы я спас тебя, что я не могу оставить без внимания их мольбы. Я хочу помочь тебе. Но вот какая беда: не могу я спасти тебя иначе, как заполучив вместо твоей жизни жизнь другой девушки. Может быть, тебе известна какая-нибудь девушка, у которой точно такое имя, как у тебя?

— Я вспомнила, — отвечала Кинумэ, — неподалеку, в Утаригори, живет одна девочка, у которой точно такое имя, как у меня.

— Тогда покажи мне ее, — отвечал бог. И прикоснулся ко мне.

И от прикосновения, вспоминала девушка, она сделалась совершенно невесомой и поднялась в воздух, а бог взял ее за руку и через мгновение они оба очутились в Утаригори — прямо перед домом, где жила другая Кинумэ.

Был уже поздний вечер, но семья еще не спала, а девочка возилась на кухне — что-то мыла и чистила.

— Вот эта девочка, — сказала Кинумэ из Ямадагори.

Тогда бог болезни вынул из красной сумки, что висела у него на поясе, длинный, остро заточенный инструмент, отдаленно напоминающий стамеску, и, войдя в дом, ударил им прямо в лоб Кинумэ из Утаригори. В тот же момент девушка упала на пол и забилась в ужасной агонии, а Кинумэ из Ямадагори, наоборот, очнулась и поведала вот эту историю своим родителям. Однако после того, как ее рассказала, тут же опять впала в беспамятство. Три дня она лежала совершенно неподвижно, ни на что не реагируя, и родители уже было отчаялись, что дочь так и не поправится. Но на четвертый день девушка открыла глаза и заговорила. Но речи ее были странными: очнувшись, она тотчас села в кровати, обвела глазами комнату и... выскочила из дому. При этом она кричала:

— Это не мой дом! Вы не мои родители!..

Случилось нечто странное.

⁸³ Император Сёму династии Нара правил Японией с 729 по 749 г.

Кинумэ из Утаригори умерла после того, как ее ударил бог болезни. Родители очень сильно горевали. Священники в приходском храме справили полагающиеся ритуалы и службу по умершей, а останки схоронили в поле за деревней. Душа ее унеслась в Мэйдо – царство мертвых, – а затем была призвана на суд Эмма-Дай-О – повелителя и судьи душ усопших. Но едва судья направил взгляд на душу умершей, как тут же воскликнул:

– Эту девушку зовут Кинумэ из Утаригори. Но ее время еще не настало – оно придет куда позже! Немедленно отошлите ее назад, в мир живых, а мне доставьте другую Кинумэ – из Ямадагори!

Едва душа Кинумэ из Утаригори услышала это, как застонала и запричитала:

– Великий повелитель! Вот уже прошло больше трех дней, как я умерла. За это время тело мое должны были уже кремировать; если вы вернете меня обратно в мир живых – что я стану делать? Мое тело обратилось в дым и пепел – у меня не будет тела!

– Не волнуйся по этому поводу, – отвечал суровый судья, – я собираюсь дать тебе другое тело – тело Кинумэ из Ямадагори. Ты слышала, что ее душа сейчас будет доставлена. Поэтому не беспокойся о том, что твою земную оболочку сожгли. У тебя теперь будет тело другой Кинумэ. Знаешь, оно будет даже лучше того, что у тебя было.

И едва он закончил свою речь, как душа Кинумэ из Утаригори вселилась в тело Кинумэ из Ямадагори.

Теперь, когда родители Кинумэ из Ямадагори увидели, что их больная дочь вскочила с постели и убежала, восклицая: «Это не мой дом!», они, конечно, подумали, что она сошла с ума, и побежали следом. Они кричали:

– Кинумэ! Куда же ты? Подожди, подожди минутку, девочка! Ты слишком больна, чтобы так быстро бегать!

Но она убегала от них, неслась во всю прыть без остановки, пока не прибежала в Утаригори, а затем в дом, где жила семья умершей Кинумэ. Когда она влетела в дом, то увидела в нем безутешных стариков и бросилась к ним, радостно восклицая:

– Ах, какое счастье вернуться к себе домой!.. Вы в порядке, дорогие родители?

Они, разумеется, не признали ее и подумали, что имеют дело с сумасшедшей. Но старая мать говорила с ней ласково и спросила:

– Откуда ты явилась, дитя?

– Из Мэйдо – вот откуда я явилась, – отвечала Кинумэ. – Вы что, не видите, – продолжала она, – что я ваша родная дочь, Кинумэ! И я вернулась из царства мертвых! Но теперь у меня другое тело, мамочка!

И она рассказала обо всем, что случилось. Старики очень подивились этому. Они не знали, верить рассказу или нет. Тем временем родители Кинумэ из Ямадагори тоже наконец добрались до деревни и вошли в дом, разыскивая свою дочь. Теперь уже все родители вместе – два отца и две матери – принялись обсуждать случившееся. Они заставили девушку еще раз повторить историю, а потом взялись ее расспрашивать. Взрослые задавали ей вопросы очень долго и, разумеется, удостоверились, что та говорит правду. В конце концов мать девушки из Ямадагори сказала матери Кинумэ из Утаригори:

– Теперь мы совершенно убедились, что душа этой девушки – это душа вашего дитяти. Но вы знаете, что ее тело – это тело нашей дочери. И мы думаем, что и мы имеем права на нее. А потому просим вас согласиться: пусть отныне и навсегда она будет нашей общей дочерью и пусть теперь у нее будет две семьи.

На это предложение родители Кинумэ из Утаригори с радостью согласились. И вскоре была произведена специальная запись, что в надлежащее время Кинумэ унаследует имущество обеих семей.

История о старике Кодзи

В эпоху Тэнсё⁸⁴ в одном из северных районов Киото жил старик, которого люди звали Касин Кодзи. Он носил длинную седую бороду и всегда был одет как синтоистский священник. На самом деле священником он не был, но жизнь свою посвятил двум вещам: проповедям и демонстрации картин на священные сюжеты. Он показывал людям картины на буддийские темы и проповедовал законы Великого Будды. Каждый погожий день старик приходил во двор храма Гион, располагался под росшим неподалеку от входа раскидистым деревом и вешал на его ствол внушительных размеров *какэмоно*⁸⁵, на котором были изображены наказания за разные грехи. Живопись на *какэмоно* была весьма искусной – художник так реалистично изобразил все детали, что невольно верилось – все происходит именно так, как он нарисовал. Поэтому люди всегда толпились вокруг Кодзи, а он общался с прихожанами, объясняя им закон причины и следствия, и называл (и показывал изображения – он всегда носил их с собой) тех святых (и не святых) помощников властителя Вселенной, что занимаются наказанием грешников. Описывал он и сами наказания, живописуя некоторые их детали и подробности. И обязательно напоминал: чтобы этого не случилось, нужно во всем и всегда неукоснительно следовать учению Будды. Люди во множестве собирались поглазеть на картину и послушать речи старика. И каждый оставлял подношения. Для них старик специально стелил циновку под картиной. Иной раз из монет на ней вырастала изрядная гора – такая большая, что не все детали *какэмоно* можно было разглядеть без труда.

В это время правителем Киото и окрестных провинций был великий воитель Ода Нобунага. Одному из его самураев (а звали его Аракава) довелось навестить упомянутый храм, а там случилось увидеть картину, которую демонстрировал старик. Он рассказал об этом во дворце. Князя заинтересовал рассказ вассала, и он приказал немедленно доставить Кодзи, но чтобы тот обязательно взял с собой *какэмоно*.

Когда Нобунага увидел картину, то не смог скрыть удивления – настолько живой показалась ему работа: на ней реальными предстали демоны и духи, что терзают ослушников. Ему даже показалось, они не стоят на месте, а движутся перед глазами; он услышал голоса грешников – он различал их отчетливо; даже кровь, что потоками лилась на картине, выглядела как настоящая. Властитель не удержался и дотронулся пальцем до одного из рисунков и – это поразительно! – ощутил, как его палец погрузился в лужицу крови. Отдернув руку, владыка не мог удержаться и взглянул на палец. На нем не было ни пятнышка, но чувства говорили об ином. К тому же изображение на *какэмоно* было совершенно сухим – князь специально убедился в этом. Все более изумляясь, Нобунага спросил, кто же создал эту удивительную картину? Кодзи отвечал, что нарисовал ее Огури Сотан⁸⁶, известный своей аскезой, после того как в течение ста дней ревностно исполнял обряд самоочищения и после истовой молитвы божественной Каннон в великом храме Киёмидзу о ниспослании вдохновения.

Верный вассал князя, Аракава, конечно, заметил, что его повелитель загорелся желанием обладать этим *какэмоно*. И он предложил старику расстаться с полотном, подарив его властителю. Но тот, вместо того чтобы немедленно согласиться, смело отвечал:

– Эта картина – моя единственная ценность; показывая ее людям, я добываю средства к существованию. Если я сейчас подарю ее повелителю, я лишу себя единственного дохода, а жить мне больше нечем. Однако, если августейший князь так сильно желает обладать ею,

⁸⁴ Эпоха Тэнсё длилась с 1573 по 1593 г.

⁸⁵ См. примечание к истории «Монахиня из храма Амида».

⁸⁶ *Огури Сотан* (1413–1481) – выдающийся японский живописец эпохи Средневековья. Вторую половину своей жизни (более тридцати лет) он был монахом и провел в монастыре, продолжая совершенствоваться в живописи. В начале творческого пути писал жанровые картины, затем переключился на религиозные сюжеты.

пусть заплатит за нее сто рё золотом. С этими деньгами я смогу организовать какое-нибудь выгодное дело. Оно станет приносить доход, и я не буду бедствовать. В ином случае я не могу расстаться с картиной.

Можно было понять, что ответ старика не порадовал властителя – тот промолчал. Тогда Аракава взялся о чем-то шептать на ухо повелителю. Выслушав, князь кивнул в знак согласия. На этом аудиенция завершилась. На прощание старику дали несколько медных монет.

Однако, едва Кодзи покинул дворец, Аракава, таясь, пошел следом – он собрался завладеть картиной, как только представится возможность. И она представилась: для возвращения к себе домой старик выбрал уединенную дорогу – та огибала городские кварталы, петляя между холмами. И вот, когда путник очутился в совсем пустынном месте – дорога здесь делала крутой поворот, – наперерез выскочил Аракава, схватил старика и сказал:

– Ты проявил запредельную жадность, запросив сто золотых рё за картину. Вместо ста монет золотом я заплачу тебе по-другому – дам кусок железа длиной ровно в три фута.

С этими словами самурай выхватил меч, убил старика и забрал картину.

На следующий день Аракава преподнес какэмоно старика Нобунаге. Самурай вручил картину в том виде, в каком отнял ее у старика, – она была свернута и тщательно упакована. Властитель приказал ее распаковать и повесить перед ним на стену. Но когда развернули полотно, князь и его вассал застыли в недоумении: на какэмоно не было изображения – вообще ничего, кроме куска ткани. Аракава не мог объяснить, куда подевалась живопись. Он провинился. Он обманул хозяина. Поскольку вина его – вольная или невольная – была очевидна, его ожидало наказание. Соответственно, было решено, что его поместят под стражу на длительный срок.

Едва Аракава успел покинуть узилище, как ему стало известно, что старый Кодзи вновь демонстрирует картину. На этот раз он выставил ее во дворе храма Китано. Самурай едва поверил в то, что услышал. Но размышлять было некогда – ведь у него появилась возможность вернуть картину и таким образом исправить ошибку. Он немедленно созвал нескольких своих товарищей, и вместе они поспешили к храму. Но, прибежав туда, узнали, что Касин Кодзи уже ушел.

Через несколько дней до Аракавы дошла весть, что старик выставил какэмоно в другом месте – у храма Киёмидзу, и вокруг него собралась огромная толпа слушателей. Самурай ринулся туда, но когда прибыл, толпа уже разошлась, а Кодзи опять исчез.

Наконец удача улыбнулась ему: совершенно случайно он зашел в одно питейное заведение и там неожиданно встретил старика. Аракава тут же вцепился в него. В ответ старик, нимало не испугавшись, а, напротив, добродушно посмеиваясь, сказал:

– Я сопротивляться не буду и пойду с вами. Но пожалуйста, дайте я допью вино, и пойдем.

Против этого Аракава возражать не стал. К удивлению всех, кто находился в заведении, старик выпил подряд двенадцать чаш вина. Осушив последнюю, он объявил, что теперь готов последовать за самураем. Аракава приказал связать его, а затем доставил во дворец.

Во дворце старика поместили в специальное помещение и с пристрастием допросили. Допросом руководил лично управляющий делами владыки. По его завершении он заявил:

– Совершенно очевидно, что вы обманываете людей, используя магию. Только за одно это вы заслуживаете тяжелой кары. Однако, если вы с должным почтением преподнесете ту картину, о которой вам известно, в дар князю Нобунаге, мы не станем на этот раз выдвигать обвинение. В ином случае мы будем вынуждены подвергнуть вас очень суровому наказанию.

В ответ на угрозу старик сокрушенно покачал головой и воскликнул:

– Это не я виновен в обмане людей!

Затем, еще сильнее возвысив голос и указав на Аракаву, продолжил:

– Вот он – этот обманщик! Вы хотели польстить князю, подарив ему ту картину; вы пытались убить меня, чтобы украсть ее. Воистину если и было совершено преступление, то именно этим человеком! Как назло, вам не удалось убить меня, но, если свершилось бы то, что вы задумали, кто смог бы обвинить вас? Вы украли какэмоно – с этим не поспоришь. Та картина, что у меня сейчас, – всего лишь копия. Вы же, украв картину, передумали дарить ее князю Нобунаге; вы придумали способ, как оставить ее себе. Вы раздобыли какэмоно без рисунка и отдали его владыке. А теперь, чтобы сохранить свою тайну, вы утверждаете, что я обманул вас, подменив пустым какэмоно настоящую картину. Где сейчас находится *та* картина – я не знаю. А вот вы, вероятно, знаете.

Услышав это, Аракава вспыхнул таким гневом, что попытался убить старика. И это бы ему удалось, если бы не вмешательство стражи. Внезапная вспышка гнева показалась устройщику допроса неслучайной, и он подумал: «А что, если старик не врет? И Аракава действительно виновен?» Он приказал отвести старика в тюрьму, а затем приступил к допросу самурая.

Но с самураем явно что-то случилось: речь его была крайне замедленна, и он явно сам был поражен этим обстоятельством – он почти не мог говорить и едва выдавливал из себя слова. К тому же он заикался, противоречил себе, но вины не признавал. Тогда управляющий делами князя приказал, чтобы Аракаву били бамбуковыми палками до тех пор, пока не скажет правду. Но похоже было на то, что тот не мог не только ни в чем признаться, но даже членораздельно разговаривать. Тем не менее наказание продолжили до тех пор, пока чувства не покинули самурая и он не потерял сознание.

Старику Кодзи, который сидел в тюрьме, рассказали о том, что произошло с Аракавой. Он выслушал и засмеялся. Но некоторое время спустя заявил тюремщику:

– Слушайте! Этот самый Аракава действительно ужасный негодяй, и я совершенно сознательно устроил все таким образом, чтобы его подвергли суровому наказанию – в надежде выправить его дурные наклонности. Но теперь прошу вас: сообщите господину управляющему, что Аракава на самом деле не мог знать правды, и скажите, что только я смогу дать внятное объяснение всему произошедшему.

После этого старик вновь предстал перед важным чиновником и дал ему следующие пояснения:

– В любой картине великих художественных достоинств обязательно заключен дух. А потому она обладает собственной волей и, разумеется, может отказаться от разлуки с автором. И даже с тем, кто владеет ею по праву. Существует множество историй, которые доказывают, что великие картины обладают собственной душой. Хорошо известно, например, что ласточки, которых изобразил на своей картине, нарисованной на раздвижной перегородке [*фусума*], гениальный Хогэн Энсин, время от времени покидают ее, чтобы порезвиться на просторе, и на картине нетрудно разглядеть те места, откуда они улетели. Ведомо также, что лошадь, нарисованная на одном известном какэмоно, имеет привычку покидать его по ночам, чтобы пощипать травку. В нашем случае, я думаю, имело место следующее. Поскольку князь Нобунага не был, скажем так, добросовестным приобретателем моей картины, она захотела, чтобы изображение исчезло – и оно на самом деле исчезло, едва какэмоно развернули перед владыкой. Но если вы дадите мне цену, которую я запросил, – сто рё золотом – я думаю, изображение – то, что сейчас отсутствует, – проявится. В самом деле, давайте попробуем! В этом нет никакого риска, поскольку, если изображение не появится, я тут же верну деньги.

Историю передали князю. Пораженный услышанным, он повелел уплатить затребованные сто рё и отправился лично посмотреть на результат. В его присутствии *какэмоно* развернули, и, к изумлению всех присутствующих, изображение во всех, даже самых мельчайших деталях появилось. Правда, оказалось, что краски слегка поблекли, да и фигуры грешников и

демонов уже не выглядели так убедительно и правдиво, как прежде. Произошедшая метаморфоза не ускользнула от глаз владыки, и он потребовал у старика объяснить причину. Кодзи отвечал:

– Картина, которую вам довелось видеть в первый раз, была бесценна. То, что вы видите сейчас, имеет цену – она стоит ровно столько, сколько вы за нее уплатили, а именно – сто рё золотом. Изображение цене полностью соответствует. А разве могло быть иначе?

Услышав ответ, владыка, да и все присутствующие решили – не только бессмысленно, но и опасно было бы продолжать дискуссию и возражать старику. Его незамедлительно освободили и отправили восвояси. Получил свободу и Аракава – уж он-то искупил свою вину сто-рицей.

Но у этого Аракавы имелся младший брат по имени Буити. Он был самураем и тоже подвизался на службе у князя Нобунаги. Буити очень разгневался, когда его брата наказали палками и заключили в тюрьму. Потому решил, что обязательно убьет старика Кодзи.

Старик, очутившись на свободе, сразу поспешил в винную лавку и потребовал выпивки. Буити следил за ним и, едва тот зашел в питейное заведение, тут же заскочил следом, схватил, повалил на пол и отрубил ему голову. Затем забрал те сто золотых монет, что заплатили за картину. После этого Буити завернул голову в тряпку, положил туда же деньги и поспешил домой, чтобы показать все это старшему брату.

Придя домой, он развернул свою ношу, но... Вместо головы там оказался пустой сосуд из тыквы – в такой обычно наливают вино, а вместо денег – ком грязи...

Еще больше братьев обескуражили вскоре поступившие известия из винной лавки: обезглавленное тело исчезло. Но как это случилось и куда оно делось – этого никто не знал и не видел.

Примерно с месяц о старике Кодзи ничего не было слышно. Но однажды вечером, где-то дней через тридцать после упомянутых событий, на самом пороге дворца князя Нобунага обнаружили мертвецки пьяного старика. Тот спал непробудным сном и оглашал округу храпом. Храпел он очень громко, и звуки эти напоминали скорее раскаты грома, нежели дыхание человека. Подойдя к нему, стражник увидел, что это не кто иной, как старый Кодзи. За эту наглую выходку старика немедленно схватили и бросили в тюрьму. Но, даже оказавшись в узилище, он не проснулся. Более того, он беспробудно спал десять ночей и десять дней, оглашая округу ужасными руладами, и слышно их было далеко в округе.

Надо сказать, что в это время было не до старика Кодзи. Развивались иные события: в результате вероломного заговора князь Нобунага был убит, а власть узурпировал в недавнем прошлом его ближайший соратник некий Акэти Мицухидэ. Правил он совсем недолго – всего двенадцать дней. Тем не менее власть в Киото теперь принадлежала ему.

И вот ему рассказали о деле старого Кодзи. Он приказал стражникам привести к нему старика. Приказ выполнили, и тот предстал перед новым повелителем. Мицухидэ разговаривал с ним вежливо, обращался как с гостем и повелел накрыть стол разными яствами. Когда старик поел, Мицухидэ спросил его:

– Я слышал, что вы большой любитель вина. Сколько вина вы можете выпить за один присест?

Кодзи отвечал:

– Да я и сам не знаю точно, сколько могу выпить. Пью до тех пор, пока не захмелею.

Тогда повелитель приказал поставить перед ним бочонок вина и велел слугам, чтобы те наполняли его чашу, как только он захочет. И старик принялся выпивать. Он выпил десять

больших чаш, но одиннадцатую ему не налили: больше он не попросил, да и слуги доложили, что бочонок опустел.

Все присутствующие, разумеется, были немало поражены этим праздником пьянства, а князь спросил Кодзи:

– Скажите, теперь вы вполне довольны?

– Ну да, – отвечал старик, – можно сказать, что я доволен вполне. А в благодарность за вашу августейшую доброту, – продолжал он, – я покажу, что я умею. Познакомлю со своим искусством. Для этого, пожалуйста, посмотрите на тот экран.

Он показал на огромный бумажный экран, склеенный из восьми полос, что занимал одну из стен покоев. На нем были изображены восемь видов священного озера Оми. На одном – прекрасная гладь озера, а вдалеке – фигурка человека, управляющего лодкой. Лодка и человек были совсем крошечные: на пространстве полотна они занимали едва ли больше квадратного дюйма. Старик махнул рукой в сторону лодки, и все увидели, что та сдвинулась с места и заскользила по водной глади к переднему плану картины. Очень быстро она увеличивалась в размерах, становясь все больше и больше. И вот уже можно было разглядеть того, кто управлял лодкой; вот его черты стали видны совершенно отчетливо... Лодка подплыла к краю картины, обретя реальные очертания и размеры – до нее можно было почти дотронуться рукой! Тут все увидели, как прибывает вода на полотне... Она вспучилась, а затем вдруг хлынула через край картины прямо в покои дворца и тут же затопила пол. Люди принялись подбирать полы халатов, а вода продолжала подниматься и уже дошла почти до колен. В этот момент лодка – самая настоящая рыбацкая лодка! – скользнула с экрана и... всплыла в зал. Все отчетливо видели, как лодочник взмахнул веслом, и слышали, как оно ударило о воду... А та все поднималась и уже была по пояс. Затем лодка подплыла к Кодзи, и тот запрыгнул в нее... В тот же момент лодочник развернул суденышко, и оно поплыло в обратном направлении – оно удалялось, быстро уменьшаясь в размерах. Едва лодка стала отдаляться, как вода начала убывать, словно отлив гнал ее обратно на картину! И вот лодка уже оказалась вдалеке – почти там, где была изначально, и... вся вода исчезла! А челнок между тем превратился в едва различимую точку – не больше квадратного дюйма, а затем и вовсе исчез!

А вместе с ней исчез и старый Кодзи. И больше никто и никогда не видел его в Японии.

История об Умэцу Тюбэе

Умэцу Тюбэй был молодым самураем большой отваги и силы. Он служил князю по имени Томура Дзюдаю, замок которого стоял на высоком холме неподалеку от местечка Ёкотэ в провинции Дэва. Дома стражников-самураев располагались у подножия холма, образуя небольшой городок.

Умэцу определили в ночную стражу – он должен был охранять ворота замка. У ночной стражи две смены – первая начинается на заходе и длится до полуночи, вторая – от полуночи до рассвета.

Однажды, когда Умэцу назначили во вторую смену, с ним случилось странное происшествие. Ближе к полуночи он шел заступать в караул и поднимался вверх по дороге, ведущей к замку. И вдруг заметил женщину. Та стояла на пронизывающем ветру, где дорога поворачивала к крепости. Он разглядел, что женщина держит в руках ребенка, – видимо, она ожидала кого-то.

Только исключительные обстоятельства могли объяснить появление женщины в таком пустынном месте в столь поздний час. Умэцу вспомнил, что с наступлением темноты демоны часто принимают женское обличье, чтобы обманывать и губить мужчин. Потому засомневался – а человеческое ли существо он видит; и когда обнаружил, что женщина заспешила ему навстречу, решил пройти мимо, не говоря ни слова. Он так и поступил бы, но женщина окликнула его по имени, что очень удивило. А еще она говорила таким приятным голосом... Она сказала:

– Добрый господин Умэцу! Нынче ночью у меня случилась беда. К тому же я должна исполнить одно очень непростое обязательство. Не будете ли вы столь любезны поддержать – всего минутку! – этого маленького ребенка? Я вернусь очень быстро!..

И она отдала ему малыша.

Что это была за женщина? Очень красивая и молодая, но Умэцу не признал ее. Более того, он подозревал и ее, и голос, которым она говорила, – слишком уж он очаровывал, и даже ребенка – он подозревал всех и вся... Но был очень воспитан и добр от природы, к тому же чувствовал – это совсем не по-мужски: сдерживать лучшее в себе, быть грубым – только из-за боязни перед нечистой силой.

Не говоря ни слова, он принял ребенка.

– Пожалуйста, поддержите его, пока я не вернусь, – сказала женщина. – Я вернусь очень скоро.

– Я побуду с ним, – отвечал самурай.

Женщина немедленно повернулась к нему спиной и, сойдя с дороги, бросилась вниз по склону холма. Она двигалась бесшумно и стремительно – скользила вниз так легко и быстро, что он едва верил своим глазам. Несколько мгновений – и она исчезла из поля зрения.

Тогда Умэцу в первый раз взглянул на ребенка. Тот был очень маленький – совсем крошечный. Похоже было, что он только родился. Младенец лежал очень тихо, не плакал и, видимо, не собирался.

Неожиданно самураю показалось, что ребенок вдруг стал больше. Он взглянул на сверток снова. Нет, все та же малая кроха лежала у него на руках. К тому же он даже не пошевелился. С чего он взял, что малыш вдруг вырос?

Через мгновение Умэцу знал ответ – и от этого его пронизала дрожь. Ребенок не рос: он становился *тяжелее*.

...Поначалу сверток весил не больше семи-восьми фунтов⁸⁷, но затем его вес сразу удвоился, потом утроился, затем вырос в четыре раза. Теперь он весил уже не меньше пятидесяти фунтов и продолжал тяжелеть... Сто фунтов! Сто пятьдесят! Двести!.. Умэцу понял, что его обманули: он разговаривал не с земной женщиной и младенец этот не человек. Но он дал обещание, а самурай не может нарушить свое слово. Поэтому продолжал держать дитя в своих руках, а оно становилось все тяжелее и тяжелее... Двести пятьдесят фунтов... Триста! Четыреста фунтов!..

Самурай не мог сообразить, что происходит, но держал себя в руках и не давал страху подчинить себя. И хотя силы его иссякали, ребенка из рук он не выпускал...

Пятьсот фунтов! Пятьсот пятьдесят! Шестьсот фунтов! Все мышцы уже дрожали от напряжения, не выдерживая нагрузки, что ложилась на них, но Умэцу держался – уже из последних сил... И вот, когда сил почти не осталось и пришло отчаяние, он зашептал молитву:

– Наму Амида Буцу! Наму Амида Буцу! Наму Амида Буцу!

В третий раз он уже не прошептал, а простонал – так велико было напряжение. Когда святое заклинание прозвучало в последний раз, напряжение чудесным образом вдруг спало – ребенок ничего не весил... Самурай стоял в оцепенении, продолжая сжимать свою ношу, но... в руках у него ничего не было! Младенец бесследно исчез... И в тот же момент в отдалении Умэцу вновь увидел ту же женщину – она быстро – очень быстро, как и ушла, – приближалась.

Немного запыхавшись, она подошла к нему. Самурай вновь заметил, что она очень – потрясающе красива... А еще он разглядел, что лоб ее покрыт бисеринками пота – они блестели даже на бровях, а рукава халата завернуты вверх и связаны – чтобы не мешали и не падали – специальными шнурками *тасуки*: похоже на то, что незнакомка трудилась – трудилась очень усердно и только что завершила нелегкую свою работу.

Остановившись подле, она сказала:

– Благородный господин Умэцу! Вы и представить не можете, какую огромную службу сослужили и как мне помогли! Ведь я – *удзигами* этого места⁸⁸, и этой ночью одна из моих подопечных собралась рожать. Поскольку она испытывала нечеловеческие боли, она взмолилась и попросила меня о помощи. Было очень тяжело. Очень скоро я поняла, что мне одной – без помощи – не справиться: в одиночку я не смогу спасти ее. Вот поэтому я обратилась к вам, рассчитывая на вашу силу и отвагу. Ребенок, которого я вложила в ваши руки, был еще не рожденным младенцем. Когда вы почувствовали, что он стал тяжелее, началось его рождение. Но все пошло не так, как должно было случиться: он тяжелел в ваших руках, потому что никак не мог родиться. А когда вес стал невыносимо тяжелым – таким тяжелым, что вы испугались, что не удержите, – тогда дело стало совсем плохо: нам показалось, что женщина не родит, что она умерла, и родственники уже оплакивали ее. И только тогда, когда вы трижды повторили молитву «*Наму Амида Буцу!*», только тогда – сам Будда, видно, услышал вашу молитву! – Врата рождения открылись и ребенок появился на свет...

То, что вы сделали, заслуживает награды. Для храброго самурая нет ничего важнее силы. И потому не только вам, но и вашим детям, и детям ваших детей, и их детям будет дарована великая сила.

С этими словами богиня исчезла – растворилась в воздухе.

Умэцу, немало озадаченный и удивленный, продолжил путь в замок. На рассвете, сменившись и оставив свой пост, он, перед тем как, по обыкновению, вознести утреннюю молитву, отправился умываться – омыть лицо и руки. Умывшись, взял полотенце и стал вытирать

⁸⁷ Фунт равен примерно 454 граммам.

⁸⁸ *Удзигами* (Ujigami, яп. ##) – в синтоистской религии божество – покровитель и защитник определенного места: села, городка, долины и т. п.

ладони, но ткань распалась, как мокрая бумага. Он взял другое, но и оно рассыпалось. Он взял четыре и сложил их вместе. Но они порвались, едва мужчина сжал их ладонями. Умэцу удивился и решил поэкспериментировать – взял два сосуда из бронзы и железа и сжал их: в его руках они были мягки и податливы, как глина. Тогда самурай понял, что ему дарована великая сила и впредь следует быть осторожным, иначе можно уничтожить все, к чему прикоснешься.

Вернувшись домой, он решил справиться, не родился ли в округе ребенок в ночь происшествия. И узнал, что в тот самый час, когда с ним случилось давешнее приключение, какая-то женщина родила сына. И роды были очень тяжелыми – все произошло так, как описала богиня Удзигами.

Дети Умэцу Тюбэя унаследовали великую мощь своего родителя. Кое-кто из его потомков до сих пор живет в провинции Дэва, и все отличаются большой физической силой.

История о монахе-художнике

Около тысячи лет тому назад в знаменитом храме Миидэра, что стоит на берегу озера в городке Оцу, в провинции Оми, служил священник, которого звали Коги. Был он не только человеком весьма ученым, но и выдающимся художником. С одинаковым блеском он рисовал картины на священные сюжеты, пейзажи, животных и птиц, но особенно ему удавались изображения рыб. Да и сам он любил рисовать их. После исполнения своих священных обязанностей, если позволяла погода, он обязательно отправлялся на берег озера, шел к рыбакам и за хорошую плату просил поймать ему рыбу. Но ставил твердое условие: рыба должна быть не только живой, но – обязательно – не претерпеть ни малейшего урона. Пойманное создание он помещал в сосуд с водой. Там она плавала. А священник рисовал ее, кормил, разговаривал, словно с любимым питомцем, и после отпускал обратно в озеро. Причем делал это всегда собственноручно. Наконец его картины с изображением рыб приобрели такую известность, что люди издалека приезжали полюбоваться ими. Но самые лучшие свои полотна он писал не с натуры, а по памяти. Ему часто снились сны, в которых он наблюдал за обитателями вод, и он переносил свои впечатления на шелк или бумагу.

Однажды он, по обыкновению, пришел на берег озера, чтобы понаблюдать за тем, как плещутся в воде любимые создания. Смотрел долго и... задремал. И приснилось ему, что он очутился под водой, превратился в рыбу и играл там со своими собратьями. Очнувшись, понял – увиденное столь живо засело в памяти, что его необходимо немедленно запечатлеть. И он нарисовал картину. Изображение ему так понравилось, что он повесил его у себя в спальне. И назвал «Приснившийся сазан».

Надо сказать, что преподобный Коги никогда и никому не продавал и не дарил своих картин с изображением рыб. Хотя с другими произведениями – пейзажами, рисунками птиц, зверей и цветов – расставался без сожаления. Он говорил, что никогда не продаст полотно, на котором нарисовал живую рыбу, тому, кто способен убить и съесть столь замечательное живое существо. Ну а те, кто хотел приобрести его картины, разумеется, употребляли в пищу дары вод и поэтому соблазняли художника изрядными суммами – но он был непреклонен.

Однажды летом Коги заболел. Состояние его ухудшалось, и примерно через неделю после начала болезни он абсолютно утратил способность двигаться и потерял дар речи. Все подумали, что он умер. Были исполнены необходимые погребальные обряды и прочитаны заупокойные молитвы. Назначили уже и время похорон, когда ученики, обряжавшие тело, заметили, что оно сохраняет тепло и остается гибким. Тогда решили отложить погребение и понаблюдать за состоянием учителя. В тот же день, в полдень, Коги внезапно очнулся, обвел взглядом тех, кто стоял рядом, и спросил:

– Сколько времени я был без сознания?

– Больше трех дней, – отвечал один из послушников. – Мы было даже подумали, что вы умерли. Нынче утром прихожане и ваши друзья собрались в храме для заупокойной службы. Мы провели службу, но потом обнаружили, что на вашем теле нет следов тления, более того, оно гибкое и теплое. И тогда решили повременить с похоронами. Теперь мы очень рады, что поступили таким образом.

Слушая ученика, старый художник одобрительно кивал, а затем сказал:

– Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас не мешкая поспешил в дом господина Тайра-но-Сукэ, где в этот самый момент празднуют молодые люди. Они едят рыбу и пьют вино. Скажите им: «Наш учитель ожил. И он просит вас оказать ему любезность – оставить праздничный стол и поспешить к нему без промедления, потому что хочет поведать весьма необычную историю».

И еще, – продолжал священник, – когда окажетесь в доме, посмотрите, что делают Сукэ и его братья, – может быть, я ошибаюсь и они вовсе не празднуют?

Когда послушник очутился в указанном доме, то с удивлением отметил, что Сукэ, его брат Дзюро и их приятель Камори действительно празднуют – как и сказал священник. Но как только послушник сообщил им то, что просил сказать Коги, все трое немедленно прервали трапезу и поспешили в храм. Священник, которого к тому времени уже перенесли на кровать со смертного ложа, приветствовал вошедших доброй улыбкой. После того как необходимые к случаю слова были произнесены, он сказал:

– А теперь, друг мой, ответьте, пожалуйста, на те вопросы, которые я вам собираюсь задать. Прежде всего, будьте так любезны, скажите, не покупали ли вы сегодня рыбу у рыбака по имени Бунси?

– Да, именно так, покупали, – отвечал Сукэ. – Но как вы узнали?

– Потерпите немного, – сказал священник и продолжил: – Это рыбак Бунси сегодня постучался к вам в дом. В корзине у него была рыба трех футов длиной. Случилось это сразу после полудня; вы с Дзюро как раз только сели играть в го. А Камори наблюдал за вашей игрой и ел персик – не так ли?

– Совершенно верно, – одновременно ответили Сукэ и Камори. И в голосе их звучало немалое удивление.

– И как только Камори увидел эту большую рыбу, – продолжал священник, – он немедленно согласился купить ее. И, кроме той цены, что запросил рыбак, предложил ему персиков – он положил их на тарелку и к тому же налил три чашки sake, которые тот и выпил. Затем позвали повара. Он пришел, осмотрел рыбу и выразил свой восторг по ее поводу. А потом по вашему приказу он выпотрошил ее, нарезал и приготовил праздничный ужин... Все происходило именно так, как я сказал?

– Да, все именно так и было, – отвечал Сукэ. – Но совершенно непонятно, откуда вы знаете, что происходило в нашем доме. Пожалуйста, расскажите, откуда вам это стало известно. Все так странно и удивительно.

– Ну что ж, послушайте теперь мою историю, – отвечал священник. – Все вы думали, что я умер, поскольку пришли на заупокойную церемонию в храм нынче утром. Но должен вам сказать, что три дня назад сам я совершенно не думал о том, что серьезно болен. Единственное, что хорошо помню: я ощущал большую слабость и мне было очень жарко. Причем настолько жарко, что я решил встать и выйти на улицу, чтобы прохладный воздух остудил меня. С большим трудом я встал с постели и вышел на улицу. Идти мне было трудно, и потому я опирался на палку... Вполне возможно, мне только почудилось это. Но вы уже убедились – все мои видения подтверждаются, и я собираюсь рассказать все в точности, что случилось... Выйдя из дому на свежий воздух, я ощутил внезапную легкость во всем теле – почти невесомость: наверное, так себя чувствует птица, вырвавшаяся или выпущенная на волю из клетки. Я пошел от дома. Уходил все дальше и дальше, пока не достиг берега озера. И так поразила меня красота его вод, голубых и чистых, что я ощутил неодолимое желание искупаться. Я сбросил одежды и прыгнул в воду. Удивительную вещь я обнаружил – что могу плавать очень быстро и совершенно свободно, хотя до болезни, признаюсь, пловец я был совсем никудышный... Вы можете посчитать: все, что я рассказываю, – сон, и ничего больше. Но слушайте дальше! Пока я плавал и дивился на собственное умение, видел, что вокруг меня и подо мной резвятся множество рыбешек. Они были такие красивые! И внезапно я остро позавидовал тому счастью, что они, видно, испытывали. Ведь я понимал, что человек, как бы хорошо он ни умел плавать, не способен наслаждаться так, как рыбы, резвясь в глубинах. В тот же момент прямо подо мной появилась огромная рыба. Приблизив свою голову к поверхности, она высунула ее наружу и оказалась рядом с моим лицом, а потом зашевелила губами и заговорила человеческим голосом: «Ваше желание можно легко осуществить. Пожалуйста, подождите здесь минутку!»

Она нырнула в глубину и исчезла. Прошло несколько мгновений, и я увидел ее вновь. Теперь она плыла не одна: верхом на ней сидел человек. На нем были богатые одежды, а волосы уложены в особую, очень сложную прическу. Понятно было, что человек это непростой – выглядел он как настоящий принц. Обращаясь ко мне, он сказал: «Я принес вам весть от самого Короля-Дракона. Он узнал о вашем желании хотя бы ненадолго превратиться в рыбу, чтобы насладиться свободным плаванием в глубинах вод. Поскольку вы спасли жизнь множества водных созданий и всегда сострадали живым существам, бог вод дарует вам обличье золотого карпа, и теперь вы сможете наслаждаться, плавая в глубинах. Но вам следует соблюдать осторожность и не есть других рыб. Нельзя вам также есть пищу, что предназначена рыбам, даже если от нее исходит запах, перед которым вы не в силах устоять. И особенно вам следует опасаться рыбаков – они могут поймать вас. А еще – берегите данное вам тело. Постарайтесь не повредить его».

С этими словами рыба и ее седок нырнули в глубину и исчезли из виду. А я взглянул на свое тело и увидел, что все оно покрыто чешуей, крупной и сияющей – как золото. И еще обнаружил, что у меня плавники, и понял, что превратился в золотого карпа. А потом я узнал, что могу плавать, где только захочу.

И я поплыл, и посетил множество прекрасных мест, и наслаждался тем, что видел. Иногда мне хватало отблеска от луча солнца, что танцует на поверхности вод, а иногда я подолгу любовался отражением холмов и деревьев, что склонились над водой, восхищался причудливой игрой изломанных теней на водной ряби, дрожащей под ветром... Особенно мне запомнился берег одного острова, – может быть, этим островом был Окицусима, а может – Тикубусима. Он отражался в воде отвесной красной стеной. Иной раз я подплывал к берегам так близко, что мог даже разглядеть лица людей, слышать голоса и разговоры тех, кто шел по пляжу. Случалось, я даже засыпал у самой поверхности озера, но меня вдруг будил удар весла приближающейся лодки. По ночам я восхищенно наблюдал причудливую игру лунного света, что струится по волнам... Однажды меня сильно напугали рыбаки из Катасэ, когда вышли целой флотилией на ночную ловлю, – я едва успел укрыться от их сетей... Бывало, погода портилась – холодало, налетал ветер, – тогда я уходил на глубину. Очень глубоко – даже на тысячу футов, – и там резвился у самого дна. Но после двух или трех дней этого ни с чем не сравнимого беззаботного удовольствия я почувствовал голод и вернулся обратно в надежде приискать что-нибудь съестное. Как оказалось позднее, в то же самое время рыбак Бунси отправился половить рыбу. Я увидел, как он забросил снасть. На крючок он насадил нечто такое, что так хорошо пахло!.. Но тут я вспомнил предостережение Короля-Дракона и метнулся восвояси, говоря себе: «Ни при каких обстоятельствах я не стану есть пищу, что приготовлена из рыбы, ведь я – верный ученик Будды!» Однако через некоторое время голод мой стал нестерпим настолько, что я не мог доле бороться с искушением и поплыл обратно к наживке, что забросил Бунси. Я плыл и думал: «Даже если Бунси и поймает меня, он не причинит мне зла, ведь мы с ним такие давние друзья!» Не мог я противостоять искушению: приманка на крючке источала такой аромат, что голова шла кругом, и я заглотил ее... В тот же момент леска дернулась, и Бунси поймал меня. Он тащил меня из воды, мне было больно, и я закричал: «Что ты делаешь? Ты же поранил меня!»

Но он, казалось, не слышал. Он выдернул крючок из моей губы и бросил меня в корзину. А затем отнес к вам домой. Когда корзину открыли, я увидел, как вы – Сукэ и Дзюро – играете в го, а Камори смотрит на вас и ест персики. Потом все вместе вы пошли на веранду посмотреть на меня и восхитились, какая большая попалась рыба!

Я закричал тогда что было сил: «Я не рыба! Меня зовут Коги! Я – священник Коги! Пожалуйста, отпустите меня, я хочу вернуться к себе в храм!»

Но вы только хлопали в ладоши от восторга и не обращали ни малейшего внимания на мои слова.

Затем повар отнес меня на кухню и бросил (я ударился, мне было так больно!) на разделочный стол. Там лежал ужасный огромный острый нож. Левой рукой повар прижал меня к столу, а правой взялся за этот нож...

И я закричал, обращаясь к нему: «Как можешь ты поступать столь жестоко! Ты хочешь убить меня! Меня – верного слугу Будды! Помогите! Помогите!»

Но через мгновение я почувствовал, как сталь вошла в мое тело, и меня пронзила боль – ужасная, непереносимая боль! – в этот самый момент я очнулся и увидел себя здесь, в этом храме!

Когда священник окончил свой рассказ, все, конечно, были поражены. А затем заговорил Сукэ:

– Теперь я припоминаю, что, когда мы рассматривали рыбу, челюсти ее все время шевелились, но мы не слышали никакого голоса... Теперь мне немедленно следует отправить слугу домой – пусть соберет остатки рыбы и опустит их в озеро.

А Коги вскоре оправился от болезни, снова вернулся к своим кистям и краскам и создал еще много полотен. А потом, уже много лет спустя после смерти художника, случилось так, что несколько его картин с изображением рыб упали в воду... И что бы вы думали? Едва те очутились в озере, как нарисованные рыбки тут же сорвались со своих мест на шелке и на бумаге и, вильнув хвостом, скрылись в глубине вод.

Мимолетные видения неведомой Японии

Кицунэ

Из сборника «Glimpses of Unfamiliar Japan», 1895

I

Возле любой тенистой обочины и в каждой старинной роще, на вершине почти любого холма и на окраине любой деревушки, вы можете увидеть, путешествуя по Хонсю, какой-то маленький синтоистский храм, перед которым или по обе стороны которого расположились каменные фигуры сидящих лис. Обычно таких фигур бывает две и они обращены друг к другу. Но их может быть и дюжина, или два десятка, или несколько сот, и в этом случае большинство фигур будут совсем крошечными. И более чем в одном крупном городе вы можете увидеть во дворе какого-нибудь большого *мия* несметное число каменных лис всевозможных размеров, от совсем игрушечных, в несколько дюймов высотой, до колоссов, постаменты которых возвышаются над вашей головой, рассеявшихся вокруг храма рядами по ранжиру многими тысячами. Такие храмы и святилища, как всем известно, посвящены Инари – богу риса. Немало путешествуя по Японии, вы однажды поймаете себя на том, что всякий раз, когда вы пытаетесь припомнить любые сельские места, вами посещенные, в каком-то уголке или закутке такого воспоминания возникает пара позеленело-серых каменных лис с отбитыми носами. В моих собственных воспоминаниях о путешествиях по Японии эти фигуры сделались совершенно неизменными, как некая живописная принадлежность ландшафта.

В пригородах столицы, да и в самом Токио – а иногда также и на городских кладбищах, – можно увидеть великолепные идеализированные фигуры лис, изящных, как борзые собаки. У них продолговатые зеленые глаза из кристаллического кварца или какого-то иного прозрачного материала; и они производят неизгладимое впечатление неких мифологических персонажей. Но повсюду в глубинке фигуры лис исполнены намного менее артистично. В Идзумо, в частности, такое каменное ваятельство принимает решительно примитивные формы. В провинции богов фигуры лис на удивление многочисленны и разнообразны по своему виду – фигуры смешные, причудливые, гротескные или ужасные, но по большей части всегда очень грубо изваянные. Однако я не стану утверждать, что по причине этого они менее интересны. Работа скульптора с Токайдо воплощает общепринятое художественное представление о легком изяществе и потусторонности. Деревенские лисы Идзумо лишены изящества: они сработаны грубо; но они выдают в бесчисленных необычных воплощениях личные фантазии своих творцов. Они пребывают в различных настроениях – эксцентричном, апатичном, любопытствующем, угрюмом, игривом, ироничном; они и посматривают, и подремывают, и поглядывают искоса, и подмигивают, и посмеиваются; и они ожидают, с блуждающими улыбками; и они прислушиваются, наострив уши, и подслушивают как-то украдкой, при этом рты их приоткрыты или плотно закрыты. Все они изумительно индивидуальны и неповторимы, и у большинства из них насмешливо-понимающее выражение, даже у тех, носы которых отбиты. Более того, эти древние сельские лисы обладают неким естественным очарованием, которого лишены их современные токийские сородичи. Время набросило на них различные пятнистые покровы красивых нежных оттенков, пока они восседали на своих постаментах, вслушиваясь в суетность минующих столетий и загадочно усмехаясь, свысока взирая на человечество. Их спины покрыты тончайшим зеленым бархатом древних мхов; их ноги покрыты пятнами, а кончики

хвостов расцвечены матовым золотом или серебром нежной сусальной плесени. Излюбленные места их обитания – это места самые восхитительные: высокие тенистые рощи, где *угицу* рассыпает свои трели в зеленом сумраке, над каким-нибудь безмолвным святилищем, с его каменными фонарями и львами, настолько заросшими мхом, что кажутся выросшими прямо из земли, подобно грибам.

Я пребывал в полном недоумении, пытаюсь понять, почему из каждой тысячи лис у девяти сот отбиты носы. Главную улицу Мацуэ можно было бы из конца в конец замостить кончиками носов покалеченных лис Идзумо. В ответ на высказанное мною по этому поводу удивление один мой друг ответил одним простым, но все объясняющим словом «*кодомо*», что значит «дети».

II

Инари – имя, под которым общеизвестен бог-лис, – означает «мера риса». Но древнее имя этого божества – Великий дух пищи: он – это *Ука-но-ми-тама-но-микото* из свода «Кодзики»⁸⁹. Лишь со времен много более поздних носит он имя, указывающее на его связь с культом лиса, *Микэцу-но-ками*, или бог трех лисов. И действительно, представление о лисах как о существах сверхъестественных появилось в Японии, по-видимому, не ранее десятого или одиннадцатого века; и хотя святилище этого божества со статуями лис можно найти во дворе большинства крупных синтоистских храмов, следует отметить, что в пределах всех обширных владений древнейшего синтоистского храма Японии – Кицуки – вам не удастся найти ни одного изображения лиса. И только в современном искусстве – в искусстве Тоёкуни и иже с ним – Инари изображается в виде бородастого мужчины, едущего верхом на белом лисе⁹⁰.

Инари поклоняются не только лишь как богу риса; и в самом деле существует множество Инари, так же как в древней Греции существовало множество божеств, зовущихся Гермес, Зевс, Афина, Посейдон, – все зависело от того, образован ли человек или вышел из простого народа. Инари обрел много ипостасей по причине своих различных отличительных черт. Например, у Мацуэ имеется Камия-Сан-но-Инари-Сан, который является богом кашля и сильных простуд – недугов крайне обычных и необычайно жестоких в провинции Идзумо. У него есть храм в Камати, где ему поклоняются под простонародным именованием Кадзэ-но-Ками и под более почтительным Камия-Сан-но-Инари. И те, кто после вознесения ему молитв излечивается от своих жестоких кашлей и простуд, приходят в этот храм с приношениями в виде *тофу*.

В Оба, подобным же образом, имеется свой особый Инари, и очень знаменитый. На стене его святилища закреплен большой короб, заполненный маленькими глиняными лисами.

⁸⁹ Тоё-укэ-бимэ-но-Ками, или *Ука-но-ми-тама* (имеющая также еще восемь имен) является божеством женского пола, согласно «Кодзики» и его комментаторам. Более того, крупнейший из всех знатоков Синто, Хирата, как его цитирует Э. М. Сатоу, утверждает, что на самом деле вовсе не существует такого бога, как Инари-Сан, что само это имя ошибочно. Но простой народ создал бога Инари, в силу чего следует предположить, что он существует – даже если только для фольклористов; и я говорю о нем как о божестве мужского пола, поскольку вижу его так представленным на картинах и в резьбе. Что же касается его мифологического существования, то посвященный ему огромный и богатый храм в Киото служит внушительным тому свидетельством. (Примеч. авт.)

⁹⁰ Белый лис служит излюбленной темой для японских художников. Несколько очень красивых какэмоно с изображением белых лисов были представлены на токийской выставке 1890 г. Фосфоресцирующие лисы часто встречаются на старых цветных гравюрах, в настоящее время столь редких и дорогих, созданных художниками, имена которых стали известны всему миру. Иногда лисы изображаются блуждающими в ночи, с колышущимися языками тусклого огня – *кицунэ-би* – над головой. Кончик лисьего хвоста как в скульптуре, так и в живописи обычно украшается символическим драгоценным камнем (*тама*) древнего буддистского искусства. Я обладаю одним какэмоно с изображением белого лиса со светящимся драгоценным камнем в его хвосте. Я приобрел его в храме Инари в Мацуэ – *О-Сирояма-но-Инари-Сама*. Искусство этого какэмоно грубовато, но идея сама по себе представляет несомненный интерес. (Примеч. авт.)

Паломник, которому нужно вознести молитву, кладет одну из этих маленьких фигурок себе в рукав и относит домой. Он должен держать ее у себя и воздавать ей все надлежащие почести до того времени, пока его прошение не будет удовлетворено. После этого он должен отнести ее обратно в храм и вновь положить в короб, а кроме того, если он в состоянии, сделать какое-то небольшое приношение этому святилищу.

Инари часто поклоняются как целителю, а еще чаще как божеству, во власти которого даровать благополучие и богатство. (Быть может, в силу того, что в старой Японии все богатство исчислялось в *коку* риса.) Поэтому его лисы иногда изображаются держащими во рту ключи. А из божества, дарующего богатство, в некоторых местностях Инари превратился также в особое божество туземных гетер *дзёро*. Например, достойный посещения храм Инари имеется в окрестностях Ёсивара в Иокогаме. Он стоит в одном дворе с храмом Бэнтэн и многим более обычного велик для святилища Инари. Пройти к нему можно через несколько стоящих последовательно один за другим *тории*: они различны по высоте, уменьшаясь в размерах по мере приближения к храму, и расположены каждый раз ближе друг к другу, пропорционально убыванию своей величины. Перед каждым тории сидит пара причудливых фигур лис – одна справа и одна слева. Первая пара – большие, как борзые собаки; лисы второй – намного меньшей величины; а все последующие становятся все меньше и меньше, сообразно уменьшению размеров их тории. У подножия деревянной лестницы храма сидит пара очень изящных лис из темно-серого камня, шеи которых обмотаны кусками красной материи. На самой лестнице сидят белые деревянные фигуры лис – по обеим сторонам каждой ступени, при этом каждая следующая пара меньше стоящей ниже; а на пороге перед самым входом находятся две крошечные фигурки, не более трех дюймов высотой, восседающие на небесно-голубых постаментах. У этих двух лисичек кончики хвостов позолочены. Если заглянуть в храм, то слева можно увидеть нечто наподобие длинного низкого стола, на котором расставлены тысячи крохотных статуэток лис, еще меньше тех, что восседают при входе, но только с простыми белыми хвостами. Никакого образа Инари нет; и действительно, я до сих пор не видел ни одного изображения Инари ни в одном храме Инари. На алтаре можно видеть обычные символы Синто; а перед ним, прямо напротив входа, стоит некоего рода светильник со стеклянными стенками и деревянным дном, из которого выступают острия гвоздей для закрепления на них возжигаемых обетных свечей⁹¹.

И здесь время от времени, если вы потрудитесь понаблюдать, быть может, вы увидите хотя бы одну симпатичную девицу с ярко накрашенными губами, в красивом старинном наряде, носить который не пристало ни одной честной девушке или почтенной матроне, которая подходит к подножию лестницы, бросает монетку в ящик для денег, стоящий возле входа, и восклицает: «*О-росоку!*», что означает «соблаговолите свечу». Сразу же вслед за этим из внутреннего покоя в святилище входит старый служитель с горящей свечой, закрепляет ее на острие гвоздя в светильнике, а затем возвращается в свою обитель. Такие свечные приношения всегда сопровождаются тайными молитвами об удаче. Однако этот Инари почитается также многими иными, помимо поклонниц из категории *дзёро*.

Цветные повязки на этих лисах – это также обетные приношения.

III

В Идзумо изображения лис, как представляется, превосходят числом таковые в других провинциях, и здесь они служат символами чего-то еще, помимо культа божества риса, коль скоро иметь в виду широкие крестьянские массы. И в самом деле, древнее представление о

⁹¹ У японской свечи имеется большой пустотелый бумажный фитиль. Она обычно устанавливается на железный штырек, который входит в отверстие фитиля на ее плоском основании. (Примеч. авт.)

божестве рисовых полей затмил и почти что изгладил в сознании низших сословий некий крайне необычный культ, совершенно чуждый духу чистого Синто, а именно – культ лиса. Культ слуги почти полностью заместил собой культ самого божества. Изначально лис был священен для Инари, как черепаха по-прежнему священна для Компира; олень – для великого божества Касуга; крыса – для Дайкоку; карп Тай – для Эбису; белая змея – для Бэнтэн; или как многоножка – для Бисямона, бога сражений. Но с течением столетий лис узурпировал статус божественности. И его каменные изваяния – не единственные внешние свидетельства его культа. На задней стороне почти любого храма Инари вы, как правило, обнаружите в стене святилища, на высоте одного-двух футов от земли, отверстие около восьми дюймов в диаметре и идеально круглое. Часто его делают так, чтобы при желании его можно было закрыть сдвижной дощечкой. Это круглое отверстие – лисья нора, и если вы найдете его открытым и заглянете внутрь, то, быть может, увидите приношения тофу и иной снедь, которую, как полагают, любят лисы. Вы также, скорее всего, обнаружите зерна риса, насыпанные на небольшой деревянный выступ ниже этой норы или рядом с ней либо на краю самой норы; и вы можете увидеть какого-нибудь крестьянина, который хлопает в ладоши перед этой норой, произносит какую-то краткую молитву и проглатывает одно-два зернышка этого риса, свято веря в то, что этим он либо излечится, либо уберется от какого-то недуга. Однако лис, ради которого сделана такая нора, – это невидимый лис, лис-призрак, лис, к которому крестьянин почтительно обращается как *О-кицунэ-сан*. И если он когда-нибудь снизойдет показаться в своем видимом обличье, то, говорят, его окрас будет снежно-белым.

Согласно некоторым знатокам, существует несколько видов лис-призраков. Согласно другим, существуют только два вида – Инари-лис (или *О-кицунэ-сан*) и дикий лис (*кицунэ*). Некоторые идут еще дальше, и подразделяют лис на высших и низших, и заявляют о существовании четырех высших типов – *бякко*, *кокко*, *дзэнко* и *рэйко*, – и все они обладают сверхъестественными силами. Другие, однако, убеждены, что насчитывается только три разновидности, как то: полевой лис, человек-лис и Инари-лис. Но многие смешивают полевого лиса, или дикого лиса, с человеком-лисом, в то время как есть и такие, кто отождествляет Инари-лиса с человеком-лисом. Весьма сложно, если вообще возможно, разобраться в путанице этих верований, особенно существующих в крестьянской среде. Более того, эти верования различаются в различных районах, прожив четырнадцать месяцев в Идзумо, где эти суеверия особенно сильны и отмечены некоторыми особенными чертами, я только-то и смог, что составить нижеследующее краткое обобщение таковых.

Все лисы обладают сверхъестественной силой. Есть хорошие и плохие лисы. Инари-лис хороший, и плохие лисы боятся Инари-лиса. Самый плохой лис – это *нинко*, или *хито-кицунэ* (человек-лис): это лис, которому особенно свойственна демоническая одержимость. Он не больше куницы и иногда такой же формы, за исключением хвоста, который у него обычный лисий. Его редко видят, поскольку он остается невидимым для всех, кроме тех, к кому он прилепляется. Он любит жить в домах людей и состоять у них на котловом довольствии; и в дома, где о нем хорошо заботятся, он приносит процветание и достаток. Он позаботится о том, чтобы рисовые поля никогда не нуждались в воде, а варочный котел – в рисе. Но если его обидеть, он принесет в этот дом несчастье и погубит урожай. Дикий лис (*ногицунэ*) также плохой. Иногда ко всему прочему он вселяется в людей; но главным образом он чародей и предпочитает вводить людей в заблуждение своей магией. Он обладает волшебной силой принимать любое обличье и становиться невидимым; но собаки всегда способны видеть его, и поэтому он чрезвычайно боится собак. Более того, когда он пребывает в каком-то ином обличье, то если его тень упадет на воду, в ней отразится именно тень лиса. Крестьяне убивают его; но тот, кто убивает лиса, подвергает себя опасности быть околдованным сородичами этого лиса или даже духом, *ки* этого лиса. Однако тот, кто съест лисьего мяса, в дальнейшем уже не сможет быть околдован. Ногицунэ также обитает в домах. У большинства семей, имеющих лис в своих

домах, бывает только маленькая разновидность, или *нинко*; но иногда оба этих вида могут совместно проживать под одной крышей. Некоторые люди говорят, что если ногицунэ доживает до ста лет, то становится совершенно белым и после этого обретает ранг Инари-лиса.

С этими верованиями связаны курьезные противоречия, и еще больше противоречий обнаружится на следующих страницах этого очерка. Вообще дать определение лисьему суеверию весьма трудно, и не только по причине запутанности представлений на этот предмет у самих верующих, но также и по причине разнообразия элементов, из которых оно сформировалось. Его происхождение – китайское⁹², но в Японии оно удивительным образом слилось с поклонением синтоистскому божеству и вновь было изменено и расширено буддистскими понятиями о волшебстве и магии. Что касается простых людей, то, пожалуй, можно с уверенностью сказать, что они поклоняются лисам главным образом потому, что они их боятся. Крестьянин, как и прежде, поклоняется тому, кто или что его страшит.

IV

Более чем сомнительно, что общепринятые представления о различных классах лис и о различиях между лисом Инари и лисом одержимости были когда-либо намного более ясно определены, чем ныне, кроме как в книгах авторов старого времени. И действительно, существует письмо Хидзэси богу-лису, которое вполне может служить свидетельством того, что во времена великого Тайко не делалось различия между Инари-лисом и лисом-демоном. Это письмо и сейчас хранится в Нара, в буддийском храме, называемом Тодайдзи:

«Киото, семнадцатый день

Третьего месяца.

Инари Даймёдзину:

Милостивый государь!

Имею честь сообщить Вам, что один из лисов в Вашем подчинении околдовал одну из моих служанок, чем навлек на нее и прочих множество бед. Я вынужден настаивать, чтобы Вами было проведено тщательное дознание по этому делу и приняты меры к установлению причины столь вопиющего поведения Вашего подданного, а мне было также сообщено об исходе такового.

Если выяснится, что этот лис не имеет надлежащей причины в оправдание таких действий, Вам надлежит незамедлительно взять его под стражу и примерным образом наказать. Если же Вы не поспешите принять меры по сему делу, я принужден буду издать указы об истреблении всех лис в этой стране.

Все иные обстоятельства, о которых Вы можете пожелать быть поставленным в известность касательно случившегося, Вы можете узнать у верховного жреца Ёсиды.

Приношу свои извинения за все огрехи этого письма и имею честь оставаться

Вашим покорным слугой,

Хидзэси Тайко»⁹³

Но определенно были некоторые различия, установившиеся в разных местностях, в силу почитания Инари военным сословием. У самураев Идзумо, бог риса, по очевидным причинам был божеством весьма чтимым; и вы по-прежнему можете видеть в саду почти каждого

⁹² См. «Things Japanese» [«Вещи японские»] профессора Чемберлена, раздел «*Demoniacal Possession*» [«Одержимость демонами»]. (Примеч. авт.)

⁹³ В переводе Уолтера Денинга [Walter Denning]. (Примеч. авт.)

старого жилища *сидзоку*⁹⁴ в Мацуэ небольшое святилище Инари Даймёдзина, с маленькими каменными лисами, сидящими перед ним. И в представлении низших сословий все самурайские семьи владели лисами. Но самурайские лисы не внушали никакого страха. Они считались хорошими лисами; и непохоже, чтобы в феодальную эпоху суеверие о нинко или хито-кицунэ каким-либо невыгодным образом сказывалось на каких-либо самурайских семьях в Мацуэ. И только лишь после упразднения военного сословия, когда его наименование как просто дворянства было заменено на сидзоку, некоторые семьи пострадали в силу этого суеверия по причине межсословных браков с *тёнин*, или людьми из торгово-ремесленных классов, среди которых такое предубеждение всегда было сильно.

Крестьяне считали Мацудайра, даймё Идзумо, самыми крупными лисовладельцами. Верили, что один из них использовал лис как гонцов в Токио (следует отметить, что, согласно народной вере, лис способен добраться от Иокогамы до Лондона за считанные часы); и в Мацуэ рассказывают историю о лисе, попавшем в капкан⁹⁵ возле Токио, к шее которого было привязано письмо, написанное князем Идзумо утром того же дня. Посвященный Инари великий храм Инари на замковых землях – О-Сирояма-но-Инари-Сама, – с его тысячами и тысячами каменных лис, селяне считают красноречивым свидетельством преданности Мацудайра, но вовсе не Инари, а именно лисам.

Ныне, однако, невозможно установить родовые различия в этой призрачной зоологии, где каждый вид эволюционирует во все иные. И даже не представляется возможным избавиться *ки*, или душу лиса, и досточтимый дух пищи от того заблуждения, в котором они оба безнадежно срослись под именем Инари в смутных представлениях своих поклонников-крестьян. В действительности древняя мифология Синто вполне определенно говорит о досточтимом духе пищи и так же определенно обходит молчанием тему лис. Но крестьяне провинции Идзумо, как и крестьяне католической Европы, создают свою собственную мифологию. Если спросить, молятся они Инари как злему или как доброму божеству, то они скажут вам, что Инари добрый и что лисы-Инари тоже добрые. Они расскажут вам о белых лисах и темных лисах – о лисах, которых следует почитать, и о лисах, которых следует убивать, – о добром лисе, который кричит «*кон-кон*», и о злом лисе, который кричит «*кай-кай*». Но крестьянин, одержимый лисом, выкрикивает: «Я Инари – Ямабуси-но-Инари!» или какой-то иной Инари.

V

Лис-демонов особенно страшатся в Идзумо в силу трех дурных обыкновений, им приписываемых. Первое – это силою колдовства вводить людей в заблуждение либо в отместку за что-либо, либо просто из озорства. Второе – это становиться домашними слугами в какой-нибудь семье и в результате превращать эту семью в страх и трепет для ее соседей. Третье и наихудшее – это вселяться в людей, делать их одержимыми своей демонической силой и мучительно доводить их до сумасшествия. Эта беда именуется «*кицунэ-цуки*».

Излюбленное обличье, принимаемое лисами-демонами, с тем чтобы вводить род людской в заблуждение, – это образ красивой женщины; намного реже принимается образ юноши для обмана кого-либо иного пола. Несть числа рассказам, как устным, так и письменным, о коварстве женщин-лис. И опасную женщину из той категории, чье искусство заключается в оболыщении мужчин и завладении всем, чем они обладают, в народе называют смертельно оскорбительным словом – «*кицунэ*».

⁹⁴ Слово *сидзоку* – это всего лишь китайский вариант слова «самурай». Но сейчас этот термин обладает лишь немногим более широким значением, чем слово «джентльмен» в английском языке. (Примеч. авт.)

⁹⁵ Лис-говец в пути невидим. Но если он попадает в капкан или бывает ранен, то колдовская сила его оставляет и он становится видимым. (Примеч. авт.)

Многие утверждают, что в действительности лисы никогда не принимают человеческий облик, но они лишь вводят людей в подобное заблуждение посредством своего рода гипнотической силы либо накрывая их неким магическим облаком.

Лисы не всегда принимают женский облик с каким-то злым умыслом. Есть несколько рассказов и одна действительно чудесная пьеса о лисё, принявшей облик красивой женщины, вышедшей замуж за человека и родившей ему детей – все это в благодарность за какое-то оказанное ей благодеяние: их семейное счастье омрачалось лишь некими странными хищными пристрастиями их потомства. Но ради лишь достижения какой-то демонической цели женское обличье не всегда служит лучшей маскировкой. Есть мужчины, совершенно не поддающиеся женским чарам. Но лисы всегда найдут, как изменить внешность; и они могут принять больше обликов, чем Протей. Более того, они могут заставить вас видеть, или слышать, или вообразить себе все то, что они пожелают, чтобы вы видели, слышали или вообразили себе. Они могут заставить вас видеть вне времени и пространства; они могут вызвать прошлое и открыть будущее. Их могущество не было подорвано принятием западных идей; ибо разве не лис всего лишь несколько лет тому назад отправил поезда-призраки мчаться по Токкайдской железной дороге, приведя этим в великое смятение и до смерти напугав машинистов паровозов этой компании. Но, как и все демоны, они предпочитают уединенные места для своего явления. Ночью они любят вызывать необычные призрачные огни⁹⁶, наподобие горящих фонарей мелькающие над опасными местами; и чтобы уберечься от этой их каверзы, необходимо знать, что, сложив руки нужным образом, так чтобы между перекрещенными пальцами оставался просвет ромбической формы, вы можете загасить этот колдовской огонь на любом расстоянии, просто подув через это отверстие в направлении такого огня и прочтя определенное буддистское заклинание.

Но не только лишь в ночное время демонстрируют лисы свою склонность к дурным проделкам: среди бела дня лис может искусить вас пойти туда, где вы непременно найдете свою погибель, либо напугать вас, чтобы заставить отправиться в это место, вызвав некое видение или вынудив вас вообразить, что вы чувствуете землетрясение. Вследствие чего крестьянин старого закала, наблюдая что-либо крайне необычное, не слишком-то спешит верить глазам своим. Самым интересным и ценным свидетелем потрясающего извержения Бандай-Сан в 1888 году – разнесшего огромный вулкан на малые фрагменты и опустошившего территорию площадью двадцать семь квадратных миль, ровняя с землей леса, оборачивая реки вспять и погребая под слоем камней и пепла все окрестные деревни со всеми их жителями, – был старый крестьянин, который наблюдал весь этот катаклизм с вершины соседней горы столь же невозмутимо, как если бы он смотрел нечто происходящее на театральных подмостках. Он увидел черный столб пепла и пара, поднимающийся на высоту двадцати тысяч футов и на самом верху расплывающийся во все стороны в форме зонта, заслоняющего солнце. Затем он почувствовал, что на него изливается странный дождь, горячее, чем вода горячих источников. Потом все почернело, и он почувствовал, что гора под ним ходит ходуном до самого своего основания, и слышал раскат грома такой чудовищной силы, что казалось, будто бы весь мир рушится. Но он сохранял почти олимпийское спокойствие, пока все не завершилось. Он решил для себя ничего не бояться, твердо полагая, что все им видимое и слышимое было всего лишь дьявольским наваждением, насланным колдовством какого-то лиса.

VI

Весьма необычно умопомешательство тех, в кого вселяются лисы-демоны. Иногда они бегают нагими по улицам и громко кричат. Иногда они ложатся с пеной у рта и тявкают, как тявкают лисы. Где-нибудь под кожей на теле такого одержимого появляется блуждающее взду-

⁹⁶ Блуждающие огни (на болоте и т. п.) называются *кицунэ-би*, или «лисий огонь». (Примеч. авт.)

тие, которое как бы живет своей собственной жизнью. Проткните его иглой, и оно моментально перескользнет в другое место. Никакой самой сильной рукой невозможно ухватить его столь крепко, чтобы оно не проскользнуло у нее меж пальцами. Одержимые люди, как утверждают, могут говорить и писать на языках, которых они совершенно не знали до того, как стали одержимы. Они едят только то, что, согласно поверью, любят лисы, – тофу, *абурагэ*⁹⁷, *адзукимэси*⁹⁸ и т. п., – а едят они очень много, заявляя о том, что это не они, а одерживающие их лисы очень голодны.

Не так уж редко случается, что жертвы одержимости лисами подвергаются жестокому обращению со стороны своих родственников, которые безжалостными ожогами и побоями надеются изгнать из них лиса-одержителя. Затем на помощь призывается хоин⁹⁹, или ямабуси, – заклинатель. Заклинатель спорит с лисом, который говорит устами одержимого. Когда лис бывает принужден замолчать под напором религиозных доводов о безнравственности одержания людей, он обычно соглашается изойти на тех условиях, что будет снабжен в изобилии тофу и другой пищей и что обещанная снедь будет тотчас же доставлена именно в тот храм Инари, служителем которого этот лис себя заявляет. Ибо лис-одержитель, кем бы он ни был наслан, как правило, признается, что состоит на службе определенного Инари, хотя иногда даже называет себя божеством.

Как только одержимый бывает освобожден от одержителя, он падает без сознания и долгое время остается недвижим. И говорят также, что тот, кто был однажды одержим лисом, никогда больше не сможет есть тофу, абурагэ, адзукимэси или что-либо из того, что так любят лисы.

VII

Существует убеждение, что невозможно увидеть человека-лиса (хито-кицунэ). Но если он подойдет близко к спокойной воде, то на водной глади можно увидеть его тень. Поэтому считается, что «владеющие лисами» стараются не бывать вблизи рек и водоемов.

Невидимый лис, как уже упоминалось, прилепляется к людям. Как и японский слуга, он принадлежит семейству. Но если дочь из такого семейства выходит замуж, то лис не только переходит в эту новую семью вслед за молодой женой, но также и *расселяет* свой род по всем тем семьям, которые родством или свойством связаны с семьей мужа. При этом полагают, что каждый лис имеет семью из семидесяти пяти едоков – не больше и не меньше семидесяти пяти, – и всех их нужно прокормить. Как бы то ни было, хотя такие лисы, будучи призраками, едят по отдельности очень мало, владеть лисами – удовольствие весьма недешевое. Лисовладельцы (*кицунэ-моти*) должны кормить своих лис в установленные часы; и лисы всегда едят первыми – все семьдесят пять. Как только рис семьи сварился в *кама* (большом железном варочном котле), кицунэ-моти громко стучит по стенке котла и открывает его. После этого лисы поднимаются сквозь пол. И хотя они едят неслышимо для людских ушей и невидимо для людских очей, рис все же медленно убывает. По причине чего для бедного человека владеть лисами – немислимое дело.

Но расходы на кормление лис – это наименьшее зло для тех, кто их держит. Ибо лисы не имеют строгого морального кодекса, и за ними закрепилась репутация ненадежных слуг.

⁹⁷ *Абурагэ* – так называется поджаренный соевый творог, или тофу. (Примеч. авт.)

⁹⁸ *Адзукимэси* – это кушанье из красной фасоли, сваренной с рисом. (Примеч. авт.)

⁹⁹ *Хоин*, или *ямабуси* – так назывался буддийский заклинатель, как правило жрец. Строго говоря, хоин – это ямабуси более высокого ранга. Наряду с изгнанием злых духов ямабуси также занимались предсказательством. Нынешним правительством им запрещено практиковать эту деятельность; и большинство маленьких храмов, которые они ранее занимали, исчезли или пришли в упадок. Но в крестьянской среде буддийского заклинателя по-прежнему призывают на помощь в случаях одержимости лисами, и, когда они выступают в роли заклинателей, о них по-прежнему говорят как о ямабуси. (Примеч. авт.)

Они могут создать и долго сохранять процветание и достаток в какой-то семье; но стоит только какому-то великому несчастью обрушиться на эту семью, вопреки всем стараниям ее семидесяти пяти невидимых слуг, тогда все они внезапно сбегут, попутно прихватив с собой все семейные ценности. И все замечательные подарки, которые лисы приносят своим хозяевам, – это вещи, которые были украдены у кого-то еще. Поэтому держать лис крайне безнравственно. И это также представляет опасность для общественного спокойствия, поскольку лис, будучи демоном и будучи начисто лишен высоких человеческих чувств, не даст себе труда соблюсти некоторые приличия и предосторожности. Он может ночью украсть у ближайшего соседа кошелек и оставить его на пороге дома своего хозяина, так что если такому соседу случится проснуться первым и увидеть его там, то дело непременно примет скандальный оборот.

Еще одно дурное обыкновение лис – это разглашение того, что они слышали сказанным не для посторонних ушей, и самоуправные действия, приводящие к нежелательному скандалу. Например, лис, прилепившийся к семье Кобаяси-сан, слышит жалобы своего хозяина на его соседа Накаяма-сан, которого он втайне недолюбливает. Вслед за этим ревностный слуга мчится в дом Накаямы-сан, и вселяется в его тело, и нещадно его мучает, приговаривая при этом: «Я слуга Кобаяси-сан, которому ты причинил такое-то и такое-то зло; и пока он не прикажет мне изойти, я не прекращу тебя мучить».

И последняя, но и наихудшая из всех опасностей владения лисами – это опасность, что они могут прогневаться на какого-то члена семьи. Разумеется, лис может быть добрым другом и сделать богатым дом, в котором он поселился на постоянное жительство. Но он вовсе не человек, и, поскольку его побуждения и чувства не человеческие, а демонические, весьма трудно избежать опасности впасть у него в немилость. В самый неожиданный момент он может оскорбиться без всякого сознательно данного ему повода, и излишне даже говорить, какие могут быть последствия этого. Ибо лисы обладают *тэн-тан*, или всевидящим оком, – и *тэн-ни-цун*, или всеслышащим ухом, – и *та-син-цун*, что означает знание самых сокровенных мыслей других, – и *сиоку-мэй-цун*, что означает познание прошлого, – и *дзин-кьян-цун*, что означает познание вселенского настоящего, – равно как и силами превращения и изменения¹⁰⁰. Так что, даже не прибегая к своим особым колдовским силам, они по природе своей существа почти что всемогущие в сотворении зла.

VIII

В силу всех этих и, несомненно, еще многих иных причин людей, которые слышат лисовладельцами, стараются избегать. Взять жену из семьи-лисовладельца – дело совершенно немыслимое; и многие красивые и достойные девушки в Идзумо не могут найти себе мужа в силу всеобщего убеждения, что ее семья дает пристанище лисам. Как правило, девушки Идзумо избегают выходить замуж за пределами своей собственной провинции; но дочери *кицунэ-моти* должны либо входить замужеством в семью другого *кицунэ-моти*, либо находить себе мужа далеко от провинции богов. Богатые семьи-лисовладельцы не испытывают особых трудностей в устройстве судеб своих дочерей, тем или иным образом из вышеназванных, но многие милые и прекрасные дочери менее состоятельных *кицунэ-моти* обречены оставаться незамужними в силу этого суеверия. И вовсе не по причине неимения никого, кто полюбил бы такую девушку и был бы счастлив на ней жениться, – молодых людей, окончивших государственные школы и не верящих в лис-демонов. Это происходит в силу того, что в сельских

¹⁰⁰ Любопытнейшая статья на тему *тэн-ган*, или всевидящего ока, – будучи фактически переводом буддистской проповеди жреца Сата Кайсэки – появилась в *Transactions* [«Трудах»], томе VII, Азиатского общества Японии, за авторством мистера Дж. М. Джеймса [J. M. James]. В ней приводятся интересные рассуждения о сверхъестественном могуществе лиса. (Примеч. авт.)

районах пока еще невозможно безбоязненно бросать вызов народным суевериям, кроме как людям состоятельным. Поскольку последствия такого вызова придется испытывать на себе не только молодому супругу, но и всей его семье, равно как и всем иным семьям, связанным с нею. Последствия, о которых нельзя не задуматься!

Среди людей, слывающих владеющими лисами, есть и такие, кто знает, как извлечь немалую выгоду из этого суеверия. Селяне, как общее правило, боятся чинить обиды кицунэ-моти, дабы он, чего доброго, не наслал кого-то из своих невидимых слуг, чтобы одержать их. В результате некоторые кицунэ-моти приобрели огромное влияние в своих общинах. В городе Ёнаго, например, есть один преуспевающий тёнин, воля которого почти что закон и мнения которого никогда не оспариваются. Практически он является здесь правителем и на верном пути к тому, чтобы стать очень состоятельным человеком. И все это по той лишь причине, что он слывет владеющим лисами.

Борцы как сословие похваляются своей неуязвимостью для лисов-одержителей и не испытывают беспокойств ни по поводу кицунэ-моти, ни по поводу их призрачных друзей. Очень сильные люди, как в то верят, надежно защищены от всей подобного рода демонической братии. Говорят, что лисы их боятся, и приводятся примеры, когда лис-одержитель заявлял: «Я хотел вселиться в твоего брата, но он оказался слишком силен для меня; поэтому я вселился в тебя, ибо я жажду отмщения на ком-нибудь из вашей семьи».

IX

Более того, вера в лисов сказывается не только на людях: она отражается точно так же и на земельно-имущественных отношениях. Ее влияние на стоимость недвижимости в Идзумо может исчисляться в сотнях тысяч иен.

Землю семьи, которая слывет владеющей лисами, невозможно продать по справедливой цене. Люди боятся покупать ее, ибо верят, что лисы могут разорить нового владельца. Трудность найти покупателя наиболее велика в случае земли, террасированной под рисовые поля в горной местности. Основной потребностью такого рода земледелия является вода – полив посредством сотни хитроумных приспособлений, всегда с необходимостью преодоления множества препятствий. Бывают сезоны, когда воды становится крайне мало и когда крестьяне даже готовы сражаться за воду. Страшится, что на землях, где обитают лисы-призраки, эти лисы могут отвести воду от одного поля и направить на другое или назло пробить запруды и таким образом погубить урожай.

Нет недостатка в просвещенных людях, использующих в своих интересах это необычное поверье. Один господин из Мацуэ, хороший агроном современной школы, пятнадцать лет тому назад сыграл на страхе перед лисами и приобрел на востоке Идзумо большой участок земли, на который не нашлось никаких иных претендентов. Стоимость этой земли с тех пор выросла шестикратно, не говоря уже о богатых урожаях, снимаемых на ней при его системе земледелия; и, продав ее сейчас, он может выручить за нее целое состояние. Его успех, а также то обстоятельство, что он был государственным служащим, сняли это заклятие: сейчас уже никто больше не верит, что в его угодьях обитают лисы-призраки. Но его успех сам по себе не смог бы избавить землю от проклятия этого суеверия. Сила земледельца в изгнании лисов заключалась в его положении как человека государственного. А для крестьянства слово «государство» равносильно оберегу.

Как бы то ни было, самый богатый и самый успешный земледelec Идзумо, состояние которого оценивается более чем в сто тысяч иен, – Вакури-сан из Тиномия в Кандэтори – в крестьянской среде почти единодушно считается кицунэ-моти. В народе о нем рассказывают занятные истории. Некоторые говорят, что, будучи еще очень беден, он однажды нашел в лесу

маленького белого лисенка, забрал его к себе домой, и заботился о нем, и давал ему вдоволь тофу, и адзукимэси, и абурагэ – три кушанья, столь любимые лисами, – и что с того самого дня к нему пришли процветание и достаток. Другие рассказывают, что в его доме имеется особая дзасики, или гостиная, для лис и что раз в месяц в ней устраивается грандиозное пиршество для сотен хито-кицунэ. Но Тиномия-но-Вакури, как они его называют, может позволить себе лишь смеяться над всеми этими рассказами. Он человек просвещенный и весьма уважаемый в культурных кругах, куда суевериям вход заказан.

Х

Когда некий нинко придет к вашему дому ночью и постучится, этому стуку будет свойственно особое глухое звучание, по которому вы сможете сразу определить, что ваш посетитель – лис, если такой звук привычен вашему слуху. Ибо лис стучит в дверь своим хвостом. Если вы откроете, то увидите мужчину или, быть может, красивую девушку, который или которая будет говорить с вами лишь обрывками слов, но тем не менее в такой манере, что вы сможете прекрасно понять все сказанное. Лисы могут выговаривать слова не полностью, а лишь частично, как то: «*Нись... са...*» вместо «*Нисида-сан*»; «*дэ годз...*» вместо «*дэ годзаймас*»; или «*уть...*» вместо «*ути дэс ка*». После этого, если вы дружны с лисами, посетитель или посетительница преподнесет вам некоего рода небольшой подарок и сразу же исчезнет во мраке ночи. И каким бы ни был этот подарок, той ночью он будет казаться намного значительней, чем окажется утром. Ибо только какая-то часть подарка лиса – настоящая.

Один сидзоку в Мацуэ, возвращаясь ночью домой по улице под названием Хиромати, увидел лису, во всю прыть спасающуюся от преследующих ее собак. Он отогнал собак прочь своим зонтом, дав тем самым лисе возможность скрыться. Следующим вечером он услышал стук в дверь и, открыв ее, увидел стоящую на пороге очень красивую девушку, которая сказала ему так: «Прошлой ночью я, несомненно, погибла бы, если бы вы не снизошли проявить свою доброту. Даже не знаю, как я могла бы достойно отблагодарить вас: вот лишь маленький ничтожный подарок». И она положила к его ногам небольшой сверток и удалилась. Он развернул сверток и обнаружил в нем двух прекрасных уток и две серебряные монеты – те самые продолговатые тяжелые монеты листовидной формы, каждая стоимостью десять или двенадцать долларов, за которыми сейчас так рьяно охотятся все собиратели древностей. Через некоторое время одна из монет у него на глазах превратилась в пучок травы, но со второй ничего подобного не произошло.

Сугитэйан-сан, врач из Мацуэ, однажды вечером был приглашен принять роды в каком-то доме за городом, на холме под названием Сирагаяма. Проводником ему служил слуга, несший фонарь, на котором был изображен аристократический герб¹⁰¹. Они зашли в великолепный дом, где его встретили с подчеркнутой самурайской вежливостью. Роженица благополучно разрешилась от бремени чудесным мальчиком. Семья угостила врача прекрасным обедом, развлекая его в изысканной манере, и отправила домой, нагруженного подарками и щедро одаренного деньгами. Но на следующий день он не смог найти этот дом: в действительности на Сирагаяме не было ничего, кроме леса. Вернувшись домой, он еще раз осмотрел те золотые, которыми ему заплатили. Все они были в порядке, кроме одной монеты, обратившейся в жухлую траву.

¹⁰¹ Переносной фонарь, используемый для освещения пути темными ночами, имеет на себе *мон*, или герб, владельца. (Примеч. авт.)

XI

Бывали случаи, когда связанными с богом-лисом суевериями злоупотребляли самым неожиданным образом.

Несколько лет тому назад в Мацуэ процветала *тофуя*, у которой не было отбоя от посетителей. Тофуя – это заведение, где продается тофу – приготовленный из фасоли творог, по виду очень напоминающий густой заварной крем. Из всего съестного лисы больше всего любят тофу и *соба*, которая готовится из гречихи. Существует даже легенда, что один лис в образе элегантно одетого мужчины однажды зашел в Ного-но-Курихара-я – *собая* на берегу озера, где всегда было полно посетителей, и употребил там изрядное количество соба. Но после того как этот посетитель ушел, деньги, которыми он расплатился, превратились в древесные стружки.

Но с владельцем этой тофуя приключилась совсем иная история. Какой-то одетый в рубище человек взял за обыкновение приходить в его заведение и покупать на один те тофу, тут же им поглощаемого с жадностью пришельца из голодного края. Каждый вечер на протяжении многих недель приходил он, однако ни разу не обмолвился ни единым словом, но однажды вечером хозяин заметил кончик пушистого белого хвоста, выбивающийся из-под лохмотьев незнакомца. Это открытие пробудило в нем фантастические догадки и призрачные надежды. С этого вечера он начал всячески обхаживать этого необычного посетителя. Но прошел еще месяц, прежде чем тот заговорил. И вот что он тогда сказал хозяину заведения:

– Хотя я вам кажусь человеком, я вовсе не человек; и я принимаю человеческий облик, только когда намереваюсь прийти к вам. А прихожу я с Така-мати, где находится мой храм, часто вами посещаемый. И, искренне желая вознаградить вас за добродетельность и великодушие, я пришел сегодня вечером, дабы уберечь вас от великой беды. Ибо благодаря чудесному дару, которым я наделен, мне стало доподлинно известно, что завтра на этой улице случится пожар и все дома на ней будут полностью уничтожены огнем – все, кроме вашего. Чтобы спасти его, я собираюсь совершить заклинание. Но чтобы я мог его совершить, вы должны открыть мне свою кладовую (*кура*), а также не позволять никому следить за мной, ибо стоит кому-нибудь хоть краем глаза взглянуть на меня – и мое заклинание утратит свою чудесную силу.

Лавочник, рассыпаясь в благодарностях, открыл свою кладовую и с подобающей почтительностью впустил туда мнимого Инари, а также приказал, чтобы никто из его домочадцев или слуг не сторожил дом в эту ночь. И это его приказание было исполнено столь исправно, что все запасы, хранившиеся в этой кладовой, и все семейные ценности заодно с ними были беспрепятственно вынесены за ночь. И на следующий день обнаружилось, что кладовая совершенно пуста. А никакого пожара так и не произошло.

Доподлинно известна также история, приключившаяся с другим состоятельным лавочником Мацуэ, ставшим легкой добычей другого самозванного Инари. Этот Инари сообщил ему, что, сколько бы денег тот ни оставил в некоем *мия* с наступлением ночи, утром он найдет там эту сумму удвоившейся – в награду за его благочинную и добродетельную жизнь. Лавочник несколько раз относил небольшие суммы денег в этот мия, а утром, по прошествии двенадцати часов, находил их там приумножившимися вдвое. Тогда он начал оставлять более крупные суммы, которые таким же образом приумножались; он даже решился рискнуть несколькимистами долларов, которые также удвоились. Наконец он забрал из банка все свои деньги, там хранившиеся, и однажды вечером оставил их в храме этого бога – и уже более никогда их не видел.

ХП

Обширна литература, посвященная теме лис – лис-призраков. Самая ранняя ее часть относится к одиннадцатому веку. В старинных героических и современных бульварных романах, в исторических преданиях и в народных сказках лисы исполняют удивительные роли. Есть весьма замечательные, и крайне грустные, и совершенно ужасные истории о лисах. Есть легенды о лисах, которые обсуждались великими учеными мужами, и легенды о лисах, которые известны любому ребенку в Японии, такие как история о Тамамо-но-Маэ, прекрасной фаворитке императора Тоба, имя которой стало нарицательным, после всего оказавшейся всего-навсего «лисой-демоном о девяти хвостах и в золотых мехах». Но наиболее интересная часть литературы о лисах относится к драматургии, где народные верования подчас отражены с наибольшим юмором – как и в нижеследующем отрывке из плутовского романа «Токайдотю Хидза-Куругэ», написанного знаменитым Дзиппэнся Икку¹⁰².

[Кидахати и Ядзи идут из Эдо в Осаку. Когда они уже приближаются к Акасаке, Кидахати прибавляет шаг и уходит вперед, чтобы договориться о ночлеге в самой лучшей гостинице. Ядзи, неспешно продолжая свой путь, заходит передохнуть и подкрепиться в придорожную чайную, которую содержит одна старуха.]

Старуха. Извольте откусать чая, господин.

Ядзи. Благодарствую! Отсюда до ближайшего города – до Акасаки, кажется, – сколько примерно будет?

Старуха. Не больше одного ри. Но если у вас нет спутника, то вам лучше заночевать здесь, ведь на этой дороге озорует один плохой лис, который любит околдовывать путников.

Ядзи. Я боюсь таких вещей. Но я должен идти дальше, потому что мой спутник ушел вперед и будет меня дожидаться.

[Расплатившись за угощение, Ядзи продолжает свой путь. Ночь очень темна, и он изрядно робеет из-за сказанного ему старухой. Пройдя уже довольно большой путь, он вдруг слышит тьяканье лиса – *кон-кон*. От этого он робеет еще больше и кричит во все горло.]

Ядзи. Подойди поближе, и я убью тебя!

[В это время Кидахати, который также был изрядно напуган рассказами старухи и поэтому решил подождать Ядзи, рассуждает про себя в темноте ночи: «Если я не дождусь его, мы непременно будем обмануты». Внезапно он слышит голос Ядзи, и кричит ему в ответ:]

Кидахати. О Ядзи-сан!

Ядзи. Что ты там делаешь?

Кидахати. Я и вправду собирался пойти вперед, но заробел, поэтому решил остановиться здесь и дожидаться тебя.

Ядзи (*который вообразил себе, что это лис принял облик Кидахати, чтобы обмануть его*). Даже и не пытайся меня одурачить!

Кидахати. Ты говоришь какие-то странные вещи! У меня есть вкусный *моти*¹⁰³, который я купил для тебя.

Ядзи. Лошадиный навоз не едят!¹⁰⁴

Кидахати. Не будь столь подозрительным! Я и в самом деле Кидахати.

¹⁰² Дзиппэнся Икку (#####, 1765–1831) – японский автор эпохи Эдо. Писал лирико-сатирические пьесы, романы для взрослых (раблезианского характера), популярные рассказы для простолюдинов и прочее.

¹⁰³ Моти – пряники из рисовой муки, часто посыпанные сахаром для придания им сладости. (Примеч. авт.)

¹⁰⁴ Верят, что лисы развлекаются, вынуждая людей есть конский навоз, будучи уверены, что едят моти; или, ничуть не сомневаясь, войти в сточную канаву, чтобы принять ванну. (Примеч. авт.)

Ядзи (*яростно набрасывается на него*). Да! Ты принял облик Кидахати, чтобы одурачить меня!

Кидахати. Что все это значит? Что ты собираешься со мной сделать?

Ядзи. Я убью тебя! (*Валит его на землю.*)

Кидахати. О, ты делаешь мне очень больно! Прощу тебя, отпусти меня!

Ядзи. Если тебе и в самом деле больно, тогда покажись мне в своем настоящем обличье! (*Они продолжают бороться.*)

Кидахати. Что ты делаешь? Зачем там твоя рука?

Ядзи. Я хочу нащупать твой хвост. Если ты сейчас же не покажешь свой хвост, я заставлю тебя это сделать! (*Вынимает свое полотенце, связывает им руки Кидахати, заложённые за спину, и ведет его впереди себя.*)

Кидахати. Пожалуйста, развяжи меня – пожалуйста, развяжи меня сперва!

[К этому времени они уже *почти* подошли к Акасаке, и Ядзи, увидев какую-то собаку, подзывает ее и тащит Кидахати прямо к ней, поскольку считается, что собака способна распознать лиса в любом обличье. Но собака не обращает на Кидахати совершенно никакого внимания. Тогда Ядзи его развязывает и извиняется перед ним; а затем они оба смеются над своими прежними страхами.]

XIII

Но существуют и некоторые весьма милые ипостаси бога-лиса.

Например, на одной затерянной улочке Мацуэ – из тех, где едва ли может оказаться кто-либо посторонний, если только он не заблудился¹⁰⁵, – находится храм, называемый Дзигёба-но-Инари, а также Кодомо-но-Инари, или Детский Инари. Он очень маленький, но очень знаменитый; и недавно ему была дарована пара каменных лис, очень больших, с позолоченными зубами и с каким-то особенно игривым выражением их лисьих физиономий. Они сидят по обе стороны ворот: лис, насмешливо оскалившийся с широко открытым ртом, и лиса, степенная, с плотно закрытым ртом¹⁰⁶. Во дворе вы увидите множество старых маленьких лис с отбитыми носами, головами или хвостами; двух больших Карасиси, перед которыми вывешены соломенные сандалии (*варадзи*) как обетные приношения кого-то, страдающего больными ногами и молившего Карасиси-сама, чтобы они избавили его от этого недуга; а также храм Кодзина, служащий пристанищем множеству старых детских кукол¹⁰⁷.

Решетчатые двери храма Дзигёба-но-Инари, равно как и двери храма Иэгаки, белы от множества прикрепленных к ним листков бумаги, а каждый листок – это чья-то молитва. Но эти молитвы особенные и весьма любопытные. Справа и слева от дверей, а также и над ними на стены наклеены необычные обетные картинки, на которых в основном изображены дети в ваннах или дети во время бритья головы. Есть одна или две, на которых изображены играющие дети. Объяснение этих знаков и необычных рисунков таково: вам, несомненно, известно, что

¹⁰⁵ На Дзигёба-мати – название, которое означает «земляная улица». Он стоит на месте осушенного болота. (*Примеч. авт.*)

¹⁰⁶ Это представляется незапамятным художественным законом для манеры поведения всех символических стражей священных мест, таких как Карасиси и Восходящий и Нисходящий драконы, вырезанные на стенах или колоннах. В храме Кумано даже суйдзины, или воины-хранители, угрюмо смотрящие из-за решеток секций огромных ворот, представлены именно таким образом – рот одного широко открыт, губы другого плотно сжаты. При расспросах о происхождении такого различия между этими двумя символическими фигурами молодой ученый-буддист сообщил мне, что мужская фигура в таких образах полагается произносящей звук «А», а фигура с плотно сжатыми губами – носовой звук «Н», что соответствует буквам альфа и омега греческого алфавита, а потому служит символом начала и конца. В сутре Лотоса Благочестивого закона Будда также проявляет себя вселенскими Альфой и Омегой, а также Отцом мира – подобно Кришне в Бхагават-гите. (*Примеч. авт.*)

¹⁰⁷ Имеется одно исключение из общего обычая даровать кукол умерших детей или сломанных кукол Кодзину. Те фигуры бога каллиграфии и учения, что всегда преподносятся в качестве подарков в праздник мальчиков, даруются, будучи сломаны, самому Тэндзину, а не Кодзину; во всяком случае, таков обычай в Мацуэ. (*Примеч. авт.*)

японские дети, равно как и взрослые японцы, должны ежедневно принимать горячую ванну, а также что бритье голов совсем маленьких мальчиков и девочек является традицией. Но вопреки наследственному терпению и стойкому унаследованному обыкновению соблюдать старинную традицию маленькие дети находят как бритву, так и горячую ванну труднопереносимыми для их нежной кожи. Ибо японская горячая ванна чрезвычайно горяча (как правило, температура воды в ней не менее ста десяти градусов по Фаренгейту)¹⁰⁸, и даже взрослому иностранцу требуется время, чтобы постепенно привыкнуть к ней и оценить все ее гигиенические достоинства. Помимо этого, японская бритва значительно менее совершенный инструмент, чем наша западная, применяется без какой-либо пены и способна причинять некоторую боль, если оказывается не в самых умелых руках. И наконец, родители-японцы не тиранят своих детей: они подступают к ним с ласками и уговорами и очень редко принуждают к чему-то силой или угрозами. Поэтому они оказываются перед трудным выбором, когда малыш восстает против ванны или поднимает бунт против бритвы.

Родители ребенка, всячески противящегося тому, чтобы его брили или купали, могут призвать на помощь Дзигёба-но-Инари. От этого бога ожидается, что он пришлет одного из своих слуг, чтобы позабавить ребенка и примирить его с новым порядком вещей, равно как сделать его послушным и радостным одновременно. Кроме того, если ребенок своевольничает или заболел, также обращаются к этому Инари. Если молитва была услышана, этому храму делают небольшой подарок – иногда обетную картинку, подобную тем, что наклеены вокруг двери, с изображением успешного результата такого ходатайства. Судя по числу таких картинок и по преуспеянию этого храма, Кодомо-но-Инари и в самом деле заслуживает своей популярности.

Даже за те несколько минут, что я находился в храмовом дворе, я увидел трех молодых матерей с маленькими детьми за спиной, которые пришли к храму, и молились, и совершали приношения. Я обратил внимание, что один из этих малышей – удивительно милый ребенок – никогда не был обрит. Это был, очевидно, случай беспрецедентного своеволия малыша.

На обратном пути после моего визита к Дзигёба Инари мой японский слуга, сопровождавший меня туда, поведал мне такую быль.

Сын его ближайшего соседа, мальчик семи лет, пошел однажды утром погулять и полностью пропал на два дня. Сперва родители не проявили никакого беспокойства, полагая, что ребенок пошел в дом одного родственника, где он имел обыкновение время от времени проводить день-другой. Но к вечеру второго дня выяснилось, что ребенок в этом доме не был. Сразу же были предприняты поиски, но ни поиски, ни расспросы ни к чему не привели. Поздно ночью, однако, послышался стук в дверь дома этого мальчика, и его мать, поспешно выйдя из дому, нашла своего гулёну крепко спящим на земле. Она так и не узнала, кто к ним постучал. Мальчик, после того как его разбудили, со смехом сказал, что в утро его исчезновения он встретил паренька, примерно своего ровесника, с очень красивыми глазами, который уговорил его пойти в лес, где они вместе играли весь день и всю ночь, а затем весь следующий день в очень забавные и смешные игры. Но под конец он уснул, и его приятель доставил его домой. Он не был голоден, а его приятель «обещал прийти завтра».

Но загадочный приятель так никогда и не пришел, а в округе не проживал ни один мальчик, отвечавший подобному описанию. Из этого заключили, что этот приятель был лисом, которому захотелось немного поразвлечься. И наперсник его развлечений еще долго понапрасну грустил о своем веселом товарище по играм.

¹⁰⁸ То есть 43,3 °C.

XIV

Лет тридцать тому назад жил в Мацуэ бывший борец по имени Тобикава, который был безжалостным врагом лис и постоянно на них охотился и убивал их. По всеобщему убеждению, он был совершенно не подвержен магическим чарам благодаря своей огромной силе; но были старые люди, которые предсказали, что ему не суждено умереть своей смертью. И это предсказание сбылось: Тобикава умер весьма необычным образом. Ему крайне нравилось подшучивать над другими. Однажды он нарядился, изображая Тэнгу, или священного демона – с крыльями, когтями и длинным носом, – и забрался на высокое дерево в священной роще, близ горы Ракусан, куда через некоторое время пришла целая толпа простодушных крестьян, чтобы поклоняться ему и совершать приношения. Забавляясь этим зрелищем и стараясь убедительно исполнять свою роль, ловко перескакивая с ветви на ветвь, он в какой-то миг остушился и, свергнувшись с небес, свернул себе шею при падении.

XV

Даже среди современно образованных здесь вера в три вида лис весьма распространена. Как однажды написал мне студент в английском сочинении, «трудно сказать, правдивы ли эти истории о лисах. *Но также трудно сказать, что они неправдивы*».

Но эти удивительные верования быстро уходят в прошлое. С каждым годом все больше храмов Инари приходят в упадок и разрушаются, чтобы уже никогда не быть восстановленными. С каждым годом скульпторы ваяют все меньше и меньше лисов. С каждым годом все меньше жертв одержания лисами попадают в госпитали, где их лечат самыми передовыми медицинскими методами японские врачи, говорящие по-немецки. Причину не следует искать в упадке древней религии: суеверие переживает веру. Тем более не следует ее искать в трудах миссионеров-проповедников с Запада, большинство из которых открыто признают, что искренне верят в демонов. Она связана исключительно с образованием. Всемогущий враг суеверия – государственная школа, где преподавание современной науки очищено от сектантства или предубеждения; где дети самых бедных могут изучать премудрости Запада; где нет ни одного ученика или ученицы четырнадцати лет, кому не были бы известны великие имена Чарльза Дарвина, Джона Тиндаля, Томаса Генри Гексли, Герберта Спенсера. Маленькие руки, отбивающие нос бога-лиса озорства ради, способны также писать контрольные работы по эволюции растений и геологии Идзумо. И лисам-призракам не остается места в прекрасном мире природы, который новое образование открывает новому поколению. Всемогущий заклинатель и реформатор – это Кодомо.

В японском саду

Из сборника «*Glimpses of Unfamiliar Japan*», 1895

I

Мой двухэтажный домик на берегу Охасигавы, хотя и изящный, как клетка для канарейки, оказался слишком мал для комфортного проживания при приближении жаркого времени года: комнатки его в высоту едва ли больше паровозных кают и такие узкие, что повесить в них обычный москитный полог было бы просто невозможно. Мне жаль было лишиться красивого вида на озеро, но я счел необходимым переехать в северную часть города, на очень тихую улочку позади ветшающего замка. Мой новый дом – это *каттио-ясики*¹⁰⁹, старинная усадьба какого-то самурая высокого ранга. Он отгорожен от улицы или, скорее, от проезжей дороги, идущей вдоль замкового рва, длинной высокой стеной, крытой черепицей. По низкой широкой лестнице с каменными ступенями вы поднимаетесь к воротам, почти столь же большим, как на входе в храмовый двор, а справа от ворот из стены выступает смотровое окно, забранное плотной решеткой, наподобие большой деревянной клетки. Оттуда в феодальные времена вооруженные слуги пристально следили за всеми проходящими мимо – невидимые стражи, поскольку прутья решетки расположены столь плотно, что лицо за ними с дороги разглядеть невозможно. За воротами ведущая к дому дорожка также ограждена стенами по обеим сторонам, и, таким образом, посетитель, если он не из числа привилегированных, может видеть перед собой только вход в дом, всегда загороженный белой *сёдзи*. Как и все дома самураев, само жилище всего лишь в один этаж, но внутри его – четырнадцать комнат, и все они просторные, с высокими потолками и красиво обставленные. Но, увы, нет ни озера, ни очаровательного вида. Часть О-Сироямы, с замком на вершине горы, наполовину скрытым сосновым парком, видна за гребнем стены, которая выходит на улицу, но только лишь часть ее; а всего в ста ядрах за домом начинается поросшая густым лесом возвышенность, загораживающая не только горизонт, но также и изрядную часть неба. Однако за это заточение имеется справедливое вознаграждение в виде восхитительного сада или, скорее, группы садовых участков, с трех сторон окружающих жилой дом. К ним обращены широкие веранды, с угла одной из которых я могу наслаждаться видом двух садов сразу. Изгороди из бамбука и плетеного тростника с широкими незагороженными проходами посередине отмечают границы трех участков этого сада тихих радостей. Но эти плетни не предназначены служить настоящими изгородями; их назначение – украшать, и они лишь обозначают, где заканчивается один стиль ландшафтного садоводства и начинается другой.

II

А сейчас несколько слов о том, что представляют собой японские сады в общем смысле.

После того как вы узнаете – только лишь наблюдая, ибо для практического освоения этого искусства требуются годы учения и опыта, помимо естественного врожденного восприятия красоты, – кое-что о японской манере составления цветочных композиций, европейские идеи декорирования цветами могут показаться вам не более чем вульгаризмами. Это наблюдение вовсе не результат какого-то бездумного восторга, а твердое убеждение, выношенное после долгого проживания в глубинке. Ко мне пришло понимание невыразимой прелести оди-

¹⁰⁹ *Каттио* – букв. «панцирь, шлем»; *ясики* – см. примеч. на с. 37.

нокой ветки в цвету, поставленной так, как умеет ее поставить японский мастер, – не просто воткнув ветку в вазу, а быть может, затратив целый час трудов на подрезку, установку и тончайшие манипуляции, – и поэтому я не могу ныне считать то, что мы, люди Запада, называем букетом, чем-либо иным, кроме как вульгарным убийством цветов, надругательством над чувством цвета, проявлением жестокосердия и дурного вкуса. Примерно в том же духе и по схожим причинам, после того как я узнал, что такое старояпонский сад, я вспоминаю наши самые роскошные сады страны лишь как безграмотные демонстрации того, чего способно добиться богатство в создании несуразностей, представляющих собой насилие над природой.

Теперь следует сказать, что японский сад – это не сад цветов, как и не создан он для выращивания каких-то растений. В девяти случаях из десяти в нем нет ничего, что напоминало бы клумбу. В некоторых садах имеется редкий зеленый побег; в некоторых вообще отсутствует всякая зелень, и они полностью состоят из камней, гальки и песка, хотя такие являются исключением¹¹⁰. Как правило, японский сад – это ландшафтный сад, но при этом возможность его существования не зависит от какой-то установленной площади землеотвода. Он может занимать как один акр, так и много акров. Он может располагаться на участке всего лишь в десять квадратных футов. Он может в крайних случаях быть и намного меньше, ибо определенный тип японского сада может быть создан на столь малой площади, что уместается в *токонома*. Такой сад во вместилище величиной не больше блюда для фруктов называется *конива* или *токо-нива*, и его можно иногда увидеть в токонома маленьких скромных жилищ, настолько плотно втиснутых между другими постройками, что у них нет ни клочка земли, где можно разбить внешний сад. (Я говорю «внешний сад», поскольку в некоторых больших японских домах имеются внутренние сады как на верхнем, так и на нижнем этаже.) Токо-нива обычно выполняется в какой-нибудь необычного вида лохани, или в неглубоком резном ящике, или в иной емкости самой причудливой формы, для обозначения которой даже не существует ни одного английского слова. Там создаются крошечные горки с крошечными домами на них, и микроскопические пруды, и речки с перекинутыми через них крохотными горбатыми мостиками, и причудливые крошечные растения в роли деревьев, и гальки необычной формы, служащие скалами и утесами, также имеются крошечные торо и, быть может, еще и крошечные тории, одним словом – это очаровательный живой макет японского пейзажа.

Еще одно условие первостепенной важности, которое непременно следует помнить, состоит в том, что для понимания красоты японского сада необходимо понимать – или хотя бы учиться понимать – красоту камней. Не вырубленных рукой человека камней из каменоломни, а камней, над формой которых потрудились одна лишь природа. Пока вы не будете чувствовать, и глубоко чувствовать, что камни имеют характер, что камни обладают оттенками и сочетаниями света и тени, художественная сущность японского сада не сможет вам открыться во всей своей полноте. Иностранцу, каким бы эстетичным он ни был, это чувство требуется развивать учением. У японца это чувство врожденное; душа нации понимает природу неизмеримо лучше, чем мы, во всяком случае – в ее видимых формах. И хотя, будучи человеком Запада, обрести истинное чувство красоты камней вы сможете лишь после длительного изучения принципов их выбора и применения японцами, предметы таких уроков будут присутствовать повсюду вокруг вас, если ваша жизнь протекает в глубинке. Вы не пройдете по улице, не обратив внимания на готовые задачи и задания по эстетике камня, которую вы собираетесь освоить. Вблизи храмов, у обочин дорог, перед священными рощами и во всех парках и общественных садах, равно как и на всех кладбищах, вы заметите большие, неправильной формы плоские плиты природного камня – в основном добытые из речных русел и обточенные водой

¹¹⁰ Такие, как сад при особняке настоятеля храма Токувамон-дзи, о котором упоминает г-н Кондер и который был создан в ознаменование легенды о камнях, поклонившихся в знак принятия учения Будды. В провинции Тоттори, на озере Того, я видел очень большой сад, почти полностью состоящий из камней и песка. Впечатление, которое намеревался передать его создатель, – приближение к морю по краю дюн, и эта иллюзия была прекрасно воплощена в реальность. (Примеч. авт.)

– с выбитыми на них иероглифами, но необтесанные. Они были установлены как обетные таблички, как мемориальные памятники, как надгробные плиты, и они намного дороже обычных колонн и *хака* из тесаного камня с резными рельефными фигурами божеств. Еще вы увидите перед большинством храмов, более того – почти во всех крупных усадьбах огромные, неправильной формы валуны гранита или иной скальной породы, отшлифованные горными потоками и превращенные в хранилища воды (*тёдзубати*) благодаря выдолбленному сверху углублению округлой формы. Таковы самые обычные примеры использования камней даже в самых бедных деревушках; и если вы обладаете хоть каким-то природным художественным чувством, то непременно рано или поздно обнаружите, сколь много превышают красотой эти природные формы любые творения, вышедшие из-под резца каменотеса. Возможно, вы наконец настолько привыкнете к виду надписей, высеченных на поверхности скал, особенно если много путешествуете по стране, что часто будете ловить себя на том, что невольно ищете взглядом тексты или иные следы резца там, где их нет и даже, возможно, не могло быть, так, как если бы по закону природы иероглифы были непременным атрибутом формации горных пород. И камни начнут, быть может, обретать для вас индивидуальность, свое лицо – побуждать настроения и чувства, как они побуждают их у японцев. И действительно, Япония – это в том числе страна побуждающих мысли и чувства каменных форм, как это бывает свойственно горным странам вулканического происхождения; и такие формы, несомненно, нашли свое место в воображении нации задолго до времени появления того древнего текста, что повествует о демонах в Идзумо, «которые заставили скалы, и корни деревьев, и листья, и пену изумрудных вод заговорить».

Как и можно ожидать в стране, где гипнотичность природных форм столь признана, в Японии существует множество любопытных поверий и суеверий, связанных с камнями. Почти в каждой провинции есть знаменитые камни, которые считаются священными, или зачарованными, или наделенными волшебной силой, такие как женский камень в храме Хатимана в Камакуре, и Сэссё-сэки, или камень смерти, в Насу, а также камень преуспевания на острове Эносима, которые почитаются паломниками. Есть даже легенды о проявлении камнями чувств, как предание о кивающих камнях, которые низко кланялись монаху Дайто, когда он проповедовал им слово Будды; или старинное сказание из «Кодзики» о том, как император О-Дзин, будучи в состоянии августейшего опьянения, «обрушил свой августейший посох на огромный камень, лежащий посреди Осакаской дороги, *после чего камень сбежал!*»¹¹¹.

Следует сказать, что камни ценятся за свою красоту, а большие камни, выбранные за свою форму, могут обладать эстетической ценностью, определяемой в сотни долларов в денежном выражении. И большие камни составляют костяк, или основу, разбивки старояпонских садов. Не только каждый камень подбирается с позиций особой выразительности его формы, но и каждый из камней в саду или в усадьбе имеет свое отдельное и собственное название, указывающее на его назначение и декоративную роль. Но я могу поведать вам лишь немного, совсем немного устных преданий, посвященных японскому саду; и если вы хотите узнать больше о камнях и об их названиях, а также о философии садов, прочтите замечательный очерк мистера Кондера «Искусство ландшафтного садоводства в Японии»¹¹² и его прекрасную книгу «Японское искусство цветочного декорирования»; а также краткую, но изумительную главу «О садах» в книге Э. С. Морзе «Японские дома»¹¹³.

¹¹¹ «Кодзики» в переводе профессора Чемберлена. (Примеч. авт.)

¹¹² Со времени написания этого труда г-н Кондер опубликовал прекрасно иллюстрированный том «Ландшафтное садоводство в Японии» [«Landscape Gardening in Japan» by Josia Conder, F. R. I. B. A. Tōkyō; 1893]. Фотографическое приложение к этой работе содержит виды самых знаменитых садов столицы и некоторых иных мест. (Примеч. авт.)

¹¹³ Наблюдения доктора Рейна о японских садах не заслуживают рекомендации как в отношении точности, так и понимания данного предмета. Рейн провел в Японии всего лишь два года, употребив большую часть этого времени на изучение лакового промысла, шелкового и бумажного производства, а также иных практических дел. В части этих предметов его работа была оценена по достоинству. Но его главы о японских манерах и обычаях, искусстве, религии и литературе говорят о его крайне ограниченной осведомленности в данных вопросах. (Примеч. авт.)

III

В японском саду вовсе не прилагается каких-либо стараний к тому, чтобы создать какой-то нереальный или совершенно идеальный ландшафт. Его художественное назначение состоит в том, чтобы служить точной и достоверной копией красот какого-то подлинного пейзажа и производить столь же реальное впечатление, какое производит настоящий пейзаж. Поэтому он является произведением искусства и поэтическим произведением одновременно; возможно, он даже более поэтическое произведение, нежели произведение искусства. Ибо так же, как природный пейзаж в его меняющихся видах воздействует на наши чувства, пробуждая веселое или серьезное настроение, создавая ощущение затаенной угрозы или безмятежности, напряженности или спокойствия, в той же мере его подлинное отражение в работе ландшафтного садовода не только лишь производит впечатление прекрасного, но и создает определенное душевное настроение. Великие ландшафтные садоводы древности – буддийские монахи, первыми внесшие это искусство в Японию и впоследствии развившие его в почти оккультную науку, продвинули свою теорию еще дальше этого. Они считали возможным отображать уроки нравственности в разбивке садов, равно как и отвлеченные понятия, такие как непорочность, вера, благочестие, довольство, спокойствие и супружеское счастье. Поэтому и сады замыслились так, чтобы отвечать характеру своего владельца, в зависимости от того, кем он был – поэтом, воином, философом или священнослужителем. В тех старинных садах (это искусство, увы, сейчас все больше предается забвению под пагубным влиянием совершенно тривиального западного вкуса) нашли свое выражение как настроение природы, так и некая необычная восточная концепция настроения человека.

Я не знаю, какое человеческое чувство предполагалось отражать главному участку моего сада, и нет никого, кто бы мог мне это рассказать. Те, кем он был создан, покинули этот мир много поколений тому назад, в ходе всеобщего переселения душ. Но как поэтическое произведение о природе, он не нуждается ни в каком толкователе. Он занимает часть усадьбы, обращенную на юг, а на западе протягивается до границы северного участка сада, от которого частично отмежеван необычной конструкцией в виде изгороди-ширмы. В нем есть крупные валуны, густо поросшие мхом; и разные фантастические бассейны из камня для запаса воды; и позеленевшие от времени каменные фонари; а также имеется *сятихоко*, подобная тем, что видны на коньках кровли замка – большая каменная рыбина, а вернее, канонической формы дельфин с распластанным по земле носом и поднятым вверх хвостом¹¹⁴. Есть миниатюрные холмы со старыми деревьями на них и покрытые зеленью длинные склоны, затененные цветущими кустарниками, подобные речным берегам, а также зеленые холмики наподобие маленьких островов. Все эти зеленые возвышенности поднимаются из участков бледно-желтого песка, гладких, подобно шелку, служащих имитацией изгибов и поворотов речного русла. Эти песчаные дорожки не предназначены для прогулок – они слишком красивы для этого. Малейшее пятнышко грязи испортило бы все впечатление от них, и для их поддержания в идеальном состоянии требуется особое мастерство опытного туземного садовника – замечательного старика. Но они пересечены в разных направлениях рядами плоских неотесанных каменных плит, уложенных на неравном расстоянии друг от друга, точно так же как камни, уложенные для перехода через ручей. Общее производимое впечатление такое, как будто это берега тихого потока в каком-то прелестном одиноком, сонном уголке.

¹¹⁴ Это положение *сятихоко* в какой-то степени диктуется традицией (*de regueur*), отсюда расхожее выражение *сятихоко дай*, что значит «стоять на голове». (Примеч. авт.)

И нет ничего, что нарушило бы эту иллюзию, – настолько изолирован от внешнего мира этот сад. Высокие стены и изгороди отгораживают улицы и все, что с ним граничит; а кустарники и деревья, которые становятся тем выше и гуще, чем ближе к его границам, скрывают от взора даже крыши соседних каттю-ясики. Нежной красотой насыщены трепещущие тени листьев на залитом солнцем песке; а тонкий сладковатый аромат цветов приходит с каждой волной прохладного воздуха; и отовсюду доносится гудение шмелей.

IV

Буддизм учит, что все сущее подразделяется на *хидзё* – творения, не наделенные желаниями, такие как камни и деревья, и *юдзё* – творения, наделенные желаниями, такие как люди и животные. Это деление, насколько мне известно, не находит выражения в письменной философии садов, но оно удобно. Это повествование о моем маленьком имении относится как к его неодушевленному, так и одушевленному миру. В естественном порядке вещей первыми могут быть рассмотрены хидзё, начиная с одного особенного куста возле входа в ясики, рядом с воротами первого сада.

Почти у каждого старого самурайского дома возле дорожки, идущей от ворот, и при входе в само жилище можно увидеть небольшое деревце с крупными листьями особой формы. В Идзумо это деревце называется *тэгасива*, и возле моей двери тоже есть одно такое. Каково его научное название, мне неизвестно, так же как я не вполне уверен в этимологии его японского названия. Однако есть слово *тэгаси*, означающее «ручные оковы», а форма листьев тэгасива отчасти напоминает руку.

Некогда в старые времена, когда самурай-вассал обязан был покинуть дом, чтобы сопровождать своего даймё в Эдо, было обычаем, перед тем как он отправится в путь, подавать ему запеченный *тай*¹¹⁵, уложенный на лист тэгасива. По завершении этой прощальной трапезы лист, на котором подавался тай, вывешивался над входом как оберег, который должен благополучно вернуть домой ушедшего в поход рыцаря. Это милое поверье о листьях тэгасива возникло не только из-за их формы, но и в силу их движения. Колышимые ветром, они как будто зовут, однако не так, как это принято у нас на Западе, а так, как японец подает своему другу знак подойти, слегка помахивая вверх-вниз рукой, обратив ее ладонью к земле.

Еще один куст, который можно встретить почти во всех японских садах, – это *нантэн*¹¹⁶, о котором существует очень любопытное поверье. Если вам приснится дурной сон – сон, предвещающий несчастье, вы должны рано утром поведать его шепотом нантэну, и тогда этот сон никогда не сбудется¹¹⁷. Имеется два вида этого грациозного растения: приносящий красные ягоды и приносящий белые ягоды. Последний встречается редко. В моем саду растут оба вида.

¹¹⁵ Великолепный окунь, называемый *тай* (*Serranus marginalis*), широко распространенный вдоль всего побережья Идзумо, не только справедливо высоко ценится как самое изысканное японское рыбное блюдо, но также является символом счастья и удачи. Он служит церемониальным подарком при бракосочетании и в иных торжественных случаях. Японцы также называют его королем рыб. (Примеч. авт.)

¹¹⁶ *Nandina domestica*. (Примеч. авт.)

¹¹⁷ В Идзумо говорят, что самый счастливый из всех снов – это сон о Фудзи, священной горе. Следующий по порядку добрых предзнаменований – это приснившийся сокол (*така*). Третий наилучший предмет сновидения – это баклажан (*насуби*). Увидеть во сне солнце или луну – к большой удаче; но еще большая удача ожидает, когда снятся звезды. Для молодой жены самое счастливое сновидение – *проглотить звезду*: это означает, что она станет матерью прелестного ребенка. Приснившаяся корова – доброе предзнаменование; лошадь во сне – к удаче, но предвещает дальнюю дорогу. Увидеть во сне дождь или пожар – к добру. В Японии, как и на Западе, считается, что некоторые сны «сбудутся наоборот». Поэтому увидеть во сне пожар в своем доме, или похороны, или себя умершим, или беседу с призраком кого-то умершего – к добру. Некоторые сны, которые для женщин к добру, для мужчин имеют обратное знамение: например, для женщины к добру увидеть во сне, что у нее из носа идет кровь, а для мужчины это очень плохой сон. Если приснилось много денег – жди какой-нибудь потери или убытка. Увидеть во сне карпа (*кой*) или иную пресноводную рыбу – самое несчастливое предзнаменование из всех. Любопытно, что в других районах Японии *кой* – это символ удачи. (Примеч. авт.)

Более распространенный вид высажен рядом с верандой (быть может, для удобства сновидцев); другой занимает маленькую клумбу в центре сада вместе с небольшим цитрусовым деревом. Это чрезвычайно изящное цитрусовое дерево называется пальцы Будды¹¹⁸, в силу удивительной формы его ароматных плодов. Рядом с ним стоит какой-то вид лавра с копьевидными листьями, отливающими бронзой; японцы называют его *юдзури-ха*¹¹⁹, и в садах старых самурайских домов он почти столь же обычен, как и сама тэгасива. Он считается деревом доброго предзнаменования, поскольку ни один из его старых листьев никогда не опадает, пока достаточно не окрепнет новый, растущий за ним. Ибо, таким образом, юдзури-ха символизирует надежду, что отец не покинет этот мир, прежде чем его сын не возмужает и не будет способен сменить его как глава семьи. Поэтому в каждый Новый год листья юдзури-ха, смешанные с листьями папоротника, прикрепляются к *симэнава*, которая затем вывешивается перед каждым домом в Идзумо.

V

Деревья, как и кустарники, имеют свою любопытную поэзию и свои легенды. Как и камни, каждое дерево имеет свое особенное ландшафтное название, сообразно его положению и назначению в общей композиции. Так же как валуны и камни лежат в основе плана разбивки сада, точно так же сосны образуют основу его листовенного дизайна. Они служат стержнем всего. В этом саду пять сосен – и это не те сосны, что насильно втиснуты в причудливые формы, а сосны, удивительно живописный облик которых создан путем долгих и неустанных забот и правильной подрезки. Целью садовника было развить до предельной возможной степени их естественную склонность к неровным линиям и сгущиванию листвы – этой колючей темно-зеленой листвы, которую японскому искусству никогда не прискучивает копировать в металлических инкрустациях или в позолоте лаковых изделий. Сосна – это символическое дерево в этой стране символизма. Вечнозеленая, она является одновременно символом твердой целеустремленности и энергичной старости; а ее листья-иголки считаются наделенными силой отгонять демонов.

Есть два вида *сакура-но-ки*¹²⁰, японского вишневого дерева – этого дерева, чье цветение, как совершенно справедливо заключает профессор Чемберлен, «несравнимо и премного милее всего, что может предъявить Европа». Культивируются и пользуются любовью многие виды; те, что в моем саду, цветут неосвязаемо-розовым, слегка зардевшимся белым цветом. Когда весной деревья цветут, то как будто кудрявящиеся массы облаков, подкрашенных закатом, спустились с небесных высот, чтобы обернуться вокруг веток. В этом сравнении нет поэтического преувеличения, как нет и ничего оригинального: это древнеяпонское описание самой чудесной цветочной выставки, какую только способна создать природа. Читатель, который никогда не видел цветения вишневых деревьев в Японии, возможно, не способен представить, насколько восхитительно это зрелище. Совсем еще нет зеленых листьев – они появятся позднее: есть только великолепное буйство соцветий, обволакивающих каждый побег и каждую ветку своим нежным туманом; а земля под каждым деревом покрыта сплошным ковром опавших лепестков, как будто запорошена розовым снегом.

¹¹⁸ *Tebushukan: Citrus sarkodactilis*. (Примеч. авт.)

¹¹⁹ *Юдзури* означает «отказаться в пользу другого»; *ха* означает «лист». Ботаническое название, приведенное в словаре «Herburi's Dictionary», – *Daphniphyllum macropodium*. (Примеч. авт.)

¹²⁰ *Cerasus pseudo-cerasus* (Линдлей). (Примеч. авт.)

Но это окультуренные вишневые деревья. Есть и другие, листья которых распускаются до начала цветения, такие как ямадзакура, или горная вишня¹²¹. Однако и она обладает поэзией красоты и символизма. Великий синтоистский писатель и поэт Мотовори воспевал ее так:

Сикисима но
Ямато-гокоро о
Хито-товаба,
Аса-хи ни ниоу
Ямадзакура бана.

Если кто-нибудь спросит вас,
Что такое сердце истинного японца,
Укажите на цветок дикой вишни,
Что светится в лучах солнца.

Но окультуренные или неокультуренные, японские вишневые деревья служат символами. За теми, что высаживались в старых самурайских садах, заботливо ухаживали не только за их очарование. Их безупречной чистоты соцветия воспринимались как символ утонченности чувств и безупречности жизни, что присущи высокому этикету и истинному благородству. «Как цветок вишни – первый среди цветов, так же и воину надлежит быть первым среди людей» – гласит старая пословица.

Затеняя западную оконечность этого сада и раскинув свои гладкие и темные ветви над навесом веранды, стоит великолепно *умэ-но-ки* – японское сливовое дерево, очень старое и изначально высаженное здесь, как и в других садах, несомненно, чтобы любоваться его цветением. Умэ-но-ки в цвету¹²² в самом начале весны – зрелище едва ли менее поразительное, что цветение вишни, которая не зацветет еще на протяжении целого месяца; и цветение той и другой отмечается всенародными праздниками. Хотя и самые прославленные, эти цветы не единственные, удостоенные такой любви. Глициния, выюнок, пион – каждый в свой сезон – создают картины цветения достаточно привлекательные, чтобы выманивать на лоно природы для любования ими население целых городов. В Идзумо цветение пионов особенно восхитительно. Самое знаменитое место любования этим зрелищем – островок Дайкон-сима на озере Накауми, примерно в одном часе хода от Мацуэ. В мае весь этот остров объят малиновым пламенем цветущих пионов, и учащимся государственных школ даже дается выходной, чтобы они могли полюбоваться этой великолепной картиной.

Хотя цветок сливы по красоте, бесспорно, является соперником *сакура-но-хана*, японцы сравнивают женскую красоту – красоту телесную – с цветком вишни, но никогда с цветком сливы. Но женская добродетель и милый нрав, с другой стороны, сравниваются с *умэ-но-хана*, но никогда с соцветием вишни. Большой ошибкой будет утверждать, чем грешат некоторые авторы, что японцу никогда не придет в голову сравнить женщину с деревом или цветком. За грацию девушку уподобляют стройной иве¹²³; за очарование молодости – вишне в цвету; за

¹²¹ Об этой горной вишне существует остроумная поговорка, которая иллюстрирует любовь японцев к каламбурам. Чтобы полностью оценить ее, читателю следуют знать, что японские существительные не имеют различия между единственным и множественным числом. Слово *ха* в произношении может означать или листья, или зубы; а слово *хана* – или цветы, или нос. Ямадзакура распускает свои *ха* (листья) раньше, чем свои *хана* (цветы). По причине чего человека, *ха* (зубы) которого выступают дальше его *хана* (носа), называют ямадзакура. Прогнатизм – выступание челюсти вперед – явление не столь уж редкое в Японии, особенно среди низших сословий. (Примеч. авт.)

¹²² Имеются три заслуживающие упоминания разновидности: одна – дающая красные, другая – розово-белые и третья – чисто-белые цветы. (Примеч. авт.)

¹²³ Выражение *янаги-госи* – «ивовая талия» – служит одним из нескольких выражений, обычно используемых для сравне-

добросердечие – цветущему сливовому дереву. Несомненно, старояпонские поэты сравнили женщину со всеми прекрасными творениями природы. Они даже искали подобия в цветках ее различным положениям, ее движениям, как в стихотворении:

Татэба сякуяку¹²⁴;
Суварэба ботан;
Аруку сугата ва
Химэюри¹²⁵ но хана.

Когда стоит, она – сякуяку;
Когда сидит – ботан;
Очарование ее фигуры, когда она идет,
Подобно очарованию химэюри.

Более того, даже имена самых простых сельских девушек – это зачастую названия красивых деревьев или цветов с добавлением почтительного префикса *о*-¹²⁶: *о-мацу* (сосна), *о-такэ* (бамбук), *о-умэ* (слива), *о-хана* (цветок), *о-инэ* (рисовый колосок), не говоря уже о профессиональных «цветочных» именах танцовщиц и туземных гетер дзёро. Велись довольно жаркие споры по поводу того, что происхождение некоторых имен девушек от названий деревьев следует искать в народном восприятии дерева как символа долголетия, либо счастья, либо удачи, нежели в каком-либо общепринятом представлении о красоте дерева самого по себе. Но как бы то ни было, пословицы, стихи, песни и народная речь сегодня дают множество доказательств того, что японские сравнения женщины с деревьями и цветами в эстетическом чувстве ни в коей мере не уступают нашим собственным.

VI

Убеждение, что деревья – во всяком случае, японские деревья – обладают душой, не покажется противоестественной фантазией тому, кто видел цветение умэ-но-ки и сакура-но-ки. Это убеждение широко распространено в Идзумо и в иных местностях. Оно не согласуется с буддистской философией и все же в каком-то смысле поражает, как более близкое к вселенской истине, нежели древнее западное ортодоксальное понятие о деревьях как о «вещах, созданных для пользы человеческой». Более того, существует ряд необычных суеверий в отношении определенных деревьев, сродни некоторым вест-индским верованиям, сыгравшим свою роль в обуздании беспощадной вырубке деревьев ценных пород. Япония, как и тропический мир, имеет свои деревья-демоны. Из них дерево *эно-ки* (*celtis willdenowiana*) и *яна-ги* (плакучая ива) пользуются репутацией особенно духоприимных и сейчас редко встречаются в старых японских садах. И по поверью, оба этих дерева обладают способностью самим являться в виде призраков. В Идзумо бытует поговорка: «*Эно-ки га бакэру*». В японском словаре вы найдете следующие значения слова «бакэру»: «превращаться в кого-либо, что-либо», «принимать чей-

ния стройной красавицы с ивовым деревом. (Примеч. авт.)

¹²⁴ *Peonia albiflora*. Это название означает утонченную красоту. Сравнение с *ботаном* (древовидным пионом) может в полной мере оценить только тот, кому знаком этот японский цветок. (Примеч. авт.)

¹²⁵ Некоторые говорят *кэсиюри* (мак) вместо *химэюри*. Последнее – это изящная разновидность лилии, *Lilium callosum*. (Примеч. авт.)

¹²⁶ В наше время в высших сословиях японского общества уважительное «О» перед именами девочек, как правило, не употребляется, а дочерям не дают «цветочных» имен. Даже среди бедных уважаемых сословий в немилости имена, схожие с именами гейш и т. п. Но упомянутые выше – хорошие, достойные, обычные и привычные имена. (Примеч. авт.)

либо образ», «быть измененным» и т. п.; но существующее поверье об этих деревьях совершенно необычно и не укладывается ни в одно из приведенных значений глагола «бакэру». Само дерево не меняет ни формы, ни места нахождения, но его призрак, который зовется *Кино о-бакэ*, выходит из дерева и ходит повсюду, принимая различные облики¹²⁷. Чаще всего он встречается в облике красивой женщины. Призрак дерева редко говорит и редко отваживается отойти слишком далеко от своего дерева. Если к нему приблизиться, он немедленно исчезает, скрываясь в стволе или в листве. Говорят, что если сделать надрез на старом янаги или молодом эно-ки, то из этого надреза потечет кровь. Когда такие деревья совсем молоды, им не приписывается никаких сверхъестественных свойств, но чем старше они становятся, тем больше призрачной силы они обретают.

Существует весьма трогательная легенда – сродни древнегреческому мифу о дриадах – о плакучей иве, которая росла в саду одного самурая в Киото. По причине ее роковой репутации хозяин усадьбы очень хотел ее срубить, но другой самурай отговорил его, сказав: «Лучше продайте ее мне, и я пересажу ее в свой сад. У этого дерева есть душа, было бы жестоко погубить его жизнь». Таким вот образом приобретенная и пересаженная, эта янаги хорошо прижилась и пышно расцвела в своем новом доме, а ее дух из благодарности принял облик красивой женщины, ставшей женой самурая, проявившего к ней участие. Результатом этого союза стал очаровательный мальчик. Через несколько лет даймё, которому эта земля принадлежала, распорядился срубить дерево. Жена горько разрыдалась и впервые раскрыла мужу всю правду.

– И сейчас, – добавила она, – я знаю, что должна умереть, но наш ребенок будет жить, а ты всегда будешь любить его. И эта мысль – единственное мое утешение.

Напрасно изумленный и потрясенный муж пытался удержать ее. Простившись с ним навсегда, она исчезла в этом дереве. Нет нужды говорить, что самурай предпринял все, что только было в его силах, чтобы убедить даймё отказаться от своего намерения. Князь хотел получить это дерево для ремонта великого буддийского храма Сан-дзю-сан-гэн-до¹²⁸. Дерево было повалено, но после того, как оно упало, оно вдруг сделалось столь тяжелым, что даже триста человек не могли сдвинуть его с места. Тогда ребенок, взявшись своей ручкой за ветку, молвил: «Пойдем», и дерево последовало за ним, скользя по земле, пока они не пришли во двор храма.

Хотя и говорят, что оно *бакэмоно-ки*, эно-ки иногда удостоивается высочайших религиозных почестей, поскольку дух бога по имени Кодзин, которому посвящены старые куклы, как считается, обитает в некоторых очень древних деревьях эно-ки, и перед ними воздвигают храмы, в которых люди возносят свои молитвы.

VII

Второй сад, что на северной стороне, – мой любимый. В нем нет никаких больших растений. Он усыпан голубоватым галечником, а посреди него находится маленький пруд – миниатюрное озеро, окаймленное редкими растениями, на котором есть крошечный островок с крошечными горами, и карликовыми персиковыми деревьями, и соснами, и азалиями, некоторым из которых, возможно, больше ста лет, хотя высотой они не более одного фута. Тем не менее

¹²⁷ Э. М. Сатоу обнаружил в Хирата верование, которому это, по-видимому, в какой-то мере сродни – любопытное синтоистское учение, «согласно которому божественное существо отбрасывает части себя самого, прибегнув к процессу расщепления, производя то, что называется *ваки-ми-тама* – отдельные души с разделенными функциями. Великий бог Идзumo, Оо-куни-нуси-но-Ками, как говорят в Хирата, имеет три такие отдельные души: грубую душу (*ара-ми-тама*), которая наказывает, добрую душу (*ниги-ми-тама*), которая прощает, и благословляющую или благотворительную душу (*саки-ми-тама*), которая благословляет. Есть синтоистское предание о том, что грубая душа этого бога однажды встретила добрую душу, совершенно ее не признав. (Примеч. авт.)

¹²⁸ Возможно, это самый внушительный из всех буддийских храмов в Киото. Он посвящен Каннон Тысячерукой, и говорят, что в нем имеется 33 333 ее образа. (Примеч. авт.)

это творение, если смотреть на него так, как было задумано, совсем не представляется глазу чем-то миниатюрным. При взгляде под определенным углом зрения из гостиной, выходящей на него, создается впечатление берега настоящего озера, с настоящим островом, на расстоянии не далее брошенного камня от него. Настолько проникновенным было искусство старинного садовника, который замыслил все это и который уже столетие как упокоился под кедрами Гэссэди, что эта иллюзия рассеивается лишь при взгляде из *дзасики*, и по той лишь причине, что на острове стоит *исидоро*, или каменный фонарь. Своей величиной *исидоро* выдает иллюзорность перспективы, и я не думаю, что он был там установлен в то же самое время, когда создавался этот сад.

Местами на краю пруда и почти вровень с поверхностью воды уложены большие плоские камни, на которые можно встать или присесть на корточки, чтобы наблюдать за озерным народцем или ухаживать за водными растениями. Здесь имеются красивые водные лилии (*nuphar japonica*), ярко-зеленые дисковидные листья которых маслянисто плавают по поверхности, а также множество лотосов двух видов: с розовыми и чисто-белыми цветами. Здесь есть ирисы, растущие вдоль берега, с фиолетовыми цветами призматической формы, а также декоративные травы, и папоротники, и мхи. Но пруд этот главным образом лотосовый пруд; лотосы придают ему наибольшее очарование. Истинное наслаждение наблюдать каждую стадию их удивительного роста, от того, как начинает распускаться первый листок, и до того, как опадает последний цветок. Особенно стоит того наблюдать за лотосами в дождливые дни. Их крупные чашеобразные листья, раскачивающиеся высоко над поверхностью пруда, собирают в себе дождевую воду и какое-то время накапливают ее; но каждый раз, когда вода в листе доходит до определенного уровня, стебель внезапно сгибается, с громким всплеском опорожняя лист, а затем распрямляется вновь. Дождевая вода на листе лотоса – любимая тема японских художников-металлистов, и только лишь произведения из металла способны воспроизвести этот эффект, ибо движение и цвет воды, стекающей по зеленой маслянистой поверхности, в точности повторяют цвет и движение ртути.

VIII

Третий сад, который очень велик, протянулся от огороженного участка с лотосовым прудом до самого подножия лесистых холмов, служащих северной и северо-восточной границей этого старинного квартала самураев. Прежде все это широкое ровное пространство было занято бамбуковой рощей, но сегодня это немногим более чем заросшая травой и дикими цветами пустошь. В северо-восточном углу находится великолепный колодец, ледяная вода из которого подается в дом по совершенно гениальному маленькому водопроводу из бамбуковых труб, а в северо-западной оконечности, скрытое за высоким бурьяном, стоит очень маленькое каменное святилище *Инари* с двумя маленькими, под стать ему, каменными лисами, сидящими перед ним. Святилище и фигуры обветшали, искрошились и густо покрыты пятнами темно-зеленого мха. Но на восточной стороне дома маленький квадратный клочок земли, находящийся на этом большом участке сада, по-прежнему обрабатывается. Он целиком занят посадками хризантем, защищенных от проливных дождей и палящего солнца наклонными рамами из легкого дерева, обклеенными листами белой бумаги, наподобие *сэди*, и установленными в виде навесов на тонких бамбуковых шестах. Я позволю себе ничего более не прибавлять к тому, что уже было написано об этих чудесных произведениях японского цветоводства в том, что касается их самих; но существует небольшое предание, связанное с хризантемами, которое я осмелюсь здесь пересказать.

В Японии есть место, где выращивание хризантем считается приносящим несчастье, по причинам, которые далее будут изложены. Место это – красивый маленький городок *Химэдзи* в провинции *Харима*. В *Химэдзи* находятся руины огромного замка с тридцатью башнями;

когда-то там жил даймё с доходом в сто пятьдесят шесть тысяч коку риса в год. Так вот, в доме одного из главных вассалов этого даймё была служанка из хорошей семьи, по имени О-Кику; а имя Кику означает «цветок хризантемы». Ее заботам было доверено много драгоценных вещей, и среди прочих – десять дорогих золотых блюд. Одно из них неожиданно пропало, и найти его так и не удалось; а эта девушка, будучи в ответе за него и не зная, как иначе доказать свою невиновность, утопилась в колодце. Но после этого всегда можно было слышать, как ее призрак, возвращаясь еженощно, медленно, с плачем пересчитывает блюда: «Ити-май, ё-май, сити-май, ни-май, го-май, хати-май, сан-май, року-май, ку-май...»

Затем раздавался крик отчаяния и громкий приступ рыданий; и вновь слышался голос девушки, горестно пересчитывающей блюда: «Одно, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять...»

Ее дух переселился в необычное маленькое насекомое, голова которого отчасти напоминает голову призрака с длинными растрепанными волосами; и оно называется *О-Кику-муси*, что значит «муха О-Кику», и, как говорят, нигде, кроме Химэдзи, не встречается. Об этой О-Кику была написана знаменитая пьеса, которая до сих пор идет во всех известных театрах под названием «Бансю-О-Кику-но-Сара-ясики», то есть «Поместье блюда О-Кику из Бансю».

Некоторые заявляют, что Бансю – это лишь искаженное название одного из старинных кварталов Токио (Эдо), где, должно быть, и случилась вся эта история. Но люди Химэдзи говорят, что в той части их города, что сейчас называется Го-Кэн-ясики, как раз и находилось то самое старинное поместье. Но что действительно правда, так это то, что выращивание хризантем в той части Химэдзи, что называется Го-Кэн-ясики, считается делом, сулящим несчастье, поскольку имя О-Кику означает «хризантема». Поэтому, как мне сказали, там никто никогда не выращивает хризантемы.

IX

А сейчас поговорим об *удзё*, или созданиях, наделенных желаниями, которые населяют эти сады.

Имеется четыре вида лягушек: три, что обитают в лotosовом пруду, и один, что живет на деревьях. Древесная лягушка – очень милое маленькое существо изумительного зеленого цвета; она издает пронзительный крик, почти той же высоты, что у *сэми*; и она называется *ама-гаэру*, или дождевая лягушка, поскольку ее кваканье, как и ее сородичей в других странах, служит предвестником дождя. Прудовые лягушки называются *баба-гаэру*, *сина-гаэру* и *Тоно-сан-гаэру*. Из них названная первой разновидность – самая большая и самая безобразная: ее цвет очень неприятен, а ее полное название (баба-гаэру – это лишь краткая пристойная форма) столь же оскорбительно, сколь отвратительна ее окраска. Сина-гаэру, или полосатая лягушка, едва ли может назваться симпатичной, кроме как в сравнении с ранее упомянутым созданием. Но Тоно-сан-гаэру, нареченная так в честь знаменитого даймё, оставившего после себя память об истинном великолепии, действительно красива: ее окраска изумительного бронзового цвета с бордовым отливом.

Помимо этих разновидностей лягушек, в саду живет огромное неуклюжее пучеглазое создание, которое, хотя его и называют здесь *хики-гаэру*, как я полагаю, на самом деле жаба. «Хики-гаэру» – это термин, обычно используемый в отношении лягушки-быка. Это создание заявляется в дом почти ежедневно, чтобы его накормили, и, похоже, не боится даже незнакомцев. Мои люди считают его гостем, приносящим удачу, и ему приписывается способность затягивать в свой рот всех комаров в комнате, просто сделав глубокий вдох. Но как бы его ни почитали садовники и прочие, существует легенда о жабе-демоне древних времен, которая при таком вдохе затягивала в свой рот не насекомых, а людей.

В пруду обитает также множество маленьких рыбок *имори*, или тритонов, с ярко-красными брюшками и великое множество мелких жуков-водомерок, называемых *маймай-муси*, которые проводят все свое время, кружась по водной поверхности так быстро, что почти невозможно разглядеть их форму. Человека, который бесцельно мечется повсюду под влиянием какого-то нервного возбуждения, также сравнивают с маймай-муси. Также имеются какие-то красивые улитки с желтыми полосками на их раковинах. У японских детей есть песенка-заклинание, которая, как полагают, способна заставить улитку высунуть свои рожки:

Дайдай-муси¹²⁹, дайдай-муси, цуно титто дасарэ!
Амэ кадзэ фуку кара цуно титто дасарэ!

Улитка, улитка, высунь рожки совсем немножко!
Дожливо и ветрено, поэтому высунь рожки совсем немножко!

Площадкой для игр у детей из более высоких сословий всегда был семейный сад, а у детей бедняков – храмовый двор. И именно в саду малыши впервые узнают что-то из удивительной жизни растений, а также знакомятся с чудесами мира насекомых; и там же они впервые учатся прелестным легендам и песням о птицах и цветах, которые составляют такую очаровательную часть японского фольклора. Поскольку домашнее обучение ребенка в основном возлагается на его мать, уроки доброты к животным внушаются ему с самых ранних лет, и их результаты сильно сказываются на всей его последующей жизни. Несомненно, японские дети не полностью свободны от той подсознательной склонности к жестокости, что характерна для детей всех стран как пережиток первобытных инстинктов. Но в этом отношении огромное нравственное различие между полами сильно заметно с самых ранних лет. Нежность женской души проявляется даже в ребенке. Маленькие японки, играющие с насекомыми или мелкими животными, редко причиняют им вред и, как правило, отпускают на волю, после того как довольны наиграются с ними. Маленькие мальчики далеко не столь добры, оказавшись вне поля зрения родителей или опекунов. Но когда его застают за каким-то жестоким занятием, ребенка принуждают почувствовать стыд за свой поступок, и он слышит буддистское предостережение: «Твое перерождение будет несчастным, если ты творишь жестокие дела».

Где-то среди камней в пруду живет маленькая черепашка, вероятно оставленная в саду прежними арендаторами этого дома. Она очень мила, но ухитряется оставаться невидимой неделями кряду. В народной мифологии черепаха является слугой божества Компира¹³⁰; и если набожный рыбак обнаруживает в своих сетях черепаху, он пишет у нее на спине иероглифы, означающие «слуга божества Компира», а затем дает ей добрый глоток саке и отпускает на волю. Считается, что черепаха очень любит саке.

Некоторые говорят, что сухопутная черепаха, или каменная черепаха, – это слуга божества Компира, а морская черепаха – это слуга подводной империи Дракона. Говорят, что морская черепаха обладает чудесной силой создать одним своим выдохом облако, туман или великолепный дворец. Она служит одним из персонажей красивой старинной народной сказки об Урасима Таро¹³¹. Все черепахи, как считается, живут тысячу лет, в силу чего одним из самых распространенных символов долголетия в японском искусстве служит черепаха. Но черепаха в изображении местных живописцев и художников-металлистов чаще всего имеет весьма стран-

¹²⁹ *Дайдай-муси* в Идзумо. Словарное слово: *дэдэмуси*. Полагают, что улитка очень любит влажную погоду, и того, кто много гуляет под дождем, сравнивают с улиткой – *дэдэмуси но ёна*. (Примеч. авт.)

¹³⁰ Буддистское божество, но в последнее время в Синто отождествляется с богом Котохира. (Примеч. авт.)

¹³¹ См. вариант профессора Чемберлена в «The Japanese Fairy Tale Series» с очаровательными иллюстрациями японского художника. (Примеч. авт.)

ный хвост или, скорее, множество маленьких хвостиков, которые тянутся за ней подобно нижней кромке соломенного плаща *мино*, в силу чего ее называют *мино-гамэ*. Следует сказать, что некоторые из черепах, содержащихся в священных водоемах буддийских храмов, достигают весьма и весьма почтенного возраста, и некоторые водные растения прикрепляются к панцирю этих созданий и тянутся за ними, когда черепахи идут. Миф о *мино-гамэ*, как предполагается, получил свое происхождение из древних художественных попыток изобразить, как выглядят такие черепахи с водорослями, прилепившимися к их панцирям.

X

В самом начале лета лягушки на удивление многочисленны и с наступлением сумерек задают такие концерты, что и пером описать невозможно; но с каждой проходящей неделей их ночные буйства становятся все тише, а их число убывает под натиском множества врагов. Большое семейство змей, некоторые длиной полных три фута, время от времени совершает набеги на эту колонию. Их жертвы часто издают жалобные крики, которые находят живой отклик, когда только это возможно, у кого-нибудь из домочадцев, и много лягушек было спасено моей юной служанкой, которая легкими ударами бамбуковой трости заставляет змею отпустить свою добычу. Эти змеи прекрасные пловцы. Они вполне вольготно чувствуют себя в этом саду, но они появляются только в жаркие дни. Никому из моих людей и в голову не придет поранить или убить одну из них. Более того, в Идзумо говорят, что убить змею – к несчастью.

– Если вы убьете змею, которая ничем вам не угрожала, – уверял меня один крестьянин, – вы потом найдете ее голову в *камэбицу* [короб, в котором хранится вареный рис], когда снимете крышку.

Но змеи пожирают сравнительно мало лягушек. Дерзкие коршуны и воробьи – вот самые неумолимые их уничтожители; есть также очень милая ласка, живущая под *кура* (сараям) и ничуть не стесняющаяся выхватить рыбу или лягушку из пруда даже на глазах у самого хозяина усадьбы. Есть также кот, который браконьерствует в моих заказниках, – худой и вечно голодный бродяга и виртуозный ворюга, которого я неоднократно, но каждый раз безуспешно пытался отучить от бродяжничества. Отчасти в силу аморального характера этого кота, отчасти оттого, что ему случилось иметь длинный хвост, за ним закрепилась скверная репутация, и, по всеобщему убеждению, он – *некомата*, или кот-демон.

Верно, что в Идзумо некоторые котята рождаются с длинным хвостом, но вырасти длиннохвостыми им дозволяется крайне редко. Ибо естественная склонность котов – обращаться в бесов, а стремление к такой метаморфозе может быть пресечено лишь усекновением их хвостов, пока они еще котята. Коты – это чародеи, с хвостами или без хвостов, и обладают магической силой пускать мертвецов в пляс. Коты неблагодарны. «Корми собаку три дня, и она будет помнить твою доброту три года; корми кота три года, и он забудет твою доброту через три дня» – гласит японская пословица. Коты вредоносны: они раздирают циновки, дырявят сёдзи, а также точат свои когти о стойки *токономы*. Коты были прокляты: только кот и ядовитая змея не оплакивали смерть Будды, и им никогда не узнать блаженства Гокураку. В силу всех этих причин, а также иных, слишком многочисленных, чтобы их здесь излагать, коты не пользуются большой любовью в Идзумо и вынуждены проводить большую часть своей жизни на свежем воздухе.

XI

Не менее одиннадцати видов бабочек побывали в окрестностях лotosового пруда за последние дни. Самый распространенный вид – снежно-белая бабочка. Считается, что больше

всего ее привлекает *на*, или рапсовое растение; и когда маленькие девочки видят ее, они поют такую песенку:

Тё-тё, тё-тё, на но ха ни томарэ;
На но ха га иэнара, тэ ни томарэ.

Бабочка, бабочка, садись на листок на;
Но если не любишь листок на, садись на мою руку.

Но самые интересные насекомые – это, несомненно, *сэми* (цикады). Эти японские древесные сверчки намного более выдающиеся исполнители, чем даже удивительные цикады тропиков; и они менее утомительны, ибо почти для каждого месяца, на протяжении всего теплого времени года, имеется свой, отличный от остальных вид сэми, со своим, совершенно отличным от остальных репертуаром. Имеется, как я полагаю, семь видов, но я познакомился только с четырьмя. Первым в моих деревьях можно услышать *нацу-дзэми*, или летнего сэми: он издает звук, подобный японскому слогу *дзи*, начинающийся сипло, как при одышке, и медленно нарастающий до пронзительного свиста на самой высокой ноте, похожего на паровозный свисток, а затем вновь затихающий до нового астматического хрипа. Это *дзи-и-и-и-и-и-и-и-и* настолько оглушающее, что когда два или три *нацу-дзэми* подбираются близко к окну, я вынужден бываю их прогнать. К счастью, на смену *нацу-дзэми* вскоре приходит *минмин-дзэми*, многим более утонченный музыкант, чье название происходит от издаваемой им чудесной ноты. Говорят, что он «поет, как буддийский жрец, декламирующий кё»; и в самом деле, услышав его впервые, с трудом верится, что слышишь всего лишь цикаду. После *минмин-дзэми* в начале осени наступает черед красивого зеленого сэми – *хигураси*, который издает удивительно чистый звук, подобный частому звону маленького колокольчика – *кана-кана-кана-кана-кана*. Но самый изумительный посетитель из всех приходит еще позднее – это *цуку-цуку-боси*¹³². Я полагаю, что этому созданию нет равного во всем мире цикад: его музыка совершенно неотличима от пения птицы. Его название, как и название *минмин-дзэми*, ономаатопоэтическое, но в Идзумо звучание его песни передается так:

Цуку-цуку уису¹³³,
Цуку-цуку уису,
Цуку-цуку уису, —
Уи-оосу,
Уи-оосу,
Уи-оосу,
Уи-оос-с-с-с-с-с-с-су.

Однако сэми не единственные музыканты в саду. Еще два замечательных создания образуют их оркестр. Первое – это красивый ярко-зеленый кузнечик, известный японцам под любопытным именем *хотокэ-но-ума*, что значит «конь мертвеца». По форме голова этого насекомого и в самом деле имеет некоторое сходство с конской головой – отсюда и эта игра воображения. Это удивительно дружелюбное создание, позволяющее взять себя в руки без какого-либо сопротивления и, как правило, вполне вольготно чувствующее себя в доме, куда оно часто заходит без всяких церемоний. Оно издает очень тонкий звук, который японцы

¹³² *Боси* означает «шляпа»; *цукэру* – «надевать». Но эта этимология более чем сомнительная. (Примеч. авт.)

¹³³ Некоторые говорят «Тёкко-тёкко-уису», при этом конечный звук *у* не произносится. (Примеч. авт.)

записывают в виде повторения слогов *дзюн-та*; да и самого кузнечика иногда так и называют: *дзюнта*. Другое насекомое – тоже зеленый кузнечик, несколько более крупный и намного более робкий, его называют *гису*¹³⁴ за его напев:

Тён,
гису;
Тён,
гису;
Тён,
гису;
Тён...

(и так далее на усмотрение солиста)

В жаркие солнечные дни над прудом парят несколько красивых видов стрекоз (*томбо*). Один из них – самое прекрасное создание этого рода из всех, которых я когда-либо видел, сплошь отливающее неописуемыми металлическими цветами и невообразимо изящное, называется *тэнси-томбо* – императорская стрекоза. Есть еще одна – самая крупная из всех японских стрекоз, но достаточно редкая, а для японских детей – любимейшая забава. Про этот вид говорят, что мужских особей в нем намного больше, чем женских; но за что я могу полностью поручиться, так это за то, что, если вы поймаете женскую особь, можно почти сразу же привлечь мужскую, выставив пленницу напоказ. Из этих соображений мальчишки стараются добыть женскую особь, и когда ловят ее, то привязывают на нитке к какой-нибудь ветке и распевают любопытный куплет, который в оригинале звучит так:

Конна¹³⁵ дансё Корай о
Адзума но мэто ни макэтэ
Нигэру ва хадзи дэва найкай?

Что означает: «Ты, мужчина, повелитель Кореи, неужели тебе не стыдно убегать от повелительницы Востока?» (Эта песенка-дразнилка заключает в себе аллюзию на историю покорения Кореи императрицей Дзин-го.) И самец неизменно прилетает, чтобы в свою очередь быть пойманным. В Идзумо первые семь слов оригинального куплета исказились и звучат как *конна ундзё Корай абура но мито*; и названия самца стрекозы – *ундзё* и самки – *мито* происходят из двух слов этого искаженного варианта.

ХП

Теплыми ночами всякого рода незваные гости заполняют дом в превеликом множестве. Две разновидности комаров делают все, что в их силах, чтобы хозяевам жизнь стала не в радость, а кроме того, им хватает ума, чтобы не слишком приближаться к лампам; однако нет никакой возможности удержать сонмы любопытных и безобидных созданий от их стремления погибнуть в пламени. Самые многочисленные жертвы из всех, налетающие подобно проливному летнему дождю, называются *санэмори*. Во всяком случае, так они называются в Идзумо, где они сильно вредят молодым побегам риса.

Следует сказать, что имя Санэмори – славное имя знаменитого воина древних времен из клана Гэндзи. Существует легенда о том, что в конном поединке с врагом его боевой конь

¹³⁴ Произносится почти как «гисс». (Примеч. авт.)

¹³⁵ Стяжение *корэ нору*. (Примеч. авт.)

поскользнулся и упал на рисовом поле, по причине чего он был побежден и убит своим противником. Он превратился в насекомое – нещадного пожирателя риса, которое крестьяне Идзумо до сих пор почтительно называют Санэмори-сан. В определенные летние ночи они разводят костры на рисовых полях, чтобы привлечь это насекомое, и бьют в гонги, и трубят в бамбуковые трубы, распевая при этом: «О-Санэмори, окажи милость, соизволь прийти сюда!» *Каннуси* совершает религиозный обряд, после чего соломенная фигура, изображающая всадника верхом на коне, либо сжигается, либо сбрасывается в соседний ручей или канал. Таким обрядом, согласно поверью, поля очищаются от этого вредоносного насекомого.

Это крошечное создание величиной и цветом почти такое же, как неочищенное зернышко риса. Связанная с ним легенда могла возникнуть в силу того обстоятельства, что его тельце с крыльями имеет некоторое сходство со шлемом японского воина¹³⁶.

Следующие по численности среди жертв огня – это мотыльки, некоторые из которых весьма необычны и красивы. Самый замечательный – это огромное создание, известное в народе под названием *окори-тётё*, или малярийный мотылек, в силу бытующего поверья, что он заносит перемежающуюся лихорадку в любой дом, куда залетает. Его тело примерно того же веса и почти столь же сильное, как у самой крупной колибри, а когда мотылек, пойманный и сжатый в руке, старается высвободиться, он поражает своим упорством. В полете он издает очень громкий стрекочущий звук. Крылья одного экземпляра, изученного мною, достигали в размахе пяти дюймов от кончика до кончика и все же казались маленькими относительно веса его тела. Они были густо покрыты крапинами темно-коричневого и серебристо-серого цвета различных оттенков.

Однако многие крылатые ночные пришельцы умеют избегать роковой лампы. Самый фантастичный из всех визитеров – это *торо*, или *кама-кири*, в Идзумо называемый *кама-какэ* – светло-зеленый богомол, которого ужасно боятся дети из-за его обыкновения кусаться. Он очень велик. Я видел экземпляры более шести дюймов в длину. Глаза кама-какэ ночью черные и блестящие, тогда как днем становятся цвета травы, в какой окрашено и все его остальное тело. Богомол очень умен и удивительно агрессивен. Я видел, как один, на которого напала большая сильная лягушка, легко обратил своего противника в бегство. В конце концов он пал-таки жертвой других обитателей пруда, но потребовались объединенные усилия нескольких квакушек, чтобы сокрушить это чудовищное насекомое, и даже при этом исход битвы был решен, только когда им удалось затащить кама-какэ в воду.

Другие посетители – это жуки различных расцветок и некое создание вроде небольшого таракана, называемое *гоки-кабури*, что означает «чашку-на-голове-носящий». Утверждается, хотя и необоснованно, что гоки-кабури любит поедать человеческие глаза, а посему является заклятым врагом Итибата-сама – Якуси-Нёрая из Итибата, который излечивает глазные болезни. По причине чего убить гоки-кабури считается делом похвальным и этому Будде угодным. Всегда желанные гости – красивые светлячки (*хотару*), которые влетают почти бесшумно и сразу же отправляются на поиски самого темного уголка в доме, слегка мерцая во мраке ночи

¹³⁶ Подобную легенду связывают с маленьким желтым насекомым *сиван*, которое нападает на огурцы. Говорят, что *сиван* был когда-то врачом, который, будучи уличен в любовной интриге, вынужден был спасаться бегством; но когда он поспешно уносил ноги, то споткнулся об огуречный стебель, в результате чего упал, был настигнут и убит, а его дух превратился в насекомое, нещадно уничтожающее огуречные стебли. В зоологической мифологии, равно как и в ботанической мифологии Японии, существует множество легенд, в которых угадывается любопытное сходство с древнегреческими преданиями о превращениях. Некоторые из самых примечательных образцов этого фольклора возникли, однако, в относительно новые времена. Легенда о крабе, называемом *хэйкэ-гани*, встречающемся в Нагано, служит тому примером. Души воинов клана Тайра, погибших в великом морском сражении при Дан-но-ура (ныне Сэто-Накай) в 1185 г., как считается, превратились в *хэйкэ-гани*. Панцирь *хэйкэ-гани* и в самом деле изумляет. Он собран в складки, напоминающие мрачный лик или, скорее, точное подобие одного из тех черных железных забрал, или масок, которые феодальные воины надевали во время битвы и которые имели вид нахмуренных лиц. (Примеч. авт.)

подобно искоркам, гонимым нежным ветерком. Считается, что они очень любят воду; поэтому дети поют им такой куплет:

Хотару коэ мидзу номасё;
Ати но мидзу ва нигай дзо;
Коти но мидзу ва амай дзо.

Прилетай, светлячок, я напою тебя водой;
Там вода такая горькая,
А здесь вода такая сладкая.

Прелестная серая ящерка, сильно отличная от тех, что обычно навещают сад, также появляется ночью и преследует свою добычу, бегая по потолку. Иногда необычайно крупная многоножка пытается повторить тот же самый трюк, но с гораздо меньшим успехом, по причине чего вынуждает схватить себя каминными щипцами и выбросить назад в ночную тьму. Крайне редко появляется огромный паук. Это создание кажется вполне безобидным. Если его поймать, он будет притворяться мертвым, пока не убедится, что на него не смотрят, после чего удирает с удивительным проворством, как только появляется такая возможность. Он безволосый и очень отличается от тарангула – *фукуро-гумо*. Он называется *мияма-гумо*, что значит «горный паук». В этих местах обитают еще четыре других вида пауков: *тэнага-кумо*, или длиннорукий паук; *хирата-кумо*, или плоский паук; *дзи-кумо*, или земляной паук; и *тотатэ-кумо*, или запирающий дверь паук. Большинство пауков считаются дурными существами. Люди говорят, что паука, замеченного где бы то ни было в ночное время, следует убить, ибо все пауки, появляющиеся по ночам, – бесы. Пока люди не спят и настороже, подобные создания остаются маленькими и неприметными, однако когда все крепко засыпают, тогда-то они и принимают свою истинную бесовскую форму, превращаясь в огромных чудовищ.

ХШ

Высокоствольный лес на холме за садом наполнен пернатыми обитателями. В нем живут дикие певчие камышовки (угуису), совы, дикие голуби, несметное полчище ворон и какая-то необычная птица, издающая по ночам странные звуки – протяжные низкие уханья: *хо-о, хо-о*. Она называется *авамаки-дори*, что значит «птица-проса-сеятель», ибо, когда крестьяне слышат ее крик, они знают, что пришло время высевать просо. Сама она – птичка-невеличка коричневой окраски, крайне пугливая и, насколько мне известно, ведущая исключительно ночной образ жизни.

Но лишь изредка, крайне изредка, раздается ночью среди этих деревьев многим более странный крик – как будто кто-то кратко и часто вскрикивает от боли: «*Хо-то-то-ги-су*». И крик, и название того, кто его издает, звучат одинаково: *хототогису*.

Это кричит птица, о которой рассказывают невероятные вещи; ибо говорят, что на самом деле она – не одно из созданий этого живого мира, а ночной странник, прилетающий из страны мрака. Ее жилище в Мэйдо – среди тех лишенных солнечного света гор Сидэ, над которыми должны пролететь все души, чтобы прибыть к месту Божьего суда. Она прилетает однажды в году, а время ее появления – конец пятого месяца по древнему лунному календарю; и крестьяне, услышав ее голос, говорят друг другу: «Сейчас нам нужно сеять рис, ведь *Сидэ-но-таоса* уже с нами». Слово *таоса* означает деревенского старосту в системе сельского управления старого времени; но почему хототогису зовут таоса Сидэ, я не знаю. Возможно, ее считают душой из какой-то призрачной деревушки в горах Сидэ, где призраки имеют обыкновение

останавливаться на отдых во время своего утомительного пути во владения Эмма – повелителя смерти.

Ее крик толкуется по-разному. Некоторые утверждают, что хототогису на самом деле не повторяет свое собственное имя, а спрашивает: «Хондзон какэ́та ка?» («Хондзон¹³⁷ вывели?») Другие, основывая свое толкование на мудрости китайцев, доказывают, что сказанное птицей означает: «Спору нет, лучше вернуться домой». Последнее, во всяком случае, верно: ибо всех, кто странствует вдали от родных мест и слышит голос хототогису в других далеких провинциях, охватывает острая тоска по родному дому.

Только ночью, говорят люди, можно услышать ее голос, и чаще всего – в ночи полной луны; и она поет, паря где-то высоко в небе, никем не видимая, что было поэтом воспето в таких словах:

Хито коэ ва.
Цуки га найта ка
Хототогису!

Одинокий голос раздался.
Это луна вскричала?
Хототогису!

А еще один написал:

Хототогису
Накицуру ката о
Нагамурэба —
Тада ариакэ но
Цуки дзо нокорэру.

Когда я смотрю туда,
Откуда послышался крик
Хототогису,
Там – увы! – ничего не вижу,
Кроме бледнолицей утренней луны.

Городской житель может провести всю свою жизнь, ни разу не услышав хототогису. Посажённое в клетку, это маленькое создание будет упорно хранить молчание, пока не умрет. Поэты часто понапрасну проживают ночи напролет, от заката до рассвета, не прячась от утренней росы, чтобы хоть раз услышать этот странный крик, внушавший им вдохновение на написание столь многих изящных стихов. Но те, кому довелось его услышать, находят его столь скорбным, что сравнивают с предсмертным криком того, кто был внезапно смертельно ранен.

Хототогису
Ти ни наку коэ ва

¹³⁷ *Хондзон* – здесь означает священное какэмоно, или картину, вывешиваемую в храмах для всеобщего обозрения только в день рождения Будды, который приходится на восьмой день четвертого месяца по старому календарю. Хонзон также означает главное изображение в буддийском храме. (Примеч. авт.)

Ариакэ но
Цуки ёри хока ни
Кику хито мо наси.

Кроме одной лишь
Утренней луны,
Никто не слышал
Крик хототогису,
Словно истекающий кровью.

Что же касается сов Идзумо, я ограничусь лишь цитированием сочинения одного из моих японских учеников:

«Сова – зловредная птица, которая видит в темноте. Маленьким детям, которые капризничают, грозят, что Сова прилетит и заберет их; ибо Сова кричит: „*Хо! Хо! Соротто кока! Соротто кока!*“, что значит: „Эй, ты! Что, мне уже можно войти?“ Она также кричит: „*Норицукэ хосэ! Хо! Хо!*“, что значит „Готовь крахмал, завтра будешь стирать!“ И когда женщины слышат такой крик, они знают, что завтра будет погожий день. Она также кричит: „*Тотото!*“ – „Мужчина умирает!“ и „*Котококко!*“ – „Мальчик умирает!“. Поэтому люди ненавидят ее. А воробы ненавидят ее так сильно, что с ее помощью ловят ворон. Крестьянин усаживает Сову на рисовом поле; и все воробы слетаются, чтобы заклевать ее, и тут же попадают в силки. Это должно служить нам уроком – не проявлять открыто своей неприязни к другим людям».

Коршуны, целый день парящие над городом, не живут в ближних окрестностях. Их гнезда далеко, на голубых вершинах высоких гор; но большую часть своего времени они занимаются ловлей рыбы и покражами с задних дворов. Они совершают внезапные и стремительные налеты на лес и сад; и их зловещий покрик – *ни-ёроёро, ни-ёроёро* – время от времени раздается над городом от рассвета до заката. Из всех пернатых созданий они, без сомнения, самые наглые – еще наглее, чем даже их собратья-грабители воробы. Коршун камнем упадет из поднебесья, чтобы умыкнуть карпа из корзины торговца рыбой или пирожок из руки ребенка, и стрелой умчится обратно к облакам, прежде чем жертва грабежа успеет наклониться за камнем. Отсюда поговорка: «Выглядеть таким изумленным, будто коршун выхватил из руки абурагэ»¹³⁸. Кроме того, совершенно невозможно предугадать, что коршун может счесть достойным похищения. К примеру, девочка-служанка моего соседа пошла на днях на реку, вплетя в волосы нитку мелких алых бусинок, сделанных из рисовых зерен, сваренных и окрашенных особым оригинальным способом. Коршун спустился ей на голову, вырвал и проглотил эту нитку бус. Однако чрезвычайно интересно кормить этих птиц мертвыми крысами или мышами, пойманными за ночь в расставленные ловушки, а после утопленными. Как только мертвая крыса оказывается на виду, коршун тотчас же камнем падает на нее с небес, чтобы унести прочь. Иногда какой-нибудь вороне удается опередить коршуна, но, чтобы сохранить свою добычу, эта ворона должна быть крайне проворной и успеть вовремя укрыться в лесу. Дети распевая такой куплет:

Тоби, тоби, майтэ мисэ!
Асита но ба ни
Карасу ни какуситэ
Нэдзуми яру.

¹³⁸ Нечто наподобие бублика, приготовленного из кукурузной муки или тофу. (Примеч. авт.)

Коршун, коршун, покажи, как ты танцуешь,
И завтра вечером,
Пока воробы не прознали,
Я вынесу тебе крысу.

Упоминание танца подразумевает красивое покачивание коршуна крыльями в полете. По наитию это движение поэтично сравнивается с грациозным покачиванием *майко*, или танцовщицы, когда она, раскинув руки подобно парящей птице, плавно помахивает широкими рукавами своего шелкового кимоно.

Хотя в лесу за моим домом имеется многочисленная нижняя колония ворон, генеральный штаб всевороньего войска находится в сосновом бору, на землях старинного замка, который виден из моих передних комнат. Наблюдать, как воробы ежевечерне, в один и тот же час, все дружно летят домой – весьма занятное зрелище, и народное воображение нашло ему забавное сравнение с суматохой, царящей, когда народ бежит на пожар. Им объясняется смысл песенки, которую дети поют воронам, возвращающимся в свои гнезда:

Ато но карасу саки инэ,
Варэ га из га якэру кэн,
Хаё индэ мидзу какэ,
Мидзу га накя яродзо,
Аматтара ко ни ярэ,
Ко га накя модосэ.

Отставшая ворона, поспешай поскорей,
Не то я приду поджигать твой дом.
Поспешай и неси воду тушить его.
Если нет воды, я тебе дам ее.
Если же слишком много, дай ее своему вороненку.
Если же у тебя нет вороненка, отдай ее мне.

Конфуцианство, как представляется, узрело в вороне добродетель. В японском языке есть пословица: «*Карасу ни хампо но ко ари*», смысл которой заключается в том, что ворона исполняет свой долг перед родителями – хампо, или, более дословно, «долг перед родителями – хампо существует в вороне». «Хампо» означает буквально «вернуть кормление». Говорят, что молодая ворона вознаграждает своих родителей за заботу тем, что кормит их, когда входит в силу. Еще один пример почтительности к родителям дает голубь. «*Хато ни санси но рэй ари*», что значит «голубь сидит на три ветки ниже родителей» или более дословно: «должен соблюдать этикет трех веток».

Крик дикого голубя (*ямабато*), который я слышу из леса почти ежедневно, – это самый сладостно-печальный звук, который когда-либо доходил до моих ушей. Крестьяне Идзумо говорят, что птица произносит слова, приведенные ниже, что, по-видимому, так и есть, если прислушаться к ним, после того как узнаешь предписываемое им звучание:

Тэтэ
поппо,
Кака
поппо,

Тэтэ
поппо,
Кака
поппо,
Тэтэ...

(внезапная пауза).

Тэтэ – это детское слово, которое означает «папа», а *кака* означает «мама»; а *поппо* в речи младенцев означает «грудь»¹³⁹.

Дикие певчие камышовки (угуису) также часто улаживают мои летние дни своим пением, а иногда оказываются очень близко от дома, привлеченные, очевидно, трелями моего домашнего певца в клетке. Угуису очень распространены в этой провинции. Они обитают во всех лесах и священных рощах в окрестностях города, и не было случая, чтобы в своих поездках по Идзумо в теплое время года я не услышал бы их пения, доносящегося из какого-нибудь тенистого уголка. Но угуису сильно разнятся между собой. Есть угуису, которых можно приобрести за пару иен, однако великолепно обученный, выращенный в клетке певец может обойтись не менее чем в сто.

Одно любопытное поверье об этом изящном создании я впервые услышал не где-нибудь, а в маленьком деревенском храме. В Японии гроб, в котором усопшего несут к месту погребения, совершенно не такой, как западный гроб. Это удивительно маленький кубовидный ящик, в который покойника помещают в сидячем положении. Как тело любого взрослого человека может быть помещено в такой маленький объем, остается загадкой для иностранцев. В случаях сильного трупного окоченения работа по помещению тела в гроб трудна даже для профессиональных *досин-бодзу*. Но верные последователи *Нитирэн* заявляют, что после смерти их тела останутся идеально гибкими; и тельце мертвой угуису, утверждают они, также никогда не коченеет, ибо эта птичка-невеличка привержена их вере и проводит всю свою жизнь, распевая хвалы сутре Лотоса Благого закона.

XIV

Мне как-то очень уж полюбилась моя тихая обитель. Ежедневно, вернувшись домой после завершения своих педагогических трудов и сменив учительскую форму на бесконечно более удобные японские одежды, я нахожу более чем достаточное вознаграждение за тяготы пяти учебных часов в простом удовольствии посидеть, поджав под себя ноги, на тенистой веранде, с которой открывается вид на сады. Эти старинные стены сада, покрытые мхом под самый свес черепицы, местами обрушившийся, как мне кажется, не пропускают даже шума городской жизни. Здесь не слышится никаких звуков, кроме птичьих трелей, стрекота сэми, или, через долгие ленивые промежутки, одинокого всплеска нырнувшей лягушки. Нет, эти стены укрывают меня не только от городских улиц, но и от чего-то значительно большего. За ними гул преобразованной Японии – страны телеграфов, заводов, газет, пароходов; внутри их царит полное умиротворение природы и грезы шестнадцатого столетия. Очарование необычности присутствует в самом воздухе – неуловимое ощущение чего-то незримого и сладостного, что окружает вас со всех сторон; возможно, это магически-призрачное присутствие давно почивших дам, которые выглядели подобно дамам в старинных книжках с картинками и которые жили, когда все здесь было еще совсем юным. Даже в летнем свете, играющем на при-

¹³⁹ Слова *папа* и *мамма* существуют в японском языке маленьких детей, но их значение совсем не то, которое можно предположить. *Мамма*, или с обычным почтительным префиксом *О-мамма*, означает «вареный рис». *Папа* означает «табак». (Примеч. авт.)

чудливых посерелых каменных формах, дрожащем на листве долго и любовно взращиваемых деревьев, присутствует нежность призрачной ласки. Это сады прошлого. Будущему они будут известны только как грезы, творения забытого искусства, очарование которых не будет способен воспроизвести ни один гений.

Жильцов рода человеческого здесь, похоже, не боится ни одно живое существо. Маленькие лягушки, отдыхающие на листьях лотоса, почти никак не реагируют на мое прикосновение; ящерицы загорают на солнце, на расстоянии не более вытянутой руки от меня; водяные змеи бесстрашно скользят через мою тень; целая филармония сэми настраивает свой оглушающий оркестр на ветке сливы над самой моей головой, а богомол бесцеремонно устроился прямо у меня на колене. Ласточки и воробьи не только строят свои гнезда на моей крыше, но залетают в мои комнаты без всякой опаски – одна ласточка даже слепила свое гнездо под потолком ванной комнаты, а ласка таскает рыбу прямо у меня на глазах, без какого-либо зазрения совести. Дикая угуису сидит на ветке кедра возле окна и в порыве вольного вдохновения вызывает моего солиста в клетке на певческое состязание; и всегда сквозь золотистый воздух из зеленого полусумрака горных сосен, подобно журчанию ручья, доносится до меня печальный, ласковый и очаровательный покрик ямабато.

Тэтэ поппо,
Кака поппо,
Тэтэ поппо,
Кака поппо,
Тэтэ...

Ни у одного европейского голубя нет такого покрика. Тот, кто способен впервые услышать голос ямабато, не испытал сердечного трепета, ранее ему неизвестного, едва ли заслуживает возможности проживать в этом счастливом мире.

Однако же все это – и старинный каттю-ясики, и его сады, – несомненно, исчезнет навсегда, прежде чем минует не так уж много лет. Сейчас уже многие сады, площадью и красотой превосходящие мой, были превращены в рисовые поля или бамбуковые рощи; и притягательный своей старомодностью город Идзумо, когда до него наконец дотянется давно задуманная железнодорожная ветка – быть может, даже до конца текущего десятилетия, – разрастется, изменится, станет обычным промышленным городом и востребует эти земли для строительства своих заводов и фабрик. И не только отсюда, но и из всей страны в целом старинная умиротворенность и старинное очарование, похоже, обречены уйти навсегда. Ибо непостоянство – суть природы вещей, и особенно в Японии; и перемены и их поборники также претерпят изменения, пока для них совершенно не останется места, – и сожалеть о чем-либо тщетно. Умершее искусство, создавшее красоту этого места, было также искусством той веры, в которой родился всеутешительный текст: «Воистину даже растения и деревья, скалы и камни – все достигнут нирваны».

Живой бог

Из сборника «*Gleanings in Buddha-Fields*», 1897

I

Независимо от своих размеров все храмы или святилища чистого Синто построены в едином архаическом стиле. Типичный храм – это продолговатая постройка из некрашеного строевого леса, без окон, с очень крутой нависающей крышей; фасадом служит торцевая стена со щипцом, а верхняя часть постоянно закрытых дверей представляет собой деревянную решетку – обычно из плотно прилегающих планок, пересекающихся под прямыми углами. Как правило, эта постройка слегка приподнята над землей и стоит на деревянных столбах-опорах, а необычно заостренный фасад, с его забраловидными проемами и фантастически выдающимися концами балок над его выступающими щипцами, может напомнить европейскому путешественнику некоторые старые готические формы слухового окна. Искусственные тона совершенно отсутствуют. Некрашеное дерево¹⁴⁰ под действием дождя и солнца вскоре приобретает естественный серый цвет, меняющийся в зависимости от открытости внешним стихиям, от серебристых оттенков березовой коры до мрачно-серого цвета базальта. Облеченный в такую форму и окрашенный в такую палитру одиноко стоящий сельский *ясиро* может казаться не столько творением столярного дела, сколько элементом природного ландшафта – сельской формой, столь же близкой природе, как деревья и камни, – чем-то возникшим лишь волей Ооцути-но-Ками, бога земли, первобытного божества этой страны.

Почему некоторые архитектурные формы вызывают у наблюдателя чувство некой таинственности – это вопрос, который мне хотелось бы однажды рассмотреть теоретически: но сейчас я осмелюсь лишь утверждать, что святилища Синто пробуждают именно такое чувство. И чем больше с ними знакомишься, тем более оно возрастает, вместо того чтобы ослабевать; а знание народных верований способно еще более его усилить. У нас нет английских слов, сколько-либо пригодных для описания этих замысловатых форм, тем более какого-либо языка, способного передать то необычное впечатление, какое они производят. Те синтоистские понятия, которые мы условно передаем словами «храм» и «святилище», на самом деле непередаваемы – я имею в виду, что японские представления, к ним относящиеся, не могут быть переданы переводом. Так называемый досточтимый дом Ками – это не столько храм, в классическом значении этого слова, сколько чертог привидений, обитель духов, дом призраков, ибо многие из меньших божеств воистину и есть призраки – призраки великих воителей, и героев, и правителей, и учителей, которые жили, и любили, и умерли сотни и тысячи лет тому назад. Мне представляется, что для западного ума слова «дом призраков» могут передать лучше, чем такие слова, как «святилище» и «храм», некое смутное представление о необычном характере синтоистского *мия* или *ясиро*, таящего в своем постоянном сумраке не более вещественного, чем символы или знаки, последние, скорее всего, из бумаги. Однако эта пустота за опущенным забралом фасада наводит на размышления более, чем могло бы что-либо материальное; и когда вы вспоминаете, что миллионы людей на протяжении тысячелетий поклонялись своим великим усопшим перед такими вот *ясиро* – что вся нация по-прежнему верит, что такие строения населяют незримые, наделенные сознанием деятели, – вы вполне можете задаться вопросом о том, насколько сложно было бы доказать, что эта вера абсурдна. Нет! Вопреки западным сомнениям – вопреки чему бы то ни было, что вы можете посчитать уместным сказать или умолчать о своем опыте в последующем, – в какой-то момент вы вполне можете почувствовать,

¹⁴⁰ Обычно это хиноки (*Chamaecyparis obtusa*). (Примеч. авт.)

что здесь не все так просто, и испытать побуждение преклониться перед тем неизвестным, что здесь может таиться. Одно лишь холодное рассуждение едва ли поможет вам как-то рассеять ваши сомнения. Свидетельства чувств мало что значат: ибо вам известно столь много реальных явлений, которые невозможно ни увидеть, ни услышать, ни почувствовать, но которые существуют как силы – огромные силы. Более того, вы не можете осмеивать убеждение сорока миллионов людей, в то время как это убеждение вибрирует повсюду вокруг вас, подобно воздуху, и вы отдаете себе отчет в том, что оно давит на ваше психическое существо совершенно так же, как атмосфера давит на ваше существо физическое. Что касается меня самого, когда бы я ни оказался один возле святилища Синто, я испытываю такое чувство, как будто нахожусь в присутствии призрака, и невольно задумываюсь, какие восприятия могут быть у этого призрака. И это ведет к тому, что я пытаюсь представить себе, какие ощущения были бы у меня, будь я сам богом, обитающим в одном из древних святилищ Идзумо, расположенном на вершине холма, охраняемом каменными львами и укрывшимся под сенью священной роши.

Маленькой, как у эльфа, могла бы быть моя обитель, но вовсе не слишком маленькой, ибо у меня не было бы ни величины, ни формы. Я был бы лишь вибрацией – движением невидимым, как эфир или магнетизм; хотя иногда мог бы обретать какое-то призрачное тело, подобное моей прежней видимой форме, когда мне пожелалось бы сделаться зримым.

Как воздух для птицы, как вода для рыбы, точно так же любая среда была бы проницаема для этого моего воплощения. По своему хотению я проходил бы сквозь стены своей обители, чтобы купаться в длинной золотой ванне солнечного луча, вибрировать в сердце цветка, ездить верхом на шее стрекозы.

И власть над жизнью, и власть над смертью были бы моими – и в моей власти было бы продлеваться, и в моей власти было бы приумножаться, и в моей власти было бы находиться повсюду в один и тот же миг. И я слышал бы возносимые мне молитвы одновременно в сотне домов. И я вдыхал бы аромат сотни приношений; ежевечерне, со своего места в сотне домашних алтарей, я видел бы священные огни, зажигаемые мне в лампадах из красной глины, в лампадах из желтой меди, – огни Ками, возжигаемые чистейшим огнем и питаемые чистейшим маслом.

Но в своем ясиро на холме я получал бы величайшие почести: там в нужное время я собирал бы вместе все множество своих самостей; там я сводил бы воедино свои божественные силы, чтобы ответить на мольбы.

Из сумрака своей обители призрака я ожидал бы приближения обутых в сандалии ног, и смотрел бы, как темные гибкие пальцы вплетают в мою решетку завязанные на узелок листки бумаги с записанными на них обетами, и следил бы за движением губ моих поклонников, творящих молитву:

– *Харай-тамай киёмэ-тамаэ!*.. Мы били в барабаны, мы разжигали костры; и все равно земля страдает от жажды и рис гибнет. Удостой нас своей божественной жалости и ниспошли нам дождь, о Даймёдзин!

– *Харай-тамай киёмэ-тамаэ!*.. Я смугла, очень смугла, потому что я трудилась в поле, потому что солнце сверху смотрело на меня. Снизойди своей божественной милостью сделать меня белой, очень белой, белой, как городские женщины, о Даймёдзин!

– *Харай-тамай киёмэ-тамаэ!*.. За Цукамото Мотокити, нашего сына, солдата двадцати девяти лет: чтобы он мог победить и скорей вернуться к нам – скорей, как можно скорей, – мы нижайше молим тебя, о Даймёдзин!

Иногда какая-нибудь девушка шепотом откроет мне свое сердце:

– Дева восемнадцати лет, меня любит двадцатилетний юноша. Он хороший; он верный; но бедность преследует нас, и путь нашей любви темен. Помоги нам твоим великим божественным милосердием! – помоги нам, чтобы мы могли быть вместе, о Даймёдзин!

После чего на решетке моего святилища она повесит толстую мягкую прядь волос – ее собственных волос, блестящих и черных как вороново крыло и перевязанных темно-малиновым бумажным шнурком. И в аромате такого приношения – в простом аромате ее крестьянской юности – я, призрак и божество, вновь обнаружил бы чувства тех лет, когда я был человеком и возлюбленным.

Матери приносили бы своих маленьких детей к моему порогу и учили бы их почитать меня, говоря: «Поклонись великому светлому божеству; окажи почтение Даймёдзину». А затем я слышал бы звонкое нежное хлопанье маленьких ладошек и вспомнил бы, что я, призрак и божество, когда-то был отцом.

Каждый день я слышал бы плеск чистой холодной воды, наливаемой мне, и звон брошенной монетки, и легкую дробь сухого риса в моем деревянном ящике, похожую на стук дождя; и я освежался бы духом воды и подкреплялся бы духом риса.

В честь меня устраивались бы праздники. Жрецы в черных шапочках и белых льняных облачениях ставили бы мне приношения фруктами, и рыбой, и морскими водорослями, и рисовыми лепешками, и рисовым вином, заслоняя свои лица листами белой бумаги, дабы не дышать на мою пищу. И их дочери *мико*, прелестные девы в малиновых *хакама* и снежно-белых облачениях, приходили бы танцевать под звон колокольчиков, взмахивая шелковыми веерами, дабы я мог радоваться цветению их юности, дабы я мог любоваться очарованием их грации. И там звучала бы та же музыка, что и много тысячелетий тому назад, – необыкновенная музыка барабанов и флейт, – и песни на языке, на котором давно уже никто не говорит; в то время как *мико*, избранницы богов, парили бы и замирали передо мной.

Чьи они, эти девы – девы, стоящие, подобно цветкам, пред божеством? Они девы величественного божества.

Величественная музыка, танец дев – божеству будет приятно слышать, божеству будет радостно видеть.

Перед великим светлым богом девы танцуют, девы все эти подобны цветкам, только что распустившимся...

Мне несли бы множество разных обетных даров: раскрашенные бумажные фонари с моим священным именем, начертанным на них, и полотенца различных цветов с напечатанным на них числом прожитых лет дарителя, и рисунки в память исполнения молитв об излечении от недуга, о спасении попавших в бурю мореплавателей, о прекращении пожара, о рождении сыновей.

И моим Карасиси, моим львам-стражам, воздавались бы почести. Я видел бы паломников, привязывающих соломенные сандалии на их шеи и на их лапы, с молитвой к Карасиси-сама наделить силой ноги молящих.

Я видел бы нежный мох, подобный изумрудной шерсти, медленно-медленно растущий на спинах этих львов; я видел бы прорастание лишайников на их боках и на их спинах, крапинками поблекшего серебрения, пятнами поблекшей позолоты; я наблюдал бы сквозь годы поколений, как постепенно кренятся их постаменты, подтачиваемые морозами и дождями, пока наконец мои львы не потеряли бы свою устойчивость и не опрокинулись, отбив свои замшевые головы. После чего люди даровали бы мне новых львов, иной формы – львов из гранита или бронзы, с позолоченными зубами, и позолоченными глазами, и с хвостами, подобными опаляющему пламени.

Между стволами кедров и сосен, между узловатыми колоннами бамбука я наблюдал бы, вместе со сменой времен года, как меняются краски долины: зимние снегопады и следом за ними снегопады лепестков вишни; лиловый покров *миякобана*; ослепительно-желтый *натанэ*;

небо – голубое, отраженное в заливных полях, – поля, усеянные луноподобными шляпами неустанно работающих на них людей, которые любили бы меня; и наконец, чистый и нежно-зеленый цвет проросшего риса.

Мукудори и угуису наполняли бы сень моей рощи заливистыми трелями и веселым щебетом; кузнечики, сверчки и семь изумительных летних цикад сотрясали бы весь лес моей прозрачной обители бурей и натиском своей музыки. В нужное время я проникал бы, подобно порывам безудержного восторга, в их крошечные жизни, чтобы ускорить радостные переливы их стрекотаний, чтобы звучней и шире лились на просторе их песни.

Но никогда не суждено мне стать богом – ибо век ныне девятнадцатый; и никто на самом деле не может знать об истинных ощущениях бога – если только нет каких-нибудь богов во плоти. А есть ли такие? Быть может – в районах весьма отдаленных, – один или два. Когда-то живые боги были обычным явлением.

В стародавние времена любой человек, свершивший какое-либо дело необычайно великое, или доброе, или мудрое, или смелое, мог быть объявлен богом после своей кончины, каким бы скромным ни было его положение при жизни. Также могли обожествляться безвинные люди, ставшие жертвой великой жестокости или несправедливости; и в народе до сих пор живо стремление оказывать посмертные почести и возносить молитвы духам тех, кто принимает смерть по собственной воле, в силу определенных обстоятельств, – душам несчастных влюбленных, например. (Вероятно, древние традиции, зародившие такое стремление, имели в своей основе желание умиловить рассерженных призраков, хотя ныне опыт великих страданий воспринимается, по-видимому, как наделяющий мученика правом на божественные условия существования; и в подобной мысли невозможно усматривать какого-либо рода недомыслие.) Но бывали обожествления даже еще более выдающиеся. Некоторые люди еще при своей жизни удостоивались почестей в виде постройки храмов для их духов, а также почитались, подобно богам; безусловно, не как национальные боги, но как божества меньшего порядка – божества-хранители, быть может, или как сельские боги. Некогда жил, к примеру, Хамагути Гохэй, земледелец из округа Арита провинции Кисю, которой был обожествлен еще до того, как умер. И думаю, что он этого заслуживал.

II

Прежде чем поведать историю Хамагути Гохэя, я должен сказать несколько слов о некоторых законах – или, говоря точнее, обычаях, во всей полноте наделенных силой законов, – которыми управлялись многие сельские общины во времена до эпохи Мэйдзи. Эти обычаи имели в основе своей многовековой социальный опыт; и хотя они отличались в каких-то мелочах от округа к округу или от провинции к провинции, их основное значение было повсюду примерно одним и тем же. Некоторые были этическими, некоторые трудовыми, некоторые религиозными; и все стороны жизни регулировались ими – даже личное поведение. Они сохраняли мир, и они принуждали к взаимопомощи и к взаимной доброте. Иногда могли происходить серьезные столкновения между различными деревнями – маленькие крестьянские войны по причинам водопользования или межевания; но конфликты между людьми одной общины были нетерпимы во времена вендетты, и вся деревня возмущалась бы против любого ненужного нарушения внутреннего мира и согласия. В какой-то мере это положение вещей по-прежнему сохраняется в более приверженных старине провинциях: люди умеют жить так, чтобы не ссориться, не говоря уже о том, чтобы не драться. Но где бы то ни было, как общее правило, японцы дерутся, только чтобы убить; и когда трезвый человек заходит столь далеко, чтобы ударить кого-то, он в действительности отказывается от общественной защиты и берет свою жизнь в свои собственные руки, со всей вероятностью ее утраты.

Личное поведение слабого пола определялось некоторыми примечательными правилами, каких не было ни в одном письменном своде законов. Крестьянская девушка до замужества пользовалась гораздо большей свободой, чем допускалось городским девушкам. Она могла иметь возлюбленного, не скрывая этого; и если только ее родители решительно не возражали, это никогда не ставилось ей в упрек: это считалось священнейшим союзом – честным, во всяком случае, в отношении намерений. Но, сделав однажды свой выбор, девушка считалась обязанной держаться этого выбора. И если становилось известно, что она втайне встречается с другим поклонником, селяне раздевали ее донага, позволяя ей только пальмовый лист *сюроха* вместо передника, и с насмешками проводили ее по каждой улице и аллее своего села. Во время такого публичного посрамления их дочери родители девушки даже не смели показываться никому на глаза; считалось, что они разделяют ее позор, и они должны были оставаться в своем доме, со всеми ставнями, плотно закрытыми. После этого девушка приговаривалась к пятилетнему изгнанию. Но по истечении этого срока она считалась искупившей свою вину и могла вернуться домой в полной уверенности, что не будет подвергаться дальнейшим порицаниям.

Обязанность взаимопомощи во время бедствия или возникшей опасности была наиважнейшей из всех общинных обязанностей. При пожаре – особенно; от каждого требовалось незамедлительно, не жалея никаких сил, прийти на помощь. Даже дети не освобождались от этой повинности. В больших и малых городах, разумеется, дело обстояло иным образом; но в любой деревушке в далекой глубинке всеобщий долг был предельно ясен и прост, и пренебрежение им посчиталось бы непростительным.

Любопытно и то обстоятельство, что эта обязанность взаимопомощи распространялась также и на вопросы религии: от каждого ожидалось, что он будет призывать богов на помощь больному или несчастливцу, когда бы от него это ни потребовалось. К примеру, деревня могла получить распоряжение совершить *сэndo-майри*¹⁴¹ ради кого-то, пораженного тяжелым недугом. В подобных случаях *куми-тё* (каждый куми-тё отвечал за поведение пяти и более семейств) бежал от дома к дому, выкрикивая: «Такой-то и такой-то очень болен: будьте добры все поспешить совершить сэndo-майри!» После чего, как бы кто ни был занят в это время, ожидалось, что каждая живая душа поселения сразу же поспешит в храм, внимательно глядя себе под ноги, дабы не оступиться и не упасть по дороге, ибо стоило хоть кому-то хотя бы раз оступиться во время совершения сэndo-майри, по общему убеждению, это значило несчастный исход для больного...

III

А сейчас поведем речь о Хамагути.

С незапамятных времен на побережье Японии накатывались, через неравные промежутки времени, измеряемые столетиями, огромные приливные волны – приливные волны, вызванные землетрясениями или подводной вулканической деятельностью. Эти ужасные внезапные воздымания моря называются у японцев цунами. Последнее такое случилось вечером 17 июня 1896 года, когда волна протяженностью примерно в двести миль обрушилась на северо-восточные провинции Мияги, Иватэ и Аомори, обращая в руины десятки городов и деревень, опустошая целые районы и унеся около тридцати тысяч человеческих жизней. Рас-

¹⁴¹ Совершить *сэndo-майри* означает тысячу раз посетить какой-то храм и тысячу раз повторить мольбы, обращенные к его божеству. Но считается необходимым и достаточным лишь пройти от ворот, или тории, храмового двора до места вознесения молитвы и обратно тысячу раз, каждый раз повторяя такую мольбу; и эта обязанность может быть распределена между любым числом людей; если сто человек посетят храм по десять раз, например, это будет столь же действенно, как тысяча посещений каким-то одним человеком. (Примеч. авт.)

сказ о Хамагути Гохэе – это рассказ о подобном же бедствии, случившемся задолго до эры Мэйдзи на другой части побережья Японии.

Он был уже стариком, когда произошло это событие, сделавшее его знаменитым. Он был самым влиятельным жителем своей деревни, уже много лет был ее мураосом, или старостой, и его любили не менее, чем уважали. Люди обычно называли его *Одзисан*, что значит «дедушка», но, поскольку он был самым состоятельным членом общины, его иногда официально называли *тёдзя*. Он имел обыкновение давать советы мелким земледельцам в наилучших их интересах, решал споры, при необходимости ссужал их деньгами и сбывал за них урожай риса на самых выгодных условиях, какие были возможны.

Крытый соломой большой сельский дом Хамагути стоял на краю небольшого плато, возвышающегося над заливом. Это плато, почти полностью занятое посадками риса, с трех дру- гих сторон обступали заросшие густым лесом вершины. От его внешнего края вниз уходил склон в виде огромной зеленой лощины, будто проделанной гигантским совком и доходящей до самой кромки воды; и весь этот склон длиной добрых три четверти мили был так террасиро- ван, что при взгляде на него с моря казался огромной зеленой лестницей, разделенной посере- дине узкой белой петлей – полоской горной дороги. Девяносто крытых соломой жилищ и син- тоистский храм, образующие саму деревню, выстроились вдоль серповидного берега залива, а все остальные дома беспорядочно взбирались по склону еще на некоторую высоту, по обе стороны узкой дороги, ведущей к дому *тёдзя*.

Однажды осенним вечером Хамагути Гохэй наблюдал с веранды своего дома за при- готовлениями к празднествам в деревне внизу. Урожай риса был собран отменный, и кре- стьяне собирались отпраздновать завершение уборочной страды священным танцем во дворе удзигами¹⁴². Старик хорошо видел праздничные полотнища (*нобори*), развевающиеся над кры- шами единственной улицы, гирлянды праздничных фонарей, натянутые между бамбуковыми шестами, украшения храма и пестроцветную толпу деревенской молодежи. В тот вечер с ним не было никого, кроме его маленького внука, мальчика десяти лет; все остальные его домо- чадцы еще утром ушли в деревню. Он тоже пошел бы с ними, если бы не чувствовал себя немного слабее обычного.

День этот был гнетущим; и несмотря на усиливающийся морской бриз, в воздухе по- прежнему сохранялся того рода свинцовый зной, который, по опыту японского крестьянина, в определенные времена года устанавливается перед землетрясением. И землетрясение не заста- вило себя долго ждать. Оно не было настолько сильным, чтобы кого-либо встревожить; но Хамагути, за свою жизнь испытывшему сотни подземных толчков, оно показалось несколько необычным – долгим, медленным, вялым колебанием. Вероятно, это был всего лишь отголосок какого-то грандиозного, но очень далекого сейсмического события. Дом заскрипел и несколько раз мягко качнулся; затем все вновь стихло.

Когда трясение земли прекратилось, старые зоркие глаза Хамагути в смутной тревоге обратились на деревню. Часто случается, что внимание человека, пристально рассматриваю- щего какое-то место или какой-либо предмет, внезапно отвлекается ощущением чего-то уви- денного совершенно неосознанно – лишь в силу какого-то неясного ощущения присутствия чего-то неизвестного в том смутном внешнем круге бессознательного восприятия, что лежит за пределами области ясного видения. Так и случилось, что Хамагути внезапно осознал, что на далеком морском просторе происходит нечто необычное. Он поднялся на ноги и стал при- стально смотреть на море. Оно вдруг резко потемнело и повело себя каким-то странным обра- зом. Казалось, что оно движется против ветра. *Оно стремительно убегало от берега.*

¹⁴² Синтоистский приходской храм. (Примеч. авт.)

Прошло совсем немного времени, и уже вся деревня заметила это явление. Похоже было, что никто не почувствовал движения земли, но все явно были поражены движением воды. Все от мала до велика устремились к самому краю моря и еще дальше, чтобы посмотреть происходящее на нем. Никогда еще подобного отлива не видели на этом побережье на памяти живущего поколения людей. Начало появляться то, что всегда было скрыто; и пока Хамагути смотрел, его взору открылись всегда прежде покрытые водой участки волнистого песчаного дна и увешанные водорослями скалы. И никто из людей внизу, судя по всему, даже и не догадывался, что означал этот чудовищный отлив.

Хамагути Гохэй и сам никогда прежде не видел ничего подобного; но он помнил, что рассказывал ему в детстве отец его отца, и он знал все предания этого побережья. Он понял, что собирается совершить море. Быть может, он подумал о том, сколько времени потребуется, чтобы известить деревню либо жрецов буддийского храма на холме, чтобы они ударили в свой большой колокол... Но потребовалось бы намного больше времени рассказать, о чем он мог подумать, чем потребовалось ему, чтобы полностью все продумать. Он лишь позвал своего внука:

– Тада! Быстрей, как только можешь быстрей!.. Зажги мне факел.

Таймацу, или сосновые факелы, хранятся во многих прибрежных жилищах для использования в штормовые ночи, а также на некоторых синтоистских праздниках. Ребенок зажег факел, и старик поспешил с ним в поле, где, готовые к вывозу и обмолоту, стояли сотни скирд риса, заключающих в себе почти все его достояние, почти все вложенные им труды и средства. Оказавшись у самых ближних к бровке склона, он начал поджигать их факелом, перебегая от одной к другой так быстро, как только позволяли ему старческие ноги. Высушенные солнцем стебли вспыхивали, как трут; крепчающий морской бриз гнал пламя вглубь поля; и вот уже ряд за рядом скирды занимались пламенем, выбрасывая в небо клубы дыма, которые, сплетаясь на высоте, образовывали огромное вихрящееся облако. Потрясенный и охваченный страхом, Тада бежал за дедом и кричал в отчаянии:

– Дедушка! Зачем? Дедушка! Зачем? Зачем?!!

Но Хамагути не отвечал: у него не было времени на объяснения; все его мысли были только о четырех сотнях человеческих жизней, оказавшихся в смертельной опасности. Какое-то время ребенок дико смотрел на пылающий рис, затем он разрыдался и побежал обратно в дом в полной уверенности, что его дедушка сошел с ума. Хамагути шел дальше, поджигая скирды одну за другой, пока не дошел до края своего поля, после чего он бросил факел на землю и стал ждать. Служитель нагорного храма, увидев горящее жнивье, принялся бить в большой колокол; и люди откликнулись на этот двойной призыв. Хамагути видел, как они поспешно возвращаются с песчаной отмели и с берега моря и устремляются из деревни вверх по склону, подобно растревоженным муравьям, и, как представлялось его полным тревоги глазам, едва ли быстрее; ибо каждое мгновение казалось ему невыносимо долгим. Солнце клонилось к закату; изрезанное дно залива и желтовато-серое искрящееся обширное пространство за ним лежали полностью обнаженными в последних оранжевых лучах заходящего солнца, а море по-прежнему убегало в сторону горизонта.

Однако Хамагути не пришлось слишком заждатьсь, прежде чем подросла первая партия помощников – два десятка резвых молодых крестьян, готовых сразу вступить в борьбу с огнем. Но Тёдза, вытянув вперед обе руки, жестом остановил их.

– Стойте, ребята, пусть горит, – скомандовал он, – не тушите пламя! Я хочу, чтобы вся *мира* была здесь. Всем грозит ужасная опасность – *тайхэн да!*

Деревенский люд продолжал прибывать, а Хамагути вел подсчет. Вскоре здесь уже были все молодые парни и мальчишки, а также несколько самых расторопных женщин и девушек; затем подросел почти весь народ постарше, а также матери с младенцами за спиной и даже дети, ибо дети могли помогать передавать воду; а на крутом склоне видны были взбирающиеся

что было сил старики, слишком слабые, чтобы угнаться за примчавшейся первой молодежью. Толпа продолжала расти, и люди, по-прежнему ничего не понимая, в мучительном недоумении переводили взгляд с охваченного пламенем поля на безучастное лицо их тѣдзя. А солнце клонилось к закату.

– Дедушка сошел с ума, я боюсь его! – всхлипывал Тада, отвечая на недоуменные вопросы, во множестве обращенные к нему. – Он сумасшедший. Он нарочно поджег рис. Я сам это видел!

– Что касается риса, – воскликнул Хамагути, – ребенок говорит правду! Я сам поджег рис... Все люди здесь?

Все Куми-тѣ и главы семейств, осмотревшись вокруг и оглядев склон, отвечали:

– Все уже здесь или совсем скоро здесь будут... Но мы не можем понять, что здесь происходит.

– *Kuma!* – воскликнул старик во всю силу своего голоса, указывая в сторону открытого моря. – А сейчас скажите, сошел ли я с ума!

Сквозь сумерки все обратили взгляды на восток и увидели на краю сумеречного горизонта длинную, тонкую, темную полосу, подобную тени берега там, где никакого берега не было, – линию, которая утолщалась у них на глазах, становясь все шире, подобно тому как ширится морской берег в глазах приближающегося к нему морехода, хотя несравнимо быстрее. Ибо этой длинной тенью было возвращающееся море, высящееся подобно утесу и мчащееся к берегу стремительней, чем полет коршуна.

– *Цунами!* – в ужасе закричали люди; а затем все крики, и все звуки, и любая возможность что-либо слышать пропали в грохоте, передать который невозможно, более оглушительном, чем самый сильный раскат грома, когда огромный вал обрушился на берег всей своей массой, от которой содрогнулись окрестные холмы, со шквалом пены, подобным разряду молнии. Затем на какое-то мгновение все пропало из виду, кроме урагана брызг, несущегося вверх по склону подобно облаку; и люди в панике отпрянули и бросились прочь от одной только угрозы, таящейся в нем. Когда они вернулись к краю склона, чтобы видеть происходящее, то увидели лишь белый кошмар моря, бушующего там, где раньше стояли их дома. Оно отхлынуло, ревя и вспахивая недра земли, пока отступало. Дважды, трижды, пять раз обрушивалось и откатывалось море, и каждый раз его накат был ниже предыдущего; затем оно вернулось в свое старое ложе и осталось там, по-прежнему клокоча, как бывает после тайфуна.

Какое-то время на плато царило гробовое молчание. Все в немом оцепенении взирали на опустошение, произведенное внизу, – на ужасающего вида вывороченные валуны и оголенные прибрежные скалы, на беспорядочные нагромождения вырванных с корнем глубоководных водорослей и морской гальки, посреди пустоши, где раньше стояли их жилища и храм. Деревня исчезла; большая часть полей исчезла; даже террасы перестали существовать; а от всех домов, стоявших вдоль залива, не осталось ничего узнаваемого, кроме двух соломенных крыш, дико швыряемых волнами где-то далеко в море. Ужас, охвативший людей, чудом избежавших неминуемой гибели, и ошеломление от всеобщей утраты на какое-то время лишили всех дара речи, пока вновь не послышался голос Хамагути, который тихо молвил:

– Вот почему я поджег рис.

Он, их тѣдзя, сейчас стоял среди них, почти столь же бедный, как беднейший из них, ибо все его достояние было утрачено, – но своей жертвой он спас четыре сотни жизней. Маленький Тада подбежал к нему, и схватил его за руку, и просил прощения за то, что говорил о нем жуткие вещи. И тогда люди вдруг осознали, почему все они живы, и они начали изумляться простой бескорыстной прозорливости, которая спасла их; и старосты простерлись в пыли ниц перед Хамагути Гохэем, и все люди вслед за ними.

После этого старик немного всплакнул, отчасти потому, что был счастлив, отчасти потому, что был стар и слаб и к тому же ужасно устал.

– Остался мой дом, – сказал он, как только смог подобрать нужные слова, машинально поглаживая смуглые щеки Тада, – и в нем найдется место для многих. Также нагорный храм стоит, как и прежде, и там найдут себе кров все остальные.

Потом он повел людей в свой дом; и люди шумели и плакали.

Время нужды и лишений было долгим, ибо в те дни не существовало средств быстрого сообщения между разными округами и необходимую помощь приходилось направлять изда- лека. Но когда наступили лучшие времена, люди не забыли, чем они все обязаны Хамагути Гохэю. Они не могли наделить его состоянием; да и он сам никогда не позволил бы им сделать это, даже если бы такое было возможно. К тому же никаких приношений не было бы доста- точно, чтобы выразить то благоговейное чувство, что они испытывали к нему, ибо они верили, что дух, обитающий в нем, божественен. Поэтому они объявили его богом и после этого всегда называли его не иначе как Хамагути Даймёдзин, полагая, что не способны оказать ему более высокую честь; и в самом деле, никакая более высокая честь ни в какой стране не могла бы быть оказана смертному человеку. И когда они вновь отстроили свою деревню, они возвели для его духа храм и прикрепили над его фасадом табличку с его именем, начертанным на ней золотыми китайскими иероглифами; и они поклонялись ему там с молитвами и приношени- ями. Что он испытывал по этому поводу, не могу сказать – знаю только, что он по-прежнему жил в своем старом, крытом соломой доме на холме, со своими детьми и детьми своих детей, столь же по-человечески и столь же просто, как и ранее, в то время как его душе поклонялись в стоящем внизу храме. Прошло уже более ста лет, как он умер, но его храм, как мне сказали, по- прежнему стоит, и люди по-прежнему молятся его духу доброго старого земледельца, чтобы он помогал им в минуту страха или тревоги.

Я попросил одного японского философа и друга объяснить мне, на каком разумном осно- вании крестьяне могли представлять себе, что дух Хамагути находится в одном месте, в то время как его живое тело – в другом. Я также спросил, не была ли это лишь одна из его душ, которой они поклонялись при его жизни, и не могли ли они представлять себе, что какая-то особая душа отделилась от всех остальных, чтобы принимать дань уважения.

– Крестьяне, – ответил мой друг, – думают о разуме или духе какого-то человека как о чем-то, что может, даже при его жизни, в одно и то же мгновение находиться во многих местах... Подобная идея, разумеется, весьма отличается от западных идей о душе.

– А еще какое-то разумное основание? – иронично спросил я.

– Ну что ж, – ответил он с буддистской улыбкой на устах, – если мы примем доктрину всеобщего единства разума, то идея японского крестьянина вполне может показаться содер- жащей по меньшей мере хоть какой-то намек на истину. Я не мог бы то же самое сказать в отношении ваших западных представлений о душе.

Фудзи-но-Яма

*Китэ мирэба,
Саходо мадэ наси,
Фудзи-но-Яма.*

*Пойти посмотреть,
Такая ли ты на деле,
Фудзи-гора.*

Японская пословичная философия

Из сборника «Exotics and Retrospectives», 1898

Самый красивый вид в Японии и, бесспорно, один из красивейших в мире – это вид Фудзи издали, в безоблачные дни, особенно в дни весенние и осенние, когда большая часть пика покрыта поздними или ранними снегами. Вы редко сможете различить бесснежную подошву, которая окрашена в тот же цвет, что и небо: вам будет виден только белый конус, кажущийся подвешенным в небесах; и японское сравнение его формы с перевернутым полуоткрытым веером становится изумительно точным благодаря тонким полоскам, что тянутся от усеченной вершины вниз, подобно теням ребер веера. И даже легче веера кажется это видение – скорее призраком или иллюзией веера; однако материальная реальность, за сто миль от вас, представляет собой одну из величайших гор земного шара. Воздымаясь на высоту почти 12 500 футов¹⁴³, Фудзи видна из тринадцати провинций империи. Тем не менее это одна из самых легких для восхождения высоких горных вершин; и уже на протяжении тысячи лет каждое лето на нее взбираются целые толпы паломников. Ибо это не просто священная гора, но и самая священная гора Японии – святейшая вершина страны, зовущаяся Божественной, – Верховный алтарь солнца; и взойти на него, хотя бы один раз в жизни, является долгом каждого, кто почитает древних богов. Поэтому паломники из всех областей империи ежегодно держат свой путь к Фудзи и почти во всех провинциях есть общества паломников – *Фудзи-Ко*, образованные, чтобы помогать всем тем, кто желает побывать на священной вершине. Если этот акт веры не может быть совершен каждым лично, то, во всяком случае, он может быть совершен через своего представителя. Любая деревушка, какой бы отдаленной она ни была, в состоянии время от времени направлять одного своего ходока вознести молитву пред святилищем божества Фудзи, и приветствовать восходящее солнце с этой высочайшей вершины страны. Как следствие, в одной компании паломников на Фудзи могут собраться люди, прибывшие из сотни различных мест.

Фудзи почитается обеими национальными религиями. Синтоистское божество Фудзи – это прекрасная богиня Ко-но-хана-саку-я-химэ – та, что безболезненно родила своих детей в огне и чье имя значит «излучающая-цветущая-подобно-соцветиям-деревьев» или, согласно некоторым комментаторам, «побуждающая-цветы-цвести-ярко». На вершине воздвигнут ее храм, и в древних книгах записано, что смертные глаза видели ее парящей, подобно светящемуся облаку, над краем кратера. Ее невидимые слуги зорко следят и поджидают у обрывов, чтобы сбросить вниз всякого, кто дерзнет приблизиться к ее храму с нечистыми помыслами... Буддизм любит величественный пик, ибо его форма подобна белому бутону священного цветка

¹⁴³ Точная высота Фудзиямы – 3776 м.

и поскольку восемь выступов на его вершине, подобно восьми лепесткам лотоса, символизируют восемь постижений, как то: восприятие, намерение, речь, поведение, образ жизни, усилие, размышление и созерцание.

Но легенды и предания о Фудзи, рассказы о том, как она выросла из земли за одну ночь; об однажды пролившемся над ней дожде из просверленных драгоценных камней; о первом храме, построенном на ее вершине одиннадцать столетий тому назад; о светозарной деве, заманившей в кратер одного императора, которого после никогда более не видели, но которому до сих пор поклоняются в маленьком святилище, воздвигнутом на месте его исчезновения; о песке, который, днем осыпавшись под ногами паломников, ночью вновь возвращается на прежнее место, – разве не были все они описаны в других книгах? И в самом деле, мне остается совсем мало из того, что можно рассказать о Фудзи, кроме своего собственного опыта восхождения на нее.

Свое восхождение я совершил, отправившись в путь из Готембы, – наименее живописным, но, быть может, наименее трудным из шести или семи маршрутов, имеющих на выбор. Готемба – это маленький городок, образованный в основном гостиницами для паломников. Добраться до него можно примерно за три часа поездом из Токио, по железной дороге Токайдо, которая на протяжении многих миль идет вверх, приближаясь к окрестностям могучего вулкана. Готемба находится значительно выше двух тысяч футов над уровнем моря, благодаря чему здесь сравнительно прохладно даже в самое жаркое время года. Открытая взору местность вокруг него постепенно повышается в сторону Фудзи, но повышение это столь плавное, что плоскогорье представляется глазу почти горизонтальным. Из Готембы в совершенно ясную погоду гора выглядит столь близкой, нависая громадой, что становится не по себе, хотя в действительности находится за много миль отсюда. В сезон дождей она может попеременно появляться и исчезать много раз на дню, подобно огромному призраку. Но в серое августовское утро, когда я вошел в Готембу как паломник, окружающий пейзаж был окутан туманной дымкой и Фудзи оставалась совершенно невидимой. Я прибыл слишком поздно, чтобы предпринять восхождение в тот же самый день, но сразу же сделал все приготовления для дня грядущего, а также подрядил пару *горики* (силачей), или опытных проводников. Я чувствовал себя вполне уверенно, глядя на их широкие честные лица и могучие фигуры. Они снабдили меня паломничьим посохом, плотными синими *таби* (так называются носки с отдельным большим пальцем, используемые для нбски сандалий), соломенной шляпой в форме Фудзи и всем остальным снаряжением паломника, наказав мне быть готовым отправиться с ними в путь в четыре часа утра.

Все изложенное далее имеет в своей основе записи, сделанные во время этого путешествия, но в последующем исправленные и дополненные, ибо заметки, сделанные во время восхождения, неизбежно торопливы и отрывочны.

I

24 августа 1897 г.

С веревок, натянутых над балконом, куда выходит моя комнатка в гостинице, подобно флагам, развешаны сотни полотенец – синие полотенца и белые, на которых китайскими иероглифами начертаны названия компаний паломников и имя божества Фудзи. Это подарки гостинице, и они служат ей рекламой... Непрерывно идущий дождь с беспросветно-серого неба. Фудзи постоянно остается невидимой.

25 августа

3:30 утра. Сон нейдет; всеобщий шум и гам партий, поздно возвращающихся с горы либо прибывающих для совершения паломничества; постоянные хлопки в ладоши, чтобы

вызвать горничных; застолья и песни в соседних номерах, и каждые несколько минут взрывы смеха, которые не дают мне заснуть... Завтрак из супа, рыбы и риса. Горики приходят в своей походной одежде и находят меня в полной готовности. Тем не менее они настаивают, чтобы я вновь разделся и надел теплое нижнее белье, предупреждая меня, что, даже когда у подножия горы Доё (время испепеляющего летнего зноя), на вершине все равно Дайкан (время лютых зимних холодов). Затем они уходят вперед, унося с собой запас провизии и узлы теплой одежды... Меня ожидает курума с тремя возчиками – двумя, чтобы тянуть, и одним, чтобы толкать, поскольку путь в гору будет труден. На куруме я смогу взобраться на высоту пять тысяч футов.

Утро темное и слегка промозглое, с морозящим дождем, но скоро я буду выше дождевых облаков... Огни городка исчезают позади нас, курума катится по проселочной дороге. За пределами качающегося полумрака, создаваемого бумажным фонарем бегущего впереди всех возчика, ничего отчетливо не видно, но я могу смутно различать силуэты деревьев и, время от времени, домов – крестьянских домов с крутыми двускатными крышами.

Серый предрассветный свет медленно наполняет насыщенный влагой воздух; сквозь непрерывно морозящий дождь занимается день... Постепенно пейзаж начинает прорисовываться во всех своих красках. Дорога пролегает сквозь редкий лес. Изредка на нашем пути встречаются дома с высокими, крытыми соломой крышами, которые выглядят подобно домам земледельцев, но возделанной земли нигде не видно...

Открытая местность с разбросанными кучками деревьев – одни только лиственницы и сосны. На горизонте ничего, кроме вершушек чахлах деревьев над тем, что кажется краем широкой возвышенности. Ни единого признака Фудзи... Впервые я обращаю внимание, что дорога черна – черный песок и пепел, должно быть вулканический пепел: колеса курумы и ступни возчиков погружаются в него с хрустящим звуком.

Дождь прекратился, и небо начинает окрашиваться в светло-серые тона... Деревья убывают величиной и числом по мере нашего продвижения вперед.

То, что я принимал за горизонт впереди нас, внезапно разверзается и начинает, подобно клубам дыма, откатываться влево и вправо. В огромной расселине возникает часть темно-синей массы – Фудзи в усеченном виде. Почти в то же самое мгновение солнце рассеивает облака позади нас, но дорога сейчас входит в молодой лесок, покрывающий основание низкой горной гряды, и вид теряется... Делаем привал в маленьком домике среди деревьев, служащем местом отдыха паломников, и там встречаем моих горики, осиливших этот путь намного быстрее моих возниц и поджидающих нас. Покупаю яйца, которые горики заворачивают в узкий отрез соломенной циновки, туго перевязывая циновку соломенной веревкой в промежутках таким образом, что связка яиц начинает походить на связку колбас... Нанимаю лошадь.

Небо проясняется, пока мы продолжаем путь; белый солнечный свет заливают все кругом. Дорога вновь идет в гору, и мы вновь выбираемся на вересковую пустошь. И прямо напротив появляется Фудзи, открывшаяся до самой вершины, восхитительная, – невольно вздрагиваешь, столь неожиданно возникает она из ниоткуда, как будто внезапно выросшая из земли. Нет ничего очаровательнее этого явления. Необъятный синий конус – нежно-синий, почти фиолетовый сквозь туманную дымку, еще не рассеянную солнцем, – с двумя белыми прожилками возле самой вершины, которые в действительности огромные лощины, заполненные снегом, хотя отсюда они кажутся едва ли в один дюйм длиной. Однако очарование этого видения –

это не столько очарование цвета, сколько очарование симметрии, симметрии изящно изогнутых линий, подобных изгибу каната слишком длинного, чтобы его можно было натянуть втугую. (Это сравнение напрашивается не сразу: первое впечатление, которое произвело на меня изящество этих линий, было впечатление женственности; я поймал себя на том, что думаю о некоем восхитительном изгибе плеч к шее.) Я не могу себе представить ничего более сложного для рисования с натуры. Но японский художник, благодаря своему чудесному владению кистью для письма – умению, унаследованному от многих поколений каллиграфов, – легко справляется со столь непростой задачей: он набрасывает этот силуэт двумя плавными росчерками, производимыми за какую-то долю секунды, при этом идеально точно передавая форму этих кривых, – совершенно так же, как профессиональный лучник способен попасть в цель, даже не стараясь прицелиться, благодаря верности руки и глаза, достигнутой в результате долгой практики.

II

Я вижу своих горики, быстро шагающих далеко впереди, – один из них несет связку яиц, которую повесил себе на шею... Больше нет деревьев, заслуживающих такого названия, лишь местами чахлая растительность, по виду напоминающая кустарник. Черная дорога, петляя, пересекает обширную, поросшую травой возвышенность; местами я вижу большие черные прогалины на зеленой поверхности – бесплодные участки пепла или шлаков, говорящие о том, что эта тонкая зеленая кожица образовалась поверх какого-то огромного вулканического отложения недавнего времени... Если обратиться к истории, в 1707 году в результате бокового извержения Фудзи вся эта округа была погребена под пепельным слоем толщиной в два ярда. Даже в далеком Токио дождь из пепла образовал на крышах слой толщиной в полфута. В этой местности нет сельских хозяйств, ибо здесь мало настоящей почвы, а также здесь нет воды. Но вулканическое опустошение – это не опустошение навсегда; извержения в результате оказывают также и удобряющее действие; и божественная Принцесса-побуждающая-цветы-цветы-ярко в грядущих столетиях заставит эту пустошь вновь озариться улыбкой.

...Черных прогалин на зеленой поверхности становится все больше, а сами они все обширней. Редкий карликовый кустарник по-прежнему местами проглядывается в жесткой траве... Дымка рассеивается, и Фудзи меняет свою окраску. Она более не лучезарно-синяя, а мертвенно-сумрачно-синяя. Неровности, ранее скрываемые идущей на подъем местностью, становятся очевидны в нижней части огромных дуг. Одна из них, что слева, – в форме верблюжьего горба, – представляет собой очаг последнего большого извержения.

Поверхность земли уже более не зеленая с черными прогалинами, а черная в зеленых заплатках, и невооруженным глазом видно, как зеленых заплаток становится все меньше в направлении вершины. Кустарниковые поросли исчезли. Колеса курумы и ступни возчиков все глубже утопают в вулканическом песке... Сейчас уже в куруму веревками впряжена лошадь, и я могу продвигаться быстрее. Тем не менее гора по-прежнему кажется далекой, но на самом деле мы уже взбираемся вверх по ее склону на высоте более пяти тысяч футов.

Фудзи уже утратила синеву любого оттенка. Сейчас она черная – черная, как древесный уголь, – внушающая трепет угасшая груда вулканического пепла и шлаков и застывшей лавы... Зелень по большей части уже исчезла. Равно как и всякая иллюзия. Громадная, обнаженная, черная реальность, которая становится все резче, все мрачней, все ужасающей в своем проявлении, – нечто поразительное, некий кошмарный сон... Выше – на много миль выше – снежные пятна блестят и мерцают на фоне сплошной черноты ужасно и зловеще. Мне вспомина-

ется мерцание белых зубов, однажды виденное мною на черепе, женском черепе, в остальном сгоревшем в погребальном огне и похожем на закопченную скорлупу.

Таким образом, одно из прекраснейших, если не самое прекрасное из земных видений при ближайшем рассмотрении превращается в призрак ужаса и смерти... Но разве не все человеческие идеалы красоты, подобно красоте Фудзи, зримой издалика, были созданы силами страдания и смерти? Разве не все они в своем роде всего лишь соцветия смерти, видимые в ретроспективе сквозь волшебный туман наследственной памяти?

III

Зелень совершенно исчезла, вокруг все сплошь черно. Дороги нет – лишь обширная чернопесочная пустошь, наклонно уходящая вверх и сужающаяся к тем ослепительно оскалившимся снеговому прогалинам. Но есть тропа – желтоватая тропа, образованная из тысяч и тысяч сношенных соломенных сандалий (варадзи), брошенных паломниками. Соломенные сандалии быстро изнашиваются на этом грубом черном песке, и каждый паломник, отправляясь в этот поход, несет с собой несколько запасных пар таких сандалий. Если бы мне пришлось совершать восхождение одному, я мог бы найти дорогу, следуя этой стезей из разбитых сандалий, держа свой путь по этой желтой жилке, зигзагами взбирающейся вверх по склону и совершенно исчезающей из виду где-то в черной дали.

6:40 утра. Мы добрались до Таробо, первого из десяти приютов на этом восхождении: высота – шесть тысяч футов. Приют – это большой деревянный дом, в двух комнатах которого устроен магазин, где продаются посохи, шляпы, плащи, сандалии – все то, что требуется паломникам. Я встретил здесь странствующего фотографа, предлагающего на продажу фотографии горы, которые и впрямь очень хороши, равно как и дешевы... Здесь горники первый раз едят, а я отдыхаю. Курума никуда дальше двигаться не может, и я отпускаю своих трех возчиков, но оставляю лошадь – послушное, крепконое и уверенно идущее по тропе животное, ибо верхом на ней я попробую добраться до Ни-го-госэхи, или приюта № 2^{1/2}.

Выходим и движемся в направлении № 2^{1/2} по чернопесочному склону, не давая лошади остановиться. № 2^{1/2} закрыт по завершении сезона... Склон делается все круче, и дальше ехать верхом становится опасно. Спешиваюсь и готовлюсь к восхождению. Холодный ветер дует столь сильно, что мне приходится потуже затянуть завязки своей шляпы. Один из горники разматывает накрученный на него длинный пояс из хлопковой ткани-двунитки и, вручив мне один его конец, чтобы мне за него держаться, другой перекидывает себе через плечо, чтобы тянуть меня за него. Затем он идет дальше по песку, подавшись всем телом вперед и двигаясь коротким твердым шагом, а я следую за ним; другой проводник идет за мной по пятам, чтобы предотвращать мое падение всякий раз, когда мне случится оступиться.

В этом восхождении нет ничего особо трудного, помимо утомительности ходьбы по песку и вулканическому пеплу: это как хождение по дюнам... Мы поднимаемся зигзагами. Песок движется под действием ветра, и я испытываю слегка нервнующее чувство – всего лишь ощущение, но не восприятие, ибо я все время смотрю на песок, – высоты, постоянно возрастающей над бездной... Мне приходится идти очень осторожно и постоянно опираться на посох, ибо склон сейчас сделался очень крут... Мы вошли в белый туман – идем сквозь облака! Даже если бы я захотел оглянуться назад, я ничего не смог бы увидеть за этими испарениями, но у меня нет ни малейшего желания оглядываться. Ветер внезапно стихает, отсеченный, быть может, грядой, и воцаряется тишина, которую я помню со дней, проведенных в Вест-Индии. Безмолвие высокогорий. Оно нарушается лишь хрустом вулканического пепла у нас под ногами. Я могу отчетливо слышать биение своего сердца... Проводник говорит мне, что я слишком пода-

юсь вперед, велит мне держаться прямой и при каждом шаге опираться сперва на пятку. Я следую его наставлению и чувствую, что идти стало легче. Но восхождение по этой удручающей смеси из вулканического пепла и песка начинает меня изнурять. Проводник советует мне держать мой драгоценный рот закрытым и дышать только моим драгоценным носом.

Мы вновь выходим из тумана... Внезапно я замечаю над нами, совсем рядом, нечто подобное квадратному отверстию на лице горы – какая-то дверь! Это дверь третьего приюта, деревянной избушки, полупогребенной в черных наносах... Как приятно вновь сидеть, поджав под себя ноги, даже в голубом мареве дыма от горящих дров и под закопченными стропилами!

Время 8:30 утра. Высота 7085 футов.

Несмотря на дровяной дым, внутри приюта довольно уютно; в нем уложены чистые циновки и есть даже подколенные подушечки. Окон нет, разумеется, как и никакого иного проема, помимо двери, ибо эта постройка наполовину вкопана в склон горы. Мы садимся завтракать... Смотритель приюта рассказывает нам, что недавно один студент прошел от Готембы до вершины горы и обратно – обутый в гэта! Гэта – это тяжелые деревянные сандалии, или сабо, которые удерживаются на ноге лишь ремешком, проходящим между большим и вторым пальцем. Ноги этого студента, должно быть, были выкованы из стали!

Отдохнув, я вышел наружу, чтобы оглядеться вокруг. Далеко внизу белые облака, клубясь, проплывают над землей огромными пушистыми сугробами. Выше избушки, фактически нависая прямо над ней, вороненый конус высоко парит на фоне неба. Но вид воистину изумительный, это линия исполинского склона слева – линия, на которой сейчас не видно ни единого изгиба, но которая устремлена вниз, под облака, и вверх, только богам известно куда (поскольку мне не видно, где она заканчивается), прямая, как натянутая тетива лука. Правый склон каменист и изрезан. Что же касается левого – я никогда не мог бы представить себе, что идеально прямая, ровная линия, простирающаяся на дистанцию огромного размера и под таким удивительным углом, может существовать даже на вулкане. Этот потрясающий уклон вызывает у меня чувство головокружения и совершенно непривычное ощущение трепета. Подобная правильность кажется неестественной, пугающей; даже кажется искусственной, но искусственной в сверхчеловеческом и демоническом масштабе. Я представляю себе, что падение оттуда, сверху, – это будет падение, которое продолжится на многие лиги. Удержаться там совершенно не за что. Но горники заверяют меня, что на том склоне никакой опасности нет, ибо весь он сложен из мягкого песка.

IV

Хотя и насквозь промокший от пота из-за напряжения первого восхождения, я уже совсем обсох и продрог... Снова вверх... Подъем сперва идет по вулканическому пеплу и песку, как и ранее, но сейчас к песку начинают примешиваться крупные камни и путь становится все круче и круче... Я постоянно оступаюсь.

Нет ничего твердого, ничего устойчивого, на что можно уверенно ступить: камни и куски пемзы катятся вниз при каждом шаге... Что, если где-то над нами вдруг отколетсa крупный обломок лавы?... Несмотря на моих помощников и посох, я постоянно оступаюсь, и я вновь обливаюсь потом. Почти каждый камень, на который я ступаю, переворачивается подо мной. Как это возможно, что ни один камень никогда не переворачивается под ногами горники? Они никогда не оступаются – никогда не делают неверного шага – и никогда не выглядят менее непринужденно, чем если бы шли по устланному циновками полу. Их небольшие смуглые широкие ступни всегда ступают на каменную крошку под идеально прямым углом. Они тягелей меня, но они движутся с легкостью птиц... Сейчас я вынужден останавливаться для пере-

дышки через каждые полдюжины шагов... Стезя из изношенных соломенных сандалий следует теми же зигзагами, которыми идем и мы... Наконец-то – наконец-то еще одна дверь в лике горы. Входим в четвертый приют, и я в полном изнеможении валюсь на циновки. Время 10:30 утра. Высота всего лишь 7937 футов, однако какой огромной показалась мне эта дистанция!

Вновь трогаемся в путь... Тропа все хуже и хуже... Испытываю новое мучение, оттого что воздух разрежен. Сердце колотится, словно в горячке. Склон становится крайне неровным. Это больше не мягкий вулканический пепел и песок вперемишку с камнями, но одни лишь камни – обломки лавы, куски пемзы, всякого рода вулканические шлаки, все с острыми краями, будто только что отбитые молотком. К тому же впечатление такое, что всем им нарочно была придана такая форма, чтобы переворачиваться, стоит только кому-то на них ступить. Однако должен признаться, что они никогда не переворачиваются под ногами горики... Выброшенные сандалии устилают склон во все большем количестве... Если бы не горики, мне уже немало раз пришлось бы лететь кувырком: они не в силах помешать мне оступаться, но они никогда не позволяют мне упасть. Все говорит за то, что я не гоюсь для лазания по горам... Высота 8659 футов – но пятый приют закрыт! Делать нечего, приходится зигзагами продолжать подъем к следующему. Начинаю сомневаться, буду ли я вообще в состоянии добраться до него!.. А ведь есть люди, и поныне живущие, кто восходил на Фудзи трижды и даже четырежды *удовольствия ради!*.. Даже не решаюсь оглянуться назад. Не вижу ничего – лишь черные камни, постоянно переворачивающиеся подо мной, а еще бронзовые ступни этих изумительных горики, которые никогда не оступаются, никогда не задыхаются и никогда не потеют... Посох начинает отдаваться болью в моей руке... Горики тянут и толкают: мне становится стыдно за себя, оттого что я доставляю им столько хлопот... А! Наконец-то шестой приют! Пусть же все сонмы богов благословят моих горики!

Время 2:07 пополудни. Высота 9317 футов.

Отдыхая, я смотрю сквозь дверь на простирающуюся внизу бездну. Местность сейчас смутно видна лишь сквозь разрывы в бескрайних просторах белых облаков, и сквозь эти разрывы все кажется почти черным... Горизонт отодвинулся ужасающе далеко, расширился до чудовищных пределов... Мои горики предупреждают меня, что до вершины еще остаются многие мили. Я был слишком медлителен. Нам следует поторопиться с восхождением.

Несомненно, зигзаг пошел в гору круче, чем прежде... Мелкие камни сейчас перемешаны с крупными угловатыми обломками пород, и нам иногда приходится обходить необычного вида черные глыбы, похожие на базальт... По правую сторону воздымается, теряясь из виду, мрачная зубчатая черная гряда – древний лавовый поток. Линия левого склона по-прежнему устремлена ввысь, прямая, как тетива лука... Тревожит мысль, не сделается ли тропа еще круче; мучают сомнения, не станет ли она еще каменистей. Крупные камни, не удержавшиеся под моей ногой, бесшумно летят вниз; я боюсь смотреть им вслед. Их бесшумное исчезновение вызывает у меня чувство, какое испытываешь, когда снится, что проваливаешься куда-то в пропасть...

Над нами возникает белое сияние – самая нижняя оконечность огромного снежного языка... Сейчас мы идем по краю заполненной снегом узкой и длинной ложины – самого нижнего из тех белых прожилков, казавшихся при первом взгляде на вершину этим утром едва ли в один дюйм длиной. Пройдет еще целый час, прежде чем мы минем его... Проводник убегает вперед, пока я отдыхаю, опершись на свой посох, и возвращается с большим комом снега. Какой необычный снег! Не пушистый мягкий белый снег, а масса прозрачных шариков, подобных стеклянным бусинкам. Я съедаю немного и нахожу его удивительно освежающим...

Седьмой приют закрыт. Смогу ли я добраться до восьмого?... К счастью, дышать становится не так трудно... Ветер вновь налетает на нас, и черная пыль вместе с ним. Горки держатся ближе ко мне и продвигаются вперед с большой осторожностью... Я вынужден останавливаться для передышки на каждом повороте тропы – не могу даже говорить от изнеможения... Я ничего не чувствую, я слишком устал, чтобы хоть что-то чувствовать... Как я это сумел, никак не могу понять, но я все-таки дошел до восьмого приюта! Ни за какие тысячи миллионов долларов не сдвинулся я сегодня еще хотя бы на шаг!

Время 4:40 пополудни. Высота 10 693 фута.

V

Здесь чересчур холодно, чтобы отдыхать без зимней одежды; и сейчас мне открывается подлинная ценность плотных теплых халатов, которые взяли с собой проводники. Халаты эти синие, с большими белыми китайскими иероглифами на спине и подбиты толстым слоем ваты, подобно стеганым одеялам, но они кажутся легкими, ибо воздух сейчас воистину подобен морозному дыханию февраля... На огне готовится наша трапеза; я замечаю, что древесный уголь на этой высоте ведет себя подобно огнеупорному материалу и что огонь удастся поддерживать, только не отходя от него ни на шаг... Холод и усталость обостряют наш аппетит: мы поглощаем изумительное количество *дзо-суй* – риса, сваренного с яйцами и небольшим количеством мяса. Ввиду моей крайней усталости и позднего времени было решено здесь заночевать.

При всем своем изнеможении я нахожу в себе силы доковылять до двери, чтобы полюбоваться потрясающим видом. Всего в нескольких футах от порога жуткий склон из каменных глыб и вулканического шлака круто уходит вниз, в гигантский нимб облаков несколькими милями ниже нас, облаков бесконечного числа форм, но по большей части клубящихся и пушистых нагромождений; и вся эта сгрудившаяся масса, простирающаяся почти до горизонта, ослепительно-белая в солнечном свете. (Японцами этот огромный облачный простор образно называется *вата-но-уми* – «хлопковое море».) Сам горизонт – забравшийся на огромную высоту, расширившийся до фантастических пределов – кажется парящим где-то в высях над остальным миром: широкий сияющий нимб, охватывающий пустое пространство. Пустое, говорю я, ибо самые дальние дали под линией небес окрашены в цвет неба и лишены очертаний, в силу чего впечатление, что у вас создается, – это будто вы находитесь не где-то под небесным сводом, а в некоем месте, вознесенном в огромную голубую сферу, а этот безбрежный горизонт представляет собой как бы ее экваториальную зону. Отвести глаза от такого зрелища невозможно. Я неотрывно люблюсь им, пока заходящее солнце не начинает преобразовывать цветовую палитру, превращая хлопковое море в золотое руно. На половине всего горизонта разрастается и полыхает золотое величие. Под ним то тут, то там сквозь просветы в облаках окрашенные бесформенности начинают обретать свои очертания: сейчас я вижу золотые воды с длинными лиловыми мысами, вдающимися в них, с грядами фиолетовых гор, сгрудившихся за ними; эти мимолетные видения удивительно напоминают фрагменты цветной топографической карты. Однако большая часть ландшафта – это чистая иллюзия. Даже мои проводники, с их долгим опытом и орлиным зрением, едва способны отличить реальное от нереального, ибо и синие, и лиловые, и фиолетовые облака, плывущие под золотым руном, в точности повторяют очертания и окраску далеких пиков и мысов: распознать облако вы можете лишь по его медленно меняющейся форме... Все сильнее блещет золото. Тени приходят с запада – тени, отбрасываемые облачными горами на облачные горы; и они, подобно вечерним теням на снегу, фиолетово-синие... Затем горизонт окрашивается в оранжевые тона; затем в тлеюще-багровые. И вот уже большая часть золотого руна вновь обратилась в хлопок –

в море белого хлопка в смешении с розовым... Начинают мерцать звезды. Облачная пустыня становится сплошь белой, сгущаясь и заволакивая все до самого горизонта. Запад погружается во мрак. Ночь разрастается, и все темнеет, кроме этой чудесной, непрерывной, окутывающей мир белизны – хлопкового моря.

Смотритель приюта зажигает свои лампы, разжигает огонь из хвороста, готовит наши постели. Снаружи холод пробирает до костей, и с наступлением ночи становится все холодней. И все же я не могу оторваться от этого потрясающего зрелища... Бесчисленные звезды сейчас мерцают и дрожат на иссиня-черном небе. Из материального мира сейчас уже совершенно ничего не видно, кроме черного склона горы, что простирается прямо у моих ног. Огромный облачный нимб внизу остается белым, но выглядит он совершенно как белая водная гладь, не тронутая никаким волнением, – стал похож на белый поток. Он более не хлопковое море. Это уже молочное море, космическое море древнеиндийской легенды – и неизменно озаренное собственным сиянием, как будто предвещающим рождение призраков.

VI

Сидя, поджав под себя ноги, возле горящего древесного очага, я слушаю рассказы горики и смотрителя приюта о необычных случаях на горе. Об одном из случаев, о которых заходит речь, я помню, что читал когда-то в одной токийской газете: сейчас я слышу его пересказ из уст человека, который сам был одним из его участников.

Японский метеоролог по имени Нонака предпринял в прошлом году дерзкую попытку провести зиму на вершине Фудзи в целях научных исследований. Возможно, было бы нетрудно перезимовать на этом пике в солидной обсерватории, оснащенной хорошей печью и со всеми необходимыми удобствами, но Нонака мог позволить себе лишь маленькое деревянное зимовье, в котором ему необходимо было провести холодное время года *без огня*! Его молодая жена настояла на том, чтобы разделить с ним все его труды и опасности. Эта пара начала свою жизнь на вершине ближе к концу сентября. В середине зимы в Готембу пришло известие, что оба они на краю гибели.

Родственники и друзья попытались организовать спасательную партию. Но погода была ужасной; гора была покрыта снегом и льдом; смертельных опасностей было не счесть; и горики не желали рисковать жизнью. Даже сотни долларов не могли соблазнить их. Наконец к ним был обращен отчаянный призыв, как к представителям японской отваги и стойкости: их убедили, что допустить гибель человека науки, не предприняв даже малейшей попытки его спасти, будет позором для страны, и им было сказано, что честь нации в их руках. На этот призыв откликнулись двое добровольцев. Одним из них был человек огромной силы и отчаянной храбрости, которому его товарищи-проводники дали прозвище *Они-гума*, Демон-медведь, а другим был старший из моих горики. Оба они были уверены, что идут на верную гибель. Они распрощались со своими друзьями и родичами и выпили со своими семьями прощальный посошок воды – *мидзу-но-сакадзуки*, который пьют друг за друга те, кто вскоре должен быть разлучен смертью. Затем, обмотав себя толстым слоем ваты и завершив все необходимые приготовления для ледового восхождения, они отправились в путь вместе с отважным армейским хирургом, предложившим свои услуги по участию в спасательной экспедиции без какого-либо вознаграждения. Преодолев неописуемые трудности, партия спасателей добралась до хижины, но ее обитатели отказались открыть им дверь! Нонака заявил, что скорее умрет, чем снесет позор провала своего предприятия, а его жена сказала, что решила умереть вместе со своим мужем. Отчасти принуждением, отчасти убеждением, но чету удалось-таки призвать к разуму. Хирург дал им принять лекарства и укрепляющие средства; мученики науки, тщательно укутанные, были привязаны к спинам проводников, и спуск с горы начался. Мой горики, который нес даму,

верит, что боги помогали им на ледяных склонах. Не раз все полагали себя погибшими; тем не менее они достигли подножия горы без единого несчастного происшествия. После недель тщательного ухода было объявлено, что безрассудная молодая чета вне опасности. Состояние жены было лучше, и она поправилась быстрее, чем ее муж.

Горики настрого наказали мне не пытаться выходить ночью наружу, не позвав их с собой. Я не смог добиться от них никаких объяснений, и это их предостережение крайне необычно. Из своих предыдущих опытов путешествий по Японии я делаю предположение о сверхъестественном характере подразумеваемой опасности, но чувствую, что любые дальнейшие расспросы были бы бесполезны.

Дверь закрыта и заперта на засов. Ложусь между двумя проводниками, которые моментально засыпают, о чем я могу судить по их глубокому дыханию. Не могу сразу заснуть; быть может, тяготы и перипетии минувшего дня несколько подействовали мне на нервы. Смотрю на стропила закопченной до черноты крыши, на тюки сандалий, на вязанки дров, на связки самого разного рода припасов, непонятно, каких именно, уложенные там сверху или подвешенные и отбрасывающие удивительные тени от света ламп... Холод пробирает до костей даже под моими тремя стегаными одеялами, и шум ветра снаружи удивительно похож на грохот могучего прибоя – непрерывная череда рокочущих ударов, за каждым из которых следует долгое подвывание. Избушка, полупогребенная под тоннами камней и наносов, остается недвижима, но песок движется, и слышно, как он сыплется вниз между стропилами; небольшие камни также приходят в движение при каждом свирепом порыве ветра, постукивая друг о друга, подобно перестукиванию гальки, увлекаемой отбегающей волной.

4:00 утра. Выхожу наружу один, несмотря на предостережение прошлым вечером, но держусь возле двери. Дует сильный ледяной ветер. Молочное море совершенно не изменилось: оно раскинулось намного ниже этого ветра. Блекнувшая луна озаряет его простор... Проводники, почувствовав мое отсутствие, немедленно встают и выходят наружу ко мне. Они укоряют меня за то, что я не разбудил их. Они не могут позволить мне оставаться снаружи одному, поэтому я вместе с ними возвращаюсь внутрь.

Рассветает: перламутровый нимб ширится, охватывая весь мир. Звезды гаснут, небо просветляется. Необъятное небо с последним останком тьмы, плывущим в его беспредельных высях. Молочное море вновь превратилось в хлопковые холмы, и их прорезали широкие расселины. Унылая пустошь черного склона – вся неприглядность вулканических шлаков и каменных осыпей вновь обретает видимость... И вот уже хлопок охвачен волнением, он дробится и распадается. Золотое сияние разливается на востоке, подобно зареву раздуваемого ветром огня... Увы! Мне не суждено быть в числе счастливых смертных, могущих похвалиться тем, что наблюдали с Фудзи восход солнца! Плотные облака заволокли горизонт в том самом месте, где оно должно было взойти... Я знаю, что оно уже взошло, ибо верхние кромки этих пурпурных облачных покровов пылают подобно углям. Но какое разочарование для меня!

Все светлей и светлей становится пустынный мир. Рассеиваются простирающиеся на многие лиги нагромождения хлопковых облаков. В бескрайней дали золотой свет разлился по водной глади: здесь солнце остается невидимым, но океан видит его. Теперь это уже не просто мерцание, а ослепительное сияние; на таком расстоянии никакого волнения не видно... Рассеиваясь все дальше и дальше, облака открывают взору обширный ландшафт, окрашенный в серо-синие тона, который внезапно становится обозрим на сотни и сотни миль. Справа я различаю Токийский залив, и Камакуру, и священный остров Эносима (не больше точки над этой буквой «i»); слева виднеются более первозданное побережье Суруга, и синезубый мыс Идзу, и окрестности рыбацкой деревушки, где я проводил это лето, – всего лишь булабочная головка на том едва окрашенном мираже берега и холмов. Реки подобны всего лишь блестящим на солнце

паутинкам; паруса рыбацких лодок не больше белых пылинок, налипших на серо-синей зеркальной глади моря. И эта картина поочередно возникает и исчезает, когда плывущие облака пересекают ее, принимая формы призрачных островов, и гор, и долин всевозможных небесных расцветок...

VII

6:40 утра. Отправляемся в путь к вершине... Самый трудный и изнурительный участок этого путешествия, где идти приходится через дикие нагромождения застывшей лавы. Тропа петляет между безобразного вида массивами, которые выступают из склона подобно черным клыкам. Дорожка из брошенных сандалий сделалась шире, чем когда-либо прежде... Мне приходится отдыхать через каждые пять минут... Добираемся до следующего длинного языка снега, подобного стеклянным бусинкам, и подкрепляем им свои силы. Следующий приют – полуприют – закрыт, а девятый более не существует... Меня охватывает внезапный страх не перед восхождением, но перед предстоящим спуском, тем маршрутом, где крутизна слишком велика даже для того, чтобы спокойно присесть. Но проводники заверяют меня, что никаких трудностей не ожидается и что большая часть обратного путешествия будет проходить по иному пути – по той нескончаемой ровной поверхности, которая столь изумила меня вчера, – где почти сплошь мягкий песок и совсем мало камней. Он называется *хасири* (глиссада), и мы будем спускаться бегом!..

Совершенно неожиданно семейство полевых мышей разбегается в панике в разные стороны из-под моих ног, и горики, идущий следом за мной, ловит одну и дает мне ее. Какое-то мгновение я держу в руке эту маленькую трепещущую жизнь, чтобы получше ее рассмотреть, а затем вновь отпускаю на волю. У этих маленьких созданий очень длинные бледные носы. Как они вообще могут жить в этой безводной пустоши и на такой высоте, особенно в снежную пору? Ибо мы сейчас находимся на высоте более чем одиннадцать тысяч футов! Горики говорит, что эти мыши находят корешки, растущие под камнями...

Еще ошеломительней и круче – для меня, во всяком случае, – восхождение иногда на всех четырех. Есть препятствия, которые мы преодолеваем, пользуясь лестницами. Есть вселяющие трепет места с буддийскими названиями, такие как *Сай-но-Кавара*, или сухое русло реки душ, – черная пустошь, усеянная кучами камней, подобными тем каменным кучкам, которые на буддистских картинках подземного мира складываются призраками детей...

Двенадцать тысяч футов с гаком – вершина! Время 8:20 утра...

Каменные домики, синтоистский храм с тории; ледяной колодец, называемый Златой источник; каменная табличка с китайским стихотворением и рисунком тигра; грубые стены из лавовых плит вокруг всего этого – возможно, для защиты от ветра. Далее огромный мертвый кратер – вероятно, от четверти до полумили шириной, но выположенный примерно на триста или четыреста футов от края вулканическими обломками – котловина, ужасная даже видом своих бурых обрушающихся стен, опаленных жаром огнедышащих недр, которым стены прокалены до всевозможных оттенков. Я замечаю, что тропа из сандалий заканчивается *внутри* кратера. Несколько ужасных нависающих останцов черной лавы – подобно неровным краям гигантского рубца – выдаются по обе стороны на несколько сот футов выше края провала – жаром, но, несомненно, я не дам себе труда взбираться на них. Однако они, видимые сквозь туманную дымку за сотни миль отсюда, сквозь нежную иллюзию окрашенной в голубые тона весенней погоды, кажутся раскрывающимися снежными лепестками бутона священного лотоса! Никакое иное место во всем этом мире не может быть более жутким, более гнетуще-угрюмым, чем покрытая вулканическим пеплом вершина этого лотоса, когда вы стоите на ней.

Но открывающийся вид – на сотню лиг вокруг, – и свет далекого бледного призрачного мира, и волшебные утренние туманы, и чудесные клубящиеся облака – все это, и только это утешает меня за все мои труды, тяготы и мучения... Другие паломники, начавшие восхождение раньше нас, взобравшись на высочайший останец и обратившись лицом на необъятный Восток, хлопают в ладоши в синтоистской молитве, приветствуя могучий день... Беспредельная поэтичность этого момента наполняет всего меня трепетом. Я знаю, что бескрайний вид передо мной превратился уже в неизгладимое воспоминание – воспоминание, ни одна яркая деталь которого не сможет стереться из памяти до того самого часа, когда сама мысль должна будет стереться и праху этих глаз должно будет смешаться с прахом несметных миллионов глаз, так же смотревших в бесчисленных веках, минувших задолго до моего рождения, на восходящее солнце с высочайшей вершины Фудзи.